

Н.Е. Сулименко

**ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ.
АСПЕКТЫ ЛЕКСИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТА**

(из опыта работы с магистрантами)

Саратов
2017

УДК 81
ББК 80.9

Сулименко Н.Е.

Лингвистическое образование. Аспекты лексического исследования текста (из опыта работы с магистрантами) / Н.Е. Сулименко. — Саратов: Издательство «Вузовское образование», 2017. — (Высшее образование). — 314 с. — Док. опубл. не был. — Доступ с сайта ЭБС IPRbooks.

В учебном пособии отражён опыт проведения занятий с магистрантами по профилю «Лингвистическое образование»: на 1 курсе магистратуры оно связано с именем С.Г. Ильенко и посвящено синтаксическим аспектам смыслообразования текста; на 2 курсе предметом нашего внимания стали лексические его аспекты во всём их многообразии (системно-структурные, когнитивные, лингвострановедческие, синергетические и др.).

Пособие предназначено для студентов и преподавателей, занимающихся проблемами филологического анализа текста, в частности, его лексическими аспектами во всём их многообразии.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Размышляя о содержании слова.....	4
2. О содержании слова и способах его бытия.....	12
3. Смыслопорождение на пересечениях языка и речи.....	37
4. Понятие структуры текста и его композиционно-лексический уровень	43
5. Словарь как вторичный текст и проблемы взаимодействия научных парадигм в современной лингвистике.....	46
6. Основные познавательные модели текста по данным изучения лексической семантики.....	56
6.1. О лингвокультурологическом аспекте анализа лексической семантики.....	57
6.2. Лингвокогнитивные аспекты лексической семантики текста.....	67
6.3. О некоторых спорных положениях когнитивной лингвистики	104
6.4. В поисках новой синкреты: стык когнитивистики и синергетики в истолковании текстового слова	128
6.5. Эстетическая познавательная модель по итогам изучения лексической семантики.....	153
6.6. Мифологическая познавательная модель и её мифопоэтическое преломление в художественном дискурсе	158
6.7. Лингвострановедческая познавательная модель и лексическая семантика текста	160
7. Семантические основы текстового слова	176
8. Лингвистическая теория и проблемы становления лексической семантики текста в онтогенезе.....	218
9. Методика анализа лексической семантики текста в свете инновационных концепций языка	258
10. Полиситуативность и полидискурсивность текста по их лексическим проявлениям.....	290
11. Дискурс лжи и смежные дискурсивные практики: лексический аспект ...	296
12. Стратегический подход к лексическому структурированию текста	308

1. РАЗМЫШЛЯЯ О СОДЕРЖАНИИ СЛОВА

В истоках многих современных представлений о слове лежат концепции русских философов начала XX века. Достаточно привести рассуждения С.Н. Булгакова о связи языковой и внеязыковой экспликации смысла, о форме слова в её отношении к содержанию:

«Опыт как бытие действительно остаётся трансцендентен мысли, но опыт как идеи ему всецело имманентен, так что утверждается и правда имманентизма, и правда трансцендентизма» [Булгаков 2008: 181]; «всякое слово имеет звуковое тело, реально осуществляемое, т.е. произносимое или только предносящееся в идеальном образе...Тело слова есть форма, в чём бы ни запечатлевалась она, в чём бы ни реализовалась, хотя бы в жесте. Как форма слово нечто воплощённое, принадлежащее природному, материальному миру, вписанное в него, запечатлённое или запечатлеваемое в нём... Пусть это слово беззвучно, но ведь оно не беззначно. Ведь я думаю на определённом языке, а не на языке вообще. Слово моё и внутреннее не остаётся бесплотно, т.е. бесформенно, хотя и оголено от звука; при этом в моих органах могут происходить какие-то зачаточные артикуляции и в мозгу совершается ответственная работа... оно всё-таки существует в своей плоти, его идеальный образ имеется в представлении субъекта, причём наши молчаливые слова-мысли переходят в мысль, слух, монолог...мышление совершается словом, а не только им выражается...Человеческое слово есть прежде всего и по преимуществу звуковое слово, реализуемое органами речи» [Там же: 13–16].

По словам современного культуролога М. Эпштейна, «при всей противоположности слова и молчания (как способов существования концепта – *Н.С.*) они рождаются из одного интенционально-смыслового поля и в предельных случаях обратимы» [Эпштейн 2005: 204], с чем автор связывает бытийственность слова. Он говорит не только о связи языкопоклонства в России с концепциями имяславия, но и о своеобразном «смысловом вампиризме» слова: «слово выедает предмет, подменяет его собой, вытягивает жизнь из предмета» [Там же: 207]. Это его свойство делает слово надёжным орудием в процессах управления пониманием, в создании мифологизованного сознания, «идеологической «диктатуры слова», эксплуатирующей его магическую функцию.

Человек избегает говорить о святом, глубинах бытия и веры (А.С. Грибоедов, И.Ф. Тютчев, А.П. Чехов, О. Мандельштам, русские отшельники и др.). Но молчание может быть не только мистическим, но и формой замалчивания, конформизма, приспособленчества. Ср. у А. Галича:

«Все молчаливники вышли в начальники, потому что молчание – золото. Промолчи – попадёшь в первачи. Промолчи, промолчи, промолчи!».

М. Эпштейн приводит следующие аргументы в пользу взаимообратимости молчания и слова: «Но когда молчит говорящее и мыслящее существо, даже вынужденное молчание начинает восприниматься как слово... Это молчание сочетало в себе покорность властному запрету на свободное слово и одновременно сопротивление властному ожиданию рабского слова» [Там же: 218].

Опираясь на текстовую лексическую эпидигматику, автор говорит о трёх уровнях слова: святословии, смысловии и пустословии: «На верхнем уровне слово есть бытие или творчество бытия и может произноситься в молчании. На среднем уровне слово сообщает о бытии, его звучание соотносится с реальностью, сообщает факт, имеет смысл. На низшем уровне слово не содержит в себе бытия и не сообщает о бытии, оно пустое по смыслу, и хотя оно полновесно звучит, оно одновременно таит в себе немоту».

Когнитивному истолкованию подвергается не только слово и его значение, но и связи слов по лексическому значению, явления внутрисловной и межсловной деривации и парадигматики.

Эта направленность интереса лингвистов напрямую связана с прототипическим характером естественных классификаций, отличающихся от формально-логических таксономий. Прототипические эффекты возникают в кругу удалённых от прототипического значений, что справедливо по отношению и к межсловным, и к внутрисловным экспликациям концепта. Думается, что предлагаемый И.М. Кобозевой способ описания значения как набора свойств прототипического денотата имеет ограниченную объяснительную силу, ввиду действия в структуре многозначного слова принципа «семейного сходства», который не предполагает повторения в производных значениях всех признаков прототипического денотата, фиксируемого основным значением [ср.: Кобозева 2000].

При рассмотрении видов семантических связей между разными словозначениями (для совмещения традиционного и когнитивного истолкования многозначности) предлагается ввести наряду с общепринятыми терминами семантический сдвиг (сужение и расширение) и семантический перенос (метафора и метонимия) также такой, который отмечает промежуточный тип переноса – смещение (в словах типа: professor – любой человек, носящий очки – с развёрнутой прототипической частью) [Лапшина 1996: 109].

Думается, что в приводимой иллюстрации, отражающей особенности разговорной речи даже носителей литературного языка, выступает одно из

проявлений метафорического переноса, и такого рода словоупотребления не нуждаются в особом терминовании.

Мысль о связи лексического и грамматического в слове подтверждается исследованием когнитивных стратегий и тактик при переходе от одного значения слова к другому. Так, общей для глаголов и прилагательных как признаков слов оказывается специализация и вообще мена ключевых слов в процессах семантической деривации, в создании парадигмы разнотипных лексических значений. Эти трансформации ключевых существительных выступают способами актуализации, выделения единиц того или иного денотативного класса, тех или иных концептуальных признаков, свойственных признаковым словам, сигналами перенесения на них фокуса внимания.

При когнитивном истолковании семантики признаков слов, включая и имена прилагательные как слова многозначные [Сулименко 2008], обязательен учёт различных типов и способов мышления (перцептивного, предметно-практического, эстетического, рационально-логического и др.), проецируемых в семантику многозначного слова и связанных с различными дискурсивными практиками. Термин же десемантизация, широко принятый в лингвистике для случаев типа «прийти в отчаяние» смешивает, как кажется, разные типы языковой семантики (лексической и грамматической), с одной стороны, и игнорирует наличие на лексическом уровне типа фразеологически связанного значения – с другой. В связи с этим более оправданным представляется термин «пересемантизация», также имеющий хождение в специальной литературе.

Один из спорных моментов в когнитивистике, связанных с многомерностью концепта как единицы ментального пространства человека, его картины мира, – классификация концептов и основания такой классификации. Так, представляется не вполне корректным деление по признаку «акцентирования ценностного элемента плана содержания» [Плотникова 2006: 49] концептов на когнитивные и лингвокультурологические (В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин).

Во-первых, потому, что вторые отнюдь не исключают первых, а во-вторых, потому, что любые концепты обладают национальной спецификой и отражают ценностную картину мира этноса, его культуры и субкультур.

К числу лингвоспецифичных особенностей концепта относятся такие, как: постоянство существования с развёртыванием внутренней формы до логического предела – символа или мифа; художественная образность (видимо, потому, что ВФ сохраняет исконные смыслы единиц и связанных с ними образов, формализует интуитивные знания, а корень остаётся базой всей словообразовательной модели); общеобязательность для представителей данной культуры, воплощающей народную ментальность.

Для понимания сущности содержания слова большое значение имеют концепции, связанные с «философией тела». Так, они подчёркивают факт «мышления в движениях» и несводимость мышления и концепта лишь к вербальным формам выражения:

«В танце человек выходит за границы своей индивидуальности, открывает мир свободы, выражая собственную бесконечность, вероятно, поэтому танец обычно использовался как посредник между смертными и богами в ритуальной практике» [Луговая 1992: 191].

При этом свобода, как и у С.Н. Булгакова, рассматривается как онтологическое, конституирующее свойство человека, основа его «Я» как точки сборки свободы и ответственности. С названным свойством связывается начало дискурса о постчеловечности: антропоцентризм, техноцентризм и теоцентризм замещаются антропокосмизмом с его апелляцией к полноте бытия: «антропокосмизм вписывает человека в гармоничную целостность бытия» [Тульчинский 2006: 276, 261], утверждая добытийность и сверхбытийность свободы личности как её ядерного элемента.

Интегральные концепции языка и слова как основной его единицы, связанные с представлением о единстве психической сферы человека, разных сторон его субъективности (это учитывает и когнитивный подход к языку и его единицам) предполагают учёт не только междисциплинарных связей слова, единства разных видов информации, в нём отражаемое (кстати, поэтому единственной возможностью «перевода» продуктов других знаковых систем на универсальный код выступает естественный язык), но и внимание к процессам категоризации и концептуализации на межуровневой основе в самой системе языка, к многообразию аспектов лексического анализа, выступающих проявлением разных сторон человеческого я, различных форм деятельности человека, его дискурсивных практик. Стало ясно, что семантика лексических единиц может быть достаточно достоверно интерпретирована только при условии учёта процессов, происходящих на ментальном уровне, влияния различных когнитивных операций при её формировании.

Сложность когнитивной системы, неравномерность развития отдельных её частей в культуре, социуме и в индивидуальном бытии, разная скорость изменения частей сложной неравновесной самоорганизующейся системы обуславливает необходимость включения «в сферу когнитивных интересов временного измерения концепта», поскольку «концепт принципиально динамичен» [Бронник 2009: 17]. На введении этого динамического параметра в исследование сущности концепта настаивают современные лингвисты. Ср. у Н.Л. Шубиной вполне синергетическое рассуждение: «Известно, что активное приспособление языка как адаптивной системы к условиям коммуникативной

среды и ситуации, в которых он функционирует, обеспечивает его изменчивость при сохранении организованности» [Шубина 2009: 56].

С понятием дискурса в его синкретичном, когнитивно-коммуникативном истолковании, с понятием дискурсивной семантики, отвечающим общенаучной тенденции укрупнения исследовательского объекта, можно связать и тот уровень языка, который О.Л. Каменская назвала (в отличие от текста и совокупности текстов) «область текста». Автор соотносит его с определённой когнитивной областью, «уровнем знания», – «отраслью знаний» (в её отличии от совокупного знания о мире, фрагмента знания и т. д.) [Каменская 1990: 51].

Оба выделенных термина имеют прямое отношение и к виду дискурсивных практик, ориентированных на определённые нормы словоупотребления («область текста»), и – соответственно – к виду знания («отрасль знания»), реализуемого в данном типе дискурса со свойственной ему дискурсивной семантикой (ср. медицинский, экономический, религиозный, философский и т. д. дискурс), то есть к ключевым понятиям дискурсологии.

Изучению дискурса посвящено множество исследований, авторы которых трактуют это явление с различных позиций, поэтому в лингвистических теориях понятие «дискурс» к концу XX века стало шире понятия язык. Определение дискурса можно встретить в работах философов, политологов, социологов. Ввиду размытости содержания строгая дефиниция термина «дискурс» отсутствует.

Термин «дискурс» прошел сложную историю развития в западноевропейской школе лингвистики. Его содержание изменялось в соответствии с узколингвистическим пониманием дискурса как текстовой единицы разговорного и письменного языка либо с расширенным толкованием дискурса в качестве всеобъемлющей социальной категории.

История развития этого понятия показывает, что приоритет в изучении дискурса принадлежит французской школе лингвистики [М. Фуко, П. Серию, Э. Бенвенист]. В России исследованиям дискурса предшествовало учение о функциональных стилях – функциональная стилистика. Изучение речеведческого аспекта языка в лингвистике сближает теорию дискурса с функциональной стилистикой, с прагматикой и теорией речевых актов, в частности. Дискурсивная семантика не может не учитывать такие явления мотивационного уровня языковой личности, как интенциональность, иллюквативность, перформативность и др.

Определяя дискурс, учёные выделяют в качестве ведущих разные его характеристики: В.И. Карасик отмечает ценностные признаки дискурса и его (дискурса) место в культуре; Г.Г. Слышкин объявляет дискурс объектом исследования культуры. Понятие дискурса как возможного мира в когнитивном

плане соотносится с понятием концепта: и то, и другое допускает лексическую экспликацию концептуальных признаков, разнящихся от дискурса к дискурсу.

Между тем остаётся нерешённой проблема аксиологической составляющей концепта (как со стороны содержательного её наполнения, так и отношения к другим составляющим концепта). Видимо, учитывая сигнификативную природу всех компонентов лексического значения слова (а это, напомним, редуцированный концепт), Ю.С. Степанов выделяет в нём и десигнат, обращённый к рационально-логической части лексического значения, к понятию. Известно, однако, что в современных исследованиях содержания слова называется и такая его часть, как прототипический денотат, то есть типовой образ, ассоциируемый со словом. В когнитивистике это одна из содержательных форм концепта, а в семасиологии статус образного компонента не вполне ясен: то ли это область коннотаций, то есть аксиологии; то ли область денотации. Очевидно, всё дело в том, что нельзя рассматривать многие лексические явления вне когнитивного их истолкования. Видимо, когда В.В. Колесов называет символ синкретичной, «наиболее продвинутой» содержательной формой концепта, он имеет в виду совмещение в слове как знаке образной и понятийной характеристик, что и создаёт «продвинутость» лексической объективации концепта с помощью языка. Следовательно, эту символическую, понимаемую как знаковая функцию слова нельзя подменять его ценностными характеристиками. Сказанное относится и к содержательным формам концепта, который стоит за словом и объективируется с его помощью. Семантическое согласование слов, которое было обозначено как закон в синтагматике (работы В.Г. Гака), «законы сочетания словесных значений» (В.В. Виноградов) тоже имеют когнитивное обоснование: в словосочетании должны обнаруживаться общие концептуальные признаки партнёров несмотря на то, что они могут входить в разные семантические поля, вплоть до межчастеречных, зацепляться друг за друга по своим отнюдь не ядерным компонентам смысла.

Например, определения очень избирательны в том, какие слова они принимают, допускают в качестве определяемых (у прилагательных это могут быть эталонные носители признака – отсюда их использование в сравнениях – типа белый, как снег, молоко, мел, а могут быть субстантивы совершенно иных семантических полей, весьма далёких от носителей прототипических, цветовых признаков: белый свет, день, половина (в избе), кожа, раса, гвардия и т.п.). Как видим, семантическое согласование выступает как проявление концептуального согласования по одному или нескольким когнитивным признакам. С ролью основного, свободно-номинативного значения слова как номинации прототипической ситуации, как основы когнитивной схемы, как того

вместилища, из которого вычерпываются различные концептуальные признаки; как донора концептуальных признаков для производных значений, как области-источника для метафоры-цели связано и его словарное описание: указание на разные виды расчленённости значения, типовые образные применения, семное речевое варьирование и т.д. Таким образом, радиус действия основного типа значения как репрезентанта прототипической ситуации оказывается чрезвычайно широки охватывает не только структуру многозначного слова, но и всю лексическую систему с различными её группировками по совокупности парадигматических, синтагматических и ассоциативно-деривационных признаков. При этом межчастеречные отношения слов согласуются с двумя основными законами когнитивной, речемыслительной деятельности: выбор предмета для его номинации и приписывание ему тех или иных признаков (предикация). С этими двумя процессами соотносятся и важнейшие типы ментальных репрезентаций и два основных процесса, определяемые в системно-структурной парадигме как отбор и сочетание языковых единиц. Антиномия текста и кода также говорит о пропозиции как ведущей ментальной репрезентации, получающей явную или скрытую языковую объективацию (в предложении-высказывании, в словосочетании, в слове). Не случайно в лингвистике утвердилась мысль, что синтаксическая объективация смысла предшествует лексической, а глубинная семантика проявляется в содержании единиц разных уровней. Концепт и ассоциируется с явлениями глубинной семантики. По словам Е.С. Кубряковой, внутренний лексикон – это «действующая система, в которой каждая единица «записана» с инструкцией её использования, с данными о её оперативных возможностях, притом по всем мыслимым линиям её употребления – прагматическим, семантическим, чисто формальным» [Кубрякова 2004: 76]. Для лексиколога особенно важно указание на наличие во внутреннем лексиконе инструкции по использованию слова, его оперативных возможностей. Это тот фильтр, который объясняют возможности и направления употребления слова в разных видах дискурсивных практик, в разных стилях и жанрах речи. Они лишь в самом общем виде указаны в лексикографическом представлении слова.

Существуют попытки отграничить речевой акт как коммуникативное образование от дискурсивного акта с конкретизацией его когнитивных параметров. Дискурсивный акт объявляется ареной встречи когнитивного и синергетического. При этом глубинные процессы дискурса обуславливают значимость для дискурсивной семантики процесса самоорганизации (а это ведущее понятие синергетики). Он вполне соотносится с принципом кооперативного сотрудничества как ведущим в коммуникации, во многом имеющим когнитивную основу.

По словам Э. Фромма, функция разума и состоит в том, чтобы служить искусству жить. Иначе говоря, различные дискурсивные практики словоупотребления служат общей цели жизнестроительства. Мысль В.Н. Топорова «о биологических истоках культурных феноменов» обретает жизнестроительную направленность: образ пространства осмысливается как одна из основных форм бытия – движения материи [Топоров 1997: 670].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бронник Л.В. Природа концепта: «ментализм – дуализм – физикализм» или новый взгляд на проблему? // Вопросы когнитивной лингвистики, 2009, №1).
2. Булгаков С.Н. Философия имени. СПб, – 2008.
3. Каменская О.Л. Текст и коммуникация. М., 1990.
4. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М., 2000.
5. Кубрякова Е.С. Язык и знание. М., 2004.
6. Лапшина М.Н. Семантическая деривация в когнитивном аспекте (на материале английского языка): Дис. ... д-ра филол. наук. – СПб, 1996.
7. Луговая Е.К. Сознание «живого тела»: мышление в движении. // Язык и текст: онтология и рефлексия. – СПб., 1992.
8. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. – М., 2004.
9. Сулименко Н.Е. Современный русский язык: к изучению семантики имён прилагательных. – СПб., 2008.
10. Топоров В.Н. Пространство и текст. Из работ московского семиотического круга – М., 1997.
11. Тульчинский Г.Л. Тело свободы. // М. Эпштейн. Философия тела. Г. Тульчинский. Тело свободы. – СПб, 2006.
12. Шубина Н.Л. Речевое поведение автора в современном научном тексте // Языковая картина мира. Лексика. Текст. – СПб, 2009.
13. Эпштейн М. Слово и молчание в русской культуре // Звезда, 2005, №10.

2. О СОДЕРЖАНИИ СЛОВА И СПОСОБАХ ЕГО БЫТИЯ

Тезис Л.С. Выготского о том, что «мысль не выражается, но совершается в слове», получает новое истолкование в свете когнитивной парадигмы языкового знания. Так, по мнению В.М. Павлова, «выражение» и «совершение» мысли «в слове» совместимы, поскольку язык как орган мысли совершает мысль, а готовая мысль «выражается» и её глубинное содержание воплощено в идиоэтническом содержании её конкретно-языковых форм, «выражено» в них [Павлов 2007: 147]. Не случайно П.А. Флоренский уподоблял слово «свившемуся в комок предложению, а предложение – свободно распустившемуся слову» [Флоренский 1989: 127]. Изосемичность разных единиц языка (предложение выступает как сфера инобытия слова) проявляется в лексикографическом преломлении содержания слова в левой и правой частях словарной статьи, за которыми стоит общее концептуальное начало. Понятие «концепт» оказалось востребованным прежде всего ввиду поисков целостности ментального пространства языковой личности.

Психолингвистическое обоснование содержанию слова даёт уже А.М. Пешковский, различая «слово-член», связанный с «отдельным психофизиологическим актом членения речи», и «слово – тип» как «ассоциативную группу представлений, обособившихся в уме говорящего в результате этого членения» [Пешковский: 1925]. Своеобразным продолжением этой мысли служит высказывание одного из современных когнитологов: «В то же время – и в этом основное – их (личностные концепты – *Н.С.*) следует не противопоставлять значению как социально выработанному явлению, а рассматривать как модификации, «преломления» этого системного значения в сознании носителей языка. «Психическое» и «социальное» в языке не тождественны..., но и не отделены друг от друга непреодолимой пропастью...» [Руденко 1987: 29]. Думается, что эта связь мотивирована ведущей ролью в процессах концептуализации чувственного образа, который способны вызывать и названия, имена вещей. Цитируемый выше автор ссылается на развиваемое Ю.С. Степановым и А.А. Уфимцевой «понимание денотата как типового представления о целостном предмете того или иного класса, предполагающего возможность воспроизведения данного предмета по какому-либо чувственно воспринимаемому признаку (например, по форме)» [Там же: 30]. Однако Ш. Балли отмечал: «Извечное несовершенство человеческого разума проявляется также и в том, что человек всегда стремится одухотворить то, что его окружает. Он не может представить себе, что природа мертва и бездушна; его воображение постоянно наделяет жизнью неодушевлённые предметы, но это ещё не всё: человек постоянно приписывает всем предметам внешнего мира

черты и стремления, свойственные его личности» [Балли 2001: 221]. В свете антропоцентрических представлений это вряд ли следует рассматривать как проявление «извечного» несовершенства человеческого разума. Ведь именно Ш. Балли писал о единстве диктума и модуса, которое получает своё подтверждение в когнитивных исследованиях. Скорее, это отражение нормы человеческого мышления, в обязательном порядке включающего чувственную привязку, сенсориум, связанный с человеческими потребностями ориентации в мире и адаптации к универсуму. Миф и метафора лежат в истоках человеческого мышления и культуры, отсюда, в частности, такой значительный интерес к когнитивным функциям метафоры, включая антропоморфную, в наши дни. Видимо, следует признать достоинством человека, отражаемым в его языке, быть мерой всех вещей и по своей мерке определять значимость элементов окружающей среды. О связи сенсориума и интеллекта в сознании человека пишут и биологи: «Это объясняется физиологией: в нашем мозге за интеллектуальные процессы (осознание, понимание, формирование мыслей и долговременной памяти и т.д.) отвечает так называемая подсистема Б), которая не связана напрямую с внешним миром, а всю информацию из него получает через подсистему А (наше подсознание: мотивы, инстинкты, образы, чувства). То есть к голосу рассудка, не подкреплённого эмоцией, мы все глухи, и только на уровне желаний и эмоций можем заставить себя делать что-либо... Не привязанная ни к чему информация быстро стирается, и не стоит искусственно мешать этому, например, постоянно разгадывая кроссворды, – надёрганные из них обрывки ненужных сведений только засоряют мозг, а не тренируют его. То же самое относится к так называемым интеллектуальным играм...» (Евг. Умрихин, руководитель лаборатории системных механизмов адаптации человека НИИ нормальной физиологии им. П.К. Анохина РАМН, доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент РАМН – *Н.С.*) [Умрихин 2009: 6].

По существу о диалектике концепта и слова, о явлении интерпретации писал А.Ф. Лосев, используя такие термины, как «ноэма, идея, меон»: «В ноэме должна быть арена встречи адекватного понимания с адекватно понимаемым. Назовём эту арену полного формулирования смысла в слове идеей, считая, что это слой – дальнейший за семемой вообще... и за самой ноэмой» [Лосев 1990: 41]. Как видим, автор учитывает и рациональные, и иррациональные моменты, определяющие содержание концепта, стоящего за словом, и влияющие на его значение, поскольку в последнем концепт редуцируется до конвенционального смысла.

Кроме того, ментальное пространство ЯЛ, вбирающее в себя совокупность смыслов, передаваемых и единицами лексического уровня языка, постоянно

взаимодействует со средой культуры как системой высшего порядка. Любые концепты хотя бы поэтому обладают национальной спецификой и отражают ценностную картину мира этноса, его культуры и субкультур. Ср. у Т.А. Фесенко: «концепт – это фрагмент этнокультурной среды в ментальном мире человека» [Фесенко 1999: 344].

Связь когнитивистики и лингвокультурологии, когнитивного и лингвокультурологического анализа слова объясняется тем, что в сознании осуществляется взаимодействие языка и культуры.

Отечественные культурологи, отстаивая идею национально-культурной государственности, используют термины «национальные иллюзии, грёзы, социальные сказки», утверждая тем самым особую значимость картины мира того или иного этноса и его субкультур в осмыслении мира. Так, по мнению А. Мелихова, человеку свойственно чувство причастности к чему-то могущественному и бессмертному: «ведь даже ведя борьбу за какие-то материальные выгоды, человек всегда борется ещё и за своё достоинство, как он его понимает, за воодушевляющий образ мира и красивый образ себя в этом мире». Думается, что основное доступное ему средство утверждения национального достоинства и приобщения к бессмертию – это национальный язык государства, к которому принадлежит человек. Ср. далее: «всякое общественное движение должно наделять своих адептов чувством принадлежности к избранному кругу, и я не вижу, почему регионалистская утопия должна сделать исключение из этого правила... Пока регионализм не сумеет дать ответ на эти вопросы, национальные государства будут оставаться вне конкуренции» [Мелихов 2007: 180-181]. С надеждой на обретение этими государствами спокойствия за своё достоинство и достояние автор связывает гарантии национальной терпимости «сильных». В аспекте проблемы глобализации вопросы глобального, универсального и этноспецифического получают свою трактовку: «Только уникальное глобально... Массовая культура в условиях глобализации и постинформационного общества предполагает ясное и внятное самоопределение, осознание содержания и возможностей собственной уникальности» [Тульчинский 2007: 135]. Проблема универсального решается современными культурологами и в аспекте проблемы мультикультуризма. Так, говоря об ограниченности возможностей одной культуры, М. Эпштейн замечает: «Универсальное – это свойство предмета, оставаясь актуально одним, быть потенциально многим... без попытки совмещения с другой добродетелью, своей парой, любая добродетель переходит в порок... расточительность – это щедрость без бережливости, скупость – это бережливость без необходимости». Ему вторит А. Уланов: «Соответственно

индивидуально ставит себя вне универсального тот, в ком нет «согласия на мирное разногласие [Уланов 2005: 214–215].

В литературе по когнитивной проблематике речь постоянно идёт (что естественно) о культурных концептах (Ю.С. Степанов), Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров тоже не случайно выступили с учением о логоэпистеме, Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелёв также говорят об универсалиях лишь применительно к философским концептам, а традиционной нормой для оценки «богатства» в русской культуре признаётся бескорыстие, отсутствие мелочности, широта, размах. Н.Ф. Алефиренко отмечает корреляцию типов концепта с типами дискурсов в той или иной культуре.

Методика концептуального анализа, помещение концептологии в лингвокультурный контекст, с акцентированием национальной специфики ментальности этноса позволяют при изучении концептов использовать приёмы собственно лингвистического анализа с последующей когнитивной интерпретацией его результатов. Такая возможность связана с рассмотрением языковой картины мира как части концептуальной картины мира: «Языковая картина мира – важная составная часть общей концептуальной картины мира», она «опосредована языковыми знаками, знанием языка, его единиц и правил и, главное, содержанием его форм» [Кубрякова 1991: 139, 144]. Следовательно, концепт как единица картины мира (и языковой в том числе) всегда имеет для лингвиста культурологическую и прежде всего этноспецифическую обусловленность.

Концептуальный анализ в этих ориентациях целесообразно, вслед за Е.С. Кубряковой, рассматривать «как поиск тех общих компонентов, которые подведены под один знак и определяют бытие знака как известной когнитивной структуры» [Кубрякова 1997: 88].

Соотнесённость актуальных и неактуальных концептов увязывается с наличием/отсутствием регулярных в языке средств их лексической и грамматической объективации. Рассуждая о национально – культурной обусловленности любого типа лексического значения, В.В. Виноградов усматривал в нём своеобразие форм и смысловых оттенков национального творчества данного народа при обращении к общечеловеческому, понятийному, логическому содержанию. Это своеобразие семантики разнотипных значений, как и смысловой структуры слова в целом, служит отражением национально-специфической природы концепта и его слоёв, стоящих за словом того или иного языка, поскольку лексическое значение передаёт лишь содержательный минимум концепта, то есть лишь конвенциональный фрагмент национального опыта, закреплённого в данной культуре. Поэтому часто встречаемое в работах дидактического плана противопоставление лингвистического и

культурологического аспектов слова выглядит некорректным, ибо в свете антропного подхода невозможно говорить о лингвистике вне её связи с культурологией. Сам термин лингвокультурология, как и его коррелят лингвокультура (русская, немецкая, французская), свидетельствует о нерасчленённости понятий, выражаемых первой и второй частью сложного слова. По существу речь идёт о лингвистической (прежде всего лексической) маркированности элементов культуры, значимых для этноса (ср., например, название одной из книг А. Вежбицкой – «Изучение культуры посредством анализа ключевых слов» и её мысль о детальной лексической разработке концептов, значимых для той или иной культуры). Особенно часто лингвокультурологический аспект слова игнорируется в описании типов лексических лакун, обнаруживая стремление авторов остаться в рамках системоцентризма, изучения языка «в себе и для себя».

Поэтому неправомерно помещать соответствующие номинации, передающие логические отношения перекрещивания, в однородные ряды с указанием на соединительные или разделительные отношения между их членами: лингвистический и культурологический уровень, лингвистический или культурологический уровень. Уровень национально-культурной обусловленности языковых явлений (ср., например, взгляды В. фон Гумбольдта) позволяет снять дихотомию язык/ речь в связи с вхождением системы в среду своего бытования – культуру как систему более высокого порядка. С языковым сознанием связана его национально-культурная специфика, выступающая в особенностях ментальности. С.Г. Воркачëв определяет ментальность как набор специфических когнитивных, эмоциональных и поведенческих стереотипов [Воркачëв: 2004]. Последнее, естественно, предполагает и отсылку к речевому поведению, речевому этикету, принятому в той или иной национальной культуре.

Анна Зализняк, наблюдая за языковой многозначностью, задаётся резонным вопросом: может ли цениться ум, сфера рационального в русской языковой картине мира, для которой фатализм и взаимная независимость причин и следствий признаются базовыми для русской ментальности свойствами (ср. позитивную оценку слова изумительный и излюбленный фольклорный образ Иванушки – дурачка). С другой стороны, можно ли считать универсальным концепт, ограниченный рамками пусть и достаточно представительной, но всё же локальной европейской культуры (например, концепт «совесть») [Зализняк 2006: 285]. Вместе с тем, в указанной работе содержатся интересные рассуждения о критериях выделения ключевых концептов культуры на базе их межуровневой языковой экспликации: повторяемость одной и той же идеи в значениях разных слов, выражений,

синтаксических конструкций, словообразовательных моделей; связанная с этой специфичностью трудность перевода на иностранные языки. К таким «словам-концептам» (термин не безупречный с точки зрения аспектов анализа слова) автор относит не только известные слова заодно, обида, собираться, погрёк, но и глагольные конструкции типа повезло, пришлось, удалось и др. Тип синтаксически обусловленного значения связан с выражением существительным пропозитивной семантики. «Пропозитивным» автор вслед за Н.Д. Арутюновой называет любое значение, производное от предложения. Пропозиция как одна из ментальных репрезентаций обнаруживается не только в известных примерах типа загляденье, объяденье, но и других (производное значение слова разврат). На уровне лексико-синтаксической координации (термин С.Г. Ильенко) получает когнитивное обоснование тип синтаксически обусловленного лексического значения в русском языке, реализуемый в безличных конструкциях (типа коробит, трясёт и др.). Отмечены и разные типы синтаксической обусловленности для разных значений слова (например, бояться за... и что, чтобы), а также роль фразового ударения как средства, маркирующего фокус восприятия при дифференциации энантиосемичных значений (мимо). Справедливо и указание на то, что при наличии специфических концептуальных признаков, их своеобразной конфигурации все слова того или иного языка оказываются национально-специфичными. (Ср. сочувственное цитирование А. Вежбицкой: «наличие в языке некоторого слова связано с наличием в культуре ключевых концептов, и, более того, значимых для той или иной культуры»). [Там же: 208]. Подобная лингвоспецифичность связана с идиоматичностью слова, несводимостью его значения к сумме составляющих слово частей, с наличием неявных смыслов и особенностями его взаимодействия со средой, разной для разных культур. Лингвокогнитивную интерпретацию в контексте определённой культуры приобретают и другие типы лексических значений, а также их различное понимание в русистике. Это относится прежде всего к истолкованию типа фразеологически связанного значения. Начать нужно с того, что сама проблема типологии лексических значений выступает как исследовательский концепт, представленный в отечественном языкознании и связанный с именем академика В.В. Виноградова. Уместно вспомнить давнее замечание А.А. Уфимцевой о том, что разработкой смысловой стороны слова лингвистика всецело обязана отечественной науке. Даже те особенности названного выше типа лексического значения, которые получили расширительное толкование в концепции её создателя, до сих пор обсуждаются в лингвокогнитивистике. Так, рассматривая участие глаголов движения в описании внутреннего состояния человека, Анна Зализняк отмечает двоякий способ такого участия: «С одной стороны, они входят в состав более

или менее фразеологически связанных значений, представляющих события и состояния ментальной сферы при помощи метафоры перемещения некоторой абстрактной сущности ментальной природы: мысль пришла в голову, прийти к мнению, заключению, впасть в заблуждение, погрузиться в раздумье, взять в толк, принять к сведению, во внимание, довести до чьего-либо сведения, сознания» [А. Зализняк 2006: 67].

Нетрудно видеть, что уже в приведённых примерах представлены как собственно фразеологизмы (при узком подходе к фразеологии), так и глаголы фразеологически связанного значения как типа лексического значения. Уже говорилось, что этот взгляд отмечает специфическое понимание В.В. Виноградовым термина «фразеологический» как «фразовый», в результате его учения о фразеологических формах слова (ср. утвердившийся в лингвистике иной термин – ЛСВ) и рассмотрения соответствующего типа значения и аналогичного материала одновременно в рамках его лексикологической и фразеологической концепции.

В то же время указание А. Зализняк на градуальность фразеологической связанности значения (маркёры «более или менее») свидетельствует в пользу онтологической недискретности лексической семантики, единства лексико-фразеологической системы языка. С другой стороны, это свидетельство и в пользу необходимости терминологически дифференцировать разные виды связанности лексического значения при выделении их типов (например, говорить о лексически связанных значениях как промежуточном типе между свободно – номинативными и фразеологически связанными).

Это тем более справедливо для научного метаязыка описания: «не исключено, что не только словарное толкование, но и само частное значение – это элемент метаязыка описания, и только его» [Там же: 44]. С другой стороны, автор замечает, что глаголы движения «могут иметь собственное переносное значение, соотносимое с ментальной сферой» [Там же: 67]. Правда, она указывает на отсутствие жёсткой границы между этими двумя классами, поскольку «переносные значения возникают именно из таких фразеологически связанных значений, распространяемых за пределы вызвавших их к жизни контекстов» [Там же]. Тогда непонятно, почему не включаются в рассмотрение выражения типа «дойти до сути» при включении в анализ выражения «до меня дошло» при однотипности семантики содержащихся в них глаголов.

Поскольку с формированием новых объяснительных теорий слова связаны и междисциплинарные знания, в культурологический контекст попадают и такие лексические явления, как семантическая деривация, связанная с идеей блуждания системы по полю возможностей в поисках аттрактора своего дальнейшего развития. Ср. в упоминавшейся книге Анны Зализняк: «Знание

механизмов семантической деривации позволяет выявить возможные, допустимые с точки зрения внутренней логики языка пути семантического развития; использует ли реально язык данную возможность, предсказать нельзя» [Анна Зализняк 2006: 36]. С этой непредсказуемостью связана и возможность включения диахронических элементов в синхронное описание, и синергетическое обоснование особенностей национальной ментальности. Ср.: «в этической сфере имеет место следующая корреляция: компактность метафорически переосмысливается как космос, порядок, а рассеяние – как хаос, беспорядок. Но при переносе в интеллектуальную сферу соотношение обратное: ср. метафорическое осмысление выражений разложить всё по полочкам (внести порядок и благодаря этому ясность в понимание какой-то проблемы) и свалить всё в одну кучу (неправомерно соединить вместе факты или идеи, которые следует различать, внося тем самым в понимание проблемы беспорядок и хаос)» [Там же: 254].

Однако парадокс здесь кажущийся в связи с общей аналитичностью научного способа осмысления мира в отличие от синкретизма обыденного, наивного мышления. Следовательно, тип мышления и отражающие его дискурсивные практики носителей языка дают свои проекции в семантику языковых выражений.

Слово не забывает на пути в систему типовых контекстов своего употребления в различных типах дискурсивных практик, в которых оно получало своё содержательное наполнение. С задачами изучения среды бытования слова связано укрупнение научного объекта – переход от исследования текста к изучению дискурса и тех дискурсивных практик, которые им обслуживаются, к анализу полидискурсивности текста, особенно художественного.

Культурная среда как способ инобытия слова характеризуется определёнными культурными кодами, типовыми дискурсивными практиками, сферами и типовыми ситуациями общения, обслуживаемыми дискурсами разного типа, принятой этносом системой стилей и жанров и другими фильтрами на пути языкового выражения концептуального содержания. Культура преодолевает дихотомию концептуальных оппозиций типа мужчина-женщина, когниция – коммуникация и формирует надоппозитивные интегративные образования разного рода (гиперонимы, метафоры и т.д.).

Внимание лингвистов и философов (Л. Витгенштейн, М. Бахтин, М. Эпштейн и др.) привлекает и такой феномен инобытия слова, как значащее молчание (о некоторых его аспектах речь шла ранее).

В случае многословия слово забалтывает свой предмет, обнаруживая информационный вакуум, хаос, энтропию, видимость бытия, т.е. небытие, «и

тогда бытие заявляет о себе в образе молчания» [Эпштейн 2005: 211]. Автор говорит о двух формах молчания: молчание-покорность и молчание – таинственность. Молчание имплицитно апологию свободного слова и одновременно осуждение рабского, угодливого слова.

Многомерность концепта как инобытия слова, предполагающего также и молчание, неизречённость, отражает онтологическую сложность живой материи, способной к когнитивной деятельности в отличие от неживой, связанной с более низкими уровнями онтологии – физическим, биологическим; концепт обнаруживает несводимость свойств сложной системы к сумме свойств более простых систем.

Сложность, принципиальная нелимитируемость концепта, во многом обусловленная необходимостью его взаимодействия с меняющейся средой, отвечает и тому свойству национальной ментальности, которое Н.Д. Арутюнова остроумно назвала клаустрофобией, боязнью окончательной интерпретации, ментальной замкнутости. Концептуальный, дискурсивный и ставший уже традиционным компонентный анализ слов не исключают друг друга, если видеть общую концептуальную основу языковых, лексических, и внеязыковых явлений, включая различные виды деятельности, обслуживаемые разными типами дискурсов. Различные дискурсивные практики, различные когнитивные признаки концепта, стоящего за словом, с ними связанные, объясняют продуктивность компонентного анализа в описании лексики, его глубинные основы. Таким образом, металингвистика тоже выступает как сфера инобытия слова.

В рамках интегрального подхода к языку, поиска целостности этого человеческого установления актуальна связь когнитивистики не только с лингвокультурологией, но и с системно – структурной парадигмой научного знания, связь концептуального и семасиологического анализа слова. По словам С.Н.Булгакова, слово имеет не только форму, но и содержание, оно имеет значение, таит в себе смысл: «слово есть смысл... всякое слово означает идею, и сколько слов, столько же и идей с их бесконечными оттенками и переливами» [Булгаков 2008: 18]. По существу, речь здесь идёт о концепте, его слоях и концептуальных признаках, пусть это выражено в метафорической форме. При этом корневая морфема рассматривается как зародыш концепта: «Пока остановимся лишь на изначальном, корневом значении, от которого образуются разные гнёзда и семейства слов и грамматических употреблений. Такое рудиментарное слово – ни существительное, ни глагол – обрубок слова, его туловище, ещё не вполне оформлено, чтобы жить полной жизнью, но оно уже родилось как слово, как смысл, как значение, как идея» [Там же]. При этом речь идёт именно о внеконтекстном значении слова, фиксирующем качественную

целостность, определённости вещи: «слово присутствует как смысл, и идея его горит в своей качественности...Идея как смысл слова есть чистая качественность смысла, не терпящая, не допускающая никакого вторичного определения, выражения через другое, из контекста» [Там же: 20]. При этом идеи не отделяются от бытия непроходимой границей, а выступают как следствие осмысления, освоения этого бытия, то есть коренятся в наличном бытии: «Итак, слова, как первоэлемент мысли и речи, суть носители мысли, выражают идею как некоторое качество бытия, простое и далее неразложимое. Это самосвидетельство космоса в нашем духе, его звучание... ядро смысла слова связано именно с корнем. ...Корни существуют если не больше, то и не меньше, чем остальные части слова и речи и чем слова и предложения, ибо, конечно, части существуют несколько не меньше целого ...с корнями слов связано ядро смысла, сама идея, остающаяся неизменной во всех словах данного корня и значения... Формальные элементы всеобщии однообразны, корневые- индивидуальны и своеобразны. И смысл связан с корнем... логос есть и мысль, и слово» [Там же: 21–23]. И далее: «Так или иначе, но самостоятельное слово имеет корневое ядро, и это ядро есть, вместе с тем, и смысловое: существует первооснова слова, в которой сращение слова и смысла-идеи имеет непосредственное изначальное бытие» [Там же]. Отсюда возникшее в современной лингвистике рассмотрение многозначного слова словообразовательного гнезда как ассоциативного поля корня слова. Корень ставится в один ряд со «словесной темой» при новообразованиях [Там же: 43]. (Ср. современное понятие лексической темы в словаре и тексте как отражении фрагмента знаний о мире).

По существу на заре системной интерпретации лексики в русистике и В.В. Виноградов увязывал системные факторы обусловленности значения с факторами когнитивными. Об этом, в частности, свидетельствует раздельное употребление им терминов значение, понятие, понимание, смысл: «формирование и создание нового понятия или нового понимания предмета осуществляется на базе имеющегося языкового материала. Это понимание, воплощаясь в значение слова, становится элементом смысловой структуры данного языка в целом. Всякий раз, когда новое значение включается в лексическую систему языка, оно вступает в связь и во взаимоотношение с другими элементами сложной и разветвлённой структуры языка» [Виноградов 1977: 164]. Как видим, создание нового понятия как содержательной формы концепта – проявление лишь одной из ступеней понимания, то есть концептуализации, осмысления, наделения смыслом; важнейшей формой языковой интерпретации понятия и выступает значение слова в языке. Когнитивные основания определения словосочетания в качестве одной из

синтаксических единиц С.Г.Ильенко связывает с квалификацией его В.В.Виноградовым «как единого, но расчленённого понятия», замечая при этом: «С точки зрения логики расчленённое понятие может быть обозначено только устойчивым сочетанием (левое полушарие, Северный полюс и т.п.)» [Ильенко 2009: 69].

Термин «языковое сознание», активно использованный в своё время В.В.Виноградовым, называет явление не только семантической, но и когнитивной природы; Ю.Н. Караулов тоже говорит о языковой личности и тезаурусном уровне как одном из важнейших в её структуре; психолингвисты утверждают нерасчленённость лингвистических и внелингвистических знаний в схемах памяти человека. Но именно язык открывает доступ к языковому сознанию благодаря его реализации в речевом поведении.

Говоря об относительной изолированности и специализированности модуля, В.Б. Касевич утверждает его когнитивную самостоятельность, что, на наш взгляд, способствует различению концептуального и других видов анализа слова: «и если в составе языкового механизма обнаруживаются структуры, работающие по принципу модулей, то вряд ли естественно отказывать языку как таковому в известной когнитивной специфичности и автономности» (Там же).

Следует говорить о правомерности совмещения концептуального и компонентного анализа. О необходимости совмещения этих видов анализа с опорой на словарные дефиниции писали З.Д. Попова и И.А. Стернин, А.В. Рудакова [Рудакова 2004], А.П. Бабушкин [Бабушкин 1996: 31], В.А. Маслова [Маслова 2006: 44] и др. Ср. мнение В.Г. Гака: «Потенциальные семы могут быть реализованы в переносных значениях или оставаться как содержательная возможность, создавая смысловую глубину и смысловую перспективу слова» [Гак 1977: 15]. Отсюда и отмечаемая автором более высокая абстрактность семантических компонентов по сравнению с лексическим значением в целом.

Наблюдения, представленные в когнитивных интерпретациях лексических значений, дополняют прозрения, сложившиеся в системно-структурных квалификациях, но никак не отменяют их (ср., например, исследования семной структуры лексического значения, семных процессов, расчленения значений и следующий вывод: «При рассмотрении процессов дефокусирования применительно к лексемам можно заметить, что данные процессы в том или ином виде наблюдаются при становлении любых лексических значений» [Ирисханова 2010: 84]).

Совмещение разных видов анализа при подходе к слову не означает их отождествления. Так, концепт в силу его ориентированности на ментальную

структуру языковой личности, её тезаурусный уровень, предполагает обращение к разным типам языковой личности, включая индивидуальную, тогда как лексикосистемный анализ, в силу ориентации на принцип нормативности в языке и методику компонентного анализа с опорой на словарные дефиниции, связан прежде всего с усреднённой, «обезличенной» языковой личностью и социальными стандартами, принятыми в данной культуре, в самом общем виде определяющими условия и нормы словоупотребления как отправной момент в лингвокреативной деятельности.

Поскольку лингвистика стала частью науки о человеке, различные языковые аспекты его деятельности отразились в формировании таких ответвлений науки о языке, обращённых и к разным видам дискурсивных практик, как психолингвистика, этнолингвистика, социолингвистика, лингвокультурология и др.

Смысл концептуального анализа в его отличии от компонентного усматривается в том, что он помогает определить «статус мировоззренческих понятий в обыденном сознании» [Арутюнова 1998: 325]; «описывает и формализует интуитивные знания» [Чернейко 1995: 75]; он направлен «не на разъяснение внутренней структуры слова, а на получение информации об окружающей действительности» [Макеева 2009: 62]. Автор, вслед за Карасиком и Слышкиным, считает, что одна и та же единица может стать «входом» в различные концепты [Там же: 63], что узуальные смысловые компоненты концепта в одном языке могут проявляться окказионально в текстовом материале не только этого языка, но и других языков.

Этот вывод подчёркивает значимость различения в лексическом анализе семантических, ассоциативных и текстовых ассоциативно-семантических полей и групп. Текстовая парадигма слов, объединённых общностью семы, текстовое ассоциативно-семантическое поле может высвечивать разные признаки художественного концепта, стоящего за словом. Стихи А. Ахматовой цикла «Шиповник цветёт (из сожжённой тетради)» Л. Лосев относит к тем, «которые всегда производили на него глубокое впечатление... В этом цикле мастерство Ахматовой проявилось, в частности, в постоянном, но ненавязчивом разнообразном варьировании мотива огня: горящая тетрадь со стихами, пылающая бездна космоса, лёгкое пламя победы, костёр Дидоны и т.д».

Текстовое ассоциативно – семантическое поле может конструироваться за счёт итерации одной и той же семы в словах из разных языков, причём эта сема, являясь в них неравнозначной применительно к исходным номинациям (в одном языке это связано с ядерными слоями концепта, в другом – с более далёкими), в тексте становится ключевой, формирующей текстовую парадигму. Повторение концептуального признака выводит его на композиционный

уровень текста за счёт сюжета – и жанрообразующей роли (заглавие, дискредитирующее персонажа несоответствием значения иноязычного вкрапления, этимологии слова, его предметно-бытовому значению в русском языке и осмыслением имени собственного, содержащего эту сему, как судьбоносного знака). Подтекстовая информация создаётся и метафорическим употреблением слов и многими другими способами: «Рос он под знаком собственного имени (Герой – *Н.С.*), рос и старался соответствовать... И ведь никаких подтверждений гипотезы собственной гениальности не случилось, а уж физик-то должен был бы понимать, что гипотеза без реальных подтверждений – мертва! Даже и непонятно, каким образом удавалось так долго обманывать самого себя. Наверное, потому, что эта тема даже и не обсуждалась. Внутренне, в душе. Он – первый, он – самый, и точка. На все обсуждения – глухое табу. *Primus inter pares*. А был когда-то смешной прибор – примус. Очень шумел и не очень варил... А ведь назвали маленький шумный прибор именно в честь того древнего классического императора, *primusa*! Почему так насмеялись над римским Первым лицом – неизвестно... Пришлось содержанию гордого слова постепенно выродиться. Так же и Герою из гениев, предстоящих благодетелей человечества – в рядовые кандидаты наук...» [Чулаки 2002].

ТАСП могут быть организованы повтором одного и того же слова в разных его значениях, привлечением в заглавие слова того же гнезда для создания текстовых смыслов. Этот повтор соединяет лексикосистемную основу словоупотребления с композиционно-лексическим уровнем текста. Ср. у Г. Горбовского: «ОТПУСКНОЕ

Отпускают вожжи и грехи,
Отпускают вора из-под стражи...
Отпускаю в странники – стихи:
Пусть побродят, упорхнув с бумажек.

Отпускают в небо голубей;
отпускают реплики хмельные:
отпустил – и сделалось хмельней,
И пружины лязгнули стальные!

Отпускают пулю из ствола,
отпускает муж жену на волю.
Отпускаю муху со стола:
Пусть летит и постигает долю...» [Горбовский 2007].

Опорой в передаче авторской концепции становятся культурный концепт «свобода»; различные слои концепта и его когнитивные признаки выступают также и в сочетаемости глаголов, организующих те или иные пропозиции, и в переосмыслении заглавного слова, актуализации его внутренней формы.

Со спецификой передаваемой информации, как отмечено в исследовании М.Н. Приёмшевой, связан выбор кода, идеографическая классификация лексики тайных, условных языков: практическое отсутствие в арсенале их лексических минимумов номинаций гиперконцептов, родовых обозначений, абстрактной лексики эмоциональной, гражданской, моральной сфер, а также многообразие видовых наименований. Создаются уникальные для тайного языка семантические поля с детальной лексической разработкой актуальных для носителей языка смыслов (ср. в воровском языке: музыка, блатная музыка, музыкант, феня, байковый язык).

Необходимо объединение методики концептуального и семасиологического анализа для увеличения объяснительной силы привлекаемых концепций, имеющих разную акцентуацию по отношению к общему лингвистическому объекту. Продуктивной кажется идея возможности невербального мышления и необходимости опоры в процессах передачи знания, коммуникации на единый ментально-лингвальный комплекс (В. Морковкин). Различие методов анализа заключается в учёте степени охвата явления сознанием, в учёте результатов внеязыкового мышления и более тесной связи концептуального анализа с объектами внеязыковой реальности, за счёт чего увеличивается объяснительная сила концептуального анализа по отношению к семасиологическому, ориентированному прежде всего на пассивную лексикологию, на путь от слова к идее. Такие законы, как закон асимметричного дуализма языкового знака, связанный с системно-структурной парадигмой, подтверждаются и методикой концептуального и дискурсивного анализа, а также синергетическими представлениями о неустойчивости равновесия сложных, открытых, самоорганизующихся систем (известно, что синергетика – это дальнейшее развитие учения о системности сложных объектов). Вписывается в новую парадигму знания и положение о глубинных и поверхностных структурах (первым соответствуют ментальные репрезентации разного рода, а вторым – многочисленные способы их объективации в языке).

Дискурсивный анализ текстов, в том числе и представленных в иллюстративном материале статьи толковых словарей, позволяет «распаковать» комплекс слоёв опыта, связанного с тем или иным словом и стоящим за ним концептом, показать их связь с различными дискурсивными практиками. Такие составляющие, как: «1) материальная форма знака; 2) предметное значение; 3) смысловое значение; 4) оценочное значение; 5) переживание... с

деятельностной точки зрения представляют собой реализацию деятельности: её предмета, её программы, отношения к ней и её переживания. Прохождение от 5-го уровня к 1-му есть воплощение, опредмечивание опыта, его объективация. Обратный путь – субъективация, распредмечивание, путь понимания, причём каждый из уровней соответствует и уровню понимания смыслового содержания текста (добавим: и дискурса, преломляющего «лексическую тему» – *Н.С.*)» [Тульчинский 1992: 138]. Такой взгляд обусловлен, как видим, конкретизацией деятельностного подхода в науке и философии – поступочным представлением бытия в дискурсе и тексте, в истоках своих связанным с концепцией М.М. Бахтина. Тем самым, по словам Г.Л. Тульчинского, «открываются новые возможности анализа: применение не только структурного, функционального и системного подхода, но и подхода программно-целевого; трактовка текста как вменяемого (разумного и ответственного) слова; интеграция в едином комплексе лингвистических, культурологическо-личностных, этических и метафизических аспектов осмысления текста и дискурса» [Тульчинский 1992: 128].

Степень коммуникативной релевантности концептов связывается со степенью плотности номинативного поля и разнообразием представленных в нём лексических группировок (ср. сходную идею А. Вежбицкой о высокой степени лексической разработанности культурно значимых, востребованных концептов или их концептуальных признаков). А. Зализняк «представляется весьма правдоподобной гипотеза, что базовые элементы опыта, из которых строятся языковые концепты, существуют на невербальном уровне, и поэтому любая попытка перевести эту информацию в вербальную форму обречена на неудачу» [Анна Зализняк 2006: 38]. Возникает, правда, вопрос, можно ли в таком случае говорить о языковых концептах.

Любое название концепта в известной мере условно, поскольку одна и та же лексема не может вместить всё многообразие его смысловых оттенков и формальных реализаций. В.В. Колесов говорит о первоочерёдности семантического зародыша слова, его первосмысле по отношению к последующим лингвистическим экспликациям. Используя приводимый учёным образ концепта как «сжатой в точку пружины смысла, зарядившего слово энергией развития», следовало бы отметить его синергетическую привлекательность, заключённую в идее концепта как саморазвивающейся системы, показанную на примере внутренней формы слов обаятельная, очаровательная, обворожительная (женщина).

Заменяя друг друга, эти слова сохраняют «внутренний образ национального концепта и усиливают его эмоциональную энергию» (Колесов 2004: 74).

Обращение к пассивным слоям концепта позволяет подчеркнуть оправданность учёта в концептуальном анализе связи диахронии и синхронии, исторической памяти слова, его внутренней формы. Она может быть утрачена в номинациях концепта, но сохраняется, как показано в [Макеева 2009] у членов номинативного поля этого концепта, подчёркивая устойчивость и значимость для языкового сознания дублируемых концептуальных признаков.

С.Н. Булгаков отмечал «несобственное, не прямое употребление слова, при котором «внутренняя форма» слова отличается от его смысла, а последний смотрится в чужое зеркало...». Далее он проводит аналогию с раковиной, в которой давно обитала улитка. А теперь поселился рак-отшельник. «оплотнение» смысла связывается с обретением плоти, а также с современными синергетическими представлениями о сгущении энергии в материю и зависимости от этих процессов плотности текстового номинативного поля как отражения авторского замысла. Ср. одно из последних определений внутренней формы слова как «образа или идеи, положенных в основу номинации и задающих определённый способ построения заключённого в данном слове концепта» [Анна Зализняк 2006: 46]. Видимо, включение в понятие внутренней формы слова не только образа, но и идеи связано с соизмеримостью этих понятий применительно к концепту. Исходный синкретизм, целостность образа как первичной содержательной формы концепта, очевидно, связаны с кодовыми переходами во внутренней речи, неоднократно отмеченными в психолингвистике. Обычно образ относят к категориям эстетики, связывая с идеалом. Но в современных синергетических концепциях образ приобретает более широкую значимость, обеспечивая целостность картины мира, слово становится синонимом и антонимом номинаций таких ключевых категорий в синергетике, как гармония, порядок и хаос.

В определении символа как содержательной формы концепта В.В. Колесов снимает дихотомию образа и понятия: символ рассматривается как «знак, одновременно имеющий и собственное значение, и переносное, и в единстве этих значений указывающий на нечто третье» [Колесов 2002: 16]. Таким образом, здесь находит семиотическое объяснение закон сложения смыслов, о котором писал ещё Л.В. Щерба.

Послойное строение концепта отражает этапы развития мышления и культуры, смену культурных кодов: идеи, возникшие в разное время, накладываются на наиболее отдалённую в хронологическом плане часть – «буквальный смысл» (ВФ, этимологию). Учёными отмечена развитость и специфика для разных языков образной составляющей концепта. Образность, вслед за Ю.Н. Карауловым, наделяется такими чертами, как наглядность, комплексность, недискретность, ситуативность. Очевидно, эти характеристики

и заставили когнитивистов, а до них психолингвистов и психологов рассматривать образность как неотъемлемую характеристику содержательной стороны слова, как прототипический денотат (В.Н. Телия, И.М. Кобозева), обеспечивающий целостность смысловой структуры.

Отмеченное делает едва ли оправданным встречающийся у лингвистов переход от истолкования содержательных форм концепта В.В. Колесовым (образ-понятие-символ) к концепции В.И. Карасика (последняя составляющая концепта заменяется на ценностную, которая представлена и в образе, и в понятии, и в символе). Концепт методологически пришел на смену семиотическим категориям (образ, понятие, значение), больше не считающимся полностью адекватными (Колесов 2002, 2004, 2006; Воркачев 2007), и перенял от «понятия дискурсивность представления смысла, от образа – метафоричность и эмотивность этого представления, а от значения – включенность его имени в лексическую систему языка» [Воркачев 2007: 14]. Понятийное содержание – это дефиниционная структура концепта; образная составляющая (гештальт, прототип, фрейм, символ) закрепляет когнитивные метафоры, с помощью которых концепт структурирован в сознании; значимый пласт в содержании концепта определен местом имени концепта в системе языка. Последнее утверждение позволяет аргументировать необходимость использования в интегральном анализе слова и его системно-структурных характеристик, обусловленных и когнитивно, и лингвокультурологически.

Поиск концептуальной целостности в известной мере обусловил внимание лингвистов и когнитивистов к концептуальной метафоре как «ментальной операции, реализующей аналоговые возможности человеческого мышления» (А.П. Чудинов).

Известный консерватизм ЯКМ связан с такой функцией синергетической системы, как сохранение относительной стабильности, обеспечивающей в данном случае преэминентность языкового сознания. Однако в силу законов саморазвития неравновесных систем лексике свойственна и порождающая способность, иное дело, что её нельзя абсолютизировать, как это наблюдается в случаях языкового трюкачества, ёрничества, стёба – игры во имя игры. По существу о прогностических возможностях языка говорит Б. Пастернак, выступая против абсолютизации формы и целенаправленно используя синкретизм гештальтов как основу концептуализации особенностей поэтического творчества:

«Мы живём и творим и, в конце концов, хотели бы придти к выводу: размер и рифма, поэзия – это способ оставаться естественным в искусственной форме (ср. с канатоходцем – *Н.С.*), расширить объём естественности, открыть те

уголки и слои естества, о которых лишённая опыта посредственность и грубость не мечтает и не догадывается. Подумай, например, о преувеличенной непринуждённости Гёте, когда он укладывает поток своих мыслей в стихотворную форму. Порой кажется, что мы здесь имеем дело с освобождением речи. Становящейся снова необузданно перевозданной! Дело, значит, всегда в содержании». И далее: Искусство пребывает и удерживается на высоте не само по себе, не в силу законов художественной формы, но благодаря нарушениям и исключениям...лишь благодаря вершинам местность становится горной местностью» [Пастернак 1959].

В контексте понятия языковой игры (его, видимо, нужно отличать от концепции языковых игр Л.Виттгенштейна) можно говорить об определённых характеристиках тайных языков, устного народного дискурса и других его типов, в частности, об отражении в них традиций смеховой культуры.

В историко – лингвистическом и социолингвистическом плане кажется принципиально важным разведение понятий языковая игра и тайные, условные языки, как они определены в ЛЭС: «которые использовались относительно замкнутыми социальными группами – бродячими торговцами, ремесленниками-отходниками, нищими». Часто это просто пересемантизация общепринятых слов, отражающая способы концептуализации мира, интерпретации внеязыковых реалий в соответствии с картиной мира того или иного социума. Ср. в воровской речи (по данным М.Н. Приёмшевой): трясогузка (о горничной), мешок (о барышнике), голуби (бельё на чердаке), фараон (о будочнике – полицейском), аршин – купец, миноги – плети, карман – квартальный надзиратель; употребление имён собственных в значении нарицательных и др. Или в символической – метафорической речи масонов: звезда, свет, восток. В языке офеней: литтерать (писать), в основе сближения – средство действия; катики (колёса) (здесь стремление внести мотивацию на основе общности функций); скатни – сани, хазик – кошка.

В языке торговцев автором отмечаются слова кладник (сундук), матуха (земля), течельница (река), швырок (блин), круча (верёвка) и целые синонимические ряды и гнёзда слов, предающих разные концептуальные признаки стоящего за словом концепта. В этой связи встаёт вопрос о разведении понятий языковой игры и игровой функции языка, поскольку они характеризуют отнюдь не только тайные языки, а свойственны языку вообще как явлению человеческой культуры. Установка на игру сближает постмодернистский дискурс и синергетику. Не случайно синергетически мыслящий человек определяется как человек играющий, в том числе и со словом, поскольку игра обещает новую реальность, перестройку сложившихся стереотипов. Ср., например, «синергетические» раздумья, имитирующие

разговорную сказовость, у В.Пьецуха: «... Или можно порассуждать на такую тему: вот и крестьяне, и горожане, и чиновники, и воры совершенно гармонизируются с нашей национальной традицией, и только интеллигенция выпадает из слаженного ансамбля. К чему бы это..? Похоже на то, что наша интеллигенция есть особая нация внутри нации, то-то она искони в оппозиции оказалась и ей всё в России не по душе... то удивительно, что трудно добиться взаимности у русского пастуха» [Пьецух 2001]. Для этого автора (и не только для него) настолько значимы синергетические идеи и понятия, что соответствующие однокорневые образования повторяются в игровом, шутливо-ироническом контексте, в соседстве со сниженной лексикой: «Водка в России – это не спиртной напиток, а гармонизатор личности с внешним миром. Выпил стакан-другой, и уже ты такой же кретин, как все» [Пьецух 2008].

В свете сказанного высоко оценивается в коммуникации способность посмотреть на себя глазами окружающих, самоирония, взрывающая самодовольство, самомнение, чванство, «забронзовелость»: «Тенистый пруд – конечно, глупость. Видимо, инерция звукового трафарета: тенистый сад, тенистый парк, тенистый пруд, тенистый гроб и т.д. Спасибо за исправления. Надо мне быть повнимательнее» [Письма 2001].

С позиций синергетики «отверница» (если распространить это «тайное» наименование на весь языковой субстандарт) – это способ разрушения насильственного порядка, в замкнутых социальных группах – символ оппозиционности языку законопослушных граждан или общему языку. В рамках языка тоталитарных режимов это способ языкового сопротивления.

Иное дело – намеренное использование лексических элементов субстандарта в авторской языковой игре с целью речевой характеристики персонажа: выявления его социально-ролевого статуса, уровня образования и культуры, языковых пристрастий и т.д.

Таким образом, мотивы отбора слов и их употребления в разных типах дискурса (художественном и бытовом) носят разнонаправленный характер, и эту «защиту» своего понимания способа выражения отчётливо обнаруживают комментирующие реплики автора в построении следующего диалога:

«Да иди ты! – вспыхнул Витька... Я просто хотел, чтоб всё по понятиям было... Как у людей...

Но дядя Егор тоже вдруг взвился... – Я тебе пацан уголовный, что ли? Чтоб ты на меня цыкал... Или я кто?! Я, между прочим, дядя тебе родной!..

– А чего я такого сказал? – опешил Витька.

– «По понятиям»! «По понятиям» – вот ты чего сказал! А это, между прочим, натуральная уголовная феня!..

Витька щербато улыбнулся.

– Да у тебя через слово то «на хрен», то «ёкарный бабай», а ты меня «понятиями» попрекнул...

Витька опять прыснул.

Дядя Егор приосанился.

– Ну и что? Сравнил, называется тоже... «Ёкарный бабай» – это тебе не «по понятиям». Ты сам подумай – кто «по понятиям» говорит... А «ёкарный бабай» говорят совсем другие люди. – Дядя Егор с достоинством разгладил на животе тужурку. – Понимаешь – нет?

Но Витька его уже не слушал» [Геласимов 2005].

На иной – ассоциативно-деривационной основе (с многократным игровым повтором однокорневых слов и их форм), с привлечением паронимов, строится языковая игра в лексической структуре текста А. Битова, видимо, в силу особенностей его интеллектуальной прозы и избранного им жанра эссе.

Этот жанр и обилие новообразований заставляют автора прибегать и к такому виду ментальных репрезентаций, как пропозиция. В этой обусловленности оправданной в тексте выступает и игровая, спортивная метафорическая модель, и включение в текстовое ассоциативно-семантическое поле ключевого слова, вынесенного в заглавие и получающего смысловое раскрытие в тексте, и использование текстовых сближений (предел-цель-устремление):

«Может быть, меня подкупило жюри и остроумие самой идеи: ведь премия Белкина – премия придуманного автора... К тому же я обрёл некоторый вкус к жюриению... Ибо я действительно не в курсе литературного процесса. Читал я всех авторов впервые. Включая и уже известных, а наиболее известными там были, на мой вкус, Пьецух, Отрошенко, Марина Палей... И вот начинается какой-то спортивный азарт – мне интересно выиграть какую-то свою «Фишку». Ведь жюриение – это игра... Ты получаешь удовлетворение, если умудряешься провести свою «креатуру»... однажды я жюриил совершенно замечательную премию. Международный конкурс эссе... Вот так мы жюриили... Но жюриение произведения – это совсем другой жанр, чем жюриение нобелевского типа. Литература в огромной степени и есть спорт... Получается, что человек ставит себе собственный предел... Но это – больше, чем цель... Тут нечто есть от «устремления». Ибо реальность и есть та непреодоленная высота, которую должен взять писатель. А реальность – это то, чего не видит нормальный человек. Он в неё погружён и в ней барахтается. В буддистском смысле: реальность – это здесь и сейчас. И поэтому автор свободен, он может не беспокоиться о том, что до него кто-то был. Но подвиг его состоит в том, что он это видит и вес всё-таки поднимет. То есть выражает реальность... Очень сложно занять своё место в литературе. Опять – спорт. Даже – послесмертный,

всё равно – спорт, И после смерти это – всё та же судьба писателя... Хотя любые пьяные литераторы будут рассуждать именно и только об этом.

О месте – не о мести.

И всё кончится тем, что они, напившись уверят друг друга: ведь никого же нет, только ты да я! Как Сальери и Моцарт» [Битов 2005]. Здесь и апелляция к литературным образцам с использованием имён собственных в парцелированной конструкции, и необычная сочетаемость как отражение нетривиальных концептуальных признаков (послесмертный спорт), включаемых в концепт «судьба» применительно к писателю. Ср.: «Дух поэтического осмысления жизни, дух эссеизма утверждён у Битова довлеющим себе творческим законом... Неизбежным у Битова становится постулированный теоретиками постмодернизма «пародийный модус повествования» как экзистенциальная константа... Ничего более русского, чем язык, – пишет Битов, – у нас нет... Об истине мы можем судить только по её «обезьяне» – смеху» [Арьев 2007: 125–129].

Языковая игра, преследуя цели нетривиального осмысления реалий времени, может строиться и с опорой на омонимические связи слов и фразеологизмов:

«Самое верное из того, что можно сказать о данном явлении, это «наступает время». Оно действительно наступает без разбору вам на пятки. На горло, в зависимости от вашей нерасторопности» [Кулешова 2007].

Креативное начало любого языка связано не только с его формальными, но и содержательными характеристиками. Это тем более относится к слову как двусторонней единице, особенно в свете представлений о содержательности формы в языке: «Грамматическая форма есть элемент значения слова и однородна с его вещественным значением. Нет формы, присутствие и функция которой не узнавалась бы иначе, как по смыслу, то есть по связи с другими словами и формами в речи и языке» [Потебня. Цит. по: Виноградов 1972]. Эту особенность обнаруживает нарочито неопределённая семантика используемого многозначного слова, выступающая следствием диффузности его значений. Сигналом подтекста ввиду их объективирующей роли по отношению к одному концепту выступают графически выделенные автором слова:

«Старуха была помешана, но безвредна. Взрослые говорили, что такой она вышла, но откуда и куда она вышла, мы не знали, понимая дело так, что такую уж она получилась» [Климонтович 2006]. Глагольные распространители сигнализируют о такой пропозиции, которая отнюдь не исключена для одного из смыслов, учитывая культурно-исторический контекст эпохи. Мнение же детей – персонажей повести, детское сознание ввиду дефицита знаний о нём, отражает иное значение слова. Ср. в МАС-2: выйти – «1. //перен. Покинуть что-

л., прекратить своё пребывание где-либо. 6. Случиться, произойти». Иные стратегии языковой игры обнаруживает фрагмент повести В.Токаревой, в котором нарочито игнорируется градационная семантика определений и различие во внутренней форме слов предыдущий и последующий для «оправдания» последующей авторской метафоры: «Я остановился и размечтался: если, например, толкнуть самого крайнего в спину, он упал бы на предыдущего, тот на последующего, и вся очередь в течение минуты легла бы ниц с таким звуком, будто кто провёл пальцем по гребёнке» (Японский зонтик).

Слово отражает возможности восприятия человеком трёхмерного, объёмного пространства, с чем связана глобальная и древнейшая метафорическая пространственная модель вместилища. Вместе с тем, этот способ восприятия и концептуализации абстрактных сущностей ограничивает их в связи с ролью человеческого слова как ярлыка того или иного явления при перенесении его в мир непознанного. Ср.: «Называние ставит предел. Это та условность, что мешает выразить всю неохватную глубину явления или живого существа. И не только потому, «мысль изречённая есть ложь!», но потому, что всё живое, в понимании Бродского, лишь видимо, внешне ограничено пределами и только отчасти ЗДЕСЬ. А душа – ТАМ, где всё не называемо, где нет ни пространства, ни времени...» [Щербинина 2007]. Взорвать эти пределы, вырваться за них помогает языковая игра, явления произвольной с точки зрения современных литературных норм этимологизации: «Однако Россия, вместо того чтобы определиться, буквально определиться, осознать и сформулировать свои пределы – цели, возможности, вместо того чтобы от слов о собственной уникальности перейти к уяснению и конкретизации этой уникальности, сосредоточиться на собственных брендах, продолжает претендовать на всемирность и всеохватность вселенского масштаба» [Тульчинский 2007]. Смеховое начало как способ выражения подтекстовой информации может использовать многозначность слова в системе языка: «Теперь вот, через столько лет, когда вдруг у директрисы возникли большие деньги и своё дело, Саша в этом деле всплыл. Удачно оказавшись её бедным родственником. Всплыл и плавает на поверхности. Как айсберг. Чтоб не сказать хуже» [Хургин 2003]. Выделенные курсивом слова и синтаксические конструкции, в которые они включены, служат сигналом скрытой информации, передаваемой двусмысленным глаголом и глагольным фразеологизмом.

Разные концептуальные признаки и слои лежат в основе семного речевого варьирования номинации концепта: «Подвижен, как ртуть, и так же ядовит... «Формально – всё нормально» – фраза эта позволяет не унывать в любых обстоятельствах. Если я упускаю что-то что считается у других очень важным... я формулирую так: «Знает любой дурак – но я не дурак и поэтому, видимо, не

знаю»... «Я, конечно, был убит, но виду не подал»... «Я тут должен стремительно пойти в гору – поэтому покидаю вас»... Через такой частокोल заострённых слов никакая невзгода не проникнет» [Попов Вал. 2007].

Карнавализация в лексической организации текста может быть следствием пародирования его жанровой структуры (напомним, что жанр – один из фильтров, допускающих лексику тех или иных дискурсивных практик), включения иностилевых вкраплений, новообразований, переосмысления культурного концепта:

«...грамма

ЦЕНТРУ. Совершенно секретно.

Сообщаю чудесном выздоровлении продолжении Андреем Битовым дальнейшей работы успешному собиранию Целое картины жизни тчк Имеются доказательства состояния бесконечной благодарности зпт абсолютного доверия зпт иными словами зпт свободы зпт тчк. Агент кличке YUZ-1тчк

Отморзил Юз Алешковский» [Алешковский 2007].

С обозначением границ «нового карнавального пространства», со «сменой масок», «правил игры» связывается и «смена имён»: «прежняя жизнь, отчасти вывернутая наизнанку, отчасти идущая задом наперёд, и есть органическая форма самореализации. Да, только в карнавальном традиция можно поименовать город так заковыристо, чтобы название звучало для русского человека оплеухой... через болезненное вековое самоотрицание России в Петербурге Петербург наконец стал органической, необходимой её частью, в которой нация вызрела и осознала себя и свою роль в мировом историческом пространстве» [Кураев 1996].

Гораздо важнее, чем игровая, в теориях происхождения языка выглядит его магическая, ритуальная функция. Связь этих функций важна не только в момент возникновения языка, но и в современных видах различных дискурсивных практик (ср., например, ритуальную функцию языка в советском политическом дискурсе, в процессах манипулирования сознанием, в современной рекламе и т.д.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алешковский Юз. К юбилею А.Битова // Звезда, 07, №11.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1998.
3. Арьев Андрей. Огненный Бык в сумеречном пейзаже //Звезда, 2007, №5.
4. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике слова. – Воронеж, 1996.
5. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 2001.

6. Беляевская Е.Г. О характере когнитивных оснований языковых категорий. // Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Рязань, 2000.
7. Битов Андрей. Записки юриста. Из цикла устных эссе. // Октябрь, 05, №6.
8. Булгаков С.Н. Философия имени. СПб, 2008.
9. Воркачѳв С.Г. Лингвокультурная концептология: становление и перспективы // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2007. Т. 66, №2.
10. Воркачѳв С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М., 2004.
11. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. – М., 1977.
12. Геласимов Андрей. Обещание // Октябрь, 2005, №6.
13. Горбовский Глеб. Отпускное. // Нева, 2007, №10.
14. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы её представления. – М., 2006.
15. Ильенко С.Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. – СПб, 2009.
16. Климонтович Николай. Последние назидания // Октябрь, 2006, №3.
17. Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб, 2004.
18. Колесов В.В. Язык и ментальность – СПб, 2006.
19. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М., 1997
20. Кубрякова Е.С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи – М., 1991.
21. Кулешова С. LOVEЦ. // Нева, 2007, №5.
22. Кураев М. Путешествие из Ленинграда в Санкт – Петербург // Новый мир, 1996. №10.
23. Лосев А.Ф. Из ранних произведений. – М., 1990.
24. Макеева Н.С. «Концепт «богатство» в русском языковом сознании (на фоне испанского языка). Дисс... кандидата филол. наук. – СПб, 2009.
25. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – М., 2006.
26. Мелихов А. Национальная терпимость: этический минимум или недостижимая мечта? // Нева, 2007, № 6.
27. Павлов В.М. О тезисе «Мысль не выражается в слове, но совершается в слове» (Л.С.Выготский). // Типология языка и теория грамматики. – СПб, 2007.
28. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. – М., 2004.
29. Пастернак Б. Из письма к Ренате Швейцер от 25.V111.59 // «Грани», №58.
30. Пешковский А.М. Понятие отдельного слова. // А.М. Пешковский. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. Л., 1925.
31. Письма С.Довлатова к Владимовым // Звезда, 2001, №9.

32. Плотникова А.М. Когнитивное моделирование семантики глагола (на материале глаголов социальных действий и отношений). Диссертация... доктора филол. наук. – Екатеринбург, 2008.
33. Плотникова А.М. Многозначность русского глагола: когнитивное моделирование (на материале глаголов социальных действий и отношений). – Екатеринбург, 2006.
34. Попов Вал. Горящий рукав // Звезда, 2007, №5.
35. Потебня А. Из записок по русской грамматике, т.т. 1–2: 39,45. // В.В. Виноградов. Русский язык. – М., 1972.
36. Приёмшева М.Н. Тайные и условные языки в России XIX в.: историко-лингвистический аспект. Дисс... д-ра филол. наук. – СПб., 2010.
37. Пьецух В. Деревенские дневники // Октябрь, 2001, №2.
38. Пьецух В. Жизнь замечательных людей. – М., 2008.
39. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика. – Воронеж, 2004
40. Руденко Д.И. Имена естественных классов, собственные имена и имена номинальных классов в семантике естественного языка (К проблеме взаимоотношения логики и лингвистики). // Известия АН СССР, серия литературы и языка. Том 46, №1, 1987.
41. Тульчинский Г.Л. Инорациональность текста: слово как поступок. // Язык и текст: онтология и рефлексия. – СПб, 1992.
42. Тульчинский Г. Культура в шопе // Нева, 2007, №2.
43. Уланов А. Всё, что будет // Знамя, 2005, № 9.
44. Умрихин Евг. Батарейки для интеллекта. // АИФ. Здоровье, 2009, №38.
45. Фесенко Т.А. Этноментальный мир человека: Опыт концептуального моделирования: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1999.
46. Флоренский П.А. «Термины» // Вопросы языкознания, 1989, №1.
47. Хургин А. Ньюанс // Октябрь, 2003, № 2.
48. Чернейко О.Л. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. – М., 1997.
49. Чулаки М. Примус // Звезда, 2002, №1.
50. Щербинина О. Об Иосифе Бродском // Нева, 2007, №5.
51. Эпштейн М. Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. – М., 2004.
52. Эпштейн М. Слово и молчание в русской культуре // Звезда, 2005, №10.

3. СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЕ НА ПЕРЕСЕЧЕНИЯХ ЯЗЫКА И РЕЧИ

По словам Ю.М. Лотмана, «в общей системе культуры тексты выполняют по крайней мере две основные функции: адекватную передачу значений и порождение новых смыслов» [Лотман 2010: 313]. Правда, между этими функциями нет непроходимой грани, особенно в свете представлений о глобальной интертекстуальности языка. Достаточно вспомнить, что различные значения слов в толковых словарях иллюстрируются прежде всего художественными текстами русских и советских авторов. Между тем, текст характеризуется как самовозрастающий Логос, как «мыслящее устройство» [Лотман 2010: 315]. Новые смыслы в художественном тексте обязаны своим рождением как авторским интенциям, так и двум общеязыковым закономерностям: стремлению к стандарту и тенденции к экспрессивности.

Парадокс здесь только кажущийся, поскольку и в случае стандартных словоупотреблений, опирающихся на формирующиеся нормы, на активные процессы, происходящие в языковой картине мира, эффект новизны, современности возникает и за счёт употребления слов и других языковых средств, вошедших в толковые словари (в первую очередь, словари, целенаправленно фиксирующие языковые изменения [Мокиенко Никитина 2005; Толковый 1998; Толковый 2006]).

Объяснение этому явлению, называемому вслед за Дж. Оруэллом «новоязом», мы находим и у писателей: «Хотя, согласитесь, временами в бытовой речи вдруг возникают новые выражения, новые определения – поразительно точные, являющие собой уверенную и лапидарную смысловую концентрацию многострочного, а иногда и многостраничного пространного описания. И рождается этот новый и удивительный язык в основном в среде криминальной, а уж только потом переходит в деловые и политические круги. Хотя, с моей точки зрения, сегодня такой триумvirат неразрывен. Неотвратимое влияние смутного времени... Редко кому удаётся избежать в своей речи этого новояза» [Кунин 2002]. Видимо, не случайно и речь самого автора насыщена оценочными определениями и субстантивными словосочетаниями с относительными прилагательными, точно обозначающими среду и этапы формирования новаций в языке, хотя и называемыми иронически «триумvirатом». Актуализация нетерминологического, обыденного значения прилагательного характеризует и использование в тексте сочетания «смутное время».

Новые смыслы, сопровождаемые авторской оценкой, возникают в текстовом ассоциативно-семантическом поле также за счёт противопоставления прежних и новых номинаций в рамках общей лексикосемантической группы с

актуализацией сем множественности и собирательности: «Стуча себя в грудь грязными, вороватыми кулачками и клянясь в любви к этому несчастному обывателю, или, как теперь принято говорить – «населению» (куда исчезло симпатичное слово «люди»?..) эти предвительно разжиревшие лилипуты в дорогих и дурно сидящих на них костюмах, злобно покусывая друг друга за пятки, взапуски карабкались от одной трибуны к другой – к той, которая помассивнее, повыше, на которой микрофонный кустарник погуще. И всё ради блага своего населения – электората» [Кунин 2002]. В конце этого текстового фрагмента иронически сталкиваются в позиции приложения старая и новая номинации, способом фиксации коннотаций новизны и авторских предпочтений становятся также вводная и вставная конструкция и закавыченные слова (выделены курсивом). В окказиональном же сочетании «микрофонный кустарник» чётко обнаруживает себя авторское видение ситуации, открывающее нетривиальные концептуальные признаки сходства по способу расположения между словами микрофон (производящее для относительного прилагательного) и кустарник (ср. также текстовое наведение семы «среда» в приведённом выше значении слова триумvirат). Текстовые синонимы также формируются под влиянием среды, в которой они возникли. Их текстовая семантизация объясняет, почему они возникли первоначально в криминальном новоязе ввиду поиска соответствующих его законам средств экспрессивной номинации: «И снова зачастил к кинотеатру «Современник» к станции метро «Академическая», где кучковались свои – «деловые». Слова «крутой», «прикольный», «продвинутый» в то время ещё не появились в журналистском словаре «великого и могучего». Они только входили в полублатные и частно-торговые круги. Но после того, как Заяц раздробил голову взрослому мужику и задушил старуху-еврейку... он вполне законно мог называть себя крутым» [Кунин 2002].

Индивидуальные смыслы возникают и в неожиданном столкновении штампов бюрократического дискурса и номинаций, связанных с другими дискурсивными практиками (конфессиональными, разговорно-бытовыми или научными; позитивно оценочными номинациями с семой интенсивности) в сборнике эссе Т. Толстой «Не кысь»: «Он указал... на свою дружбу с генералом как на дополнительный лилейный оттенок белизны своих номенклатурных риз и намекнул на то и то, а также на вот это, и ловко всё подведя и передёрнув, подчеркнул...». Значимым приёмом разоблачения демагогии становится и использование повтора указательных местоимений. Ср. ещё: «...истинное лицо Ольги Христофоровны было скрыто, и она без оглядки бежала на пенсию республиканского значения»; «...важно нестерпимое патриотическое чувство, охватившее Перхушкова при возвращении: чувство гордости за родину, за её

небеса и другие аналогичные просторы, за её величественные свершения, широкий шаг, уверенную поступь и высокие надои...» [Толстая 2003].

В тексте пародируются, доводятся до абсурда гиперболические плакатные построения тоталитарного дискурса (ссылку на них мы находим не только у Т. Толстой «С каждым годом шире шаг!», ср. разговорное: «широко шагаешь – штаны порвёшь»; но и у Ильфа: «Больше внимания разным вопросам»). Вспоминается в этой связи название одной из статей в советской газете: «Намолоты радуют». От удачных находок предлагается отличать речевые погрешности, называемые «словесным мусором»: «Ну куда денешься от всех этих сегодняшних рекламно-телевизионных, зачастую дурацких и нелепых выраженьиц – вроде «прикол», «оттянись со вкусом», «не тормози – сникерсни»» (В. Кунин. Ночь с ангелом). Коммуникативные неудачи, помехи в понимании речевых сообщений можно отметить и в других случаях, например, при переводе стихов Р. Бёрнса: «Испанец головы не снёс» (неясно ударение в словоформе головы, а также сказываются «провокации» со стороны вторичных значений слова «снести»: завоевателям-англичанам или своей не спас?); ср. у Пушкина: «восхищенья не снесла и к обедне умерла», где чётко обозначен носитель состояния – царица.

Языковые «провокации» могут затрагивать не только содержательные, но и формальные признаки слова, давая основу для создания окказионального новообразования (ср., например, системно-языковые параномазы апокриф и апогей и текстовое слово у Ю. Полякова «апофигей», отсылающее к жаргонизму «офигенно»). В работе «Текст в тексте», как и в ряде других, Ю.М. Лотман по существу говорит не только о явлении интертекстуальности, но и о необходимости обращаться к более общему понятию дискурса, позволяющему связать синхронные и диахронные находки писателей; к языковым сигналам когнитивного выделения фигуры из фона, авторских концептов и их признаков; к системе синергетических понятий. Так, ссылаясь на толстовский пример с соринками, попавшими в стакан чистой воды и делающими эту чистоту ещё более ощутимой, автор замечает: «соринки – добавочные текстовые включения, которые выводят основной фоновый код – чистоту – из сферы структурно неосознанного. Возникающая при этом в тексте смысловая игра, скольжение между структурными упорядоченностями разного рода имеет б ó л ь ш и е с м ы с л о в ы е в о з м о ж н о с т и (разрядка автора – *Н.С.*), чем те, которыми располагает любой язык, взятый в отдельности... В структурном смысловом поле текста вводимый в него внешний текст трансформируется, образуя новое сообщение» [Лотман 2010: 316, 319].

Текст рассматривается автором как «семиотическое пространство, в котором взаимодействуют, интерферируют и иерархически самоорганизуются

языки» [Лотман 2010: 316]. Таким образом, текст рассматривается как синергетическая система, ведущая себя подобно живым системам и черпающая из окружающей среды вещество, энергию и информацию. С этими свойствами текста связана его сложность, открытость, стремление к самоорганизации на новой основе. Синергетическая идея о работе системы в режиме с обострениями просматривается в рассуждении о непредсказуемости трансформации вводимого текста, об изменении всей семиотической ситуации вокруг исходного текста: «Введение чужого семиозиса, который находится в состоянии непереводимости к «материнскому» тексту, приводит этот последний в состояние возбуждения...» [Лотман 2010: 319]. Это характерная черта сложных, неравновесных, динамических систем: «Мощные внешние текстовые вторжения в культуру, рассматриваемую как большой текст... служат стимулами её саморазвития, дающего непредсказуемые результаты» [Лотман 2010: 320]. Применительно к языковому структурированию большой текст, создающий внешние текстовые вторжения в культуру, рассматривается как дискурс. Когнитивно-синергетические мотивы структурирования текста (подробно они рассмотрены в [Сулименко 2009]) имеют прямое отношение к явлению языковой игры, примеры которой приведены выше. К случаям языковой игры может быть отнесена фигура удвоения, проявляющаяся в рифме, мотив зеркала [Прокофьева 2004], тема двойника. Ср.: «замена симметрии правого-левого может получать интерпретацию самого различного свойства: мертвец – двойник живого, не-сущий – сущего, безобразный – прекрасного, преступный – святого, ничтожный – великого и т. д.» [Лотман 2010: 327].

В лексической организации языка и текста закон зеркального энантиоморфизма, двойничества преломляется как энантиосемия (разбить – вазу и клумбу), амбивалентная синтагматика (изумительно прекрасный и безобразный), цитаты, отсылки, эпиграфы и т.д. Рассмотренная трактовка текста вполне соответствует принципу антропоцентризма, определяющему в современной филологической парадигме и реабилитирующему роль прагматического компонента в текстовой деятельности: «Прагматические отношения – отношения между текстом и человеком...Текст как генератор смысла... нуждается в собеседнике. В этом сказывается глубоко диалогическая природа сознания. Чтобы активно работать, сознание нуждается в сознании, текст в тексте, культура в культуре» [Лотман 2010: 318, 319]. Иллюстрацией этой мысли может служить даже текст детской песни о Чебурашке, смысл которой не исчерпывается содержательно-фактуальной и даже содержательно-концептуальной информацией. Последнюю можно интерпретировать в контексте значимости номинации для языковой концептуализации реалии. Ср.:

Я был какой-то странной
Игрушкой безымянной,
К которой в магазине
Никто не подойдёт.
Теперь я чебурашка,
И каждая дворняжка
При встрече лапу
Мне сразу подаёт.

Очевиден здесь и подтекст, связанный с употреблением зооморфной метафоры и этикетной формулы с её трансформацией. Обращение к сознанию человека, хранящему разные форматы знания, память о символической функции слова лежит и в основе построения градационных и антонимических рядов в художественном тексте. Первые путём стилистического повтора конструкций с номинациями когнитивных концептов способствуют передаче признаков знания в его противопоставлении надежде: «Вы скажете: надежда опасна. Зато прекрасна. Не зря «надежда» – слово поэтов, пароль весны. Однако я не только надеюсь. Я верю, я убеждён, я знаю» [Зорин 2007].

В дальнейшем текст содержит и языковые лакуны, отмечающие особенности этнической ментальности и объясняющие трудности перевода слов – реалий на другой язык. С этим связан отказ автора от точной семантизации и использование вставной и разделительной конструкции для передачи приблизительного знания. В художественном тексте оправдана и языковая игра с использованием элементов разных дискурсивных практик, и речевая рефлексия, и необычные сочетания слов: «Но странное подколенное чувство тоже не просто определить. У немцев есть одно необычное, непере译имое слово (так же, как русское тоска), – Sehnsucht, оно означает... бог знает, что оно означает... не то томление, смуту сердца, не то непонятную тревогу. «Кабы понять». Я ещё помню эти столь милые Вам два слова. Простонародное оформление философического вздоха». Здесь же отмечаются и интертекстуальные вкрапления, ориентирующиеся на речевые образцы квалификации явления и привлекающие адресата точностью определения: «Лексика, манера и вкус как беспощадное отторжение выпавшего нам всем столетия. «Цвета солдатского сукна» – по Вашему хмурому определению» [Зорин 2007].

Любопытно использование в тексте номинаций технических новинок с нетривиальным их осмыслением, требуемым необычной средой их использования [Ковалева 2009]. Основой смыслопорождения в лексической структуре текста становятся системно-языковые, родо-видовые и видо-видовые связи: «В изложении всего эпизода Г. Ивановым занимает телефон. В начале

века такие технические новинки, как автомобиль, самолёт, трамвай, трактор, телефон становились предметом художественного осмысления в произведениях не только футуристов, но и у символистов, и акмеистов, и имажинистов... телефон, естественный вестник полночных, самых страшных похорон, принёс человеку, совершившему самоубийственный поступок, весть о грядущей смерти» [Ковалева 2009].

К проблеме смыслопорождения на стыке языка и речи относятся случаи калькирования, представленные по преимуществу переведёнными с английского рекламными и газетно-публицистическими текстами, через которые эти обороты проникают в общее употребление: великий вызов (русское соответствие «брать на слабо»), успешный человек, агрессивный макияж, пиар (развившее на русской почве целое словообразовательное гнездо: пиарщик, пиариться, пропиарить и др.), деликатная стирка (бережная), лояльность к недостаткам (о толерантности), «Я в шоке от победы в Лос-Анжелесе» – Мария Шарапова [Левонтина 2006]. Сюда можно отнести и ставшую крылатой фразу певца Зверева: «Звезда в шоке».

Таким образом, преимущественное внимание при анализе смыслопорождений на пересечениях языка и речи уделялось лексической структуре текста, в значительной степени определяющей его смыслообразование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зорин Л. Письма из Петербурга // Знамя. – 2007. – № 2.
2. Ковалева Е.А. Элементы «железнодорожного дискурса» в поэзии серебряного века: лексический аспект: Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 2009.
3. Кунин Владимир. Ночь с ангелом. – Мюнхен – СПб, 2002.
4. Левонтина И. Шум словаря // Знамя. – 2006. – №8.
5. Лотман Ю.М. Текст в тексте // Ю.М. Лотман. Чему учатся люди. Статьи и заметки. – М., 2010. – С. 309–331.
6. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. – М., 2005.
7. Прокофьева В.Ю. Русский поэтический локус в его лексическом представлении: на материале поэзии «серебряного века». – СПб, 2004.
8. Сулименко Н.Е. Текст и аспекты его лексического анализа. – М., 2009.
9. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складневской. – СПб, 2006.
10. Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складневской. – СПб, 1998.
11. Толстая Татьяна. Не кысь. – М., 2003.

4. ПОНЯТИЕ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА И ЕГО КОМПОЗИЦИОННО-ЛЕКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

Характеризуя композиционно- лексический уровень текста, следует отметить изоморфность структуры текста и элементов его композиционно – лексического уровня как составляющих структуры, а также иметь в виду особенности композиции текста и её проекции на отбор и употребление слов [См. об этом в Сулименко, Хохлов, 2013]. Там же рассматривается вопрос о композиционно – лексических проекциях лингвосинергетики в структуре художественного текста. Таким образом, семантика лексических и других единиц языковой системы прямо или косвенно участвует в текстообразовании, будучи преломленной такими элементами композиционной структуры текста, как текстовый субъект в его авторской, повествовательской, персонажной, адресатной ипостаси и т.д., пейзаж, портрет, интерьер и др.

Тем самым слово соединяет свою многоаспектность, свой когнитивный потенциал с уровнями структуры художественного текста: идейно-тематическим, образным, сюжетным, жанровым, интертекстовым и др. В этом отношении исключительна интегрирующая роль заглавия как намёка на все композиционные особенности текста, включая такие элементы композиции, как эпиграф, пролог, эпилог, объёмно-прагматическое членение и др.

Функцию заглавия по отношению к лексической структуре текста и его композиции можно уподобить

- роли номинации ключевого концепта по отношению к элементам её семантического поля в языке (только здесь речь идёт о структурировании не культурного, общего для носителей данной культуры, а художественного концепта);

- роли ВФ как зародыша культурного концепта в самом начале его саморазвития.

Межтекстовое и внетекстовое взаимодействие, полидискурсивность художественного текста осуществляются через привлечение лексических маркёров прецедентных текстов, аллюзий, текстовых реминисценций, прототипических ситуаций.

Если В.В. Виноградов считал «образ автора» [Виноградов 1971] структурным центром всего произведения, к которому тянутся все его композиционные нити, то нас не может не интересовать субъектный план лексической структуры художественного текста, диктующий не только выбор функционально-смысловых типов речи, распределение способов повествования, других элементов композиции, например, стилистических приёмов, но и пути согласования с ними используемых лексических средств.

Художественный текст как вторичная знаковая система предполагает внимание и к лексическим средствам и способам организации этой системы, сама вторичность которой ориентирует на «сделанность» текста по тем или иным правилам, задаваемым элементами композиции как отражением канона и авторского замысла. Ипостасями текстового субъекта становятся не только автор-повествователь, но и рассказчик, персонаж, читатель, которому адресован текст. Способом упорядочивания авторской концепции выступает не только вся композиция текста, но и отдельные её элементы, включая самое общее деление на персонажную и неперсонажную сферу, подчиняющие себе другие элементы композиции.

Так, текстовое ассоциативно-семантическое поле (ТАСП), организованное номинацией ключевого концепта, структурируется парадигматикой и синтагматикой входящих в него лексических единиц, становится элементом и концептуального уровня текста, поскольку служит воплощению в их единстве авторского замысла – концепции и определённого фрагмента знаний о мире как основы тематического членения текста.

Сама номинативная плотность этого поля как способ экспликации признаков художественного концепта связана с информативной насыщенностью текста. Кроме того, требование точности словоупотребления выступает как синергетическая проблема и разнится от стиля к стилю, от дискурса к дискурсу. Так, ориентация на идеал как способ упорядочивания структуры художественного текста будет иной ввиду выполнения им эстетической функции как первичной по сравнению с другими видами дискурсивных практик, в частности научной речи. Кроме того, избираемые стилистические приёмы и их лексическая составляющая предполагают выход и на образный уровень с целью эстетического воздействия на читателя как адресата текста (известно, что Л.С. Выготский называл образы языком чувств). Той же цели служит имплицитная, подтекстная информация, имеющая лишь частичную лексическую экспликацию.

В силу наличия в содержании концепта рационального, образного, эмотивного и др. компонентов, имеющих чувственную привязку, в текстовой парадигматике выстраивается иерархия концептов, формируются целые метафорические поля. Это в когнитивном плане поля гештальтов, через которые в силу их конкретности и целостности передаются определённые концептуальные признаки, художественные концепты в целом, по отношению к которым данные гештальты выступают в качестве интерпретаторов более абстрактного и сложного содержания. Так, отмечая мультимодальность некоторых определений (зрительную, слуховую, тактильную и др.), Ю.Р. Валькман полагает, что некоторые слова могут быть истолкованы только

посредством остенсивных определений (красный и др.): «для отражения этих понятий в онтологии необходима реализация различных интерпретаций в соответствии с сенсорными каналами восприятия информации. Интерпретацию и синхронизацию этих данных даёт гештальт понятия» [Мультимодальность 2006: 550]. Таким образом, гештальт становится концептом-интерпретатором мультимодальных слов, входящим в текстовые метафорические поля.

В текстовой синтагматике, реализующей горизонтальные, линейные связи слов, также отражаются композиционные элементы текста. Например, необычная сочетаемость, рождая смысловые приращения, эксплицирует уже на уровне двусловного сочетания и авторские интенции, и виды текстовой информации, замысел, и его образные, стилевые и жанровые предпочтения, и способы языковой объективации различных ипостасей текстового субъекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Проблема образа автора в художественной литературе // О теории художественной речи. М., 1971.
2. Валькман Ю.Р. Мультимодальность некоторых определений // 2-ая Международная конференция по когнитивной науке. – СПб, 2006.
3. Сулименко Н.Е., Хохлов А.В. Проблемы лексического «учения о слове»: системный и текстовый аспект. – СПб, 2013.

5. СЛОВАРЬ КАК ВТОРИЧНЫЙ ТЕКСТ И ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАУЧНЫХ ПАРАДИГМ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Проблема словаря в современном языкознании, особенно в его дискурсивной версии, предстаёт как проблема гипертекста. Это связано с глобальной интертекстуальностью словаря, обобщающего в своём лексикографическом аппарате результаты различных дискурсивных практик, использующих слово.

С этой версией оценки роли словаря перекликаются интегральные концепции языка, взаимодействие разных научных парадигм.

Когнитивная и системно – структурная, семасиологическая ставят перед проблемами: словарь-тезаурус и лексическая система языка, слои концепта и лексическая многозначность, концептуальные признаки и методика компонентного анализа с опорой на словарные дефиниции и т.д. Синергетическая парадигма выступает как объяснительная по своей сути и продолжающая традиции системного изучения объекта; когнитивно-культурологическая и коммуникативная рассматривает взаимоотношение феноменов интертекстуальности и интерпретации, дискурсивной семантики и её интегративной функции, обнаруживающей целостность культурного пространства в его ментальном воплощении.

Известно, что формирование когнитивной парадигмы в русистике в истоках своих связано с ономаσιологическими концепциями слова и их отражением в теории и практике лексикографии.

Концептуальный анализ в этих ориентациях целесообразно, рассматривать «как поиск тех общих компонентов, которые подведены под один знак и определяют бытие знака как известной когнитивной структуры» [Кубрякова 1997: 88], а концепт как ментальную репрезентацию культурно значимого феномена в массовом сознании, зафиксированный в лексикографических толкованиях имени концепта как содержательный его минимум, в его синонимических связях, образных переосмыслениях, паремологии и неклишированных текстах и высказываниях (см.: [Шейгал 2004: 70]). На привлечении элементов словарных толкований основана разработка денотативно-отражательного потенциала русской глагольной лексики, типологии глагольных предикатов, лексико-синтаксические исследования. Ср.: «Имея в виду, что функция той или иной единицы, включённая в более широкую систему функций языка и речи, в своём проявлении зависит от этой системы, в качестве важнейших функций принимаем когнитивную и коммуникативную» [Бацевич 1997: 19]. Что же касается предикативности и атрибутивности как синтаксических функций, то

они обратимы, и наилучшим свидетельством этому служат словарные толкования имён прилагательных, безотносительно к их ЛГР «переводящие» атрибутивные значения в предикативные. Вспомним и о том, что именно синтаксисты говорят о возможности производных слов (а относительные прилагательные всегда такие слова) свёртывать и переводить на уровень лексической семантики целые синтаксические конструкции. С когнитивной точки зрения это обосновывается их способностью вербализовать такие базовые ментальные репрезентации, как пропозиция. Сам закон семантического согласования в синтагматике выступает следствием закона концептуального согласования при номинации предмета и его признаков. Это лишний раз убеждает, что пропозиция является основной ментальной репрезентацией для всех единиц языка, снимая оппозицию текста и кода, что отчётливо выявляется в способах представления слова в словаре как в дефиниции, так и в иллюстративной части словарной статьи.

Пропозитивный характер их семантики связан с тем, что за каждой пропозицией, свёрнутой в признаковом слове, стоит та или иная типовая ситуация со всем набором присущих ей содержательных признаков. Они связаны с такими семантическими ролями участников, актантов, как субъект, объект, орудие, время, пространство и др. Поэтому знание лексического значения производного слова предполагает знание ситуации, в которой принято его употребление. Это знание сближает различные макрокомпоненты в структуре лексического значения – денотативный и коннотативный, ибо и тот, и другой оказываются ситуативно обусловленными, хотя и по-разному. Самый тип дискурсивных практик (сфера применения) согласуется с выбором тех или иных сем производящего, определённых концептуальных признаков стоящего за ним концепта. Отсюда и национально-культурная специфика, идиоматичность значений производных слов в разных языках несмотря на сходство мотивационного признака (влияние культуры как системы более высокого порядка, задающей набор типовых, востребованных этносом ситуаций их употребления). Отмеченное лишний раз подчёркивает нерасчленённость лингвистических и опытно – эмпирических знаний говорящего, выступающую в лексическом значении слова. Не случайно с учётом когнитивного момента потребовалось ввести в лингвистические словари при истолковании лексических значений и элементы энциклопедической информации, вводящей в типовые ситуации как среду употребления слова. Видимо, этот синкретизм ситуаций, средовых влияний и задаёт широкий объём исходного значения относительных прилагательных, отмечаемого в словарях как «Относящийся к...», хотя подобный способ толкования не позволяет разграничивать конкретное лексическое и типовое словообразовательное значение. Пропозиция выступает

для того и другого типа языковой семантики глубинной ментальной структурой, требующей дальнейшей дифференцировки ситуаций при переходе от группового словообразовательного значения к конкретному лексическому. Не случайно при подходе к семантике производного слова появилось множество работ, ориентированных на синтаксис и рассматривающих лексическое значение как результат свёртывания целых синтаксических конструкций, переводя их на уровень лексического значения производного слова. Об этом же свидетельствуют данные правой (толкующей) части словарных статей толковых нормативных словарей. При этом сам акт предикации предполагает номинацию определённых «положений дел», ситуаций с множеством их элементов. Другое дело, что для уровня лексической системы языка актуальны типовые ситуации, в которых используется слово. А.А. Брагина вскрывает недостаточность гнездового способа представления слова в толковом словаре. Это в первую очередь относится к характеристике имён прилагательных. Ср.: «То, что в словаре Даля идёт как примечание к техническому оформлению словарных статей (душа и дух разделены только для удобства приискания производных), на современном этапе развития языка является естественным с е м а н т и ч е с - к и м (разрядка автора – *Н.С.*). Обилие производных стирает этимологическую и семантическую связь. Не всегда ощутима уже близость пары слов душевный – духовный» [Брагина 1999].

Любому субъязыку в пределах этнического языка как знакового образования должны быть присущи как ведущие когнитивная и коммуникативная функции. Видимо, закономерно, что в воровских языках кодируются преимущественно реалии «профессиональной» деятельности, а в ремесленных – актуальные наименования предметов домашнего обихода [Приёмшева 2009]. Такое различие в объектах кодирования связано не столько с различием типа мышления, сколько с различием дискурсивных практик и стоящих за ними видов деятельности, обусловленных потребностями коллективной языковой личности определённых социальных групп.

Отсюда и первичность функции социального символизма, по-разному преломляемого в языке этих групп, социально-детерминированным выступает любой тип коммуникации с помощью языка, как и три разновидности символической функции: репрезентативная, интегрирующая и дифференцирующая.

Разработка типологии лексических значений слов также учитывает ономаσιологическое измерение лексического значения, преломленное в толковом словаре [Виноградов 1977, Степанова 1983, Сулименко 1983, 2008 и др.]. Это относится и к последним работам по синонимии [Черняк 2010].

Внимание к лексической организации дискурса, дискурсивной семантике в лингвистике связано не только с общенаучной тенденцией к укрупнению научных объектов, но и с присутствием в дискурсе как одном из возможных миров динамических признаков представляющих его концептов. Очевидно, с динамическими процессами в речемыслительной деятельности связана и востребованность сетевых моделей в когнитивистике, и концепция «корневой лексемы» Е.В. Падучевой [Падучева 2004], интерпретирующая лексическую многозначность и наличие словообразовательных гнёзд как способы лексической объективации концепта, стоящего за словом. В ней, таким образом, участвуют не только отдельные слова, но и лексические группировки слов разного типа, а также связывающие эти слова лексикосистемные отношения. Этот признак корневой общности оказался очень важным в своё время для В.В. Виноградова в отделении узко сочетаемых однозначных слов свободно-номинативного значения от слов фразеологически связанного значения с непрозрачной внутренней формой. Проблема фразеологической связанности значения продолжает интересовать лингвистов и в связи с лексикографической базой исследования лексической проблематики (О П. Ермакова), и в связи с изучением состава гипонимов в лексической системе русского языка (Е.Е. Котцова). В первом случае отмечается непоследовательность словарей в кодификации таких значений: таращить – глаза, разинуть – рот или пасть, с одной стороны, и расквасить – «ушибить, разбить до крови (обычно нос, лицо)» – с другой. Автор считает возможным определить последнее значение как свободное, особенно если принять иную формулу толкования: «разбить до крови нос или лицо» [Ермакова 2004: 95]. Но не трудно видеть отсутствие мотивированности данных значений со стороны их внутренней формы и необходимость однотипной квалификации значений всех выделенных слов как фразеологически связанных. Для глагольных гипонимов в ходе компонентного анализа словарных дефиниций выявлена родо-видовая значимость гипосемы «характер субъекта действия», подчёркнутая и понятийной прозрачностью мотивационного звукового признака: издавать звуки – ворковать (о голубе), скулить (о собаке), квакать (о лягушке) [Котцова 2010: 103]. Ср. в этом плане глаголы и с иными гипосемами : потупить (голову, глаза) и повесить (голову, нос); осунуться (о лице), коробиться (об одежде) и навернуться (о слезах), а также гнездиться – «1. Жить, устраивать гнёзда (о птицах)», «разойтись (обычно о сахаре; растаять...», нахмурить, насупить – сдвинуть (брови), болеть (о какой-либо части тела) – трещать (сильно болеть, о голове); рождать – котиться, телиться, пороситься; охотиться – мышковать (на мышшь), лисовать (на лису), белковать (на белок) [Там же]. Мотивационный признак

оказался значимым для типологии лексических значений не только однозначных слов.

Нельзя не согласиться с трактовкой А.А. Зализняк концептуальной схемы как термина, объединяющего «несколько конкретных метаязыковых техник... все эти техники имеют целью представить разные значения многозначного слова как единое целое. В качестве концептуальной схемы могут выступать в том числе: инвариант, общее значение, прототипический сценарий...» [Зализняк 2006: 41]. Автор, как видим, связывает понятие концептуальной схемы с давно дискутируемой в языкознании идеей общего значения, а также инварианта: «речь идёт о сущности более высокого уровня абстракции, чем любое из значений, реализуемых в тексте» [Зализняк 2004: 34]. Это, пожалуй, самая адекватная языковой реальности интерпретация многозначности, исключая представление о ней с чисто типографских позиций, с позиций лексикографического «удобства» нумерации значений слова.

Права А. Зализняк, утверждая, что «отечественная семантика по существу всегда была «когнитивной» [Зализняк 2006: 19]. Достаточно обратиться к «Философии имени» А.Ф.Лосева, чтобы увидеть, что он говорит о концепте и его признаках (в его терминах «сущее», «сущий смысл», «ноэма» и др.), об отношении фигуры и фона в процессах концептуализации: «Сущее есть определённое полагание, полагание определённого смысла (ср. с идеей интерпретации – *H.C.*). Сущее есть основание и последняя опора смыслового, рационального. Меон есть «иное» полагания, «иное» смысла. Меон есть, следовательно, начало иррационального... Когда мы говорим, что предмет требует для своего определения как сущего предметанекое окружение «иногое», дающего ему границу и очертание, то легко представить себе, что «иное» есть в этом случае некая бесформенная материя, вроде воды или глины, «из» которой, «в» которой и «на» которой отпечатываются те или иные формы» [Лосев 1999: 29 и др.] С позиций синергетики это по существу истолкование информационной, преодолевающей энтропию, хаос (меон) сущности слова, его упорядочивающей мир функции. Ср. также мнение С.Н. Булгакова: «Но по существу познание, которое выражается в суждениях, и есть наименование, а имена как «часть речи» суть смысловые сгустки или кристаллы» [Булгаков 2008: 94] Здесь по существу развивается идея изоморфности единиц разных уровней языка, рассматривается пропозиция как ментальная структура, намечаются узлы фрейма (имена), те или иные актанты пропозиции. Далее рассматривается наименование как свёрнутое суждение, раскрывается когнитивная функция метафоры: «И вследствие того, что именование есть суждение, возможно, даже неизбежно, что суждений этих, имеющих результатом именование, (а потенциально эта возможность содержится во

всяком суждении), может быть несколько, много. А отсюда становится принципиально понятна возможность не только многозначности одного слова (полисемия), но и множественности однозначных или однопредметных слов, то есть синонимов. Борьба за существование...между синонимами...показывает, как изменяется мышление, восприятие мира, она есть...своего рода летопись духовного мира... на самом деле они (метафоры – *Н.С.*) образуют «железный инвентарь» языка, без которого речь не может сделать ни одного шага... Сравнения и образы вовсе не составляют принадлежности одних только поэтов... Язык всегда рисует... Он есть не мёртвое зеркало, но живой слепок» [Там же: 92, 98] Или: «Поэтому слово в существе своём есть суждение, слово есть мысль» [Там же: 102], то есть ментальное действие с участием воли. Ср. ещё: «слово ...есть не «понятие»..., но то, что выше, ибо реальной понятия, идея» [Там же: 139]; «Представления и понятия, следовательно, суть составные части нашего познания, так что ни понятия не могут образовывать познания без соответствующего им представления, ни представления без понятий...» [Там же: 161].

Вполне созвучно этому мнению высказывание ведущего отечественного психолога Л.С. Выготского: «Но и сами понятия... поскольку применение их ограничивается сферой чисто житейского опыта, часто не поднимаются выше уровня псевдопонятий, оставаясь не больше чем общими представлениями, т.е. комплексами» [Выготский 1982: 176].

К числу значительных достижений в лингвистических исследованиях, объясняющих многие языковые закономерности, включая феномен многозначности, свойственной единицам всех уровней системы языка в силу закона асимметричного дуализма языкового знака, относится когнитивная идея взаимодействия фигуры и фона, профиля и базы. С ней связана идея фокусировки внимания на том или ином семантическом компоненте, выдвижения его на первый план (ср. явления семного речевого варьирования уже на уровне слова в словаре). Лингвокогнитологи неоднократно высказывали мысль о том, что развитие многозначности онтологически идёт не от одного значения к другому, а от общего представления с постепенной дифференциацией значений. Это подтверждается и данными когнитивной науки, и исследованиями детского мышления и речи. Ещё Д.Н. Шмелёв отмечал факт диффузности значений многозначного слова, известной размытости, некоторой неопределённости лексической семантики. В когнитивных ориентациях это объясняется бесконечностью человеческого опыта и знаний, их недискретностью, преломляемой языком в дискретных единицах. Замечено, однако: «не исключено, что не только словарное толкование, но и само частное значение – это элемент метаязыка описания, и только его» [Зализняк 2006: 44].

По справедливому замечанию А.М. Плотниковой, «для установления производности значений многозначного слова, помимо компонентного анализа, нужно учитывать «правило шести шагов», предложенное Ю.Н. Карауловым» [Плотникова 2006: 20]. Этот критерий вполне согласуется с давним утверждением Ю.Д. Апресяна о подобии семантических отношений на уровне внутрисловной и межсловной деривации. Правда, не вполне ясно, что А.М. Плотникова понимает под разными ментальными репрезентациями и относится ли сюда концепт, стоящий за разными значениями глагола гореть в приводимом ею примере. При этом вполне сочувственно автор цитирует Е.Г. Беляевскую, усматривающую единство смысловой структуры слова в опоре не только на общую звуковую форму, но и одну «когнитивную модель», лежащую «в основе всех лексико-семантических вариантов одной лексемы» [Беляевская 2000: 12].

Известно, что способами лексической объективации концепта могут быть и такие лексикосистемные группировки, как синонимы. Поэтому даже при синонимическом способе толкования номинации концепта в словаре вряд ли можно видеть семантическое тождество между значениями лексем левой и правой части, как это иногда бывает в лингвистических работах. Ср. толкование лексических значений существительных покаяние и исповедь, за которыми стоит один и тот же концепт при отсутствии их семантического тождества: «Покаяние 1. Признание грехов перед священником; исповедь» и «Исповедь. 1. Обряд покаяния в грехах перед священником и получение от него отпущения грехов» (БТС 1998). Очень существенным различительным признаком здесь выступает указание на сему «обряд», имеющую ядерный статус для семантики второго слова и периферийный, если не факультативный, в толковании значения первого синонима. По наблюдениям А.М. Плотниковой, специально исследовавшей глаголы социального поведения и отношения, глагольный коррелят исповедоваться отражает несколько ситуаций, в свою очередь тоже являющихся комплексными, и содержит «моторную программу» осуществления действия, то есть обладает всеми признаками полипропозитивных глаголов [Плотникова 2008: 91–92]. Кроме того, толкование значения слова покаяние в словаре учитывает только традиции православного вероучения, хотя существует в конфессиональной литературе и иное истолкование исповеди, не предполагающей наличия священника в качестве единственного адресата исповедального текста. Ср.: «В православной традиции происходит практическое отождествление исповеди и покаяния, между ними просто ставится знак равенства. Однако покаяться в чём-либо и произнести текст исповеди... разные уровни, разные смыслы. Исповедь, например, может

воплотиться в молчании – в акте исихии как духовного праксиса» [Уваров 1992: 3].

В случае окказиональной, ситуативно-речевой синонимии содержится имплицитная информация о недостаточности имеющихся в языке ресурсов для выражения нестандартных взглядов и оценок и т.д. Таким образом, один и тот же концепт может быть выражен по-разному в соответствии с теми или иными установками сознания коммуникантов, определяемыми не только языковой компетенцией, но и внеязыковым опытом. Сказанное относится и к адресанту, и к адресату, обладающим разными знаниями, создающими допуск для разного вывода, для разного понимания сообщения.

С другой стороны, смена культурно-исторической ситуации может повлечь за собой изменение состава концептуальных признаков, стоящих за номинацией концепта (ср. трансформации значений многих прилагательных-идеологем типа советский, партийный, большевистский и др. в постперестроечном дискурсе и их экспликацию в словарях последнего времени).

В речедеятельностном, дискурсивном аспекте рассматривается в культурологии и лингвистике оппозиция слово – молчание. Подтверждение принадлежности молчания виртуальной области языка ищется в общности темы коммуникантов, в самом наличии диалога как признаке человеческой речи, в таких собственно лингвистических показателях того, что молчание, как и слово, есть Логос, как общность управления у глаголов одной ЛСГ: говорить, сказать, спрашивать, писать, молчать о чём-то. В случае многословия слово забалтывает свой предмет, обнаруживая информационный вакуум, хаос, энтропию, видимость бытия, т.е. небытие, «и тогда бытие заявляет о себе в образе молчания» [Эпштейн 2005: 211]. М. Эпштейн говорит о двух формах молчания: молчание-покорность и молчание – таинственность. Он отмечает и такую его форму, как молчание несвободного человека.

В рамках деятельностного подхода оказался востребованным не только статический компонентный и концептуальный анализ, но и отражающий когнитивную природу слова дискурсивный анализ, имплицитно представленный в материалах словарных статей толковых словарей, как нормативных, так и диалектных. Те отношения и роли (постоянные и переменные), которые связаны с социальными отношениями людей в процессах их жизнедеятельности, в самом общем виде прогнозируются элементами словарных толкований.

Различные дискурсивные практики, различные когнитивные признаки концепта, стоящего за словом, с этими практиками связанные, объясняют продуктивность ставшего уже традиционным компонентного анализа в описании лексики. Его глубинные основы не исключают взаимодействия с

методами, разрабатываемыми в когнитивистике. Ещё раз сошлёмся на мнение В.Г. Гака: «Потенциальные семы могут быть реализованы в переносных значениях или оставаться как содержательная возможность, создавая смысловую глубину и смысловую перспективу слова» [Гак 1977: 15]. Справедливость этого положения подтверждается далее анализом семного речевого варьирования глагольной лексики в текстах В.М. Шукшина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бацевич Ф.С., Космеда Т.А. Очерки по функциональной лексикологии. – Львов, 1997.
2. Беляевская Е.Г. О характере когнитивных оснований языковых категорий// Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Рязань, 2000.
3. Брагина А.А. Штрихи истории в пушкинском слове. // ФН, 1999, №3).
4. Булгаков С.Н. Философия имени. – СПб, 2008.
5. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // В.В.Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977.
6. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. – М., 1977.
7. Ермакова О.П. О зависимости лексикологии от лексикографии // Русский язык сегодня. – М., 2004. Вып.3: Проблемы русской лексикографии.
8. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы её представления. – М., 2006.
9. Зализняк А.А. Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания, 2004, №2.
10. Котцова Е.Е. Гипонимия в лексической системе русского языка. – Архангельск, 2010.
11. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М., 1997.
12. Лосев А.Ф. Философия имени. – М., 1999.
13. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. – М., 2004.
14. Плотникова А.М. Когнитивное моделирование семантики глагола (на материале глаголов социальных действий и отношений). Диссертация... доктора филол. наук. – Екатеринбург, 2008.
15. Плотникова А.М. Многозначность русского глагола: когнитивное моделирование (на материале глаголов социальных действий и отношений). – Екатеринбург, 2006.
16. Приёмывшева М.Н. Тайные и условные языки в России XIX в.: историко-лингвистический аспект. Дис... д-ра филол. наук. – СПб., 2010.

17. Степанова В.В. Синонимические связи в аспекте типологии лексических значений. // Лексико-семантические связи слов. – Л., 1983.
18. Сулименко Н.Е. Современный русский язык: к изучению семантики имён прилагательных. Изд.2-ое. – СПб, 2008.
19. Сулименко Н.Е. Типы лексических значений признаков слов в современном русском языке: Диссертация... д-ра филол. наук. – Л., 1983.
20. Уваров М.С. Текст как исповедь // Язык и текст: онтология и рефлексия. – СПб, 1992.
21. Черняк В.Д. Синонимия в русском языке. – М., 2010.
22. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М., 2004.
23. Эпштейн М. Слово и молчание в русской культуре // Звезда, 2005, №10.

6. ОСНОВНЫЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ТЕКСТА ПО ДАННЫМ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

ВВЕДЕНИЕ. СЛОВО И ГУМАНИТАРНАЯ СУЩНОСТЬ ЗНАНИЯ

Гуманитарная сущность научного знания обнаруживает себя прежде всего в слове как первооснове любого вида знания. С ним связаны те познавательные модели, в терминах которых осуществляется концептуализация фрагментов реальности. Обзор таких моделей с опорой на лингвистические (прежде всего имеющие выход на слово) исследования предпринят далее.

«Ключевая роль языкознания для многих смежных гуманитарных наук делает выводы языкознания важными для всего гуманитарного знания в целом» [ЛЭС 1990: 618]. Это положение учитывается нами при рассмотрении инновационных методов исследования в лингвистике и значимости их не только для филологов.

Предназначение языка определяется тем, что он формирует концепты, суждения, осуществляет коммуникацию, обслуживает социальные акции, участвует в совершении ритуалов, регулирует человеческие и социальные отношения, ориентирует человека в окружающей его действительности, хранит историческую и культурную память народов, выполняет эстетическую функцию, а в целом служит источником знаний о человеке и его мире [Русский 1997; Значение 1991].

Что же касается таких высших форм мышления-языка, как научная и художественная, они, по справедливому замечанию Д.М. Поцепни, «развились из единого обиходного мышления-комплекса» [Поцепня 1997:80]. Этот факт генетической общности объясняет невозможность противопоставления научного и обыденного понятий в современной модели мира.

При широком понимании культуры как совокупности материальных и духовных артефактов, характеризующих достижения человеческого разума, науки, искусства, воспитания, образования, содержательная сторона языка и его единиц также оказывается достоянием культуры и светит ее отраженным светом. Основа такой связи – укоренённость языка в первичных видах деятельности, включая предметную, обуславливающую «человеческий слой» в вещи: «Попадая в сферу человеческой деятельности, предметы приобретают новое «сверхприродное» качество: способность заключать в себе человеческий смысл, нести на себе отпечаток человеческого духа, служить человеку его собственным отражением. Таким образом, они выступают как предметы культуры благодаря духовной творческой активности человека» [ЛЭС 1990]. С этим связаны сомнения ряда лингвистов в коммуникативных причинах

происхождения языка, выдвижение ритуальных (М. Маковский), сакральных, мифологических гипотез происхождения языка (Н.И. Толстой, В.Н. Топоров, В.А. Маслова, С.Е. Никитина и др.). Логичность этих гипотез видится в том, что «язык действительно слишком сложная и слишком избыточная система, чтобы возникнуть лишь как средство общения» [Фразеология 1999:160]. В.А. Маслова, рассматривая связь мифа и языка, считает, что язык не только сохраняет черты мифологического мышления, но и способен их заново продуцировать: «Думается, что миф и предшествует языку как неоформленное движение мысли, и совпадает с ним, определяя план его содержания, и порождается языком» [Там же]. Мифологическая гипотеза, по В.А. Масловой, объясняет феномен языкового многообразия, ибо язык воспринимается носителями как средство замыкания своего культурного пространства и отделения его от чужого, создания непроницаемости культурной среды, то есть здесь находит реализацию глобальная дихотомия мифологического мышления: своё – чужое. Не только культуросносные, но и культуросгенные функции языка становятся предметом исследования в лингвокультурологии.

6.1. О ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ АНАЛИЗА ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ ТЕКСТА

Связь когнитивистики и лингвокультурологии, когнитивного и лингвокультурологического анализа, объясняется тем, что в сознании осуществляется взаимодействие языка как хранителя национального опыта, знаний этноса и его культуры. Отечественные культурологи, отстаивая идею национально-культурной государственности, используют термины «национальные иллюзии, грёзы, социальные сказки», утверждая тем самым особую значимость картины мира того или иного этноса и его субкультур в осмыслении мира. Так, по мнению А. Мелихова, человеку свойственно чувство причастности к чему-то могущественному и бессмертному [Мелихов 2007: 180–181]. Думается, что основное доступное ему средство утверждения национального достоинства и приобщения к бессмертию – это национальный язык государства, к которому принадлежит человек. Проблема универсального решается современными культурологами в аспекте проблемы глобализации и мультикультуризма. Так, говоря об ограниченности возможностей одной культуры, М. Эпштейн замечает: «Универсальное – это свойство предмета, оставаясь актуально одним, быть потенциально многим... без попытки совмещения с другой добродетелью, своей парой, любая добродетель переходит в порок... расточительность – это щедрость без бережливости, скупость – это бережливость без необходимости» [Эпштейн 2004]. Ему вторит А. Уланов:

«Соответственно индивидуально ставит себя вне универсального тот, в ком нет «согласия на мирное разногласие» (Уланов 2005: 214–215).

Методика концептуального анализа, помещение концептологии в лингвокультурный контекст, с акцентированием национальной специфики ментальности этноса позволяют при изучении концептов использовать приёмы собственно лингвистического анализа с последующей когнитивной интерпретацией его результатов. Соотнесённость актуальных и неактуальных концептов увязывается с наличием/отсутствием регулярных в языке средств их лексической и грамматической объективации. Рассуждая о национально-культурной обусловленности любого типа лексического значения, В.В. Виноградов усматривал в нём своеобразие форм и смысловых оттенков национального творчества данного народа при обращении к общечеловеческому, понятийному, логическому содержанию. Это своеобразие семантики разнотипных значений, как и смысловой структуры слова в целом, служит отражением национально-специфической природы концепта и его слоёв, стоящих за словом того или иного языка, поскольку лексическое значение передаёт лишь содержательный минимум концепта, то есть лишь конвенциональный фрагмент национального опыта, закреплённого в данной культуре. Поэтому часто встречаемое в работах дидактического плана противопоставление лингвистического и культурологического аспектов слова выглядит некорректным, ибо в свете антропного подхода невозможно говорить о лингвистике вне её связи с культурологией. Сам термин лингвокультурология, как и его корреляты лингвокультура (русская, немецкая, французская), свидетельствует о нерасчленённости понятий, выражаемых первой и второй частью этого сложного слова.

Особенно часто лингвокультурологический аспект слова игнорируется в описании типов лексических лакун, обнаруживая стремление авторов остаться в рамках системоцентризма, изучения языка «в себе и для себя».

Поэтому неправомерно помещать соответствующие номинации, передающие логические отношения переименования, в однородные ряды с указанием на соединительные или разделительные отношения между их членами: лингвистический и культурологический уровень, лингвистический или культурологический уровень. Уровень национально-культурной обусловленности языковых явлений (ср., например, взгляды В. фон Гумбольдта) позволяет снять дихотомию язык/речь в связи с вхождением системы в среду своего бытования – культуру как систему более высокого порядка. С языковым сознанием связана его национально-культурная специфика, выступающая в особенностях ментальности. Ср. у С.Г. Воркачёва: «ментальность – набор

специфических когнитивных, эмоциональных и поведенческих стереотипов» [Воркачѳв 2004].

Анна А. Зализняк, наблюдая за языковой многозначностью, задаѳтся резонным вопросом: может ли цениться ум, сфера рационального в русской языковой картине мира, для которой фатализм и независимость причин и следствий признаются базовыми для русской ментальности свойствами (ср. позитивную оценку слова изумительный и излюбленный фольклорный образ Иванушки-дурачка). С другой стороны, можно ли считать универсальным концепт, ограниченный рамками пусть и достаточно представительной, но всё же локальной европейской культуры (например, концепт «совесть») [Зализняк 2006: 285]? Вместе с тем, в указанной работе содержатся интересные рассуждения о критериях выделения ключевых концептов культуры на базе их межуровневой языковой экспликации: повторяемость одной и той же идеи в значениях разных слов, выражений, синтаксических конструкций, словообразовательных моделей; связанная с этой специфичностью трудность перевода на иностранные языки. К таким «словам-концептам» (термин не безупречный с точки зрения аспектов анализа слова) автор относит не только известные слова заодно, обида, собираться, попрѳк, но и глагольные конструкции типа повезло, пришлось, удалось и др. Тип синтаксически обусловленного значения связан с выражением существительным пропозитивной семантики. «Пропозитивным» автор вслед Н.Д. Арутюновой называет любое значение, производное от предложения. Пропозиция как одна из ментальных репрезентаций обнаруживается не только в известных примерах типа загляденье, объяденье, но и других (производное значение слова разврат). На уровне лексико-синтаксической координации (термин С.Г. Ильенко) получает когнитивное обоснование тип синтаксически обусловленного лексического значения в русском языке, реализуемый в безличных конструкциях (типа коробит, трясѳт и др.). Отмечены и разные типы синтаксической обусловленности для разных значений слова (например, бояться за... и что, чтобы), а также роль фразового ударения как средства, маркирующего фокус восприятия при дифференциации энантиосемичных значений (мимо). Справедливо и указание на то, что при наличии специфических концептуальных признаков, их своеобразной конфигурации все слова того или иного языка оказываются национально-специфичными. Ср. сочувственное цитирование А. Вежбицкой: «наличие в языке некоторого слова связано с наличием в культуре ключевого концепта и, более того, с указанием на его значимость для данной культуры» [Там же: 208]. Подобная лингвоспецифичность связана с идиоматичностью как признаком слова, несводимостью его значения к сумме составляющих слово частей, с наличием

неявных смыслов и особенностями его взаимодействия со средой. Лингвокогнитивную интерпретацию в контексте определённой культуры приобретают и другие типы лексических значений, а также их различное понимание в русистике. Сказанное относится прежде всего к истолкованию типа фразеологически связанного значения. Начать нужно с того, что сама проблема типологии лексических значений выступает как исследовательский концепт, представленный в отечественном языкознании и связанный с именем академика В.В. Виноградова. Уместно вспомнить давнее замечание А.А. Уфимцевой о том, что разработкой смысловой стороны слова лингвистика всецело обязана отечественной науке. Даже те особенности названного выше типа лексического значения, которые получили расширительное толкование в концепции её создателя, до сих пор обсуждаются в лингвокогнитивистике.

Так, рассматривая участие глаголов движения в описании внутреннего состояния человека, Анна Зализняк отмечает двойкой способ такого участия: «С одной стороны, они входят в состав **более или менее** фразеологически связанных значений (выделение моё – *Н.С.*), представляющих события и состояния ментальной сферы при помощи метафоры перемещения некоторой абстрактной сущности ментальной природы: мысль пришла в голову, прийти к мнению, заключению, впасть в заблуждение, погрузиться в раздумье, взять в толк, принять к сведению, во внимание, довести до чьего-либо сведения, сознания» [Анна Зализняк 2006: 67]. Нетрудно видеть, что уже в приведённых примерах представлены как собственно фразеологизмы (при узком подходе к фразеологии), так и глаголы фразеологически связанного значения как типа лексического значения. Уже отмечалось, что этот взгляд отмечает специфическое понимание В.В. Виноградовым термина «фразеологический» как «фразовый», в результате его учения о фразеологических формах слова (ср. утвердившийся в лингвистике иной термин – ЛСВ) и рассмотрения соответствующего типа значения и аналогичного материала одновременно в рамках его лексикологической и фразеологической концепции.

В то же время указание в приведённой цитате на градуальность фразеологической связанности значения (маркёры «более или менее») свидетельствует и в пользу онтологической недискретности лексической семантики, единства лексико-семантической и даже лексико-фразеологической системы языка, и в пользу необходимости терминологически дифференцировать разные виды связанности лексического значения при выделении его типов (например, необходимости говорить о лексически связанных значениях как промежуточным типе между свободно-номинативным и фразеологически связанным). Это тем более справедливо для научного метаязыка описания.

С другой стороны, автор замечает, что глаголы движения «могут иметь собственное переносное значение, соотносимое с ментальной сферой» [Там же: 67]. Правда, она видит отсутствие между этими двумя классами жёсткой границы, поскольку «переносные значения возникают именно из таких фразеологически связанных значений, распространяемых за пределы вызвавших их к жизни контекстов» [Там же]. Тогда непонятно, почему не включаются в рассмотрение выражения типа «дойти до сути» при включении в анализ выражения «до меня дошло» при однотипности семантики содержащихся в них глаголов.

Неспроста в литературе по когнитивной проблематике речь постоянно идёт о культурных концептах (Ю.С. Степанов; Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров с их учением о логозпистеме). Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелёв также говорят об универсалиях лишь применительно к философским концептам, а традиционной нормой для оценки «богатства» в русской культуре признаётся бескорыстие, отсутствие мелочности, широта, размах. Н.Ф. Алефиренко отмечает корреляцию типов концепта с типами дискурсов в той или иной культуре и мн. др.

Поскольку с формированием новых объяснительных теорий слова связаны и междисциплинарные знания, в культурологический контекст попадают и такие лексические явления, как семантическая деривация, связанная с идеей блуждания системы по полю возможностей в поисках аттрактора своего дальнейшего развития. Ср. в упоминавшейся книге Анны Зализняк: «Знание механизмов семантической деривации позволяет выявить возможные, допустимые с точки зрения внутренней логики языка пути семантического развития; использует ли реально язык данную возможность, предсказать нельзя» [Анна Зализняк 2006: 36]. С этой непредсказуемостью связана и возможность включения диахронических элементов в синхронное описание, и синергетическое обоснование особенностей национальной ментальности. Ср.: «в этической сфере имеет место следующая корреляция: компактность метафорически переосмысливается как космос, порядок, а рассеяние – как хаос, беспорядок. Но при переносе в интеллектуальную сферу соотношение обратное: ср. метафорическое осмысление выражений разложить всё по полочкам (внести порядок и благодаря этому ясность в понимание какой-то проблемы) и свалить всё в одну кучу (неправомерно соединить вместе факты или идеи, которые следует различать, внося тем самым в понимание проблемы беспорядок и хаос)» [Там же:254]. Однако парадокс здесь кажущийся в связи с общей аналитичностью научного способа осмысления мира в отличие от синкретизма обыденного, наивного мышления. Следовательно, тип мышления и

отражающие его дискурсивные практики носителей языка дают свои проекции в семантику языковых выражений.

Обращаясь к гуманитарному знанию как одной из ипостасей культурного знания, лингвисты обнаруживают и сходство, и различие в трактовке задач и содержания этой дисциплины [см.: Воробьев 1997, Кармин 1997, Язык как...2000].

Лингвокультурологические проблемы получают свое разрешение при составлении «Словаря русской культуры» [Константы, 1997], определении констант культуры как устойчивых, базовых концептов. Описывая действительность особого рода – ментальную, «они имеют по крайней мере одно очень твердое основание – буквальный смысл обычая, представления, верования, термина, слова. Это всякий раз – исходная точка и дальнейшего развития концепта в самой ментальной действительности, в действительно существующем коллективном сознании, и в развитии гипотезы исследователя, которую он строит по этому поводу» [Степанов 1997: 55]. Необходимость выхода за пределы чисто лингвистической теории, в контекст культуры («одно из оснований новой парадигмы») увязывается с обоснованием неслучайности именования в культуре, особых отношений между именем и вещью (языком и действительностью). Для их обозначения вводится понятие «концептуализированной предметной области» в языке и культуре: «Под нею мы понимаем такую сферу культуры, где объединяются в одном общем представлении (культурном концепте) – слова, вещи, мифологемы и ритуалы» [Там же: 68]. Будучи «основной ячейкой культуры в ментальном мире человека» [Там же: 41], концепт предстает как пучок представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, связанных с обозначающим его словом. Имея «слоистое» строение (актуальные признаки, пассивные, этимологические), концепт по-разному существует для разных социумов и индивидов.

Проблемы культурологической семантики, лингвокультурологии рассматриваются в контексте парадигмальных изменений в науках о человеке. Так, методологическим аспектам анализа культурологической семантики посвящена статья Р.М. Фрумкиной «Культурологическая семантика в ракурсе эпистемологии» [Фрумкина 1999]. Рассматривая естественный язык как важнейшую составляющую культуры, автор отмечает изменившиеся акценты в изучении семантики языка: «Интерпретация семантических явлений направляется не на абстрактно понимаемый смысл, а на культурный феномен, который существует в человеке и для человека» [Там же: 4]. Отмечается и особая значимость языка в описании ценностно нагруженных смысловых образований в культуре (они обычно и именуются культурными концептами типа жизнь, смерть, любовь, дружба, правда, истина и др. – *Н.С.*), и особый вес

культурологической аргументации в современной лингвистике (особенно в когнитивной семантике). Наличие субкультур в пределах одного языка обуславливает несовпадение в уровнях владения культурно-специфичными концептами у разных носителей языка (а тем более разных языков). В качестве иллюстрации автор приводит различное владение смыслами номинаций манная крупа, перловая крупа и пшено: горожанин владеет ими на уровне концепта-минимума («не знает, что манная крупа делается из пшеницы, пшено – из проса, а перловая крупа – из ячменя» [Там же: 5]), а крестьянин – на уровне концепта-максимума. Концепты-минимумы усматриваются в толковании основного значения в словаре Ожегова. Культурологическая семантика слова видится прежде всего в межъязыковом сопоставлении. Примером служит указание А. Вежицкой «на компенсаторную роль «русской дружбы», когда отношения с узким кругом близких и надежных людей жизненно необходимы для человека, постоянно испытывающего давление тоталитарного государства... англ. friend соответствует отношениям, выраженным русск. приятель и знакомый» [Там же: 6]. Ср. толкование слова друг в «Толково-комбинаторном словаре» И.А. Мельчука и А.К. Жолковского: «NB: смысловым ядром слова ДРУГ I.I является «духовная близость, взаимная преданность и готовность помогать друг другу». В плане важной для нашей темы тенденции сближения лингвистики с общегуманитарной проблематикой особый интерес представляет трактовка взаимодействия обыденного и научного знания и способов их языкового преломления. С одной стороны, структура смыслов (семантика) отражает наивную картину мира, которая «определена культурой и ментальностью эпохи, местом человека в социальном пространстве, его самоидентификацией в качестве «Я» и в качестве «Мы»» [Фрумкина 1999: 8]. С другой стороны, «в науках о человеке практически все знание фиксируется с помощью слов естественного языка. Но лишь небольшая часть слов употребляется исключительно в качестве терминов, то есть как слова моносемичные. Большинство же слов в научных текстах функционирует одновременно и как термины, и как слова обыденного языка во всей мощи своей полисемичности» [Там же: 7]. Справедливо поэтому замечание о необходимости особой аккуратности в интерпретации смыслов слов в научном изложении. Но нужно помнить и о неразрывной связи обыденного и научного понятия, первое из которых стремится ко второму как своему пределу и, по меткому замечанию Ю.С. Степанова, достигает его, когда второе уже покидает пределы науки.

Лингвокультурологию в кругу дисциплин антропологической лингвистики рассматривает В.И. Постовалова [Постовалова 1999]. Вслед за В. Гумбольдтом язык рассматривается ею как духовная реальность. Творческая природа языка имеет своим истоком тесную связь с мыслительной деятельностью индивида и

народа, при этом язык в концепции Гумбольдта – не только инструмент и нечто созданное (*ergon*), но и деятельность духа (*energeia*), средство выражения и обретения истины, определенное воззрение на мир. В интерпретации духовности как лингвокультурологической категории В.И. Постовалова отмечает две установки: имманентно-антропологическую и трансцендентально-синергетическую. Первая осуществляется внутри антропологического пространства: «Духовное в человеке при этом подходе определяется как то, что имеет отношение к высшим ценностям в человеке, в его душе... Во втором случае духовное в человеке отождествляется с трансцендентальным началом-действием в человеке Святого Духа, а также различных духовных сущностей» [Постовалова 1999: 31]. Такое понимание выводит науку о языке в сферу теoантропокосмической парадигмы изучения языка и за пределы собственно научного знания. Правда, многие прозрения древних лишь в наши дни получили научное объяснение.

Другие авторы сборника [Фразеология 1999: 9] на фразеологическом материале выявляют культурные смыслы, служащие «посредником между языком и культурой»; показывают, как вплетение культурной семантики в языковую создает культурно-языковую компетенцию; обосновывают содержание и возможные направления лингвокультурологического анализа, рассматривая его как «когнитивную по своему характеру процедуру культурной интерпретации языковых сущностей» [Телия 1999: 23].

Эта связь лингвокультурологии с когнитивной семантикой, имеющая большие последствия в плане изучения семантических основ гуманитарного знания, уже не впервые подчеркивается лингвистами. Не менее важны для последующего текстового анализа указания на то, что культурная составляющая концепта, культурно маркированные семантические компоненты обнаруживаются в разных типах дискурса (разговорном, научном, публицистическом, поэтическом и других тематически и функционально связанных текстах), а также в разных идиолектах.

Различая в русской культуре уровень духа и уровень плоти («низовая» культура простонародья, связанная с языческими корнями, и элитарная культура), Г. Михайлов [Михайлов 1999] считает, что проникновение сквернословия в элитарную культуру ведёт к оскудению ее духовности, подмене писательского мастерства эпатажем, откровенным цинизмом. Всё это оказывается в противоречии с культурной традицией, охраняющей достоинство людей. Автор ссылается на слова В. Лакшина: «Надо отличать годы лицемерия и филистерской морали последних десятилетий от той застенчивости, уклонения от грубого материализма, которые были добрым свойством русской литературы» [Там же: 69]. Она утверждала красоту как антипод безобразия.

Слово может рассматриваться в контексте наивной лингвистики как части гуманитарного знания, фрагмента языковой картины мира. В этом случае язык отражает рефлексию над самим собой. Она, например, представлена в разнообразных реакциях на слово-стимул в «Русском ассоциативном словаре» под ред. Ю.Н. Караулова, а также в неологических словарях последнего времени. Так, реакция словоформой СЛОВА последовала на такие стимулы, как свобода, смысл, словарь, слог, фраза, основа, часть, буква, жаргон, корень, начало, предложение, роль, сказано, состав, текст, форма, элемент. Здесь обнаруживается отчётливое сближение научной и наивной картины мира испытуемых, имеющих сведения по лингвистике хотя бы в объёме школьной программы. Ср. также реакции на стимул Ты, отмечающие не только денотативную область применения слова, но и его коннотации: грубо, доверие, человек. Словарь-справочник «Новые слова и значения-80» представляет не только лингвистическое, собственно филологическое значение слова хронотоп, но и его отрефлектированные языковым сознанием смыслы: «Пространство (место) и время как действенные факторы, образы художественного произведения (термин М.М. Бахтина); осознание личностью своего положения в историческом времени и пространстве». Расчленение значения на смыслы, связанные с художественной реальностью и реальностью исторической, фиксируется графическим знаком.

Теоретическим аспектам проблемы слова в контексте наивной лингвистики посвящен сборник «Язык о языке», под ред. Н.Д. Арутюновой [Язык о ...2000].

Концепт «слова» признаётся базовым в наивной концептуализации речевой деятельности, объединяющим и слово, и речь с составляющими её единицами (И.Б. Левонтина), иллюстрацией чего выступают ахматовские строки: «Десять лет замираний и криков, все мои бессонные ночи / Я вложила в тихое слово». К особенностям осмысления слова в наивно-языковой картине мира относятся понимание слова как внешней оболочки мысли, как вместилища, перенесение отношения к явлению, объекту на слово (отвращение к самому слову), трагические следствия забвения слов как норм и ценностей культуры: «Досадно мне, что слово «честь» забыто / И что в чести наветы за глаза» [В. Высоцкий]; магическая сила сказанного слова: «И упало каменное слово на мою, ещё живую грудь» [А. Ахматова]. Но магическая сила слова может обращаться и на самого говорящего, срывая с него маску и обнажая его душу: «Неслучайно со словом язык сочетаются многие определения, характеризующие нравственные качества человека. Язык может быть грешным, празднословным и лукавым» [Язык о...2000: 12], тем самым язык рисует портрет этноса и отдельных личностей. В основе этого гуманитарного знания лежат собственно языковые процессы метонимического и метафорического переноса. С семантикой имен

собственных связываются философские концепции имяславия, выход в магию, в традиции народной культуры. Так, признаётся одним из самых устойчивых в истории философии, инвариантным философский архетип, утверждающий «наличие некоей нематериальной субстанции, заключающей в себе всю суть вселенной и близкой к слову в своей упорядоченности» [Там же: 41]. Способность вносить космос в хаотическое пространство автор связывает со способностью слова (понимаемого как Идея), имени быть единицей информации. Ср. в этом плане мнение специалиста, весьма далёкого от лингвистики, но озабоченного поисками источников человеческого знания: «...придётся предположить, что будущее дано нам заранее, что оно уже существует. И мы можем, хотя бы во сне, войти в контакт то ли с высшим Разумом, то ли с Богом – с кем-то, кто владеет знанием об этом будущем. С более определёнными формулировками мне бы хотелось подождать, потому что успехи технологического направления науки о мозге так велики, что, может быть, и откроется ещё что-то такое, что позволит пролить свет и на эту проблему» [Бехтерева 2000]. Или ещё: «Эти ученые (школы академика В.П. Казначеева. – *Н.С.*) ... разного толка (физики, молекулярные биологи и др.) в ходе своих исследований были вынуждены признать существование Высшего Разума. Поэтому они обратили свои взоры к научному осознанию религии. Мы, медики, изучая загадки человеческого организма, тоже пришли к такому же выводу» [Мулдашев 2000].

Проблема соотношения семантики языка, его единиц и всего пространства гуманитарного знания решается и с позиций историколингвистических. Она в разных аспектах раскрывается в книге В.В. Колесова «Жизнь происходит от слова...» [Колесов 1999, см. также Колесов 2006]. Изменения в языке связываются с изменениями в стиле и нормах речи, которые в свою очередь порождаются изменениями в «стиле жизни». Построение Культуры, ноосферы сопрягается с разделением языка на письменную и устную разновидности: «В обобщённом явлении каждого слова, представленного на письме (то есть в пространстве текста. – *Н.С.*), находится созданный культурой символ, проясняющий понятие» [Там же: 56].

Один из видов гуманитарного знания – постижение культурного самосознания, которое предстаёт как менталитет этноса и обнаруживает себя в языке, слове. «Ментальность есть мирозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях», причём «язык воплощает и национальный характер, и национальную идею, и национальные идеалы, которые в законченном их виде могут быть представлены в традиционных символах данной культуры» [Там же: 81].

Основной единицей ментальности признаётся концепт данной культуры, «который в границах словесного знака и языка в целом предстаёт (является) в своих содержательных формах как образ, как понятие и как символ» [Там же: 81], при этом концепт как зародыш, генетическая сущность «обретает свою энергию где-то в четвёртом, нам недоступном измерении бытия» [Колесов 1999: 85]. Рождение философского знания из недр языка служит поэтому объяснением концепта как иного образа искомой трансцендентальной сущности: «Слово языка, пройдя через сакрально важные тексты, теперь оказалось заполненным всеми содержательными формами, представляя в своей законченности и самый концепт – система концептов и есть ментальность, явленная в категориях и формах родного языка» [Там же: 102]. Автор неоднократно подчёркивает мысль, что не мы живём в языке, а язык живёт в нас, храня интеллектуально-духовные «гены», переходящие из поколения в поколение. В определении функциональных свойств концепта (постоянство существования при условии развития семантики слова, встроенность в систему идеальных компонентов данной культуры и т.д.) особого внимания заслуживает указание на сохранение семантического синкретизма значения корня («семантический инвариант всей словообразовательной модели») слова. С ним связана культурная память слова и углубление его дальнейших смыслов, как и прогностические возможности языка: «чем древнее корень, тем устойчивее заключённое в нём народное представление о коренном и жизненно важном» [Там же: 170]. Свёртка «коренным» словом всех исходных смыслов общего корня и производных (лик, лицо, личина, личность) объясняет вред иноязычных замен для культурной памяти этноса (ср. имидж, фейс, индивидуум). Онтология этого усматривается в современных концепциях материи как единства вещества, энергии и информации: «Вначале было СЛОВО. Вещество слова с заложенной в нём энергией смысла способно прервать застой и развить новые духовные и культурные ценности» [Там же: 230].

6.2. Лингвокогнитивные аспекты лексической семантики текста

1) Введение.

Известно, что формирование когнитивной парадигмы в русистике в истоках своих связано с ономаσιологическими концепциями слова и их отражением в теории и практике лексикографии. На привлечении элементов словарных толкований основана разработка содержательного потенциала русской глагольной лексики, лексической семантики имён прилагательных, аспектов лексико-синтаксических исследований, типологии глагольных предикатов. Разработка типологии лексических значений слов также учитывает

ономасиологическое измерение лексического значения [Виноградов 1977, Степанова 1983, Сулименко 1983, 2008 и др.]

Вполне разделяем следующее замечание: «Имея в виду, что функция той или иной единицы, включённая в более широкую систему функций языка и речи, в своём проявлении зависит от этой системы, в качестве важнейших функций принимаем когнитивную и коммуникативную» [Бацевич, Космеда 1997: 19].

Выход на языковые средства и прежде всего на слово и словесное высказывание имеют также базовые, ключевые понятия когнитивной лингвистики как науки об описании и объяснении языковой способности и знаний языка как внутренней когнитивной структуры. Это такие понятия, как картина мира, концептуализация, концепт, дискурс, когниция и др. Последняя включает в себя такие составляющие «языка мозга», как восприятие, память, воображение, эмоции, которые в своей совокупности обеспечивают миропонимание и мировидение человека, его ориентацию в мире.

Для понимания содержания языковой картины мира большое значение имеют концепции, связанные с «философией тела». Так, они подчёркивают факт «мышления в движениях» и несводимость мышления и концепта лишь к вербальным формам выражения. При этом свобода как специфически человеческое качество, отразившееся и в языковой картине мира, рассматривается как онтологическое, конституирующее свойство человека, основа его «Я» как точки сборки свободы и ответственности. С названным свойством связывается актуальность для современной языковой личности дискурса о постчеловечности: антропоцентризм, техноцентризм и теоцентризм замещаются антропокосмизмом с его апелляцией к полноте бытия: «антропокосмизм вписывает человека в гармоничную целостность бытия» [Тульчинский 2006: 276, 261], утверждая добытийность и сверхбытийность свободы личности как её ядерного элемента. Аксиомы лингвосинергетики как одного из направлений лингвокогнитивистики перекликаются с прозрениями русских философов начала 20 века. Так, С.Н. Булгаков замечал: «Орган речи и слуха существует потому, что есть звук как мировая энергия. Звуки создают для себя органы в человеке, в котором должно быть вписано всё мироздание» [Булгаков 2008: 60]. Им предсказаны также синергетические идеи блуждания по полю возможностей в поисках наименования, выхода на аттракторы дальнейшей самоорганизации языковой системы: «В том или ином именовании, в котором из большого и в сущности неопределённого множества признаков, а стало быть, и возможностей, избирается одно, заключается мысль, стилизация, рисунок, входящий в картину мира» [Булгаков 2008: 36–39].

Картина мира выступает как гетерогенное явление, объединяющее в себе результаты осмысления универсума, отложившиеся в различных видах дискурсивных практик, связанных с жизнедеятельностью человека. Культурологи не случайно говорят о различных субкультурах в пределах культуры этнической. Последняя выступает как среда бытования языка, снимающая многие заложенные в нём противоречия. С разными ментальными структурами (знание, мнение, переживание, представление и др.) лингвисты связывают и различные когнитивные операторы в интерпретации содержательной структуры номинативных единиц.

Так, в работах В.Н. Телии [см. Человеческий... 1991; Русская...1996] среди таких когнитивных операторов названы: «знай», «почувствуй», «представь себе» и др., выводящие на коннотативные, связанные с субъективными представлениями говорящих семантические признаки слова и фразеологизма. При этом только «часть концептуальной информации имеет языковую «привязку», то есть способы её языкового выражения, но часть этой информации представляется в психике принципиально иным образом, то есть ментальными репрезентациями другого типа – образами, картинками, схемами и т.п. Мы, например, знаем различие между ёлкой и сосной не потому, что можем представить их как совокупности разных признаков или как разные концептуальные объединения, но скорее потому, что легко их зрительно различаем и что концепты этих деревьев даны прежде всего образно» [Краткий...:91].

Если же вслед за А. Вежицкой признавать концепт объектом из мира «Идеальное», имеющим имя и отражающим определённые культурно обусловленные представления человека о мире «Действительность», которая дана нам в мышлении именно через язык, то лексико-семантическая основа знания, культурогенные потенции имени, слова выглядят бесспорными и в этой парадигме.

Вслед за автором считаем, что языковые данные обладают совершенно особой значимостью для выявления универсальных и национально-специфичных способов концептуализации мира, ею выдвинута гипотеза о наличии набора семантических примитивов, «совпадающего с набором лексических универсалий, и это множество примитивов-универсалий лежит в основе человеческой коммуникации и мышления, а специфичные для языков конфигурации этих примитивов отражают разнообразие культур» [Вежицкая 1996: 297]. С опорой на семантические примитивы создаётся естественный семантический метаязык описания. С этих позиций ею описывается, например, русское «авось» как выразитель такого свойства русской ментальности, как иррациональность. Это отношение, трактующее жизнь как нечто

непредсказуемое, неуправляемое, неконтролируемое и заставляющее полагаться на удачу. Ср. толкование «авось» с опорой на семантические примитивы: «я хотел бы этого: X случится со мной поэтому я сделаю Y я не могу думать: «я знаю, что если я сделаю это, случится X» никто не может думать: «я знаю, что случится со мной». Московская школа (Ю.Д. Апресян и др.) вносит и свои уточнения в понимание семантических примитивов: они не обязательно просты по смыслу и не обладают свойством универсальности. Это подтверждается анализом синонимов, которые кроме прототипического ядра имеют определённую частицу смысла в естественном языке, и эта частица смысла национально специфична, то есть подтверждается интерпретационный характер лексического значения слов, выступающий в синонимических заменах и межъязыковых сопоставлениях слов – выразителей концептов. Таким образом, познавательные свойства концепта как явления когнитивной семантики связаны с тем, что он «включает понятие, но не исчерпывается им, а охватывает всё содержание слова – и денотативное, и коннотативное, отражающее представления носителей данной культуры о характере явления, стоящего за словом, взятым в многообразии его ассоциативных связей» [Чернейко 1995: 75]. Роль слова в объективации внеязыковых явлений и фиксации определённого этапа знания об этих явлениях связана с глубинным подобием объективного мира и отражённого в сознании, он «структурирован по тем же самым законам» [Колшанский 1990: 12]. Это единство мира как единство языкового и неязыкового миров осмысливается в терминах семантики возможных миров, виртуальной реальности: «Неязыковая сфера, рассматриваемая в отношении к языковой, представляется как виртуально-языковая сфера» [Атаян 1982: 24]. Изменчивость мира, безграничность человеческого опыта по его освоению, сферы потребностей человека потенцируют изменения в языковой картине мира (по выражению М. Бахтина, «вещь чревата словом»), с другой стороны, уже существующие слова выступают как известный аванс той бесконечности смыслов, которые могут быть переданы словом. Концепт как единица концептуальной системы носителей языка предстаёт не только в имени фрагментов знания, но и является свёрткой определённых ассоциативных полей, замыкающихся на концепте. Их развёртывание обнаруживается и в ассоциативном эксперименте, в словарях (особенно активного типа, направленных от содержания, идеи к способам её представления), и в текстах, дискурсе разного типа. Более того, смысловая структура слова и в обычных толковых словарях может быть интерпретирована с ориентацией на прототип, наилучший образец, каким обычно выступает основное значение слова как его эталон в процессах опознавания, восприятия лексической единицы. В организации же других значений с учётом связывающих их ассоциаций

действует принцип «семейного сходства» (Л. Виттгенштейн), допускающий в процессах категоризации отклонение от лучшего образца по разным направлениям при наличии более тесной связи у попарно соединённых элементов. Не случайно те явления, которые в лексической семантике традиционно называются радиальной и цепочечной полисемией, в своём топологическом аспекте сближаются с универсальными законами организации текста, человеческого знания и мироустройства в целом, связываясь с такими базовыми координатами бытия, как пространство (параллельная связь) и время (последовательная связь) [Гак 1997]. Подобного рода связи действуют и в организации ассоциативных полей как фрагментов ассоциативно-вербальной сети, представленных в «Русском ассоциативном словаре».

Ср., например, словарную разработку ассоциативного поля концепта «земля» с опорой на следующие реакции испытуемых: «круглая 15; планета 11; вода, обетованная 4; воздух, небо, родная 3; в иллюминаторе, вертится, космос, Луна, мокрая, родина, сырая, хлеб, чёрная, шар 2; 3-я планета, ABC, Erde, богов, богов (обетованная), большая, дарит жизнь, добрая, жирная, и вода, и небо, камень, Кассиопея, кормит, круг, людей, мать, мир, море, начало, наш дом, наша, общая, огород, поле, почва, предков, пухом, растение, суша, сыра, твёрдая, тёплая, урожай, устойчивость, утро, участок, хорошо, что-то родное, шар голубой, ягоды 1» [Т. 5, 1998].

В ассоциативном поле концепта оказываются и те ассоциации, которыми связываются между собой общеязыковые значения этого многозначного слова (космические, геополитические, административно-территориальные, а также более соотнесенные с бытовыми представлениями – почва, суша, вещество, объект владения и обработки). При этом наблюдается в ряде реакций синкретизм научных и наивных представлений: космос, Луна (с заглавной буквы как название планеты), 3-я планета, Кассиопея, мир, шар голубой и др.

Многие ассоциации связаны с историко-культурными знаниями, отражающими культурную память слова, национально-культурную его специфику, современные ассоциации: обетованная, богов, предков, родина, мать, наш дом, родная, наша, общая – отражение не только традиционного родственного кода в осмыслении концепта через метафорические модели, образные схемы, но и современных космопланетарных представлений о единстве человечества (ср. реакцию людей, скорее всего отсылающую к названию романа Сент-Экзюпери). Прецедентные тексты как общекультурный феномен просматриваются в реакциях пухом (ритуальная формула), сыра (очевидно, фольклорное мать сыра земля) и др. (в иллюминаторе как отсылка к популярной песне).

Лингвокультурная информация здесь связана и с обозначением значимых для русской культуры разновидностей ландшафта и угодий (поле, огород, участок), значимых для исконных крестьянских занятий свойств земли (сырая, чёрная, добрая, жирная, почва, камень, твёрдая, тёплая и др.), её животворных функций (начало, хлеб, дарит жизнь, кормит, растение, ягоды, урожай), благотворного влияния на психику человека (что-то родное, хорошо).

Ассоциации передают и собственно лингвистическую информацию (немецкий эквивалент русского слова). Ассоциативное поле концепта в ассоциативно-вербальной сети, отражая фрагмент картины мира и предречевую готовность носителей языка, имплицитует связный текст, этим же свойством обладают и гнезда дескрипторов другого словаря активного типа – «Русского семантического словаря» под ред. С.Г. Бархударова. Правда, построенный на базе машинной выборки материала из современных толковых словарей, изданных с опорой на жёсткое разграничение лингвистических и энциклопедических знаний при системно-структурном подходе к языку, он, на наш взгляд, вследствие этого обладает меньшими культураносными потенциями (оставляем в стороне вопрос об искажении традиционных культурных представлений вследствие идеологизированности многих толкований).

Различные стороны содержания концепта получают своё развёртывание в разных типах дискурса и его «лексикона», в построении лексической структуры текста и его фрагментов, с переходом от глобального замысла, макроструктур текста к его микроструктурам, замыкающимся на слове. Возможен и обратный путь анализа, который в силу цельности текста, связанной с мотивационным уровнем его структуры, с интенцией автора, приводит к равнозначным результатам.

В освещении семантической основы гуманитарного знания исключительное значение приобретает понимание дискурса как «языка, погружённого в жизнь» (Н.Д. Арутюнова), как текста, рассматриваемого с учётом всех внеязыковых факторов (социальных, культурных, психологических), обеспечивающих успешное взаимодействие людей и механизмов их сознания в контексте целенаправленной человеческой деятельности [ЛЭС 1990, Краткий 1995]. При когнитивном подходе к дискурсу [Дейк 1989, ЛЭС 1990, Категоризация 1997, Кубрякова 2004 и др.] отмечается его роль как «средства выражения и создания» любого «возможного (альтернативного) мира» [Язык...1995: 8]. Ср. там же: «Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встаёт особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счёте – особый мир. В мире всякого

дискурса действуют свои правила синонимических замен, свои правила истинности, свой этикет. Это – «возможный (альтернативный) мир» в полном смысле этого логико-философского термина. Каждый дискурс – это один из «возможных миров». Само явление дискурса, его возможность, и есть доказательство тезиса «Язык – дом духа» и, в известной мере, тезиса «Язык – дом бытия» [Язык... 1995]. При рассмотрении дискурса как возможного мира он смыкается с понятием картины мира (в текстовом её выражении), ментальности в её результативном, речепорождающем смысле, и все эти понятия связаны с базовой единицей в процессах концептуализации мира, его категоризации – концептом, имеющим прежде всего лексическое выражение в языке. Это объясняет важность обращения в изучении семантики возможных миров к их «особому лексикону», «правилам словоупотребления», к лексическим средствам экспликации концептуальной структуры текста – выразителя возможного мира.

Лексическая составляющая становится предметом внимания лингвистов при изучении разных типов дискурса: научного, политического, художественного и др.

Ср., например, монографию Т.А. Трипольской, посвящённую эмотивно-оценочному дискурсу [Трипольская 1999, 1999-а], работы К.В. Томашевской, освещающие проблемы экономического дискурса современника в лексическом аспекте [Томашевская 2000]. Так, при исследовании «лексикона» экономического дискурса современника фундаментальный концепт экономика выявляется в лексике, представляющей ядро соответствующего семантического поля (ядерная сема сближает терминологическое и общеупотребительное значение, однако полного тождества в признаках концептуального ядра нет): инфляция, эмиссия, дефолт, приватизация.

Другим способом представления базового концепта служит лексика околоядерной зоны (где сильновероятностный импликационал отражает логические следствия из дефиниций: престижный – «I. Такой, который высоко ценится (в обществе или в к-л. среде), предпочитается другим). II. объекты». В третьей группе слов «экономическая» сема представлена в ранге потенциальной (слабовероятностный импликационал). Слова этой группы не предполагают экономического толкования, но выступают в ассоциативном поле концепта экономика и могут регулярно воспроизводиться в различных видах текста: «тандем (перен., публ.) – союз, содружество кого-л., чего-л., «Тандем «страховая компания – банк» позволит реализовать масштабные проекты» [Толковый словарь... 1998].

В кругу концептов экономического дискурса автором рассмотрены и такие, находящиеся на более низкой ступени иерархии, чем базовый концепт

экономика, как деньги, рынок, бизнес и др., организующие «свои», хотя и перекрещивающиеся или включаемые ассоциативные поля.

Анализ лексикона экономического дискурса показал не только ту модель экономики, которая создаётся в обществе, но и те представления о человеке, тот образ человека, который постулируется экономической моделью, определяющей перспективы развития и «качество жизни» этноса.

Изучение лексикона эмотивно-оценочного дискурса (докторская диссертация Т.А. Трипольской) уточнило наши знания об аксиологических, ценностных ориентирах социума и увязываемых с ними эмоциях. Ценностная картина мира как фрагмент языковой картины мира связана и с фундаментальными характеристиками культуры, и высшими ориентирами поведения, и с другими его кодексами – юридическими, религиозными, моральными, суждениями здравого смысла, с традициями фольклорной и литературной обработки эмотивных концептов типа глупость и подлость. При этом выявилась погружённость интеллектуальных понятий в эмотивно-оценочный контекст, взаимопроникновение когнитивного и прагматического уровней в структуре языковой личности.

Значимость сенсорных концептов Е.С. Кубрякова связывает с особенностями познавательной деятельности человека, определяющей пути формирования концептов: «в окружающей среде человек и должен выделять в первую очередь объекты с чёткими контурами и / или вполне определёнными сенсорными признаками», отчего в истоках своих «концепт формировался на основе сенсорных моторных репрезентаций» [Кубрякова 2004: 7]. Так, ею вскрывается диалектика внешней и внутренней реальности, значимость вещи и её признаков в процессе восприятия, в активном взаимодействии человека с миром: «люди ведут себя по отношению к объектам сообразно их объективным характеристикам», в которых заложены условия деятельности с ними. Понятие нормы во многом определяется свойствами предмета с точки зрения «заинтересованности» «в нём человека и возможностей использования: “Для многих линейных предметов, особенно артефактов, – пишет А.В. Кравченко, – норма определяется удобством манипуляции этими предметами человеком – ... «(не) большой в обхвате»: толстое бревно, колбаса... Для многих предметов – натурфактов (дерево, волос, сосулька) нормой чаще всего является некоторая среднестатистическая величина. Для плоских предметов – артефактов (стена, доска, бумага) норма чаще всего определяется условиями функциональной утилитарности) [Кравченко 2004: 45]. Но и «эволюция органов чувств должна была происходить в таком направлении, которое могло бы обеспечить человеку правильную ориентацию в этом мире и создать всё для способности верно

отражать окружающую среду и для эффективного взаимодействия с нею» [Там же: 90, 93].

Предмет, вещь воспринимается перцептивно как совокупная целостность признаков, как единство целого и части, в опоре на это противопоставление и формируются категории предмета и признака – атрибута. Наблюдаются и явления обратного подобия, семантического стяжения, эллипсиса, субстантивации, использование исходных прилагательных в качестве эталона для сравнения (например, в выражении не стой, как каменный осуществляется ориентация на концептуальный признак неподвижности), что также свидетельствует о близости субстанции и признака. По замечанию Е.С. Кубряковой и её зарубежных коллег, «в обозначениях стабильных сущностей прилагательное не так уж сильно отличается от существительных», «они делят свойства стабильности, более определённой референции и даже сенсорной чувствительности», стабильные признаки (цвета, формы, вкуса, веса и т.п.) «вычлняются из объекта, а объект “состоит” из признаков; предмет и признак имплицитуют друг друга – не может быть объекта без признаков, а признаки не существуют автономно или самостоятельно» [Там же: 250, 259]. Чувственная привязка, связанная с прототипическим денотатом, ощущается даже в семантике абстрактных имён.

С развитием значения прилагательных связан главным образом перенос наименований на непередметные сущности по определённым правилам, диктуемым языком: все эти прилагательные описывают свойства предметов, которые воспринимаются человеком (ср., например, крутой: парень¹⁸; склон¹⁰; поворот 9; чувак 6; подъём 5; берег, мен, мужик, характер, человек 4; обрыв³; тап; деловой, дурак, маршрут, резкий, спуск, яйцо 2; безупречный, бизнесмен, в себе, Ваня, вираж, глупый, забор, кипяток, кожанка, косогор, обход, пацан, подросток, пологий, прикинутый, рок, самолёт, характер человека, шапка 1 [РАС 1996]).

Обращённость имён прилагательных к “миру” в процессах его концептуализации происходит не непосредственно, а обуславливается языковыми механизмами интерпретации признаков: зависимостью от имени существительного, имплицитными указаниями на присутствие познающего мир субъекта и его деятельность с объектами. По словам А.В. Кравченко, «языку присущи как бы две “оси бытия”: ось сознающего наблюдателя и ось познающего деятеля» [Кравченко 2004: 82]. За репрезентацией слова во внутреннем лексиконе, его энграммой «стоит всегда значительная совокупность знаний о слове как языковом знаке с его интерпретантами, но также и набор знаний об объекте, названном данным словом» [Кубрякова 2004: 65]. Многообразная информация, приведённая в словарных статьях, значима и в

отражении системно-структурных характеристик слова, и в отражении когнитивно-прагматического уровня в структуре языковой личности, её знаний о мире и ценностных предпочтений.

В статье энциклопедии «Кругосвет», написанной Т.М. Николаевой, со ссылкой на типолога Р. Диксона приводится и целая область универсальных значений, по-разному кодируемых прилагательными в языках разных типов: размер, физические свойства, возраст, цвет, скорость, оценка, трудность, сходство, «квалификация», человеческие свойства: «Эти значения настолько естественны для прилагательных, что обычно выражаются адъективно, т. е. при помощи прилагательного, практически во всех языках мира». Эта близость типологических черт объясняется и тем, что многие из параметров качественных прилагательных как бы «встроены в структуру объекта», другие «проявляются при использовании предмета». При этом в некоторых случаях «воспринимаемые объекты сами воздействуют на человека, как, например, яркий свет, громкий плач, резкий запах. Такие признаки проявляются активно и называются агентивными. Иногда человеку самому необходимо определенным образом воздействовать на объект, чтобы тот проявил свое свойство. К таким свойствам относятся пассивные, или пациентные признаки. Чтобы понять, что глина твердая, ее надо попробовать размять; крепкая скорлупа проявит свое свойство, только если попытаться ее расколоть. Крепкие зубы – это такие (свои) зубы, которые выдерживают интенсивные нагрузки и при этом не ломаются. А прочные зубы – это зубы искусственные, изготовленные из прочных долговечных материалов. Теперь становится понятным, почему бывают крепкие нервы и не бывает прочных нервов». Здесь мы видим и дискурсивный, деятельностный подход к истолкованию семантики качественных прилагательных, и объяснение на когнитивной основе мотивов разрешений и запретов на их сочетаемость, сложившихся в языке.

В познавательной деятельности человека, ориентированного на успех в освоении реалий универсума, с его единством психической сферы, важны не только рационалистический момент, но и перцептивный. Имена прилагательные, будучи полнозначными словами с их номинативной функцией в лексической системе языка, отвечают его вероятностному, дискретно-континуальному характеру, не допускающему жёсткого разграничения в объективации таких видов когнитивных структур, как знание, мнение, оценка, то есть противопоставления диктума и модуса, если пользоваться терминологией, идущей от Ш. Балли. Это находит объяснение в принципиальной нелимитируемости стоящего за словом концепта, который используется в таких видах деятельности человека, как познавательная, эмоциональная, волевая, представляющих нерасторжимое единство

человеческой субъективности. При когнитивном подходе к языку, учитывающему это единство, важен и анализ стратегических шагов, ведущих к выводному знанию. Когнитивные стратегии семантического вывода отчётливо выступают при производстве новых слов и значений и их понимании, когда языковой инструментарий используется для перевода имплицитных признаков концепта в светлое поле сознания: грязный / чистый (об экологии), придворный («прикормленный» властью). Косой – «5. перен. Недоверчивый, подозрительный, недружелюбный (о взоре, взгляде)»; 7. разг. С большими средствами, достаточно зажиточный»; густой – «1. Частый, плотный (противоп. редкому). 2. Насыщенный; не водянистый (противоп. жидкому)» [БАС].

«Качественные» значения выступают в языке специализированным средством выражения мнения благодаря явной или скрытой в них оценке, далеко не всегда требующей логической, рациональной аргументации (ср., например, частое использование М. Горьким «недоумевающего» прилагательного странный в речи Клима Самгина, обнаруживающей у него, по словам автора, «общую анестезию интеллекта»).

Познание предмета через его признаки отчётливо выступает в словарном истолковании имён существительных. По наблюдениям В.А. Масловой, В.И. Даль наделяет дурака такими признаками: глупый, тупой, непонятливый, безрассудный, малоумный, безумный, юродивый. «Совершенно очевидно, – замечает исследователь, – что любой человек в ряде случаев может стать носителем некоторых из этих признаков» [Маслова 2005: 154]. Как видим, всё зависит от выражаемого мнения, не требующего рациональной аргументации: для него важно лишь отступление от обыденного эталона культуры, стандартных представлений, житейского здравого смысла. Субъективная модальность, способность к выражению разного рода оценок как проявлений ценностной, аксиологической картины мира (этических, эстетических, сенсорных, гедонистических, рационалистических и др.) выступает неотъемлемым свойством семантики качественных прилагательных. Не случайно и относительные прилагательные как обозначения качества предмета в своих вторичных, переносных значениях тоже начинают выражать скрытую или явную оценку, будучи иногда амбивалентными в оценочном отношении (железный характер, детская наивность, непосредственность, женская деликатность – это хорошо или плохо?).

Думается, что интерпретационный компонент значения имени прилагательного как номинации качества предмета может быть связан с семантикой не только определяемой субстанции, но и той, которая породила само прилагательное. В этих ориентациях получает утвердительный ответ дискутируемый вопрос о референтности имён прилагательных: «референтная

самостоятельность выступает как следствие перцептуальной отдельности и выделенности некоторых объектов (лиц, предметов, физических тел), а также их частей (атрибутов)» [Кубрякова 2004: 226]. Интерпретационный момент присутствует в семантике обоих разрядов даже в свободно-номинативном значении входящих в них слов, определяя признаки предметов “по мерке человека” (ср. соотнесённость со схемой тела человека и его физическими возможностями первичных, прототипических значений прилагательных тяжёлый, лёгкий, высокий, глубокий, крупный, шершавый, резкий и др.). Словарные толкования часто фиксируют позицию наблюдателя, учитывающего данные всех сенсорных каналов. Так, синкретизм наблюдения и интерпретации [Верхотурова 2008] обнаруживают прилагательные: тихий (учитывается возможность быть услышанным, скрыть информацию от посторонних ушей и т.д.); близкий (находящийся в пределах физической, психологической, социальной досягаемости наблюдателя) и др.

По определению Р.И. Павилениса, концепт – это то, что «индивид думает, воображает, предполагает, знает об объектах мира» [Павиленис 1983: 280]. Здесь важно то, что дефиниция отсылает к структурам не только знания, но и воображения, тесно связанным с восприятием; к феноменам не только наличных, действительных, но и возможных миров, вводит в область виртуальной реальности, создаваемой воображением; специализированный способ её представления в лексике – несвободные значения слов, лексически – и фразеологически связанные, указывающие на то, что «мы думаем о мире» (Н.Д. Арутюнова), хотя интерпретирующее начало свойственно всей лингвокреативной деятельности, включая создание исходных номинаций, прямых значений слов.

Сама по себе референтная адресованность слова вне её интерпретации человеком той или иной культуры не проясняет существа различий между качественными и относительными прилагательными и разными типами их лексических значений (ср. нормативность для русского языка сочетаний типа «местный охотник» и «завзятый охотник», «школьный друг» и «закадычный друг»). Не случайно в зоне лексически связанного значения, обращённого к миру абстрактных сущностей, к тому, что человек “думает о мире” (Н.Д. Арутюнова), к миру психической реальности, качественные и относительные прилагательные смыкаются в своих характеристиках, ср.: тяжёлый (о чувствах, переживаниях), мёртвый (о науках, знаниях и т.п.), твёрдый (о человеке и его характере), сердечный (о человеке, его характере), нервный (о работе, жизни) и т.п.

Аналогично и в кругу прилагательных фразеологически связанного значения с первичной для них атрибутивной функцией смыкаются имена

качественные и относительные, что фиксируется словарной пометой «спец.» и «В названиях...»: привычный (вывих. Спец. повторный), свободный (удар, вектор, член и др.), шариковая (бомба), лучистая (спец. энергия), ложный (в спец. терминологии акация, рёбра), тропическая (малярия, лихорадка), согласный (звук).

Прототипический эффект в этих случаях возникает на базе включения в процесс концептуализации структур воображения, оценки, эмоций, что создаёт изменчивость, подвижность качественного признака, при этом действует принцип «семейного сходства», когда смысловая структура слова передаёт и сохраняет отдельные черты прототипа.

Следовательно, картина мира носителей языка предстаёт как иерархия, система множества различных миров, проецируемых и на единицы языка различного уровня. Постоянно идущие в сознании переходы от визуального – и шире – перцептивного кода к вербальному, связывающие такие психические процессы, как воображение, эмоции, оценки, абстрактное мышление, во многом объясняют взаимодействие слова, обозначающего признак, с первичной средой его бытования – именем существительным. На базовом уровне категоризации и относительные, и качественные прилагательные смыкаются в своей обращённости к миру «вещей», по-разному маркируя эту обращённость в типе основного, свободно-номинативного значения: или через корневую общность с производящим именем и синтагматические модели связи с кругом привлекаемых имён (для относительных прилагательных), или только вторым способом (для большинства качественных). Как бы то ни было, связь прилагательного с существительным оказывается более тесной, чем предполагалось до сих пор, и не только по формальным признакам. Статус качеств, фиксируемый словарными толкованиями, может интерпретироваться и в терминах семного варьирования (актуализации, погашения, усиления яркости и т.п. семы). Соотносительность качественной определённости «предмета» и отдельных его качеств особенно очевидно представлена у несвободных значений прилагательных.

Глубинные ценностные предпочтения, верования и когнитивные установки различаются от культуры к культуре и имеют экспликацию в языке. В отмеченных ориентациях становится отчётливой роль эталона в концептуализации объектов и их прототипических признаков, а также её культурная обусловленность, выступающая при сравнении языков.

Для русской культуры в качестве прототипической названа белая разновидность бумаги, в отличие от цветной, рыжая лиса в отличие от серебристо-чёрной и др.; для английской – красная разновидность помидора, розы в отличие от жёлтой, белая простыня в отличие от цветной; для

французской – выделение в качестве прототипической более чем одной разновидности объектов одного класса (красное яблоко и зелёное). Примечательно, что в качестве эталонов сравнения привлекаются прототипические объекты, наиболее значимые для человека в опыте его утилитарной или эстетической деятельности: чёрный, как слива, маслина, смородина; красный, как рак (в таком виде эти продукты употребляются в пищу); белый, как снег. Таким образом, в качестве эталона сравнения качественное прилагательное принимает название прототипического представителя класса объектов, обозначенных ключевым существительным, что отмечается словарями в толковании как существительных, так и самих прилагательных: «молоко – белая жидкость, выделяемая грудными железами...», «чёрный – цвета сажи, угля». Это естественно, если помнить, что вещь и её признак связаны отношениями целого и его части при концептуализации явлений. Видимо, для идентификации и отграничения от сходных объектов (молока от других жидкостей, вороны от других птиц, о чём пишет В.Б. Гольдберг), в качестве точек референции для ориентации человека в мире используются не только цветовые признаки, но и многие другие, воспринимаемые с помощью органов чувств человека: тактильные, вкусовые, обонятельные, слуховые, хотя информация, получаемая с помощью зрения, – наиболее значима. Все эти признаки передаются различными ЛСГ эмпирических качественных прилагательных, за которыми стоят различные образные схемы, а сами эти категории имеют прототипическую значимость, ориентированную на образец, отражающий первичную «заинтересованность» человека в интерпретации класса определяемых. Их стереотипный перечень в словарях задаёт представление о норме качества, сложившееся в данной культуре и создающее лакуны в межкультурной коммуникации. В основе значения многих прилагательных лежит это представление, имеющее «в данном языковом коллективе статус национально-культурного эталона некоторого свойства» [Телия 1988: 200] (ср.: сладкий – вкус сахара, мёда и т.п.; чёрный – цвета сажи, угля...). Последнее особенно очевидно в квалификации В.Б. Гольдберг [Гольдберг 2007] эталонов и псевдоэталонов колористического признака, устанавливаемых с опорой на мыслительные операции сравнения, аналогии: «Образ эталона, хорошо известного из сферы опыта, привлекается для нового осмысления признаков объекта, попавшего в фокус внимания наблюдателя» (ср.: глубокая река и глубокая тарелка). Следовательно, человек думает о мире, понимаемом и как действительный, наличный мир, и как мир той или иной культуры, мир виртуальный, мир психологической реальности.

Поскольку эталон выявляется в сочетаемости, служащей действенным способом презентации концепта, стоящего за словом, внимание к эталонам, стереотипам культуры и их концептуальным признакам вполне оправдано.

Эталон оказывается значимым при наличии не только явного, но и скрытого сравнения, лежащего в основе развития разнотипных лексических значений имён прилагательных, и «знание об объективных признаках эталона, его культурной символике и оценке» [Гольдберг 2007: 75] вообще значимо для развития полисемии слов этой части речи (ср.: золотое кольцо – золотые волосы – золотые руки – золотой характер).

Антропный характер языка обуславливает наличие интерпретативного момента в формировании разных типов лексического значения, как основных, так и дополнительных. Целостность, многопризнаковость значения производящего имени порождает комплексность соотносительных значений относительных прилагательных, сопровождаемых словарной пометой «Относящийся к...». Дальнейшая семантическая дифференциация происходит уже на собственно лексическом уровне с выделением «базисных» признаков, отражающих «заинтересованность» человека в тех сторонах вещи, обозначенной исходным существительным, которые важны прежде всего для операций (в широком смысле слова) с нею. Поэтому принятые в характеристике ЛГР прилагательных термины «субъективно- и объективно характеризующие» [Шрамм 1979] в значительной мере условны.

Двойная мотивация значения относительных прилагательных (справа и слева) объясняет необходимость согласования «вещей», обозначенных существительными, хотя бы по одному из свойственных им признаков. Чаще всего это отношения части и целого (грибная шляпка, цветочная пыльца, стебель; апельсиновая корка), принадлежности (заводская территория, детские вещи), предназначённости (домашняя утварь, мусорное ведро, молочная бутылка) и многие другие виды метонимических отношений, возникающих при регулярном помещении «вещей» в определённую, общую для них ситуацию и закрепляющихся в культуре. Это естественно, если видеть диалектику вещи как совокупности признаков и признака как одного из проявлений синкретизма вещи. Если две величины (существительные справа и слева) соотносительны с прилагательным, они с неизбежностью соотносятся между собой. Производящее позволяет принимать в качестве определяемых имени прилагательного лишь определённый, хотя и достаточно широкий круг существительных, так или иначе ассоциируемых с производящим.

Таким образом, «человеческий фактор» задействован в семантике и относительных, и качественных прилагательных, последние из которых в своих первичных значениях также увязаны с перцептивными возможностями

человека по освоению мира: отсюда их деление на эмпирические и рациональные (А.Н. Шрамм) и включение образно-оценочных моментов при окачествлении относительных прилагательных. Правда, при интегральном подходе к слову с позиций антропоцентризма между эмпирическими и рациональными качественными прилагательными нет существенного различия, поскольку они отражают две взаимообусловленные ступени в концептуализации мира. Но у качественных прилагательных прототипическим, доминантным признаком выступает персональность, признак субъективной характеристики выступает выделенным на всех уровнях языка: лексическом, морфологическом, синтаксическом. Для этого разряда характерны номинации с «включённым субъектом», что связано с доминантностью перцептивного признака, его первичностью в процессах дискретизации социокультурного опыта.

В случае относительного прилагательного познаваемой сущностью становится видовая разновидность класса предметов, вербализуемая атрибутивным словосочетанием (сердечные капли, резиновая трубка, каменное здание, оконная рама, яичная скорлупа, дождевая вода, морское судно, национальные проекты, ледовое шоу, московский опыт и т.д.).

Таким образом, механизм профилирования семантики относительного прилагательного связан и с выбором признака концепта, стоящего за производящим словом (например, Москва – определённый локус и Москва – жители города), и с мотивацией со стороны определяемого. На этой основе строится выводное знание, даже в случае его недостаточной определённости, диффузности, синкретизма (московский опыт – приобретённый в Москве или москвичами, мой или региональный?).

2) О критериях лексической категоризации в её когнитивном истолковании.

А. Грамматическая категория и проблемы категоризации.

Все знания о мире, включая лингвистические, хранятся в нашем сознании в категориальной форме. Таким образом, категоризация с синергетической точки зрения – это способ упорядочения реалий и явлений, процессов универсума. Когнитивные основания грамматики обычно связываются с понятием категории, и именно о грамматических категориях традиционно говорят языковеды. Иначе говоря, грамматикой монополизируется право на категоризацию в языке. Действительно, категоризация в первую очередь предполагает выделение из фона предмета и его признака с последующей их номинацией, но это общее свойство человеческого мышления, наиболее отчётливо представленное в грамматике.

Если рассмотреть некоторые причины грамматического «монополизма», то следует отметить, что приписывание категории прежде всего грамматического

смысла имеет свои объективные предпосылки: множественность объекта, известная смысловая размытость семантических категорий в лексике, лакунарность в представлении тех или иных смыслов в лексических парадигмах, сравнительно более позднее по ряду причин формирование системного подхода к лексическим явлениям, сплошь и рядом отмечающееся нарушение принципа нормативности в истолковании лексических явлений при неукоснительном соблюдении этого принципа в интерпретации грамматической категоризации в системе литературного языка.

Б. Соотношение грамматической и лексической категоризации.

В самом общем виде ответ на вопрос о различии лексической и грамматической категоризации дан в концепции функциональной грамматики. В ней отмечено, что это различие сводится не столько к содержательным характеристикам, сколько к способу их формального выражения. Принято считать, что грамматическое значение как тип языковой семантики является более абстрактным, чем лексическое значение. Но уже в рамках функциональной грамматики (школа А.В. Бондарко) указывается, что грамматические категории и грамматические значения как их компонент являются более высокой степенью формализации общих понятийных категорий по сравнению с лексическим значением, соотносимым с системой лексических средств, не имеющих такого последовательного формального выражения общих понятийных категорий. Так, А.В. Бондарко считает, что в грамматике существуют регулярные специализированные ряды форм для выражения грамматических значений. Лексика же пользуется формальным аппаратом грамматики для размежевания содержательных различий слов. Это свойство грамматических форм учтено, например, В.В. Виноградовым в выделении им различных типов лексических значений как одной из наиболее абстрактных лексических категорий (например, значения синтаксически обусловленного или конструктивно ограниченного). Что же касается содержательного плана лексической категории, то она обладает возможностями, соизмеримыми с потенциями категории грамматической. Это осознано представителями и традиционной, и словарной грамматики, и лингвистами – когнитологами. В текстовой организации содержания обнаруживает себя такое когнитивное в своей основе явление, как лексическая категоризация, то есть объединение слов по их лексическим значениям: «Так же, как и знания о мире, знания языковых единиц, которые тоже являются частью этого мира, хранятся в нашей памяти в категориальной форме» [Кравченко 2007: 95]. Всё это создаёт ориентиры в построении когнитивной модели текстообразования.

В. Аналогия в процессах категоризации.

Опираясь на положение Ю.С. Степанова о глубокой аналогии между семантическим строением имени (отдельного слова) и семантическим строением предложения, В.С. Юрченко считает словосочетание промежуточной ступенью преобразования предложения в слово: «Словосочетание и слово не вычлениваются из предложения, а являются результатом его внутреннего преобразования», при этом «словосочетание – это расчлененная (синтаксическая) номинативная единица; а слово – это квантовая (лексическая) номинативная единица» [Юрченко 1996: 54]. Ср. приводимый им пример: ночь темна – темная ночь – темная. По словам Н.Д. Арутюновой, значение слова – не смысловый атом, а «функция значения предложения» [Арутюнова 1976: 23]. Вспомним и о том, что именно синтаксисты говорят о возможности производных слов свёртывать и переводить на уровень лексической семантики целые синтаксические конструкции.

Г. Изосемия в свете интегрального подхода к языку.

При интегральном подходе к языку между единицами разных уровней языковой системы усматривается изосемия, отсутствие непроходимых границ, наличие переходных зон. С грамматической цельнооформленностью слова связано указание на оформление лексического содержания средствами определенной части речи и на отнесение слова к определенному лексико-грамматическому классу со свойственным ему грамматическим значением как типом языковой семантики. По словам А.И. Смирницкого «грамматическая классификация слов, выражающаяся в их определении как частей речи, с лексикологической точки зрения, является особой семантической их классификацией – классификацией по наиболее общему и абстрактному элементу в составе их значения» [Смирницкий 1955: 153].

Д. Когнитивное обоснование изосемии.

С когнитивной точки зрения это обосновывается способностью разноуровневых единиц языковой системы вербализовать такие базовые ментальные репрезентации, как пропозиция. Сам закон семантического согласования в синтагматике выступает следствием закона концептуального согласования при номинации предмета и его признаков. Это лишний раз убеждает, что пропозиция является основной ментальной репрезентацией для всех единиц языка, снимая оппозицию текста и кода, что отчётливо выявляется в способах представления слова в словаре как в дефиниции, так и в иллюстративной части словарной статьи. Поэтому знание лексического значения слова предполагает знание ситуации, в которой принято его употребление. Это знание сближает различные макрокомпоненты в структуре

лексического значения – денотативный и коннотативный, ибо и тот, и другой оказываются ситуативно обусловленными, хотя и по-разному.

Е. Лексика и категории скрытой грамматики.

С.Д. Кацнельсон [Кацнельсон 1972: 97] пишет о категориях скрытой грамматики в русском языке, благодаря которым с помощью лексического значения и контекста могут выражаться значения, идентичные грамматическим. Например, это могут быть значения определенности / неопределенности (Потребовалась консультация профессора. Профессор потребовал немедленной госпитализации), результативности / нерезультативности (искать – находить), каузативности / некаузативности (есть – кормить), лица (навещать, говорить, смеяться, хвалить, порицать). Слово мальчик конкретизирует свое значение через сопоставление с членами парадигмы: человек – мужчина – ребёнок. Но уже здесь есть соприкосновение со структурой грамматического значения (ср. человек – неодушевленное существо – предмет). Эту связь лексического и грамматического значения, различающихся не столько содержательно, сколько формой своего выражения, отмечает В.Г. Адмони.

Ж. Изосемия категоризации в свете словарной грамматики.

Связь лексического и грамматического последовательно учитывается в исследованиях по словарной грамматике [А.А. Колесников, В.Г. Руделёв, А.Л. Шарандин, Э.А. Балалыкина и мн. др.]. По словам А.Л. Шарандина, механизм взаимодействия лексического и грамматического значений в слове сводится к признанию за грамматикой статуса одного из основных средств выражения лексической семантики; тем самым «подтверждается уникальность лексического значения на уровне грамматики: оно имеет только ему свойственный набор грамматических форм. Вследствие этого грамматика не оказывается чем-то посторонним в словарной статье, а органически входит в нее, определяя лексикографические потенции слова» [Шарандин 1998: 237–238].

З. Лексическая семантика и грамматическая категоризация.

Замечая, что грамматика как бы «размазана» по АВС, Ю.Н. Караулов отмечает связь лексического и грамматического на уровне семантических полей: «... дальнейшее обобщение и компрессия полей на уровне ядер должны приводить к некоторым широким понятийным категориям, которые могут приближаться к грамматическим категориям, а отчасти даже совпадать с ними» [Караулов 1985: 221]. Установлено, что часть сем, используемых при описании лексических значений, «находится в определенном отношении к грамматическим (в широком смысле) значениям, грамматическим категориям» [Руделёв 1997: 202].

В работах недавнего времени эта проблема получает и когнитивное измерение. Так, Л. Талми считает, что грамматические значения отражают не те или иные фрагменты мира, как лексические значения, а структуру таких фрагментов с позиции говорящего. Автор сравнивает эту структуру со скелетом или строительными лесами для концептуализации материала, выражаемого лексически. Отмечается два рода ограничений в содержании грамматических единиц по сравнению с лексическими: на категории выражаемых грамматически понятий и на члены этих категорий. Так, обычно лексическую форму выражения имеют понятия расстояния, размера, формы, цвета. А грамматические категории числа, согласно мнению автора, никогда не выражают таких понятий, как «чётный», «нечётный», «дюжина», «исчислимый», имеющих лексическое выражение [Талми 1999]. Таким образом, грамматическая цельноформленность «лексического» слова определяет и формальную, и содержательную его характеристику, особенно в свете представлений о содержательной природе формы.

И. Общее и специфическое в процессах категоризации.

Следовательно, выяснение критериев лексической категоризации предполагает внимание как к тому общему, что связывает разные типы языковой категоризации, так и к когнитивной специфике лексической категоризации. Ранее отмечалось, что общность в процессах категоризации объясняется тем, что в сознании осуществляется взаимодействие языка и культуры. Концептуальный анализ в этих ориентациях целесообразно, вслед за Е.С.Кубряковой, рассматривать «как поиск тех общих компонентов, которые подведены под один знак и предопределяют бытие знака как известной когнитивной структуры» [Кубрякова 1997:8 8]. Культура преодолевает дихотомию концептуальных оппозиций типа мужчина-женщина, когниция-коммуникация и формирует надоппозитивные интегративные образования разного рода (гиперонимы, метафоры и т.д.).

К. Естественная категоризация в языке и лексическая семантика.

Языковые категории любого типа в отличие от формально-логических выступают категориями естественными, строящимися по прототипическому принципу.

Принцип семейного сходства является определяющим не только для таких лексических категорий, как многозначность и синонимия, но и в менее очевидных случаях, например, в разного рода лексикосистемных группировках слов, включая самые обширные типа семантических полей, представляющих, прежде всего, в идеографических словарях различные фрагменты знаний о мире.

Лексико-семантические поля строятся по полевому, ядерно-периферийному, принципу, указывающему на неодинаковую роль для нашего сознания различных номинаций поля, на разную психологическую выделенность стоящих за ними реалий.

Вместе с тем известно, что за каждым семантическим полем, словообразовательным гнездом и лексической сочетаемостью стоит определённый концепт со всей совокупностью свойственных ему признаков. Права Анна А. Зализняк, утверждая, что «отечественная семантика по существу всегда была «когнитивной» [Анна Зализняк 2006: 19].

Лингвокогнитологи неоднократно высказывали мысль о том, что развитие многозначности онтологически идёт не от одного значения к другому, а от общего представления с постепенной дифференциацией значений. Это подтверждается и данными когнитивной науки, и исследованиями детского мышления и речи. Ещё Д.Н.Шмелёв отмечал факт диффузности значений многозначного слова, известной размытости, некоторой неопределённости лексической семантики. В когнитивных ориентациях это объясняется бесконечностью человеческого опыта и знаний, их недискретностью, преломляемой языком в дискретных единицах. Замечено, однако: «не исключено, что не только словарное толкование, но и само частное значение – это элемент метаязыка описания, и только его» [Анна Зализняк 2006:44].

3) Дискурс, концепт и структура лексического значения.

А. Место аксиологической составляющей концепта.

Определяя дискурс как когнитивно-коммуникативное образование, учёные выделяют в качестве ведущих разные его характеристики: В.И. Карасик отмечает ценностные признаки дискурса и его место в культуре; Г.Г. Слышкин объявляет дискурс объектом исследования культуры. Понятие дискурса как возможного мира (Ю.С. Степанов) в когнитивном плане соотносится с понятием концепта: и то, и другое допускает лексическую экспликацию концептуальных признаков, разнящихся от дискурса к дискурсу.

Остаётся нерешённой проблема аксиологической составляющей концепта (как со стороны содержательного её наполнения, так и отношения к другим составляющим концепта). Видимо, учитывая сигнификативную природу всех компонентов лексического значения слова (а это, напомним, редуцированный концепт), Ю.С. Степанов выделяет в нём и десигнат, обращённый к рационально-логической, аналитической части лексического значения. Известно, однако, что в современных исследованиях содержания слова называется и такая его часть, как прототипический денотат, то есть типовой образ, ассоциируемый со словом. В когнитивистике это одна из содержательных форм концепта, а в семасиологии статус образного компонента не вполне

выяснен: то ли это область коннотаций, то есть аксиологии; то ли область денотации. В любом случае элементы аксиологической картины мира пронизывают всю структуру лексического значения слова, потому, кстати, образы и называют языком чувств.

Б. Структура лексического значения и когнитивные операторы.

Очевидно, всё дело в том, что нельзя рассматривать многие лексические явления вне когнитивного их истолкования.

Само различие десигната и сигнификата в структуре лексического значения объединяет его с другими типами языковой семантики как отражением ментальных процессов, позволяющих говорить о различных когнитивных операторах типа: я знаю, я представляю себе, вообрази; почувствуй; я считаю; учти, что я рассматриваю ситуацию как официальную/неофициальную [Телия 1996)]. Видимо, когда В.В.Колесов называет символ синкретичной, «наиболее продвинутой» содержательной формой концепта, он имеет в виду совмещение в слове как знаке образной и понятийной характеристик, что и создаёт «продвинутость» лексической объективации концепта с помощью языка. Следовательно, эту символическую, понимаемую как знаковая функцию слова нельзя подменять его ценностными характеристиками. Сказанное относится и к содержательным формам концепта, который стоит за словом и объективируется с его помощью. В определении символа как содержательной формы концепта В.В.Колесов снимает дихотомию образа и понятия: символ рассматривается как «знак, одновременно имеющий и собственное значение, и переносное, и в единстве этих значений указывающий на нечто третье» [Колесов 2002:16].

В) Содержательные формы концепта и лексическое значение.

Отмеченное делает едва ли оправданным встречающийся у лингвистов переход от истолкования содержательных форм концепта В.В. Колесовым (образ-понятие-символ) к концепции В.И. Карасика (последняя составляющая концепта заменяется на ценностную, которая, кстати, может быть представлена и в образе, и в понятии, и в символе). Концепт методологически пришел на смену семиотическим категориям (образ, понятие, значение), больше не считающимся полностью адекватными [Колесов 2002, 2004, 2006; Воркачев 2004], и перенял от «понятия дискурсивность представления смысла, от образа – метафоричность и эмотивность этого представления, а от значения – включенность его имени в лексическую систему языка» [Воркачев 2007: 14]. Последнее утверждение позволяет аргументировать необходимость использования в интегральном анализе слова и его системно-структурных характеристик, обусловленных и когнитивно, и лингвокультурологически.

Г) Семантическое vs когнитивное согласование слов?

Семантическое согласование слов, которое было обозначено как закон в синтагматике (работы В.Г. Гака), «законы сочетания словесных значений» (В.В. Виноградов) тоже имеет когнитивное обоснование: в словосочетании должны обнаруживаться общие концептуальные признаки партнёров несмотря на то, что они могут входить в разные семантические поля, вплоть до межчастеречных, зацепляться друг за друга по своим отнюдь не ядерным компонентам смысла.

Как видим, семантическое согласование выступает как проявление концептуального согласования по одному или нескольким когнитивным признакам, как ядерным, так и периферийным; как в случае воспроизводящего, так и в случае производящего словоупотребления.

Д) Дискурсивные аспекты изучения слова как единицы лексической системы и текста: когнитивный радиус действия разнотипных лексических значений.

Указание на дискурсивные практики, связанные со словом, содержится уже на уровне высшей лингвистической абстракции – на уровне слова в словаре: известно, что правила слов обычно даются в виде их значений, последние же толкуются лексикографами.

Словарные статьи отражают наиболее активные процессы в русской лексике, отражающие изменения в сознании современной языковой личности: активизацию устарелых слов, снятие идеологических ярлыков, пассивизацию советизмов, связанных со всеми сферами сознания и видами дискурсивных практик тоталитарного общества и языка, внешние и внутренние заимствования, семантическую деривацию, образования по продуктивным словообразовательным моделям русского языка и др., отражающие общий процесс демократизации общества, с одной стороны, и его криминализации – с другой: Астральный – 1. В астрологии. Связанный с проблемами мироздания, жизни, смерти, судьбы, взаимодействия Космоса и Земли... а. связь, а. идеи. 2. В астрологии, оккультизме, парапсихологии. Связанный с божественным началом, идущий из Космоса, от небесных светил... а. план... а. тело.

Бизнес-леди = Бизнес-вумен.

Блаженный. Святой (обычно постоянный эпитет) Святая б. Ксения Петербургская.

Диск. Запоминающее устройство компьютера – магнитный носитель информации.

Западник. Публ. Политик, реформатор, выступающий за сближение России с Западом (2 зн.) и перестройку российской экономики по западному образцу.

Взломщик. Жарг. Тот, кто взламывает компьютер, компьютерную программу; хакер.

Звезда. Тот, кто пользуется широкой популярностью (об артисте, певце, спортсмене и т.п.).

БОМЖ. Офиц. сокр. Без определенного места жительства. – Аббревиатура, принятая в милиции как информация о паспортных данных.

Инвектива. Книжн. Ругательство, бранное слово. [Толковый 1998]. Однако не только лексикографическая практика служит отражением разного рода дискурсивных аспектов изучения слова, обслуживающего различные первичные формы деятельности людей, но и метаязык лингвистической теории. Распределение слов по типам лексических значений также отражает системную организацию словаря по семантическим признакам, но в самом наименовании типов лексических значений слов присутствует указание отнюдь не только на рационально-логическую, денотативную составляющую этих значений. В самом деле, обращение к типологии лексических значений В.В.Виноградова обнаруживает неодинаковый радиус действия значений свободно-номинативного типа, ориентированных на разные виды дискурсивных практик, и противостоящих им значений фразеологически связанного типа, часто профилируемых относительно специальной сферы или ограниченных в хронологическом плане. Не менее значима функциональная специализация значений экспрессивно-синонимических, реализуемых с опорой на нейтральный член синонимического ряда. Само выделение этого типа отражает экспрессивно-стилистическое расслоение лексики в системе языка, его предназначенность для функционирования в разных типовых условиях применения, в разных типовых ситуациях, с этими условиями связанных. Сказанное относится и к таким типам значения, как метафорическое, метонимическое, синтаксически и конструктивно обусловленное. Все они связаны с определёнными ментальными репрезентациями, типами мышления, характерными для того или иного типа дискурса. Многие лексикологические положения статьи обусловлены лексикографическими размышлениями автора, а иллюстративный материал черпается прежде всего из источников XIX в., когда сложилось ядро лексической системы современного русского литературного языка. Ср.: «Основные номинативные значения слов, особенно тех, которые принадлежат к основному словарному фонду, очень устойчивы ... номинативное значение слова – опора и общественно осознанный фундамент всех других его значений и применений» [Виноградов 1977: 171]. Если пользоваться терминами когнитивной лингвистики, речь здесь идёт о прототипическом значении слова как репрезентанте концепта, который оно представляет, что не позволяет расчленять смысловую структуру слова: «В системе языка номинативно-

производное значение слова (так же, как терминологическое, научное) не может быть оторвано от основного свободного» [Там же 172]. Прототипический эффект, возникающий при формировании производно-номинативного значения, иллюстрируется употреблением слова капли в текстах Грибоедова, Пушкина, Тургенева, что не мешает установлению типологического статуса этого значения в современном русском языке.

С пониманием лексического значения как редуцированного концепта, связанного знаком, соотносится у В.В. Виноградова истолкование лексического значения слова как «общественно закреплённого содержания». Будучи как однородным, так и разнонаправленным, оно включается в смысловую структуру слова при условии внутренней связи между различными предметно-смысловыми составляющими содержания слова. Само понятие разнотипности значений имеет когнитивную основу и связывается с познавательной деятельностью человека в разных предметных областях: «Разные виды значений слов по-разному служат отражению и закреплению в языке успехов познавательной деятельности народа» [Там же: 189]. В этом смысле надо понимать, что в сфере многозначности «язык представляет собой продукт разных эпох» [Виноградов 1977: 175], то есть отражает разные стадии эволюции концепта в его содержательных формах (образ, понятие, символ) [Колесов 2002; Колесов 2006].

Поскольку знание о мире предстаёт как культурное знание, с когнитивными аспектами слова тесно связаны лингвокультурологические. Разрабатывая типологию лексических значений, В.В. Виноградов постоянно прибегает к историко-культурному комментарию, признанному важнейшим в антропоцентрической парадигме, отнюдь не настаивающей на жёстком разведении лингвистических и энциклопедических знаний, рассматривающей языковые знания как один из видов знаний о мире.

XIX в. характеризуется формированием художественного метода реализма, поэтому многие исходные значения слов, обращённые к миру, имели и имеют прототипическое значение, явленное прежде всего в текстах классиков XIX в. и представляющее ядерную часть лексикона языка и языковой личности.

В названной статье В.В. Виноградова, с одной стороны, утверждается необходимость системно-структурного рассмотрения лексики, а с другой – постоянно преодолевается лингвистический изоляционизм. Это проявляется в указании и на когнитивные функции слова, и на его динамические потенции, и на «этимологическую память» слова, элементы стоящей за ним культурологической информации; слово «отражает понимание «кусочка действительности» и его отношений к другим элементам той же действительности, как они осознавались или осознаются обществом, народом в

известную эпоху и при этом с широкой возможностью позднейших переосмыслений первоначальных значений и оттенков» [Там же: 163]. В качестве иллюстрации, напомним, приводится становление переносного значения глагола насолить, возникшего на основе некогда существовавших представлений о колдовстве. Включенность слова в «общую широкую картину жизни» показана на примере развития значения слова концовка в рамках продуктивного типа словообразования с суффиксом -к-(а), с указанием на дискурсивные истоки появления слова в литературном языке – профессиональная терминология работников печати. Всё большую актуальность и в наши дни приобретает положение о тесной связи между словарём науки и словарём быта в аспекте соотношения научной и наивной картин мира: «Ведь даже так называемые точные науки до сих пор удерживают в своих словарях термины, взятые из общенародного языка (вес, работа, сила, тепло, звук, свет, тело, отражение и т. п.). Ещё большее значение имеет народное мышление и созданная им терминология для наук общественных и политических». [Виноградов 1977: 165]. Автор показывает на конкретных примерах, как развитие многозначности слова отражало ход познавательной деятельности носителя русского языка в связи с различными ситуациями употребления слова в тех или иных видах дискурсивных практик. Историко-культурный акцент содержит анализ многих примеров, иллюстрирующих разнотипность лексических значений.

Тип метафорического и метонимического переноса, сигнализирующий о преобладающем типе дискурсивной практики и ориентации на определённый способ мышления, отмечается и новейшими словарями в смысловой структуре следующих слов (как в определённых элементах толкования, так и в иллюстративном материале):

орда 1. у тюркских кочевых народов в средние века: ставка хана, ранее военно-административная организация у этих народов; становище кочевников.

2. перен. толпа, скопище, банда. бандитская о.;

отгадка 1. см. отгадать. 2. решение загадки, ответ на загаданное. о. оказалась простой;

палитра 1. небольшая дощечка, пластинка, на которой живописец смешивает краски. 2. перен. подбор красочных сочетаний в картине, цветовая гамма;

панцирь 1. в старину: металлическая, из колец и пластин, одежда для защиты тела от ударов холодным оружием. 2. перен. твердое непроницаемое покрытие чего-н. ледовый п. реки. 3. твердый покров некоторых животных (спец.) черепаший п.;

певец 1. Человек, который умеет, любит петь, а также вообще тот, кто поет. Лесные п. (перен. о птицах). 2. Артист-вокалист. Оперный п. 3. Перен. чего. Человек, который воспекает кого-что-н. (обычно о поэте) книжн. П. родной природы.

Ср. другие, отмеченные в концепции В.В. Виноградова, типы лексических значений: Пелёнка. Детская простынка. Перебежчик. Тот, кто перебежал на сторону противника. Перекати-поле. 1. Травянистое растение степей и пустынь... 2. перен. О человеке, не имеющем домашнего очага, постоянно меняющем место своего жительства. Печатный. 4. О прянике: с тиснением. П. буквы. Имитирующие прямой печатный шрифт. Плавленный. 2. П. сыр – очень мягкий (часто пастообразный) сыр, изготавливаемый с добавлением творога, масла и других молочных продуктов. Подвернуться. П. нога – растянулась от неудачного шага, движения. Подмазаться 2. к кому. Лестью и подхалимством снискать чьё-н. расположение. Подмывать. 2. Безл. кого (что). О сильном желании, побуждении сделать что-н. (разг.) Так и подмывает рассказать.

Вместе с тем, в лингвокогнитивных исследованиях отмечается ядерная роль образного компонента в структуре концепта, стоящего за любым из лексических значений. Это обстоятельство связано с историей формирования языка, мифом как первичной формой упорядочивания реальности. Однако сложившаяся система лексических средств выражения, имея первоисточником мифологическое сознание, прошла обработку разными типами текстов и хранит память о том, во имя чего создавалось слово и его новое лексическое значение. Само собой разумеется, что эта память обуславливает те стандарты и фильтры, через которые должен пройти составитель того или иного текста. Отсюда пристальное внимание исследователей к жанрово-стилевой специфике слова, его дискурсивной семантике, которая всё активнее исследуется в современном языкознании. Введение этого термина (дискурсивная семантика) отражает общую тенденцию к расширению исследовательского объекта и позволяет соединить синхронное и диахронное изучение языка.

Традиционное истолкование структуры лексического значения по-новому интерпретируется в свете дискурсивного подхода, позволяя связать компоненты содержательной структуры слова с тем или иным видом дискурсивной практики.

Ср., например, по компонентному составу значений (а, следовательно, и по употреблению) слова, представленные в современных толковых словарях: ветка, ваять, вчера, въедливый, гараж, галчонок, гаишник, генезис, дрочёна, дымковский, жалейка, ждать, жажнуть, забросить, задрать, займка, зайти, зверь, звук, компартия, кочет, лихоимец.

В описании уровней структуры языковой личности Ю.Н. Караулов отмечает связь статических и динамических характеристик слова, его предречевую готовность к коммуникации, «размазанность» грамматики по ассоциативно-вербальной сети. Известно, что способами существования языка объявлены система, языковая способность и текст.

При этом текстовая деятельность выступает способом реализации языковой способности. В свою очередь, языковая способность обнаруживает себя и как языковая компетенция, и как коммуникативная компетенция. Последняя предполагает знания не только о правилах коммуникации, но и о лингвокультурных нормах, специфичных для каждого этноса. Всё это напрямую связано с теми дискурсивными фильтрами и правилами текстопостроения, которые характеризуют тот или иной естественный язык. Ориентацию на разные виды дискурсивных практик обнаруживают, например, материалы РАС, имплицитные в словарных статьях достаточно стереотипный текст: паровой – котел 32; двигатель 28; поезд 7; уют 4; баня, машина, отопление, паровоз, пароход 3; дым 2; автомобиль, батарея, ванна, катер, каток, каша, корабль, котлета, мотор, омлет, рис, станок, характер, чурбан, шар 1.

Как отмечалось выше, третий способ существования языка представлен в текстовой деятельности.

Само собой разумеется, что лексико-семантическое поле в системе языка и текстовое ассоциативно-семантическое поле не тождественны, поскольку связаны и с разным уровнем языковой абстракции, и с разными типами систем, организуемых соответственно разными способами концептуализации действительности в разных субкультурах: конвенциональным, групповым, индивидуальным и т.д. Последний отчётливо выявляется не только в отборе узуальных лексем, но и в создании окказиональных, как в следующем тексте: «Но кому в наше время интересен лоб? На него спускают чёлки, его туманят подсвеченными колечками волос, на него напяливают толстенные жаркие шерстяные обручи, дабы зачеркнуть, низвести это место, которое когда-то числилось челом. То бишь корнем человека. Нет, девочка-совремеша чело не ценит» (Г. Щербакова. Мальчик и девочка).

Принципиальная нелимитируемость концепта выступает в разных типах дискурсивных практик, в разных способах мышления, обслуживающих первичные виды деятельности людей.

Основное, свободно-номинативное значение слова обращено к прототипической ситуации, оно выступает как основа когнитивной схемы, основа того вместилища, из которого вычерпываются различные концептуальные признаки; как донор концептуальных признаков для

производных значений, как область-источник для метафоры-цели. Поэтому его словарное описание включает указание на разные виды расчленённости значения, типовые образные применения, семное речевое варьирование и т.д. Таким образом, радиус действия типа основного значения как репрезентанта прототипической ситуации оказывается чрезвычайно широк и охватывает не только структуру многозначного слова, но и всю лексическую систему с различными её группировками по совокупности парадигматических, синтагматических и ассоциативно-деривационных признаков.

В лексикосистемном плане отмечалась актуальность распределения слов по типам лексических значений. Однако эта разнотипность в системе имён разных ЛГК также имеет когнитивную «подоплёку». Хотя слово и представляет редуцированный до усреднённого этнического знания концепт, его слои репрезентируются разнотипными лексическими значениями слова, связанными с различными стадиями познания мира, а известно, что «значение – интерпретация мира человеком» [Падучева 1996:6]. Одно из предназначений этой неоднотипности можно видеть в фиксации разного типа знаний о мире, включая и знания о языке. Об этом, в частности, свидетельствует обилие специальной лексики в кругу слов фразеологически связанного значения и обилие лексики, представляющей разные сферы человеческой субъективности, – в кругу лексически связанных значений, ориентированных относительно психологической сферы субъекта. Этот тип лексического значения наиболее чётко выражает идею антропоцентризма, будучи обращённым прежде всего к артефактам, продуктам человеческой деятельности, концептуализации абстрактных явлений по человеческой мерке. С привлечением синергетической аргументации этот тип значения можно квалифицировать как отмеченный, показывающий, что сложные самоорганизующиеся системы ведут себя подобно живым системам. Принципиальная нелимитируемость содержания концепта связана с беспредельностью человеческого опыта по освоению и преобразованию мира, динамика концепта отчасти объясняет отсутствие его тождества с конвенциализированным лексическим значением как редуцированным концептом, связанным знаком. Текстовые смыслы выявляются на основе актуализируемых в конкретном речевом акте, в лексической сочетаемости концептуальных признаков, как предусмотренных, так и не предусмотренных системным лексическим значением. Интегральный принцип объясняет прототипическую для частеречной классификации роль значения свободно-номинативного типа, где отмечается полная совместимость лексических и грамматических характеристик слова (сильная синтаксическая позиция), чего может не наблюдаться (и чаще всего не наблюдается) в связанных значениях

разного типа. Вместе с тем ориентация на прототип не позволяет рассматривать его признаки как обязательные для всех лексем, входящих в ЛГК или ЛГР, поскольку индивидуальная семантика слов накладывает свои ограничения на «совместимость» с грамматическим значением: так, идея постоянной, абсолютной, предельной степени качества создает дефектность парадигмы степеней сравнения для слов типа немой, слепой, глухой, колченогий и т. п. даже в их основных, свободно-номинативных значениях, что лишний раз свидетельствует не только о предметно-логической, но и о системно-языковой (включая грамматическую) обусловленности лексических значений любого типа. Вместе с тем изменчивость качественного признака иногда выступает в словарном расчленении значения: глухой – «1. Не имеющий чувства слуха; плохо слышащий» [БАС]. Графический сигнал расчленения значения – точка с запятой.

Антиномия текста и кода в лексикографическом представлении слова.

Антиномия текста и кода также говорит о пропозиции как ведущей ментальной репрезентации, получающей явную или скрытую языковую объективацию (в предложении-высказывании, в словосочетании, в слове). Не случайно в лингвистике утвердилась мысль, что синтаксическая объективация смысла предшествует лексической, а глубинная семантика проявляется в содержании единиц разных уровней. Концепт и ассоциируется с явлениями глубинной семантики.

Лексическое значение слова в правой части словарной статьи получает свою текстовую экспликацию в виде словарной дефиниции. Тем самым демонстрируется изоморфность языковых единиц разных уровней (слова и предложения-высказывания): в толковании лексического значения как тексте выделяется тема (известное) и рема (новое), и этим новым может быть информация не только о мире, но и о субъекте с единством его психической сферы, о различных условиях употребления слова в разных его значениях.

Е) Лексическая семантика как отражение различных типов дискурсивных практик

По словам Е.С.Кубряковой, внутренний лексикон – это «действующая система, в которой каждая единица «записана» с инструкцией её использования, с данными о её оперативных возможностях, притом по всем мыслимым линиям её употребления – прагматическим, семантическим, чисто формальным» [Кубрякова 2004: 76]. Инструкции по использованию слова, его оперативных возможностей – это тот фильтр, который объясняет возможности и направления употребления слова в разных видах дискурсивных практик, в разных стилях и жанрах речи. Они лишь в самом общем виде указаны в лексикографическом

представлении слова. Разноуровневые языковые единицы взаимодействуют в процессе коммуникации.

Результатом, итогом процесса коммуникации выступает текст (если иметь в виду широкое истолкование этого понятия и в рамках лингвистики, и в рамках культуры вообще). Лингвистические аспекты текстообразования связаны с целенаправленным отбором и употреблением разноуровневых средств языка. Исследователи по-разному трактуют причины этого явления. Традиционно говорят о связности и цельности текста как важнейшей предпосылке такого употребления. С утверждением принципа антропоцентризма важнейшая причина взаимодействия разноуровневых средств в тексте видится в единстве психологической сферы языковой личности, её типа мышления и избираемой дискурсивной практики. С ними связываются коммуникативные стратегии и тактики в текстопостроении. Не случайно, например, описывая сочетаемостные возможности лексемы война в русской культуре, В.А. Маслова [Маслова 2005] выделяет одну из групп определений-эпитетов к этому слову – «5. Логические (научные) определения». Они почти сплошь представлены относительными прилагательными: «атомная, бактериологическая, водородная, воздушная, гражданская, империалистическая, коалиционная, колониальная, локальная, маневренная, междоусобная, мировая, морская, оборонительная, партизанская, подводная, позиционная, ракетно-ядерная, сухопутная, тотальная и т.п.». Среди слов этой семантической группы названы также молниеносная, наступательная, превентивная, статус которых в языке не вполне ясен. Иная трактовка текстового смысла этого слова представлена в лирико-философской миниатюре с заглавием «Война» у Ю. Бондарева. Если сопоставить тематическую сетку миниатюры «Война» с гнездом соответствующего дескриптора в РСС, то прямое соответствие по составу членов обнаружат только два слова, выступающие ключевыми в гнезде и в тексте: война и солдат (хотя в гнезде дескриптора 53 слова). Но и у этих слов и состав актуализованных сем, и их яркость отличаются от тех, которые выступают в словарных толкованиях лексических значений [Сулименко 2009].

Стало понятно, что системноязыковые свойства единиц содержат в себе и явные или скрытые указания на перспективы их использования в тех или иных ситуациях. Это один из фильтров, благодаря которому мы обычно определяем тип текста и его целевую аудиторию. Однако если коммуникативная направленность слов в лексике более или менее очевидна и предопределена в общем виде словарными пометами, то единицы других уровней языка нуждаются в установлении зависимостей между их системно-структурными, конструктивными характеристиками и прогнозируемыми грамматической и др. семантикой типами дискурсивных практик. Между тем интегральный подход к

языку предполагает внимание не только к единству всех его уровней, но и к единству мира, этим языком отражаемому, а, следовательно, к единству знаний субъекта о мире, как лингвистических, так и энциклопедических. Последние учтены при структурном истолковании лексического значения и в его словарном описании, особенно в словарях последнего времени.

По замечанию В.В. Виноградова, «определение лексического значения слова уже включает в себя указание на грамматическую характеристику слова» [Виноградов 1986: 22]. Менее осознано наличие такого единства применительно к грамматическому значению: часто говорят об общем и частном грамматическом значении, а последнее не отделяется от текстового употребления. Если для лексикологов очевиден факт расчленённости лексических значений (работы А.И. Моисеева, Н.В. Солоник и др.), то подобный термин, насколько известно, не используется грамматистами, как и термин «семное речевое варьирование» применительно к значению грамматическому.

Семантические свойства имён прилагательных не имеют в лингвистике однозначного истолкования несмотря на длительную традицию разработки данной части речи. Причины этого кроются как в смене общенаучных и лингвистических представлений, так и в отставании при изучении собственно лексикологических основ семантики слов разных лексико-грамматических классов и разрядов, что не позволяет построить целостную концепцию их семантики. Но уже в процессе номинации были заложены те функции, во имя которых и создавалось слово. Это относится не только к синтаксическим функциям, но и к позиционированию слова на функционально-стилистической шкале и в тех дискурсивных практиках, которые оно призвано обслуживать. По словам Е. С. Кубряковой, «...лексическое значение единицы «пропускается» через особый категориальный фильтр и согласовывается с предназначённостью единицы для выполнения ею определённых синтаксических и/или дискурсивных функций» [Кубрякова 2004: 219]. При этом стратегии нормативного использования той или иной единицы разного уровня языковой системы в дискурсивных построениях определяются её когнитивными признаками: в знания о слове, например, входит не только схема действий с реальным объектом, обозначаемым словом, но и «схема действия со словом как таковым» (Е.С. Кубрякова). Когнитивно – дискурсивный подход также учитывает идеографические подразделения лексики, её ЛГР, связанные с определёнными фрагментами знаний о мире и обслуживающими их дискурсивными практиками (ср., например, неуместность насмешливого обращения в официальной сфере и невозможность употребления без особой мотивации разностильных средств в пределах одного и того же дискурса).

Новообразования постсоветского времени дают многочисленные примеры взаимозависимости системно-структурных и коммуникативно-прагматических характеристик языковых единиц, например, отмечаемых неологическими словарями: горловой – “Основанный на грубости, нажиме, окрике”, звёздный – свойственный знаменитости, звезде”. В них отчётлива связь с определёнными видами деятельности человека, объясняющей предпочтительность их в тех или иных сферах употребления, видах дискурса. Субъективно – характеризующая функция качественных прилагательных, признаки которых выражают точку зрения воспринимающего субъекта (его зрительные, слуховые, осязательные, вкусовые, оценочные представления), создает предпосылки для активного использования слов данного разряда в эстетической функции, свойственной произведениям словесно-образного искусства. Индивидуально-авторское видение мира, проявляясь в отборе и использовании прилагательных, отражает высший этап речевой культуры – творческое, самобытное использование изобразительных и выразительных языковых средств. Ознакомление с таким использованием выступает ведущим направлением в школьных учебниках при освещении имени прилагательного в плане развития речи учащихся. Однако нельзя не видеть и ограниченности такого подхода: художественная речь эстетически трансформирует языковые средства, с чем связано ее насыщение по преимуществу словами одного лексико-грамматического разряда, служащими выполнению образного задания и не столь широко представленными в языке практическом. Обратная сторона этого явления – отсутствие внимания в учебнике к речевым функциям относительных прилагательных, слов безобразных, но не менее важных в выполнении коммуникативной нагрузки, поскольку они выступают точными номинациями объективных качеств предметов. Этим объясняется возможность синонимической замены в обозначении признака, выводимого из отношения к предмету, и границы такой замены. Необходимость определенной точки отсчета для актуализации значения качественных прилагательных, их ориентации на субъективную характеристику, на выражение мнения, требующего аргументации, поскольку оно отражает только одну из точек зрения, ведет к тому, что значение многих из них остается неопределенным вне текста и не раскрывает своей семантики в рамках предложения-высказывания. В композиционном плане это служит основой интригующих заголовков и зачинов текста, стремящихся заинтересовать, привлечь внимание читателя, особенно юного. Ср. упражнение в действующем учебнике для 5-6 классов с его зачином: «Средняя полоса России – страна необыкновенная». Основная коммуникативная нагрузка лежит на предикативно употребляемом инверсированном прилагательном, требующем дальнейшей текстовой

конкретизации. Или: «Иногда приходится наблюдать удивительное собачье благородство по отношению к слабым», где прилагательное качественное передает признак, нуждающийся в раскрытии, а прилагательное собачье организует тему рассказа.

Следовательно, ни анализ, ни построение связного текста невозможны без понимания его функционально-стилевой природы. Художественный текст как вторичная знаковая система предполагает внимание и к лексическим средствам и способам организации этой системы, сама вторичность которой ориентирует на «сделанность» текста по тем или иным правилам, задаваемым элементами композиции как отражением канона и авторского замысла.

Различные ипостаси существования языка, отмеченные Ю.Н. Карауловым (язык – система, язык – способность, язык – совокупность текстов), обуславливающие полипарадигмальность в исследовании его категорий и единиц, активизация биологических концепций языка в свете антропоцентрического подхода к нему диктуют необходимость интегральных штудий в их характеристике. Это предполагает отказ от ограниченности поуровневого рассмотрения семантики слов, от жёсткого противопоставления дифференциальных и недифференциальных признаков, энциклопедической и собственно лингвистической информации, семантики и прагматики и т. д.

Стало общим местом представление о том, что лексической объективации значения языковых единиц предшествует синтаксическая, что, в свою очередь, тоже свидетельствует о единстве и когнитивной обусловленности разных типов языковой семантики.

Вслед за С.Г. Ильенко принят термин лексико-синтаксическая координация, но направление научной разработки этого и сходных понятий продолжает оставаться не вполне ясным. Суть этого языкового явления усматривается в том, что «фрагмент действительности предстаёт не непосредственно, а как результат деятельности (мыслительной, чувственной, волевой и т.п.) какого-либо субъекта» [ЛССРЯ 2007: 6]. В «Лексико-синтаксическом словаре русского языка», созданном под руководством профессора С.Г.Ильенко в 2007 году, представлены различные варианты такой координации в пределах сложноподчинённого предложения. Такие модели ЛСК, как [полагать], (что); [считать], (что); [думать], (что); [надеяться], (что); [жалеть], (что), по наблюдениям Н.Н. Белошицкой, исследующей удостоверительно-вопросительные конструкции в аспекте лексико-синтаксической координации, фиксируют когнитивные состояния субъекта как отношение к уже существующим в его сознании ментальным репрезентациям. Перечисленные глаголы, реализующие функцию предикатов пропозиционального отношения, мотивируют своим лексическим значением

(высказывание предположения, мнения, итогов восприятия-созерцания) возможность конструирования той или иной придаточной части. Эти глаголы относятся автором к лексико-обуславливающим контактными словам. Сема передачи информации привносится союзом. Факт осуществления рефлексии на предмет когнитивного состояния чужого сознания определяет выбор лексико-синтаксических языковых средств и облигаторно актуализирует статическое значение мнения у глагола «думать», что в английском языке определяет и грамматическое значение этого глагола – невозможность реализации процессуальности. Ср. в русском языке:

Ты думаешь, что дела десятилетней давности всплывают именно сейчас из-за предстоящих выборов? (Новая газета 2003)

Ты думаешь, что они общались с тем, кто организовал их исчезновение, через Интернет? — Учитывая любовь современной молодежи к подобному виду общения, нельзя исключать такую возможность! (М. Милованов) [Белошицкая 2012: 14].

Тенденции к интеграции лингвистических знаний о поведении разноуровневых единиц отвечают труды по словарной грамматике, объединяемые с другими исследованиями общностью подходов – «структурно-семантического, функционального и когнитивного» [Шарандин 2009: 27]. Грамматические категории важны не сами по себе, они по существу выполняют функцию «шифровки» абстрактной лексической семантики. По существу о том же говорил В.В. Виноградов, создавая своё «грамматическое учение о слове» с опорой на лексико-семантические свойства слов. За словарными пометами «о человеке», «о животном», «о явлениях природы», «о сосуде» по существу скрывается указание на грамматическую категорию одушевлённости / неодушевлённости как профилирующий признак при переходе от одного типа лексического значения слова к другому. Положение об изосемии единиц разного уровня языка справедливо не только по отношению к слову, но и к тем явлениям, которые создают внутритекстовую и – шире – дискурсивную синонимию языковых средств, способствуя выражению как авторской концепции, так и дискурсивной семантики в целом.

Свой вклад в коммуникативное изучение разноуровневых единиц вносит также исследование лингвокогнитивных предпосылок объективации разных форматов знания: пропозиции, гештальта, образной схемы и других когнитивных моделей. При этом пропозиция как основной способ репрезентации знаний в свёрнутом виде может содержаться и в единицах непредложенческого уровня – словосочетании, производном слове, непроизводном слове, о чём свидетельствуют правые столбцы словарных статей, построенные по модели предложения, а также иллюстративный

материал, подтверждающий толкование лексического значения. В своей целостности эти иллюстрации могут быть связаны с дискурсивной семантикой, обращённой к разным временным пластам в динамике развития слова.

Ср. у Е.С. Кубряковой: «...дискурсивные функции отдельных частей речи (добавим и их ЛГР – *Н.С.*) не просто скоррелированы с их лексическими значениями, но в прототипических случаях создания и использования слов согласованы друг и другом [Кубрякова 1997: 231]. Видимо, речь здесь идёт о когнитивном согласовании лексического и грамматического. Фокусировка внимания говорящего по закону обратного подобия и обратимости синтагматических отношений осуществляется ещё и синтагматическими партнёрами, лишней раз подчёркивая изоморфизм семантики единиц различных уровней языковой системы, каждая из которых служит единому когнитивному процессу концептуализации мира человеком на пути адаптации к этому миру и его преобразования в различных видах деятельности.

Таким образом, понимание семантической специфики и функций единиц языка невозможно без учёта отношения их компонентов к структурно-семантическим типам слов. Это относится к функциональным свойствам однословных наименований, словосочетаний и предложений.

Признаковая природа имён прилагательных раскрывается во всей своей полноте лишь при рассмотрении их как слов со стороны лексической семантики. Недостаточная разработанность этого аспекта приводит как к смешению разных типов языковой семантики в истолковании имён прилагательных, так и к абсолютизации их формально-грамматических показателей, что постоянно наблюдается в лексикографической практике и при изучении этой части речи в вузах и школе [Сулименко 2008].

Лексическая категоризация и методы лексического анализа.

Проблема словаря в современном языкознании, особенно в его дискурсивной версии, предстаёт как проблема гипертекста. Это связано с глобальной интертекстуальностью словаря, обобщающего в своём лексикографическом аппарате результаты различных дискурсивных практик, использующих слово.

Примеры интегрального описания лексического значения с включением элементов энциклопедической информации, с помещением серии значений в идеографические блоки (то есть с соединением когнитивной и семасиологической информации) обнаруживают и пробные словарные статьи НАСа: команда – «I (распоряжение, приказ). 1. Воен. Краткий устный приказ командира по установленной форме. 2. Устное приказание, распоряжение руководителя, отдаваемое им в процессе выполнения какой-л. работы. 3. Разг. Чьё-л. распоряжение, сделанное обычно в приказном, не терпящем пререканий

тоне. 4. Информ. Автоматически передаваемый сигнал, вызывающий действие какой-л. машины, механизма. II (группа людей, объединенных общностью задания, интересов, условий труда, быта и т.д.). 5. Небольшая воинская часть, сформированная для определенной цели или определенного боевого задания. 6. Личный состав, экипаж судна. 7. Спортивный коллектив, возглавляемый капитаном. 8. Группа лиц, подобранных руководителем или политическим лидером для осуществления его целей и программы действий. 9. Разг. Шутл. Компания, ватага» [Очередные 1995: 83, 85 и др.].

Категоризация мира по данным идеографических словарей, а также ключевые концепты русской лингвокультуры с их репрезентацией в лексике представлены в проспекте словаря уральских исследователей [Концептосфера... 2010].

Таким образом, специфика лексической категоризации связана прежде всего с непосредственной обращённостью слова к реальности, если включать в неё и психологическую реальность субъекта речевой деятельности, а также с особенностями лексической формы, ориентированной на принцип совместимости лексической и грамматической семантики.

Рассмотрим в этой связи когнитивные основы функционирования лексики в разностильных текстах, в частности концепции жизнестроительства и когнитивную интерпретацию лексики в разностильных текстах.

При когнитивном истолковании семантики слов, включая прежде всего слова многозначные [Сулименко 2008], обязателен учёт различных типов и способов мышления (перцептивного, предметно-практического, эстетического, рационально-логического и др.), проецируемых в семантику многозначного слова и связанных с различными дискурсивными практиками. Отсюда глобальная интертекстуальность языка в целом. По словам Э. Фромма, функция разума и состоит в том, чтобы служить искусству жить. Иначе говоря, различные дискурсивные практики словоупотребления служат общей цели жизнестроительства. Это естественно в контексте признания лингвистики частью общей науки о человеке. Мысль В.Н. Топорова «о биологических истоках культурных феноменов» обретает жизнестроительную направленность: образ пространства осмысливается как одна из основных форм бытия – движения материи [Топоров1997: 670]. Для понимания сущности содержания слова большое значение имеют концепции, связанные с «философией тела» [Эпштейн 2006]. Так, они подчёркивают факт «мышления в движениях» и несводимость мышления и концепта лишь к вербальным формам выражения. По словам современного культуролога М.Эпштейна, «при всей противоположности слова и молчания (как способов существования концепта – *Н.С.*) они рождаются из одного интенционально-смыслового поля и в предельных случаях обратимы»

[Эпштейн 2005: 204], с чем автор связывает бытийственность слова. Он говорит не только о связи языкопоклонства в России с концепциями имяславия, но и о своеобразном «смысловом вампиризме» слова: «слово выедает предмет, подменяет его собой, вытягивает жизнь из предмета» [Там же: 207]. Это его свойство делает слово надёжным орудием в процессах управления пониманием, в создании мифологизованного сознания, «идеологической «диктатуры слова», эксплуатирующей его магическую функцию.

Понятие дискурса как возможного мира в когнитивном плане соотносится с понятием концепта: и то, и другое допускает лексическую экспликацию концептуальных признаков, различающихся от дискурса к дискурсу. Семантическое согласование выступает как проявление концептуального согласования по одному или нескольким когнитивным признакам. О его когнитивной сущности свидетельствует исследование способов лексической экспликации идеи бытия в русском языке [Свиридова 1992].

Одна из древнейших концептуальных схем, восходящая к пространственной схеме тела человека, к его способности воспринимать пространство как трёхмерное и по его образу и подобию осмысливать духовные, абстрактные сущности, разделять своё и чужое – схема вместилища.

Межчастеречные отношения слов согласуются с двумя основными законами когнитивной, речемыслительной деятельности: выбор предмета для его номинации и приписывание ему тех или иных признаков (предикация). С ними соотносятся и важнейшие типы ментальных репрезентаций и два основных процесса, определяемые в системно-структурной парадигме как отбор и сочетание языковых единиц.

По словам Е.С. Кубряковой, внутренний лексикон – это «действующая система, в которой каждая единица «записана» с инструкцией её использования, с данными о её оперативных возможностях, притом по всем мыслимым линиям её употребления – прагматическим, семантическим, чисто формальным» [Кубрякова 2004: 76]. Для лексиколога особенно важно указание на наличие во внутреннем лексиконе инструкции по использованию слова, его оперативных возможностей. Это тот фильтр, который объясняют возможности и направления употребления слова в разных видах дискурсивных практик, в разных стилях и жанрах речи. Они лишь в самом общем виде указаны в лексикографическом представлении слова (см. подробнее об этом: [Сулименко, Хохлов 2013]).

6.3. О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ПОЛОЖЕНИЯХ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В целом концептуальный аппарат когнитивной лингвистики можно считать сформировавшимся, о чём свидетельствует и содержание КСКТ [Кубрякова и др. 1996], лингвистического по преимуществу. Тем не менее, учитывая новые

направления и подходы в разработке проблем лингвистического знания, нельзя не обратить внимания на некоторые спорные положения в истолковании терминов когнитивной лингвистики.

На наш взгляд, следует указать на две основные причины «когнитивной несостоятельности» этих положений. Первая связана с механическим переносом терминологии и положений традиционной лингвистики в когнитивную сферу. Вторая имеет прямо противоположный характер – недоучёт лингвистической традиции, формирующегося интегрального подхода к языковым явлениям. Рассмотрим более детально действие этих причин.

Многие лингвисты используют термин «коммуникативная стилистика», сам по себе лишённый смысла, поскольку стилистика имеет дело с употреблением языковых средств, то есть с коммуникативной деятельностью говорящих, и поэтому она не может не быть коммуникативной. О том же говорит и лингвист, использующий термин: «Коммуникативная стилистика текста, таким образом, фактически имеет когнитивно-коммуникативный характер...» [Болотнова 2012:8]. Тем более сомнительна возможность обращения к нему при исследовании когнитивных аспектов языка и речи, особенно при том, что термин дискурс имеет как коммуникативное, так и когнитивное (работы Ю.С. Степанова, Е.С. Кубряковой и др.) измерения. И если раньше шли научные споры, считать ли коммуникативную лингвистику лингвистикой особого рода, то теперь такого же толка споры касаются термина когнитивная лингвистика. Радует, что когнитивную интерпретацию получают многие термины, связанные с вербальной коммуникацией. Тяготение к коммуникативным аспектам даёт себя почувствовать и в трактовке дискурсивного анализа, когда намечаются два его этапа: к начальному относится «уровень текста (коммуникативная функция, коммуникативные центры, что сообщается, кому адресовано, как актуализируется адресат, каковы стратегии тематического развёртывания» [Чернявская 2003:71]. Как видно из определения этого этапа дискурсивного анализа, из текста выводятся такие его содержательные моменты, как замысел автора, ключевые слова как опорные для тематического развёртывания и членения текста вехи и мн. другие. И только собственно дискурсивный анализ «начинается с проецирования на элементы содержательно – смысловой и композиционно – речевой организации текста психологических, национально-культурных, прагматических и др. факторов» [Там же]. Согласно точке зрения Ю.С. Степанова, которая ближе к когнитивному рассмотрению понятия дискурс, нет этого деления терминов текст и дискурс по различным основаниям: «Дискурс – «язык в языке». Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встаёт особая грамматика, особый лексикон, особые правила

словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счёте – особый мир [Степанов 1995: 44]. Многие лингвисты отмечают процессы интердискурсивного взаимодействия в тексте, полидискурсивный характер художественного текста, вербальные способы преодоления «когнитивного диссонанса». Встречается в литературе также отождествление понятий речевая и дискурсивная практика, противопоставление в структуре текста «прагмем» и информем, хотя это термины разных парадигм лингвистического знания и вряд ли могут противостоять друг другу при исследовании единиц текста и его структуры в целом.

Обращение когнитологов к устоявшимся лингвистическим концепциям не всегда убеждает: известно идущее от Ш. Балли деление элементов языка на диктум и модус. Н.Н. Болдырев считает, что категории модусного типа объединяются на основе общности их концептуальной функции. Иначе эта функция называется интерпретирующей [Болдырев 2009]. С ними соотносится термин «модусные концепты». Но разве только модусные категории обладают свойством интерпретации? Ср. далее ссылку на имена С.Д. Кацнельсона, А.В. Бондарко и замечание Е.В. Падучевой о том, что значение – это всегда интерпретация. Не всё ясно с истолкованием типов ментальных репрезентаций, и если метафора и метонимия в этом смысле подверглись новому осмыслению, то менее повезло термину пропозиция, хотя она и признаётся ведущей ментальной репрезентацией, получающей явную или скрытую языковую объективацию (в предложении-высказывании, в словосочетании, в слове). Иногда метафорическая модель отождествляется с пропозициональной.

Внимание к когнитивной функции метафоры позволило поставить и по-новому осветить вопрос о соотношении метафоры и символа, метафоры и мифа, рассмотреть метафору как средство преодоления «когнитивного диссонанса», подтвердить правильность положения о возможности доречевого мышления ребёнка, аналоговых возможностях мышления человека, о действии механизма выводного знания при понимании языкового сообщения, догадки об архетипах, предшествующих «культурной» разработке концептов, о наиболее архаичных пластах нашего сознания, породивших прототипические денотаты (образы) как основу интерпретативного потенциала единиц языка каждой лингвокультуры. Стало ясно, что многие языковые явления невозможно объяснить на основе «строго лингвистического содержания», без привлечения энциклопедических знаний. В лексике это, например, связано с явлением многозначности, синонимии и других лексических объединений на основе содержательных и формальных признаков.

В трактовке терминов, называющих типы ментальных репрезентаций, сказывается, однако, такая крайность их истолкования, как своеобразная

гиперкогнитивизация, исследовательская сверхгенерализация: отрицание традиционных подходов к метафоре, а также неразличение базовых концептуальных оппозиций типа верх-низ, правый-левый и др., и тех культурно маркированных образов, которые сложились на базе этих архетипов и разнятся по языкам, создавая языковую лакунарность. Возникает противоречие между универсальной смысловой основой и идиоэтническим интерпретационным компонентом (в понимании С.Д. Кацнельсона и А.В. Бондарко) значения языковых единиц. Так, С.Н. Булгаков замечал: «Орган речи и слуха существует потому, что есть звук как мировая энергия. Звуки создают для себя органы в человеке, в котором должно быть вписано всё мироздание» [Булгаков 2008: 60]. Есть, правда, и другая точка зрения, относящая к фиксированным языком кодам культуры соматический (телесный), пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный [Красных 2002]. Во всяком случае в лингвистике пока нет ни исчерпывающего списка культурных кодов, ни объяснения их преимущественной представленности в том или ином естественном языке на определённом этапе его исторического развития. Современные когнитологи вводят и интегрирующий термин «метафтонимия» (Л.В. Бабина), показывающий возможность совмещения в языке двух ментальных репрезентаций, хотя расширительный смысл термина «метафора» отмечался когнитологами и раньше. В статье [Бабина 12: 25] рассмотрены такие «когнитивные механизмы», как «перспективация, дефокусирование, соединение, развитие и достраивание».

Менее разработана в линвокогнитивистике другая ментальная репрезентация – пропозиция (первично для русистики термин связывался с понятиями семантического синтаксиса). Не случайно в лингвистике утвердилась мысль, что синтаксическая объективация смысла предшествует лексической, а глубинная семантика проявляется в содержании единиц разных уровней. Концепт и ассоциируется с явлениями глубинной семантики. Учитывая многоаспектность знания, стоящего за концептом, его интегративный характер, обуславливающий связь в его содержании разных когнитивных областей, Н.Н. Болдырев говорит о концептах матричного типа. Думается, таковыми в русской линвокультуре выступают основные гендерные концепты, ориентированные на определённый тип пропозиций, профилирующих стереотипные представления о концептуальных признаках маскулинности и феминности.

Не менее спорным выглядит традиционное деление информации на лингвистическую и экстралингвистическую, хотя уже в психолингвистических исследованиях, предшествовавших отечественным когнитивным, отмечалось, что в схемах нашей памяти эти виды информации хранятся однотипно и

разделить их в принципе не представляется возможным, если не иметь в виду различные культурные коды (например, вербальный и музыкальный, живописный и др.). Видимо, не случайно признаётся, что язык выступает универсальным культурным кодом, на который «переводятся» данные других культурных кодов (ср., например, искусствоведческие работы, интерпретирующие музыкальную, живописную и др. информацию, в частности, «язык» нашего тела в танце). Иногда как фоновые знания рассматриваются все, находящиеся за пределами языка, как будто они не могут быть переданы языковыми средствами. Взаимодействие разных видов информации активно используется в таких прагматически заострённых креолизованных текстах, как рекламный, добивающийся воздействия на целевую аудиторию, апеллируя сразу к двум полушариям человеческого мозга и активизируя их потенциал. Указанное выше деление информации не выдерживает критики и при обращении к интегральным концепциям языка, к формирующемуся когнитивно-дискурсивному подходу, к рассмотрению языка как одного из культурных установлений в антропоцентрической парадигме. Кстати, неопределённость этого положения влечёт за собой неясность границ в противопоставлении лингвострановедения и лингвокультурологии. Поиск новых путей развития лингвострановедения привёл к уточнению с точки зрения современных представлений понятия лексического фона и созданию концепции логоэпистемы [Верещагин, Костомаров 2000]. Термин «лексический фон» соотносится с понятием фоновых знаний и обращён к той части содержания семемы, которая остаётся за вычетом понятийных семантических долей. Онтологическая сущность лексического фона связывается с кумулятивной функцией языка, функцией накопления культурного знания, и план содержания языка (с отвлечением от реляционных значений) «может быть приравнен к тому уровню познания окружающей действительности, который превалирует в данной культурно-языковой общности, т.е., иными словами, к общественному сознанию» [Там же: 93]. Этим утверждается, что «знания существуют в семантике слов, что они накапливаются с опорой на лексику, которая выступает как материальный субстрат получаемых человеком знаний» [Там же: 98]. Таким образом, лексический фон признаётся «частью языка», но при этом проводится мысль о невербальности лексического понятия и семантических долей.

Несколько противоречиво определяется роль лексического фона, когда, с одной стороны, признаётся, что его составляют взятые вместе непонятные семантические доли, «которые входят в семему» [Верещагин, Костомаров 2000: 92], а с другой – что в общественном сознании лексический фон – «это набор потенциалов для включения СДоли в семантику слова, а в индивидуальном – реализация потенциалов» [Верещагин, Костомаров 2000: 105]. С необходимостью

осмысления архетипов философского знания (от Платона до русских евангелистов и Хайдеггера) связано (в контексте поставленной авторами темы дома бытия языка) предлагаемое ими понятие логоэпистемы как одной из национально-культурных реализаций определённой общечеловеческой «идеи»: «Априорно-общечеловеческая, «идея» апостериорно получает свою специфику в каждой национальной культуре и в каждом языке, и именно эту апостериорную, «этно-лингво-окультуренную» (т.е. в её благоприобретённой культурно-языковой ипостаси), «идею», переставшую быть общечеловеческой, и предлагается считать ЛЭпистемой» [Верещагин, Костомаров 2000: 110]. Ей приписывается способность быть инструментом творчества, данного человеку по образу и подобию Нумена, развитием вневременной, «подстилающей» «идеи», всеохватности смыслов лексических фонов и речеповеденческих тактик, свойство мыслить за человека, который всего лишь вербализует мысль. Примерами развития общечеловеческой «идеи» БЫТИЯ (экзистенции) на русской почве стали логоэпистемы дома, жилища; жизни / смерти; смысла / бессмыслицы человеческого существования; культуры / природы и др. Эту интересную, хотя и небесспорную концепцию авторы предполагают развить в других своих работах.

Что же касается обратной тенденции, то многие положения когнитивистов не учитывают комплексного, интегрального подхода к фактам языка и речи, предполагающего когнитивное обоснование сложившихся в лингвистической традиции терминов системно-структурного, коммуникативно-прагматического, лингвокультурологического толка. Необходимость такого комплексного подхода отразилась и в новой концепции языка (язык-система, язык-текст, язык – способность), учитывающей не только межуровневые связи в системе языка (работы С.Г. Ильенко, В.Г. Руделёва, А.Л. Шарандина и др.), но и межпредметные связи, делающие лингвистику частью человековедения, и в концепции языковой личности Ю.Н. Караулова. При этом в когнитивной интерпретации лингвистика приобретает объяснительный характер, связывая явления языка с процессами нашего мышления (ср. в этой связи название одного из словарей «Новый объяснительный словарь синонимов» Ю.Д. Апресяна). В этих ориентациях получает объяснение необходимость интеграции разных видов знания (лингвистических и энциклопедических), чётко разводившихся в рамках системно-структурной парадигмы (достаточно вспомнить о требовании неукоснительно противопоставлять лингвистические и энциклопедические словари и не использовать последние при лингвистическом анализе).

Но значит ли это, что всё накопленное многовековой традицией изучения языков должно отбрасываться? Отнюдь, нет. Остановлюсь только на некоторых

положениях, сохраняющих свою научную ценность и лишь требующих объяснения с когнитивных позиций. В первую очередь сохраняют свою значимость положения о структурном характере языкового значения с анализом и объяснением на когнитивной основе всего многообразия сем, пребывающих в статусе денотата и коннотата [см. об этом: Сулименко 2008]. Традиционное истолкование структуры лексического значения по-новому интерпретируется в свете дискурсивного подхода, позволяя связать компоненты содержательной структуры слова с тем или иным видом дискурсивной практики. В рамках системно-структурного подхода сложилась достаточно точная методика анализа содержательной стороны слов и группировок слов. До сих пор актуальна методика семного анализа с опорой на словарные дефиниции (З.Д. Попова, И.А. Стернин и А.К. Кравченко справедливо называет анализ содержания языковых единиц семантико-когнитивным, а мифологему осознаваемой когнитивной единицей и вербально оформленным фрагментом концептуальной картины мира. [З.Д. Попова, И.А. Стернин 2007, Кравченко 2007: 12]. Думается, это справедливо и для современных мифологем). Другое дело, что при обращении к материи языка мы можем говорить лишь о лингвокогнитологии и лингвоконцептологии как её части. Само собой разумеется, что речь в данном случае идёт именно о семантике, свойственной языку. Нельзя обойти вниманием и попытки противопоставления семантического и когнитивного, как и их отождествления (говорят, например, о синонимии концептов, а не слов). Объяснение же этих явлений лежит в механизмах нашего мышления, нашей когниции. Сказанное относится как к интерпретации концептов, концептуальных слоёв и концептуальных признаков на базе семной структуры значения прежде всего слова, так и к когнитивным аспектам других лексикосистемных явлений (например, многозначности, синонимии, ассоциативно-деривационных связей и др.). Д. Болинджер [Bolinger 1973: 270] писал в своё время: «... лексическая система не должна игнорироваться в угоду синтаксису», не должна она игнорироваться и в угоду когнитологии.

Методика семного анализа не всегда учитывается при изучении когнитивных признаков концепта, отчасти именно с этим связано негативное отношение к концептологии, неприятие лингвистических исследований различных концептов, хотя с самого начала в русистике отмечено, что концептуальные признаки наиболее отчётливо объективируются в сочетаемости единиц разного уровня, и прежде всего в лексической сочетаемости. Фокусировка внимания говорящего по закону обратного подобия и обратимости синтагматических отношений осуществляется ещё и синтагматическими партнёрами, лишней раз подчёркивая изоморфизм семантики единиц различных уровней языковой системы, каждая из которых служит единому

когнитивному процессу концептуализации мира человеком на пути адаптации к этому миру и его преобразования в различных видах деятельности. Системноязыковые свойства единиц содержат в себе и явные или скрытые указания на перспективы их использования в тех или иных ситуациях. Это один из фильтров, благодаря которому мы обычно определяем тип текста и его целевую аудиторию. Кроме того, если для лексикологов очевиден факт расчленённости лексических значений уже на уровне высшей лингвистической абстракции – слова в словаре (работы А.И. Моисеева, Н.В. Солоник и др.), то подобный термин, насколько известно, не используется грамматистами, как и термин «семное речевое варьирование» (И.А. Стернин, А.П. Чудинов, Е.Г. Беляевская) применительно к значению грамматическому. Термин «семантическая деривация» без необходимых объяснений заменяется термином «концептуальная деривация», хотя это явления не одного порядка, как и многие другие, относящиеся к разным направлениям языковых исследований. Между тем, правило шести семантических шагов, по которому любые два слова в лексической системе языка могут быть связаны по смыслу, выдвинутое в своё время Ю.Н. Карауловым, объясняет отсутствие тождества семантических полей в языке и текстовых ассоциативно-семантических полей, как и стоящих за ними концептов: опосредованные, нестандартные семантические признаки нередко отражают своеобразие видения мира говорящим. Так, М. Чулаки устами одного из своих персонажей отмечает предпочтительность для современного языкового сознания слов одного текстового лексико-семантического поля: благодетель, спонсор, миллионер и др. подобных перед утратившим позитивные коннотации словом вождь. Отсюда и пристальное внимание лингвистов к когнитивным моделям языковой игры, одна из которых связана с противопоставлением когнитивных структур, несмотря на структурное подобие слов, номинирующих разные концепты. Она, например, представлена в тексте известной песни: «Ты узнаешь, что напрасно называют Север Крайним, ты увидишь, он бескрайний. Я тебе его дарю». К сожалению, мало учитывается при линвокогнитивном анализе типология лексических значений слов, разработанная В.В. Виноградовым ещё на заре системного изучения лексики. Так, им выделен, хотя и не всегда последовательно, тип фразеологически связанных значений слов. Поэтому вызывает внутреннее сопротивление попытка подменить его название какими-то другими терминами, не дающими ничего, кроме «терминологической свежести». В одном из последних когнитивных изысканий обороты, содержащие такие слова, названы «двусловными (фразеологическими) словами»: «вести войну» (при «воевать»), «одерживать победу» (при «побеждать» [Руделёв 2012: 90]. Радиус действия типа основного значения как репрезентанта прототипической ситуации оказывается чрезвычайно широк и

охватывает не только структуру многозначного слова, но и всю лексическую систему с различными её группировками по совокупности парадигматических, синтагматических и ассоциативно-деривационных признаков. В лексикосистемном плане отмечалась актуальность распределения слов по типам лексических значений. Однако эта разнотипность в системе имён разных ЛГК также имеет когнитивную «подоплёку». Не менее важно обосновать связь лексикосистемного субстрата и лингвокультурологических связей слов. Подобная лингвоспецифичность слова и обусловленная ею лакуарность в межкультурной коммуникации связана с идиоматичностью как признаком слова, установленным в традиционных исследованиях, несводимостью его значения к сумме составляющих слово частей, с наличием неявных смыслов и особенностями его взаимодействия со средой. Достаточно сказать о неполной расчленённости указанных выше связей слов (лингвокультурных и семиотических) в понимании символа. Так, в определении символа как содержательной формы концепта В.В. Колесов снимает дихотомию образа и понятия: символ рассматривается как «знак, одновременно имеющий и собственное значение, и переносное, и в единстве этих значений указывающий на нечто третье» (Колесов 2002: 16). Ср. необходимость приложения при широком понимании термина «символ»: «Я (И. Берлин – *Н.С.*) думаю, мы думаем словами или думаем образами: без образов и без слов думать нельзя... Мы мыслим или словами-символами...; или – как это часто дети и женщины больше делают – образами... Символы. Тот мир, о котором мы думаем, даёт нам тот мир, который есть... Нет чего-то объективного» (Найман. Сэр). Ещё одно направление в анализе когнитивных явлений, к которому привлечено внимание лингвистов лишь в последнее время, – когнитивные основы функционирования лексики в разностильных текстах, то есть вопросы взаимодействия когнитивных явлений и традиционных для отечественной лингвистики стилистических понятий (ср. упомянутое выше отсутствие тождества с понятием дискурсивные практики) [см. об этом: Сулименко 2009, Сулименко 2012]. Столь же мало используются в качестве когнитивного аргумента положения и термины психолингвистики как непосредственной предшественницы отечественной лингвокогнитивистики и теории коммуникации. Так, достаточно сказать о двойственном наполнении термина «матрица»: собственно когнитивном у Н.Н. Болдырева и по преимуществу коммуникативном – у А.В. Колмогоровой: «Мы определяем практику общения (выделено автором – *Н.С.*) как подсознательно формируемую у членов определённого сообщества в процессе социализации матрицу межсубъектного взаимодействия, представляющую собой сцепление актов вербальной, телесной и когнитивной (в узком смысле – активности нервной системы) активности,

ориентирующее партнёра по взаимодействию на определённую аффективно окрашенную, социально релевантную, превосхищаемую другими членами сообщества форму поведения, способную иметь, в том числе, и вербальную объективацию» [Колмогорова 2012: 94]. При этом совершенно справедливо «интенциональная активность субъектов» рассматривается как единое целое, неясно только, почему она приравнивается к коммуникативной компетенции и рассматривается только в её рамках. Особое положение занимает в этих ориентациях концептуальный аппарат такой междисциплинарной области, как лингвосинергетика.

Таким образом, игнорирование традиционных терминов лингвистики и смежных дисциплин или наполнение их не свойственным им содержанием противоречит требованиям интегрального подхода к явлениям языка. Следовательно, лингвокультурологический, концептуальный, дискурсивный и ставший уже традиционным компонентный анализ слов не исключают друг друга, если видеть общую когнитивную основу языковых и внеязыковых явлений – общность стоящего за ними концепта, обслуживающего различные виды деятельности, связанные с разными типами дискурсов.

Продолжаем тему, начатую ранее и касающуюся спорных или малоизученных вопросов современной лингвистики. Прежде всего сказанное относится к положениям лингвокогнитивистики, лингвосинергетики и лингвистической теории текста, то есть к тем разделам русистики, которые постоянно привлекали внимание К.Э.Штайн.

Спорным оказывается содержание некоторых лингвокогнитивных терминов. Так, теория дискурса отрицает упрощённое и редуцированное понимание языка как системы знаков, не отличающейся от других знаковых систем, и «помещает лингвистику в междисциплинарную науку – человековедение, – объектом которой является человек... в **человеческую** (выделено автором – *Н.С.*) систему языка вработаны социальность и когнитивность» [Ревзина 2004: 12–13]. "Биологические" концепции бытия, жизнестроительства, житнетворчества поставили в центр внимания исследователей дискурса как когнитивно – прагматического феномена и сделали важным для выделения и квалификации типов дискурса любой аспект суперкатегории бытийности, жизненного пространства человека. Дискурс может быть выделен и описан по любому (а не только по коммуникативному) основанию, имеющему значимость для человеческого поведения, культуры, жизни: медицинский дискурс, эмотивный дискурс, сентенционный дискурс, гендерный дискурс, поведенческий дискурс (животных и человека), экологический дискурс и т. д., которые напрямую не связываются ни с одним функциональным стилем, хотя и выступают проявлением разных видов

психической активности, деятельности человека, типов его ментальности и т. п. Если вслед за Н.Д. Арутюновой, понимать дискурс как «речь, погружённую в жизнь» [Арутюнова 1990: 136–137], любое из оснований, связанных с «жизненными» потребностями субъекта, его жизненным пространством, результатами его деятельности, может служить отправным моментом для классификации типов дискурсов (ср.: компьютерный дискурс в отличие от языка для специальных целей, обычно дифференцируемого от стиля; детективный дискурс, экономический дискурс, эмотивный дискурс и т.д.): «Признание «встроенности» когниции, «отелеснённости» разума должно вывести нас на разговор о необходимости изучения биологической обусловленности многих, во всяком случае, базовых, ментальных моделей» [Кравченко 2004:103]. «Термин «дискурс» на языке современной гуманитарной науки и означает устойчивую, социально и культурно определённую традицию человеческого общения. Духовная культура общества представляет собой ансамбль дискурсов, наделённых различными коммуникативными стратегиями» [Силантьев 2004: 98]. В отличие от текстовой семантика дискурса позволяет расширить исследовательский объект, соединив синхронию с диахронией, что вполне отвечает интегральному подходу к языку.

«Сфера употребления» – не что иное, как совокупность типовых ситуаций, в которых реализуется норма стиля, тот или иной тип текста и свойственный ему способ мышления, а это требует введения в дискурсивный подход когнитивного измерения. Закон «оборачивания» средств и цели объясняет связь сферы употребления (то есть совокупности определённых ситуаций деятельности людей), во имя которой языковые средства специализировались, и самих характеристик этих средств, ставших объектом лингвистического анализа. Ситуация понимается и как сложно организованный субъективный образ объективной действительности, как элемент картины мира: «Нельзя описать язык в терминах соответствия между Словом и Миром, если под Миром не понимать картину мира, порождаемую нашим опытом» (Кубрякова 2004: 15). По словам М.Фаликмана [Фаликман 2004: 141], «вводя в когнитивную парадигму знания дискурсивную составляющую, мы не только предлагаем новую версию когнитивизма (когнитивно-дискурсивную), но и получаем возможность понять более глубоко природу креативного начала в поведении человека, то есть подойти к рассмотрению креативности как главной характеристики человека, проявляющейся во взаимодействии человека с миром, и определить её как основную черту деятельности нашего сознания». Междискурсивное взаимодействие обнаруживает художественное творчество крупнейших авторов прошлого и современности: в поэзии и прозе А.С. Пушкина, А. Блока, О.Э. Мандельштама, М. Цветаевой, И. Бродского и др.

взаимодействуют элементы научного, философского, поэтического и метапоэтического дискурсов, вводя их тексты в открытое пространство культуры, в междисциплинарную область человековедения.

Несмотря на огромное количество работ, посвящённых явлению лексической многозначности, вопрос о содержании «единого семантического стержня», скрепляющего отдельные значения в смысловой структуре слова, остаётся открытым. Большинство лингвистов усматривают это единство в сцеплении отдельных ЛСВ друг с другом. Когнитивисты обосновали «принцип семейного сходства» подобных сцеплений. Но это не объясняет глобальной взаимосвязи разных словозначений, а лишь указывает на их попарное соединение. Теория общего значения не оправдала себя в силу абстрактности «связующих» признаков. Между тем ещё в эпоху становления системных представлений о лексике В.В. Виноградов писал о том, что основное, свободно-номинативное значение слова выступает фундаментом всех других значений и применений слова, что последние готовы всплыть в нашем сознании по первому требованию, то есть хранятся в памяти вместе с основным значением. Отечественные когнитивисты (А.А. Зализняк, И.М. Кобозева, И.Г. Ольшанский и др.) связывают роль свободно-номинативного, основного значения слова как донора для других его значений с единством концепта, стоящего за словом, то есть подтверждают мнения, сложившиеся при системно-структурном изучении лексики (ср. исследования И.А. Стернина, А.П. Чудинова, Н.В. Солоник и др.).

Это единство ментальной структуры объясняет «игру» сем и на уровне слова в словаре, и в текстовом его использовании.

Таким образом, прототипический подход предполагает отсутствие жёсткой связи между словозначениями, но не связи вообще, поскольку все признаки концепта имплицитно заложены в основном значении слова и актуализируются по мере его развёртывания, освоения концепта носителями языка. В этом смысле основное значение слова выступает донором для других его значений, отмеченных в словаре.

Дж. Лакофф [Лакофф 2004: 252–253] говорит о категориях базового уровня, именно с ними прежде всего связан когнитивный подход к явлению лексической многозначности. К числу категорий базового уровня относятся и «образные схемы» М.Джонсона, часто и не вполне точно называемые бинарными концептуальными оппозициями: вместилище, источник-путь-цель, связь, целое-часть, центр-периферия, верх-низ, спереди-сзади, линейный порядок. Их роль в связи значений полисеманта отчётливо выступает и в таких видах ментальных репрезентаций как метафора и метонимия, пропозиция и т.д.: Низкий – «7. Простой, не торжественный; простонародный. Противопол.

Высокий. О стиле речи, жанре художественного произведения. 8. Густой, небольшой высоты. О звуке, тоне, голосе и т.п. Противопол. высокий.».

Неоднократно отмечался изоморфизм процессов внутрисловной и межсловной деривации. И он имеет когнитивное объяснение: те признаки концепта, которые входят в концептуальное ядро, развиваются и на уровне внутрисловных, и на уровне межсловных отношений. Периферия же концепта далеко не всегда обнаруживает себя в межсловных связях. Так, ограниченность образования производных отмечается для качественных прилагательных фразеологически связанного значения: розовый в значении «приятный, радостный»; живой и мертвый в сочетании со словом язык; тайное, открытое (голосование); круглая (сумма, состояние); крупная (ругань, брань); низкий (лоб); мертвая (петля), мертвая (хватка); красное (вино); красное (дерево), красный (гриб), красный (железняк), красная (рыба), красная (цена), красное (словцо), красный (лес), красный (звон), красный (ряд), красный (товар); медвежья (услуга), лучистая (спец.) – энергия; кислый (спец.) – соль, кислые воды, источники, кислое брожение, ложный (в спец. терминологии) – л. акация, л. ребра; свободный (спорт.) – удар, (спец.) – о хим. элементах [Сулименко 2008].

Следует отметить наше согласие с общим положением [Песина, Латушкина 2014: 107]: «В лексическом ядре заложена программа для всех (или почти всех) частных значений слова» и несогласие со второй частью утверждения: «Очевидно, что лексическое ядро функционирует на уровне системы языка как семантический инвариант, то есть как «наилучший представитель» полисеманта, в то время как реализация отдельных значений осуществляется на уровне речи». Это, к сожалению, совсем не очевидно.

Ранее уже говорилось о необходимости различать типы ментальных репрезентаций и концептуальных оппозиций. Особую роль в этом разграничении играет изучение лингвосинергетических основ концептуальных оппозиций. Вопрос об онтологической природе концептуальных оппозиций получает различное освещение в трудах лингвистов. Одни исследователи связывают их наличие и функции с природой нашего мышления, поскольку человек концептуализирует мир не безразлично, а в рамках представлений о том, что для человека хорошо, а что плохо. Поэтому распределение семантического пространства в пределах оппозиций заложено ещё в мифологической системе мышления, которое до сих пор даёт себя знать и отразилось в языке, непосредственно связанном с обыденным сознанием. Антиномии легли в основу теории познания, выступая его фундаментом. По словам Э.Канта, «разум человека уже по своей природе антиномичен». Эту точку зрения разделяют и современные авторы. Так, М.Р. Галиева замечает:

«бинарность признаётся фундаментальным структурообразующим принципом мышления, познания и бытия человека (Ю.М. Лотман, Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров, М.М. Бахтин, И.П. Ильин, М.С. Уваров)» (Галиева 2014: 58). Данное положение вполне соотносимо с мнением психолингвистов о бинарности любой психической функции человека, о постоянном присутствии в его деятельности «конкурирующего» мотива, что позволяет ему гибко приспосабливаться к явлениям универсума.

Известно и собственно лингвистическое, а не только философское и общенаучное обоснование оппозиций. Теория оппозиций, как и методы оппозиционного анализа складывались первоначально в фонетике и лишь постепенно, с укрупнением исследовательского объекта распространялись на другие единицы языка. С точки зрения лексикологов (Л.А. Новиков, Д.Н. Шмелёв, В.А. Ефремов и др.), оппозиции очерчивают границы исследуемого семантического пространства. Особенно отчётливо эта функция выступает у лексических антонимов, предполагающих обязательную общность родового признака, на базе которого выстраиваются члены парадигмы, находящиеся на крайних её точках и «противопоставленные по самому существенному для их значения признаку» [Шмелёв 2006]. Об этой части определения антонимов Д.Н. Шмелёвым обычно забывают, но именно она обращена к спорным положениям и лексикологической, и лексикографической теории антонимии. Содержание этого самого существенного для антонимов признака толкуется исследователями по-разному. К спорным вопросам антонимии относится, например, вопрос о том, мужчина и женщина – антонимы или нет? В зависимости от положительного или отрицательного ответа эти слова включаются или не включаются в словари антонимов (ср. точку зрения Л.А. Введенской и Н.П. Колесникова). Уместно здесь вспомнить мысль А.В. Бондарко о существовании неопозитивных различий в семантике языковых единиц или мнение В.В. Колесова о характерном для русской ментальности наличии надопозиционного третьего члена, преодолевающего оппозитивные различия. Его поиски осуществляются в рамках культуры как среды бытования языка, то есть синергетической системы высшего порядка. Здесь мы сталкиваемся с синергетическим пониманием оппозиций, включающим лингвистику в широкий круг междисциплинарных связей в рамках культуры. В оппозициях отразилась связь нашего мышления с двумя ведущими концептами синергетики – космос и хаос. Е.М. Мелетинский отмечает такую особенность нашего мышления, как процесс перехода хаоса в космос, который интерпретируется как переход «от тьмы к свету, от воды к суше, от пустоты к веществу, от бесформенного к оформлению, от разрушения к созиданию» [Мелетинский 2006: 20].

Лингвосинергетическое понимание оппозиций тесно связано с его лингвокогнитивным истолкованием, хотя и в этом случае не всё ясно. Так, М. Джонсон такие базовые структуры опыта, как верх-низ, спереди-сзади, включает в «кинестетические образные схемы», то есть рассматривает как один из видов ментальных репрезентаций наряду с концептами вместилище, источник-путь-цель, связь, целое-часть, центр-периферия, линейный порядок, устроенными иначе, связанными с другими видами ментальных репрезентаций, не исчерпываемым оппозитивным взглядом на мир. Тем самым ставится под сомнение тезис о глобальной оппозитивности нашего мышления, что противоречит утверждениям синергетиков о наличии таких базовых концептов, как космос и хаос. Однако нельзя отрицать и того, что концептуальные оппозиции служат основой моделирования виртуальной реальности по типу физической, связанной прежде всего со схемой тела человека, то есть в своих истоках имеют биологическую базу.

Спорным и неоднозначным является понимание символического языкового кода в ряду других. «Символический» код в одном из подходов отождествлялся с семантическим, то есть отождествлялись понятия символ и знак (нас интересует прежде всего слово как языковой знак) [см. Сулименко 2008]. К проблеме символа, одной из недостаточно изученных в лингвистике, Ю.М. Лотман обращается в статье под названием «Символ в системе культуры» [Лотман 2010: 293–308]. Он считает наиболее привычным представление о символе как таком, которое «связано с идеей некоторого содержания, которое, в свою очередь, служит планом выражения для другого, как правило, культурно более ценного содержания». Существенной чертой символа признаётся его способность приходить из прошлого и уходить в будущее, то есть пронзать всё культурное пространство, а не только какой-то его временной срез. Это объясняется метафорически с чисто синергетических позиций: «Колёса различных механизмов культуры движутся с разной скоростью», а законом существования культуры объявляется увеличение внутреннего разнообразия. При этом сохраняется память культуры о себе, символы «не дают ей распасться на изолированные хронологические пласты». Это не исключает корреляции символа с культурным контекстом, их обоюдной трансформации: «Его инвариантная сущность реализуется в вариантах... выражение не полностью покрывает содержание, а лишь как бы намекает на него». Ср. в другой статье: «хранящиеся в культуре символы, с одной стороны, несут в себе информацию о контекстах (resp. языках), с другой, для того, чтобы эта информация «проснулась», символ должен быть помещён в какой-либо современный контекст, что неизбежно трансформирует его значение». [Лотман 2010: 263)].

Вместе с тем, сравнивая символ и другие знаковые элементы, Ю.М. Лотман замечает: «Символ отличается от конвенционального знака наличием иконического элемента, определённым подобием между планами выражения и содержания». Автор разделяет и такую синергетическую идею, как работа системы в обычном режиме и в режиме с обострениями (в области языка и его лексики прежде всего в настоящее время наблюдается последний, с чем связана и очередная волна «языкового возмущения», и «лексический взрыв», фиксируемый словарями). Ср.: «переживающая период вспышки культура из периферии культурного ареала часто превращается в его центр и сама активно транслирует тексты в затухающие кратеры прежних центров текстообразовательных процессов». Этот синергетический подход не может не учитываться при когнитивном анализе слова, как и одно из важных положений этого подхода: «Таким образом, реконструируемая информация всегда реализуется в контексте игры между языками прошлого и настоящего». О связи символа со средой он пишет и в другой статье того же сборника: «поскольку внесистемные тексты составляют, как правило, резерв для построения систем завтрашнего дня, игра между системным и внесистемным составляет основу механизма развития культуры» [Там же, с. 283]. Важно для лингвистического анализа и ещё одно положение о метаязыке культуры, оправдывающее обращение автора к теории дискурса, к связи синхронии и диахронии как в слове, так и в тексте: «Разные подсистемы культуры обладают различной скоростью завершения динамических процессов... В любой момент в культуре сосуществуют различные эпохи. На метауровне это разнообразие снимается» [Там же: 284].

Выстраивая типологические характеристики культуры, автор следующим образом раскрывает сложность её механизма: «Она обнаруживает признаки самонастраивающейся системы и способна сама регулировать и усложнять собственное строение. Эта способность органически связана с неоднородностью внутреннего строения» [Лотман 2010: 31], а «богатство внутренних конфликтов обеспечивает Культуру как коллективному разуму исключительную гибкость и динамичность» [Лотман 2010: 55]. Тем самым утверждается универсальный характер лингвистического кода, способного перевести на свой язык элементы других кодовых систем культуры.

С последним замечанием связано утвердившееся в филологии представление о первичных и вторичных моделирующих структурах, о зашифрованности текстов культуры многими кодами, что и создаёт многоголосый текст не только в его культурологическом, но и собственно лингвистическом, прежде всего лексическом, понимании. Единство внесемиотического мира позволяет не только переходить от одного кода к

другому внутри системы, но и выходить в культуру как систему более высокого порядка, делает изоморфными внутри – и межкодковые переходы: «в основе всех коммуникативных процессов лежит инвариантный принцип, делающий их подобными между собой. Этот принцип строится на сочетании симметрии-асимметрии...с периодической сменой апогеев и затуханий в протекании всех жизненных процессов в любых их формах» [Лотман 2010: 101].

Уподобление сложных самоорганизующихся систем живым связано у Ю.М. Лотмана и с понятием текст (статья «Семиотика культуры и понятие текста»), прежде всего с его содержательной стороной, на 75% структурируемой лексическими средствами: «...текст предстаёт перед нами как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [Лотман 2010: 71]. Синергетическое положение о фрактальном характере частей по отношению к целостной системе позволяет автору (статья «О семиосфере») обнаружить изоморфизм целого и части, их подобие, известную структурную самостоятельность части, приводящую к получению способности «самостоятельного выбора программы деятельности», то есть выхода на новые аттракторы. Требование учёта ситуативного фактора при структурировании текста выводит на ещё одну синергетическую проблему – проблему случайности: «Казалось, что наука занимается тем, что повторяемо и закономерно. Это был один из основных принципов науки. Наука не изучает случайного. А всё закономерное – это то, что правильно и можно предсказать. Случайное же не повторяется, и предсказать его нельзя» («О природе искусства»). Кажущейся оказывается и свобода, понимаемая как осознанная необходимость, это всего лишь утверждение «фатальной линии движения человечества» [Лотман 2010: 11], то есть одностороннее истолкование важнейшего культурного концепта в угоду господствовавшей в обществе идеологии. Автор считает, что «вторжение сознания резко увеличивает степень свободы и, следовательно, непредсказуемости» [Лотман 2010: 117]. Он ссылается на синергетическую концепцию Ильи Пригожина, поясняя такое важное для синергетики понятие, как точка бифуркации. Оно передаётся через пространственные гештальты пути, дороги, движения по ней, распутья, концептуальные оппозиции перед-зад, геометрический гештальт точки в пространстве и др.: «А потом наступает какая-то точка, когда движение вступает в непредсказуемый момент и оказывается на распутье как минимум двух, а практически – огромного числа дорог...в этот момент вероятность не срабатывает, срабатывает случайность. Когда мы смотрим вперёд, мы видим случайности. Посмотрим назад – эти случайности становятся для нас

закономерностями... Реализованный путь есть потеря в то же время других путей» [Лотман 2010: 15]. Искусство, по мысли автора, и даёт возможность прохождения того, что не случилось, оно тесно связано не только с наличествующей реальностью, но и с областью возможного, оно даёт нам выбор там, где жизнь не даёт. Таким образом, автор реабилитирует роль случайности, выступающей при учёте всех ситуативных факторов: «Естественное поведение» дано человеку как единственно возможное для каждой ситуации» [Лотман 2010: 56], а культура противостоит не только природе, но и «не-культуре». Будучи вторичной знаковой системой, надстраиваемой над тем или иным естественным языком, она «и по своей внутренней организации воспроизводит структурную схему языка» [Лотман 2010: 57].

В рамках когнитивно-дискурсивного подхода к языку, для которого характерно внимание к системной организации поведения человека в разных областях его жизнедеятельности, особенно актуальными стали проблемы, традиционно относимые к функциональной стилистике. Привлекательность современных стилистических концепций – в интеграции явлений, связанных с различными исследовательскими парадигмами: системно-структурной, функциональной, когнитивной, культурологической, ибо в системе языка, в его функциональных стилях в снятом виде усматривается «глобальная» интертекстуальность, служащая основой текстовой деятельности человека, использующего в порождении те же мыслительные операции, которые заложены в системе языка. Не случайно в число факторов стилеобразования включался и приоритетный для того или другого стиля способ мышления, хотя он и считался экстралингвистическим фактором. Таким образом, коммуникативная заданность текста при филологическом его анализе выступает лишь одним из текстообразующих факторов.

Теория функциональных систем (именно такими системами ведаёт стилистика и теория текста) и когнитивная теория смыкаются в интересе к приспособительным механизмам, обеспечивающим адаптивность мышления и адекватность, успешность поведения человека.

Следовательно, основа и цель развития когнитивной функции человека и его коммуникативных способностей – успешное, адаптивное поведение в условиях меняющейся действительности.

Спорные проблемы когнитивной лингвистики, касающиеся границ языкового детерминизма, гипотезы лингвистической относительности, креативной природы лингвоментальной деятельности, содержательной сущности концепта и возможностей его языковой объективации, типов дискурсивных практик и семантики возможных миров, способов категоризации

и концептуализации явлений, методов концептуального анализа и др., имеют свои проекции в построение современной теории лексикологии, создавая известные трудности в понимании семантической системы словаря данного языка. Некоторые из указанных проблем, имея выход на слово в словаре и тексте, и будут предметом нашего внимания.

А.В. Кравченко, разделяя идею о мирозозидающей функции языка, связанной с биологической природой человека, считает, что «языковой детерминизм предстаёт как неизбежность, обусловленная структурным детерминизмом человека как живой системы» [Кравченко 2004: 5].

В самом деле, если учесть оборачиваемость метода и рассматривать человека и его язык не как систему, а как среду бытования иной системы – культуры с её системой норм и ценностей, природы с её многообразными свойствами и проявлениями, а также теорию фракталов, принцип повторяемости в синергетике, то не может не сказаться влияние языка на систему более высокого порядка, что мы и наблюдаем в изменении картины мира и самого мира под влиянием языковых изменений, лексико – семантических новаций разного рода.

М.В. Никитин, напротив, упрекает когнитологов в излишнем лингвистическом детерминизме, и промежуточную между этими полярными позициями занимает Е.С. Кубрякова [Кубрякова 2004]. Решение вопроса о том, действительно ли язык отражает мир или же в определённом смысле творит и созидает его, не обязательно предполагает позицию лингвистического детерминизма. Отчасти ответ на него дан и в философии виртуальной реальности, в концепциях семантики возможных миров, и в неоднократных наблюдениях над прогностической функцией языка, над процессами номинации тех феноменов, которые лишь позднее были открыты наукой и постфактум стали объектом метаязыковой рефлексии пользователей языка (например, слова «великодушный» и «малодушный», фразеологизм «коптить небо», «потерять лицо» и мн. др.).

Отражательные концепции языка также не имеют однозначного истолкования, и на условность термина «языковая картина мира» указывали и Б.А. Серебренников, и Е.С. Кубрякова, и Г.В. Колшанский на том основании, что отражает не язык, а сознание человека. С позиций синергетики, сложные неравновесные системы, каковой является и естественный язык, не могут быть жёстко детерминированы, они обладают способностью к самоорганизации, относительной автономностью в среде своего бытования, создавая в ней зоны информационных «сгущений», хотя как открытые системы и черпают из неё вещество, энергию и информацию. Вместе с тем, нельзя не согласиться с мнением Е.С. Кубряковой и её единомышленников о том, что «в окружающей

среде человек и должен выделять в первую очередь объекты с чёткими контурами и / или вполне определёнными сенсорными признаками», отчего в истоках своих «концепт формировался на основе сенсорных моторных репрезентаций» [Кубрякова 2004, 2006: 7]. Видимо, не случайно специализированным лексическим способом интерпретации физических сущностей выступает тип свободно-номиативного значения слова как прототипический в построении смысловой структуры многозначного слова и всей семантической системы словаря данного языка. Именно с ним связываются области информационных сгущений смысла и синкретизм, целостность образа как первичной содержательной формы концепта, обнаруживающего себя в этимологических признаках, внутренней форме, в прямой направленности на предметы окружающего мира, в максимальной степени свободы лексикосистемных связей всех видов и прагматического использования слова в данном значении. Если прибегнуть к эволюционному взгляду на язык и синергетической аргументации, именно области «сгущений» информации и провоцируют программу действий с объектами и определяют направления концептуализации, привлечения внимания к значимым в определённой среде бытования человека и типе культуры свойствам объектов, особенности их лексической интерпретации. Антропный характер языка обуславливает наличие интерпретативного момента в формировании разных типов лексического значения, как основных, так и дополнительных. Это отчётливо проступает в комплексном определении лексического значения слова и в типологии лексических значений, отражающей разные виды дискурсивных практик, которая впервые была предложена В.В. Виноградовым. В то же время возникает вопрос, как объяснить исходный синкретизм в древнерусском языке слов типа «добро», «богатство» и вообще многих номинаций этических концептов, а также гипотезу когнитологов о последовательной дифференциации с помощью языковых средств исходно архетипических образов по мере развития знаний. Думается, что исконная активность правополушарного мышления предопределила те интуитивные прозрения, которые позднее объективировались в языке и дали толчок к развитию смысловой структуры слова. Не случайно термины многих наук – угасшие метафоры обыденного языка, а путь аналогий – один из важнейших в становлении нового знания. Отмечаемая сравнительно недавно способность животных к дифференциации и обобщению различных типов ощущений уже давно замечена языком и даёт себя почувствовать в процессах семного речевого варьирования. Так, глагол знать в МАС-2 в одном из своих значений отмечен с оттенком «уметь что-либо делать, владеть какими-л. навыками». В тексте В. Токаревой он конкретизирован как «умеют находить» и «считают съедобным»: «...летом она делала себе салат из

трав, которые растут под ногами: подорожник, крапива, стебли одуванчиков, корни лопуха. Эти травы знают животные, а люди их не едят» (Кошка на дороге). Текстовое варьирование лексической семантики связано с принципиальной неразделимостью языкового и энциклопедического знания, создающей основу для семантического вывода. Иначе говоря, не всё концептуальное содержание имеет словную, кодовую форму экспликации, часть его может передаваться текстовым способом на основе механизма выводного знания. Ср.: «Значение языкового выражения включает общее, энциклопедическое знание и то, как оно структурируется, «упаковывается» в языке, то есть языковое знание. Между этими типами знания не существует чёткой границы» [6: 17].

Когнитивные стратегии семантического вывода отчётливо выступают при производстве новых слов и значений и их понимании, когда языковой инструментарий используется для перевода имплицитных признаков концепта в светлое поле сознания. Ср. такие новообразования, отмечаемые неологическими словарями, как: апокалипсис (о мировой катастрофе и т.п. в публицистическом дискурсе), с тем же типом дискурса связаны переносные значения слов маятник (инфляции, доверия и т.д.), донор (о регионах и др.), больной (экономика и др.), грязный / чистый (об экологии), обвал (о кризисе), придворный («прикормленный» властью) и т.д.; номинации тормозить, тормоз, мутант, отморозенный, шестёрка, бугор, урюк, окучивать, кукла и мн.др. возникли в разговорном дискурсе как ответ на вызов меняющейся (в том числе и в криминальную сторону) среды с использованием типовых моделей регулярной многозначности, заложенных в языке.

Лингвокреативная деятельность говорящих предполагает новые степени языковой свободы, допускаемой прототипическим значением и открывающей в концепте новые признаки. Согласно постулатам синергетики, выход эволюционирующей системы на новый уровень самоорганизации, вызванный требованиями среды, предполагает отказ от некоторых прежних дифференциаций в угоду большей дифференциации на более высоких этапах усложняющейся системы. Применительно к лексической системе можно говорить о пассивизации элементов тоталитарного дискурса, преодолении его насильственного порядка, идеологических ярлыков, излишнего пуризма и запретительства, отчётливых и в лексикографических штудиях. С этим связана свобода использования разностилевой лексики, либерализация лексических норм, введение разнообразных элементов энциклопедической информации в толкование слова и многое другое. Хаотичность «лексического взрыва» обещает новую ступень самоорганизации языка и прежде всего его лексической системы как наиболее открытой воздействию среды.

Зона изменчивости системы, её приспособления к динамике концептуализации, отмечена прежде всего типами несвободных, стилистически маркированных значений, объясняющими мотивы введения данного слова и его востребованности в языке. Возможность отклонения от жёсткого детерминизма при создании лексико – семантических новаций согласуется с синергетическим законом о потенциальной множественности путей развития системы, находящейся в точке бифуркации, и её ” блуждания” по полю возможностей в поисках аттрактора, на который выйдет система для своего обновления.

Е.С. Кубрякова справедливо усматривает диалектическое противоречие концептуальной структуры в сознании и концепта в языке, «возвращающегося в сознание уже в виде самостоятельной единицы» [4: 10]. Это очевидно для выражения концепта с помощью словообразовательного аффикса типа – ич, – анин, определяющего человека по месту его жительства, и других, маркирующих структуру производных слов, однако не вполне очевидно для членов одного семантического поля, лексико-семантической группы типа землешапец и пахарь. Известно, что способом вербализации концепта на лексическом уровне может быть не только слово в одном из своих значений, но лексема во всей совокупности своих словозначений, а также синонимический ряд слов, конкретные сочетания отдельных слов, словообразовательные ряды и гнезда. Здесь мы выходим на ещё одну не до конца выясненную проблему – о соотношении концепта и способа его лексической презентации, концептуальных и семантических признаков. Последние то отождествляются друг с другом, то разводятся в концептуальном анализе. Члены синонимического ряда, объединяясь ядром концепта, эксплицируют разные концептуальные признаки с помощью свойственных языку механизмов интерпретации этих различий, но это не значит, что за членами ряда стоят разные концепты.

Проблема языкового детерминизма тесно связана с определением границ универсального и идиоэтнического в слове и стоящем за ним концепте. Так, концепты типа красота, счастье, свобода признаются универсалиями духовной культуры в отличие от концептов – сигналов определённой культуры (ср. принятый в лингвострановедении термин слова – реалии). По замечанию И.Г. Серовой, «крайняя степень культурной специфичности предстаёт как лакуарность» [Серова 2007: 16] (ср. исследование Е.В. Бердниковой по проблемам лексической лакуарности в межкультурной коммуникации [Бердникова 2007]). Но известна различная лексическая разработанность подобных концептов в разных языках и культурах (А. Вежбицкая, С.Г. Воркачёв и многие другие). Своё определение концептосферы Д.С. Лихачёв тоже связывает с этноспецифичностью концептов, к ней же обращён термин

«персоносфера русской культуры» Г. Хазагерова. А рассмотрение гештальта как первоначальной структуры любого концепта (Н.Н. Болдырев, В.В. Колесов), внутренней формы как его зародыша, учение о логозпистеме Верещагина и Костомарова не позволяют почувствовать реальность абстракции, скрывающейся за термином «универсальный концепт». Учёт многообразия культур, «цветущей сложности», обогащающей картину мира, ориентация на принцип толерантности в межкультурной коммуникации лишь в первом приближении объясняет, почему облик концептов типа жизнь, смерть, свобода, справедливость, законность, считающихся универсальными, можно восстановить через анализ различных дискурсов.

Сами эти дискурсы разнятся от культуры к культуре, не случайно носителями отечественных культурных норм не признаётся равенство всех перед законом, и концепту законность предпочитается концепт справедливость, связанный с ценностями православной культуры.

Как замечает Е.Г. Беляевская, «этноспецифический характер концептов, выявленный в многочисленных сопоставительных лингвистических исследованиях, отражает неповторимость и уникальность образов мира, создаваемых при участии языка» [Беляевская 2006: 123]. Это связано с различием прототипического денотата, единиц УПК, составляющих образную основу концепта, эксплицируемого словом того или иного языка. По определению Р.И. Павилениса, концепт – это то, что «индивид думает, воображает, предполагает, знает об объектах мира» [Павиленис 1983: 280]. В нём важно то, что оно отсылает к феноменам не только наличных, действительных, но и возможных миров, вводит в область виртуальной реальности, создаваемой воображением; специализированный способ её представления в лексике – несвободные значения слов, лексически – и фразеологически связанные, указывающие на то, что «мы думаем о мире» (Н.Д. Арутюнова), хотя интерпретирующее начало свойственно всей лингвокреативной деятельности, включая создание исходных номинаций, прямых значений слов. В силу единства лексического и грамматического в слове и отсутствия особых лексических маркёров дифференциации разнотипных значений на внутрисловном уровне, грамматическая их дифференциация служит собственно лексическим задачам, что отмечается исследованиями по словарной грамматике и оказывается возможным ввиду концептуальной общности феномена, стоящего за словом как единицей языка и позволяющего преодолевать ограниченность поуровневого анализа языковых явлений. Приведённое выше определение концепта содержит указания на различные типы знаний о мире, имеющие лексическую объективацию. На когнитивной основе определяется устройство структуры лексического значения и другими

авторами. Например, В.Н. Телия не только связывает её с различными видами ментальных репрезентаций, но и предлагает серию когнитивных операторов, объясняющих неслучайность выделения разных видов сем в этой структуре [Телия 1996]. Концептуальное пространство лексики неравномерно, оно включает базовые и небазовые концепты, подвергающиеся разной степени лексической разработки, области концептуальных сгущений и разрежений. Концептуальная картина мира включает в себя как концепты естественных объектов, служащих прототипами тех или иных свойств, категорий, так и концепты второго порядка – артефактов, созданных в итоге рефлексии над свойствами естественных объектов. Возможно, языковые концепты явились результатом интерпретационной деятельности как обыденного сознания, так и научного, философского, эстетического, религиозного и т.д., результатом различных дискурсивных практик носителей языка. С этими их свойствами связывается расширение концептуального пространства. Хотя слово и представляет редуцированный до усреднённого этнического знания концепт, его слои репрезентируются разнотипными лексическими значениями слова, связанными с различными стадиями познания мира. Одно из предназначений этой неоднотипности можно видеть в фиксации разного типа знаний о мире, включая и знания о языке. Об этом, в частности, свидетельствует обилие специальной лексики в кругу слов фразеологически связанного значения и обилие лексики, представляющей разные сферы человеческой субъективности, – в кругу лексически связанных, ориентированных относительно психологической сферы субъекта значений. Принципиальная нелимитируемость содержания концепта связана с беспредельностью человеческого опыта по освоению и преобразованию мира, динамика концепта отчасти объясняет отсутствие его тождества с конвенциализированным лексическим значением как редуцированным концептом, связанным знаком. Текстовые смыслы выявляются на основе актуализируемых в конкретном речевом акте, в лексической сочетаемости концептуальных признаков, как предусмотренных, так и не предусмотренных системным лексическим значением. Эта антиномия между текстом и кодом создаёт предпосылки переводимости иноязычных текстов, передачи сходного или специфического концептуального содержания. Лексическая основа соответствующих дискурсов и дискурсивной семантики, о которой всё чаще говорят когнитологи в связи с общенаучной тенденцией укрупнения исследовательских объектов, объясняется когнитивной природой дискурса как одного из возможных миров со своим “лексиконом” и “правилами словоупотребления” (Ю.С. Степанов).

Таким образом, в свете интегральных концепций языка, положения о принципиальном единстве семантики и прагматики, лингвистической и

эциклопедической информации становится возможным говорить не только о концептуальной природе языкового значения, но и о лексической системе языка как части концептуальной системы его носителя, о чём в полной мере свидетельствуют данные ассоциативных экспериментов, отражённые в прямой и обратной версиях РАСа. Ср., например, информационную многоплановость ассоциативного поля ключевого слова – стимула, имени концепта : ВОРОН: чёрный⁵⁷; птица⁶; летит⁴; ворона, каркает, старый, считать ²; белый, богатырь, галка, вороной москвич, год, грязный, грязь, деревянный, долголетие, зло, злой, играет во трубу, кличка, клюв, конь, красив, лес, несчастье, пасмурная погода, птичка, синий, смерть, страх, чернота, чёрный ворон, чёрный цвет, Эдгар По¹. Или: КРУТОЙ: парень¹⁸; склон¹⁰; поворот ⁹; чувак⁶; подъём⁵; берег, мен, мужик, характер, человек⁴; обрыв³; тап; деловой, дурак, маршрут, резкий, спуск, яйцо²; безупречный, бизнесмен, в себе, Ваня, вираж, глупый, забор, кипяток, кожанка, косогор, обход, пацан, подросток, пологий, прикинутый, рок, самолёт, характер человека, шапка¹. [Русский 1996]

6.4. В ПОИСКАХ НОВОЙ СИНКРЕТЫ: СТЫК КОГНИТИВИСТИКИ И СИНЕРГЕТИКИ В ИСТОЛКОВАНИИ ТЕКСТОВОГО СЛОВА

Аксиомы лингвосинергетики перекликаются с прозрениями русских философов начала 20 века. Так, С.Н. Булгаков замечал: «солнце и скучно суть одинаково идеи вселенной, мыслящей, сознающей саму себя... В нас говорит мир, вся вселенная, а не мы, звучит её голос Слово космично в своём естестве, ибо принадлежит не сознанию только, где оно вспыхивает, но и бытию, и человек есть мировая арена, микрокосм, ибо в нём, и через него звучит мир, потому слово антопокосмично или, скажем точнее, антропологично (мирочеловек говорит слово). В сущности язык всегда был и есть один – язык самих вещей, их собственная идеация» [Булгаков 2008: 35]. Или: «Орган речи и слуха существует потому, что есть звук как мировая энергия. Звуки создают для себя органы в человеке, в котором должно быть вписано всё мироздание» [Там же: 60]. Бытийная основа слова утверждается автором по отношению к значению, прежде всего, существительного: «Есть то, о чём говорится. И это общее свойство мира – бытие, а не только мыслимость и выразимость в слове, – свидетельствуется той чертой языка, что всякая мысль, всякое высказывание приурочивается к точкам бытия, получает бытийственный характер, высказывается о бытии через субъект – имя существительное». Ср. ещё: «В тайне именованя, которая есть и тайна языка, содержится творческое да будет: «да будет свет» и «бысть свет»... Слова как предикаты, как идеи, суть лучи умного мира, пробивающиеся через облачную атмосферу» [Там же : 111,115].

Наука, искусство и религия выступают формами познания мира, их сближает когнитивная функция и синергетическое понятие гармонии, порядка. Эта общность предполагает их выход в систему более высокого порядка – культурную среду. Новые взгляды, преодолевающие сложившиеся стереотипы, складываются на стыке наук и обслуживающих их дискурсов (медицины и философии, медицины и социологии, этики). Ср. название одной из публицистических статей С. Бестужевой-Лада: «Мораль для инфузории-туфельки», в которой с опорой на биологическую по источнику метафору и медицинскую аргументацию освещаются социально-этические проблемы: «Нравственное помешательство – психическая болезнь, при которой моральные представления теряют свою силу и перестают быть мотивом поведения. При н. п. человек становится безразличным к добру и злу, не утрачивая, однако, способности теоретического, формального между ними различия. Неизлечимо» (Энциклопед. словарь Ф. Павленкова, СПб., 1905). Во всех дореволюционных энциклопедиях есть статья «Н. п.». В послереволюционных – исчезло отовсюду. Вылечились? Или предпочли забыть о таком неприятном диагнозе?» [Бестужева-Лада 2002 // Смена, 2002, август]. Метафора болезни лежит и в основе авторской концептуализации судеб страны и отношения к ней: «Отчётливо виден полусгнивший сарай неизвестного назначения, стайка берёз, обглоданных бурёнками примерно до половины, коровник с провалившейся крышей и фрагмент металлической винтовой лестницы, который неведомо как попал в нашу тверскую глушь. Нет, Россия – точно больное дитя в семье народов, но оттого-то её и любишь так, как уже ничего не любишь, до смятения и тоски» [Пьецух 2001: 32]. Здесь и разночастеречные номинации семантического поля «разрушение», и сочетание разностильной и оценочной лексики для выражения авторской иронии, и использование объяснительных возможностей пропозициональных схем, и обращение к элементам родственного кода.

Н. Винер, создатель кибернетики, компьютеров, изучавший квантовую и гравитационную теорию, писал: в кибернетическом толковании Бог – это компьютерный узел, который размещает человеческие души в биологических самовоспроизводящихся машинах [Награмьян 2002: 36]. При этом «сам атеизм профессор называл не иначе, как видом религиозного заблуждения» [Там же: 38]. По существу о том же пишет С.Н. Булгаков в своей «Философии слова»: «(слова – *Н.С.*) живы, ибо в них присутствует мировая энергия, мировой логос... (в речи – *Н.С.*) –логос мира, почему и мог в него воплотиться сам Божественный Логос. Логос в отношении к неизречённой и неизрекаемой, трансцендентной для мысли и слова сущности выражается словом. Слово принадлежит ему (человеку – *Н.С.*) как микрокосму и как человеку,

интегральной части этого мира. Через микрокосм говорит космос, но вместе с тем через человека говорит и его живая органическая конкретность, определённая психическая и историческая индивидуальность и определённый язык... сращение идеального и реального (материального) и феноменального, космического и элементарного мы называем символом... слова суть символы слова суть носители силы, некоторые конденсаторы и приемники мировой энергии... в известном смысле они живы [Там же: 36–39]». Им предсказаны и синергетические идеи блуждания по полю возможностей в поисках выхода на аттракторы дальнейшей самоорганизации языковой системы: «В том или ином именовании, в котором из большого и в сущности неопределённого множества признаков, а стало быть, и возможностей, избирается одно, заключается мысль, стилизация, рисунок, входящий в картину мира».

Путь к выздоровлению филологической науки после вынужденной замкнутости культурного пространства, необходимости противостояния идеологическому давлению власти видится специалистами, экспертами в «выходе из изоляции, в обращении к философии, методологии науки, социологии и другим социальным дисциплинам...» [Рейтблат 2005]. Этими причинами была порождена и деформация функциональных стилей, основным направлением исправления которой в исследованиях пермской школы стало пристальное и всестороннее изучение норм научного стиля и текста.

Заметим, что словарные указания на функционально-стилистические нормы лишь в самом общем виде определяют направление дискурсивного использования слова. Так, пометы типа «научн.», «спец.», «в лингвистике, в физике, в математике» не вскрывают всего многообразия функций, свойственных соответствующим терминам вне естественных для них условий применения, и способов их адаптации к новым условиям. Ср., например, перенесение клише официально-делового стиля в художественный текст, его соседство со сниженной лексикой разговорной речи и переосмысление на этой основе содержания бюрократической формулы: «Трёх мужей она выгнала за несоответствие занимаемой должности, купив им по жилью. Чтоб только отстали» [Хургин 2003].

По словам Д. Бикертонна, исследователи биосемиотического направления показали, что информационные процессы составляют основу жизнедеятельности всего живого на Земле, что «предмет эволюционной лингвистики – когнитивно-коммуникативная деятельность человека» [Абиева 2009: 129]. Подход к интерпретации интеллекта в указанных ориентациях «не противопоставляет человека всему остальному живому миру как носителя абсолютно уникальных способностей, а ставит его в один ряд с другими биоформами, допуская возможности сопоставления эффективности его

разумного поведения с характером адаптационных механизмов других существ. Успешность протекания жизненного цикла достигается благодаря соблюдению баланса между аналитическими, креативными и практическими навыками отдельной живой системы» [Там же: 125].

А. Мелихов в статье со значащим названием «Наука невысказана без поэзии» [Мелихов 2007: 181] приводит слова Пуанкаре: «Цель же науки – красота, учёный стремится к поиску наибольшей красоты, наибольшей гармонии мира, и вот наибольшая-то красота и приводит к наибольшей пользе». Автор статьи так поясняет единство науки с другими сферами человеческой деятельности, активности в их ориентации на прототип, образец, идеал, прекрасное: «Она рождает восхищение и гордость за человека – именно в этом её едва ли не важнейшая социальная функция.

Ибо потребность ощущать себя красивым и значительным, причастным чему-то великому и бессмертному ничуть не менее важна, чем потребность в комфорте и безопасности... Силы хаоса, распада всегда останутся неизмеримо мощнее всей человеческой техники... экзистенциальные проблемы более важны, чем экономические...» [Там же: 181].

Стык когнитивистики и синергетики как познавательных моделей устройства универсума и человека как его части обнаруживается в лексической структуре текстов разной жанрово-стилевой направленности. Об этих возможностях писал ещё С.Н. Булгаков, используя сравнение саморождения, саморазвития первослов с зарождением ребёнка, которому родители «предоставляют свою плоть» [Там же: 45], уподобляя развитие слова саморазвитию живых систем: «И об этих первословах мы утверждаем, что они сами себя сказали. Они суть живые, словесные мифы о космосе...и изначальное словотворчество есть космическое мифотворчество, повесть мира о себе, космическая радуга смыслов, словесная символика. И миф отличается от представлений, понятий и их дальнейшей логической переработки...» [Там же: 47]. Становление же понятий происходит «через пробитые окна первослов». Через них постоянно вливается «всё новый расширяющийся смысл, как из нескольких нот гаммы возникает вся бесконечность музыки... Словам учит человека не антропоморфизированный Бог, но Богом созданный мир, онтологическим центром коего является человек, к нему протянуты и в нём звучат струны всего мироздания... И именно потому слова...реализуются средствами языка в человеке и чрез человека» [Там же: 49–51].

К методологическим основам теории познания обращён и другой текст и связан с использованием как общенаучных терминов, синергетических, так и терминов специального, физического знания, из которого вышла синергетика и её часть – лингвосинергетика: «Важнейшее противоречие между религией и

наукой можно уместить в одно короткое предложение: «Религия считает материю смертной, а душу вечной, физика же – в точности наоборот».

Это отражено соответственно в первом (сохранение массы-энергии) и втором (монотонный рост энтропии, сопровождающийся уничтожением информации) началах термодинамики. Информация, занесённая в человеческий мозг (только нежелание задевать чувства верующих мешает мне назвать её душой), – ничуть не меньшая физическая реальность, чем сам мозг или любой из атомов, его составляющих... по философским воззрениям я идеалист-материалист... именно моё сознание для меня первично, но оно целиком материально... Организм – сгусток информации... непреложный закон – не только экспонентный рост информации в геометрической прогрессии, но и замедление роста и выход процесса на насыщение и смена другим» [Работнов 2005]. Сходный способ лексической экспликации обнаруживают иные положения синергетической концепции, соответствующие нормам другого дискурса. Его сигналами, помимо названия, выступают номинации действующих лиц, возвышенная лексика, лексические и семантические повторы, восклицательные конструкции: «Мою философию я называю синергетикой, – добавил ослик. – Энергетический уровень – базовый для всего... Самореализация – закон жизни... Потребность понимать и познавать есть продолжение и развитие потребности чувствовать и действовать... Энергия консервируется в материю, чтобы затем снова выделиться. Таков космический маятник... Маятник преодолевает следствия энтропии... Стремление к свободе ...Это стремление к состоянию, когда человек может выделить максимум энергии. Тем самым свобода находится в полном соответствии со вторым началом термодинамики. Стремление к конечному абсолютному покою через выделение всей обладаемой тобою энергии. Никто не видел в святом и воспетом стремлении к свободе соответствие общим законам физики мира... И никто не говорил, что человечество не может погибнуть, пока не выполнит это своё предназначение!» [Веллер 2001]. Ср. в изысканиях Э. Мулдашева: «По легендам можно понять, что психическая энергия приводится в действие с помощью мантр (заклинаний). Психическая энергия несравненно мощнее любого другого вида энергии, поэтому знания мантр в современном мире, отягощённом злостью, завистью, жадностью и другими негативными душевными явлениями, могут иметь непредсказуемые фатальные последствия» [Мулдашев 2002]. Речь здесь по существу идёт о слабых резонансных воздействиях, имеющих большие следствия.

Помимо специальных и общенаучных слов в следующем тексте активно представлены когнитивные метафоры, оценочная лексика и слова-интенсификаторы, призванные убедить адресата в правоте автора текста.

Основной способ донесения информации – использование сложных слов, часто с взаимодолняющим значением их частей. Отношения «и-и» иллюстрируются и попарным соединением слов с противоположным значением. В текстовое ассоциативно-семантическое поле ключевого слова мир входят номинации синергетических понятий (случайность), оно организуется многократным повтором устойчивого сочетания в его «космическом» и модифицированных значениях. Сигнал метафорического использования, модификации – необычная сочетаемость, эксплицирующая нетривиальные концептуальные признаки: – «материя – первична, дух – вторичен. Эту глупость так крепко вбили в наши головы, что всё иное казалось полным абсурдом. Нас вообще воспитывали в системе «или – или», хотя в мире уже веками существовало иное мирозерцание: «и – и». Теперь-то я начинаю понимать, что мир многокомпонентен, инвариантен, бесконечно-конечен, виртуально-реален, сжимающийся – расширяющийся, раздроблен и в то же время един, стабилен и переменчив в каждое мгновение своего вечного бытия... Случайность или какой-то закономерный тягучий процесс выдирания себя из тины (о пути в цивилизацию – *Н.С.*)? Или лишь для того, чтобы выбравшись из грязи, снова и снова правили эти финансовые чёрные дыры – все эти олигархи. Мысль моя перебросилась на чёрные дыры вообще – космоса... эти дыры разрушают уже существующие миры... С этими чёрными дырами бороться невозможно... но наши-то земные чёрные дыры...? А чёрные дыры идей – расизма, национализма, религиозного фанатизма – как быть с этим?» [Николаев 2002].

В другом тексте синергетические и научные смыслы многих слов-терминов поясняются с помощью определённых метафорических моделей, ориентированных на «наивное» знание, авторских новообразований, дефиниций и графических выделений, вставных закавыченных конструкций: «Преломившись в сознании и снова отразившись на эмпирический мир, наши представления о нём будут охватывать его шире, чем при первоначальном «наивном» взгляде. В таком «теоретическом» познании генерируется прибавочное знание: теоретическая модель – это интеллект, приплюсованный к предмету исследования... если в такой, достигший своего потолка ум вложить знания, превышающие доступный ему уровень, он быстро сведёт их до уровня своего ограниченного понимания: его АТТРАКТОР запустит ИТЕРАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС в обратную сторону – не снизу вверх (в сторону возрастания понимания), а сверху вниз (в сторону избавления от непонятного). Уровню обычного, рядового сознания («здорового смысла») соответствует «НОРМАЛЬНЫЙ» АТТРАКТОР... Если добавить сюда ещё и воспрявшую от многовековой спячки паранауку (которая, кстати говоря, тоже не на пустом месте расцвела, она отвечает глубочайшим внутренним потребностям

человека), то налицо такое раздробление человеческих мнений о структуре бытия, какого никак не могли ожидать создатели фундамента научной картины мира... Каждый исследователь – как, впрочем, и каждый празднюлюбопытствующий – выбирает мировоззрение по своему вкусу, исходя из своих глубинных, бессознательно предпочитаемых пристрастий. Если всмотреться в «иррациональную» (правую) область диаграммы Фейгенбаума, то можно увидеть, что таинственные джунгли бессознательного не так уж сумрачны и непроходимы, какими они могут показаться с первого взгляда. Там тоже существует некая структура – светлые «полянки», расположенные как раз напротив соответствующих БИФУРКАЦИЙ – своего рода «зазеркалье» по отношению к рациональному миру. Если уподобить область ХАОСА подсознанию, то «полянки» будут соответствовать неким познавательным «архетипам». Эти «архетипы» как бы «управляют» процессом познания, влияя на выбор того или иного направления мысли. У каждого исследователя доминирует свой «архетип», поэтому он интуитивно тянется к близкой по складу его ума интерпретации познавательной модели... «познание не есть ряд непротиворечивых теорий, приближающихся к некой идеальной концепции. Оно не является постепенным приближением к истине, а скорее представляет собой увеличивающийся океан взаимно несовместимых альтернатив, в котором каждая отдельная теория или миф являются частями одной совокупности, побуждающими друг друга к более тщательной разработке» (П. Фейерабенд). Между крайностями тривиальности и непознаваемости расположена промежуточная пограничная область..., имеющая ярко выраженный ФРАКТАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР... никогда нет стопроцентной уверенности в том, что найденная нами закономерность достаточно универсальна... в наше время, после открытия глубинной ФРАКТАЛЬНОСТИ МИРА, стало очевидным для всех... Эту врождённую свободу человека символизирует интеллект... в полную меру человеческая свобода может проявиться только в его интеллекте... В реальном мире человек скорее раб, свободен он только в своих мыслях: «Давно, усталый раб, замыслил я побег / В обитель дальнюю трудов и чистых нег». [Яржембовский 2007].

Когнитивно-синергетический способ мышления имеет и свои прагматические следствия, служит основой выводного знания в тексте с опорой на лексикосистемные связи слов. Ср.: «даже пристойная формулировка всего лишь пародия на формулу, бумажная бабочка-однодневка. Роль формулы совершенно иная – она и фиксирует соображения, и проясняет их суть и смысл. С одной стороны, она придаёт им конечную форму, с другой стороны, она их выводит на высший уровень. Но объяснять это было бы глупо и. разумеется, – непочтительно.

Глупо, ибо он бы не понял, что формула это легитимация – она упорядочивает хаос, в том числе и хаос сознания, и узаконивает мысль, даже и самую еретическую. Формула её приручает. Важно лишь помнить: движение мысли не столько линейно, сколько ступенчато...я бы сгодился на роль человека, которому удаётся придать сумятице необязательных мнений некую концептуальную стройность. Стало быть, моё назначение- место советника и подсказчика» [Зорин 2006]. Здесь концептуализации абстрактных сущностей служит не только текстовая синонимия (упорядочивает-приручает) и антонимия (сумятица-стройность), но и опора на разные виды ментальных репрезентаций (образ, понятие, пропозиция, метафорический бленд), на разные оценки тех или иных видов знания.

Те же способы взаимодействия лексикосистемного и концептуального, синергетического отмечаются и далее. Основа этого взаимодействия – образная и дискурсивная, определяющая выбор того или иного слова в зависимости от типа дискурсивной практики, налагающего свои запреты и разрешения на словоупотребление. При этом в данном тексте синергетически осмысляются даже политические реалии, апологетика отжившей системы связывается с попыткой её удержания, возвращения на круги своя, спасения от распада, разрушения. Этот взгляд имеет синергетическую обусловленность в поведении сложных нелинейных систем – возможности их попятного движения в силу тех или иных воздействий среды. Ср.: «В дальнейшем чем ясней становилась роль торможения, тем существенней менялась моя оценка минувшего. Мне удалось взглянуть трезвее на заклеимённую стагнацию. Это была хотя обречённая, но и отважная попытка остановить движение к взрыву. Нынешнее слово «стабильность», в конечном счёте, являет всё то же почти героическое стремление! Народы и страны знают эпохи, когда разумно и необходимо сделать сперва два шага назад, чтобы потом сделать шаг вперёд...Её (власти чиновничества – *Н.С.*) значение неоченимо – в нашем мятущемся отечестве с его анархическим первородством именно она утверждает здоровый эволюционный принцип. Чиновничество всегда триедино – и фильтр, и барьер, и арбитр. Всё обаяние сверхдержавы метафизически исходило из совершенства этой оси» [Там же]. Лексические опоры в тексте выстраиваются и с привлечением бытовых и антропоморфных метафорических моделей. Иная точка зрения отстаивается А. Генисом, в принципе отрицающим насильственный порядок («Довлатов и окрестности»). Ср. ещё; «Коммунальность» как важнейший признак «бытового коммунизма» – «результат общественного согласия на взаимное насилие, взаимное ограничение свобод и человеческого достоинства... при коммунизме «выживает среднейший» [Юрьев 1999].

Синергетические мотивы просматриваются в лексической структуре и следующего текста, использующего серию когнитивных, философских, эстетических терминов как ключевых слов в её организации: «Фехнер, один из создателей современной науки о человеке, оказывается близким в своём мышлении к эпистеме, которую Мишель Фуко описал как архаическую, не позволяющую выделить человека в виде объекта специального изучения из сети аналогий между словами и вещами мира...Синтез Флоренского явно стремится охватить не только разные ситуации, но и разные типы мышления... Дискурс – не только «заданная ситуацией система высказываний», но и «глубинная структура, которая скрыто от сознания определяет возможность того или иного образа мышления, эпистемы» (Фуко – *Н.С.*)... Современная наука обнаруживает, что «во многих естественных формах (таких, как, скажем, раковина улитки) членение подчиняется золотому числу, и предполагает даже, что наше наслаждение красотой генетически запрограммировано как узнавание этой пропорции» [Геллер 2006].

Сам общеэстетический термин «красота», «прекрасное» включающий её в область космического закона вибраций, связанных с ритмами вселенной, становится синонимичным синергетическому термину «порядок», объясняя его роль в процессах познавательной деятельности человека, в преодолении хаоса, энтропии. «А природа всякой формы – красота, и критерий всякой формы как формы один – эстетический» [Булгаков 2008]. Идея гармонии, порядка соединяется с другой, важной для синергетики идеей – малых резонансных воздействий, имеющих большие следствия: «звучание какой-нибудь одной струны в какой-нибудь одной точке заставляет вибрировать и остальные созвучные струны, придавая тем самым широту диапазона. В этом – природа художественного символа, через который открываются глубины бытия и слышится гармония миров». И далее: «ибо всякая совершенная форма имеет символическую природу, силу и глубину. Она говорит об ином, не утилитарном, не рабьем, свободном отношении человека к миру, свидетельствует о человечности мира, антропокосмосе, о едином логосе в человеке и в мире. И всё в человеке космически целостно, целомудренно осознанно, есть красота всего во всём» [Там же: 213]. Автор пытается примирить разные взгляды на источник и природу бытия: «Принять, что слово как физическое явление, как звук или краска (писанное) пребывает и остаётся в мире, причём действие его неуничтожимо, это может и должен всякий, кто исповедует «закон» сохранения энергии» [Там же: 227]. Слово рассматривается как символ, как конденсатор силы, космической или же благодатной с последней связывается и сила воздействия библейских текстов; отмечается способность слова к насыщению силой. Действенная сила слова, служение словом как властью связывается с

тем, что «слово является не только смыслом, но и вместилищем энергии, орудием, проводником» [Там же: 233].

Аналогичным способом можно объяснить закономерность поэтического творчества М. Цветаевой, определявшей стихи как «созвучие смыслов» (речь по существу идёт о явлениях фоносемантики, связанных с содержательностью формы слова). Увиденное ею «родство созвездий, соцветий, созвучий» («Литургия красоты») получает синергетическое истолкование: «В звёздном имени осеннего цветка – астра – и в совместном падении августовских яблок и звёзд она постигла тот единый космический закон, который поэты ищут..., ибо для поэтов этот закон – закон случайного сходства... Август – астры. Август – звёзды... «Певцом – во сне – открыты

Закон звезды и формула цветка» [Ронен 2001]. Нельзя не вспомнить о лексикосистемном следствии этого закона – правиле шести семантических шагов (Ю.Н. Караулов), обнаруживающем единство семантического пространства лексики.

Исследованию поэтического творчества Цветаевой посвящена статья Ольги Щербининой «Цветаева. Живой звук» [Щербинина 2007]. Ей предпосланы важные для нас два эпиграфа: «Звук воспринимается и осознаётся как душа вещей. О. Павел Флоренский. Логос – это звук. М. Хайдеггер». Статья завершается итогом: «...открывая неожиданные смыслы слов благодаря звуку, поэт не только обнаруживает философский заряд слова-символа, не только восстанавливает его историческую родословную, но и выявляет подчас потенциальные свойства языка» [Там же: 197].

Сходные оценки творчества с помощью языка обнаруживает и лексическая структура текстов А.Битова:

«Сам процесс писания есть счастье, потому что это упорядочивание мира, главным образом собственного. Как обычный нормальный человек я ничего не понимаю, а на бумаге вдруг всё становится ясно. Это способ познания... Делать вид, что я уже был, – это меня не устраивает, а само слово легенда подразумевает прошлое-пошлое (Даль)... писание можно уподобить переводческой работе. Перевод того же самого на опыт тех, кто сейчас живёт... И творческий процесс – счастье, потому что в этот момент ничего, кроме него, нет; и в любви есть этот момент, в хорошем пировании, в хорошей дружбе. В работе это вообще есть, потому что работа есть состояние творческое, ненасильное. А всякое творческое и есть ощущение реальности, чем бы вы ни занимались.

Язык – это самое совершенное, поразительная совершенно бездна. В нём не надо трудиться, надо уметь поддаться ему, чтобы он без насилия происходил. Сквозь тебя, как ангел...» [Битов 2005]. Здесь автор выступает не только за

творческое начало, против насильственного порядка; с позиции лингвоцентризма он осмысливает и описывает человеческий опыт. Ср. сходное понимание роли языка И. Бродским: «Где-то Бродский обмолвился, что задача поэта заключается в гармонизации мира... Итак, время, язык, эстетика как этика – все это условные ценности, обязанные своей призрачной значительностью надеждам поэта заменить ими Бога, воздвигнуть на них «новую церковь» (язык – «форма его согласия с провидением» (Л. Лосев)... У Бродского же не Бог, а язык ведёт поэта. Отказываясь от употребления Бога, Бродский сохраняет метафизику, то есть саму идею трансцендентности, существования чего-то такого, что выше понимания человека» [Щербинина 2007].

Человек творческий, пишущий рассматривается А. Битовым как диссипативная структура: «По сути дела, всё то, чем мы восхищаемся, является высшей формой естественности. Эта естественность нас покоряет... Но человек не может всё съесть, всё выпить, родить всех детей – значит, он сделает столько, сколько он может. Но он должен сделать это в полноте. Часто можно услышать упрёк в адрес писателя, что, мол, он исписался или что это высосано из пальца. А, по-моему, тот не писатель, который не исписался... Он обязан исписаться, выплеснуть всё, что ему дано... После Блока и Набокова оставались пустые столы: последовательные люди, они всё сделали. Дано сколько-то свободы, любви, текста, жизни, энергии. Вопрос только – как это потратить. Жизнь – это Дар Божий или, хотя бы родительский дар, но долг надо возвращать. Исписаться, изжить. Идеально – это просто раствориться и исчезнуть... [Битов 2005]. Текстовыми синонимами, передающими необходимость диссипации, выступают прежде всего выделенные глаголы, по существу уравнивающие концепты «жизнь» и «творчество».

Существование точки роста, недоадаптированность (К. Лоренц) системы (например, сохранение у взрослого детскости взгляда на мир) выступают условиями её креативности. Эта мысль доносится А. Битовым через ассоциативно-деривационные сближения слов одного словообразовательного гнезда (вспомним о роли корня слова как зародыша концепта), лексическую многозначность числительных, выступающую в различиях их сочетаемости как способе объективации стоящего за словами концепта: «Большого диссидентства, чем в текстах, написанных благородными, талантливыми людьми, в советское время просто не могло быть. Это, по-моему, была самая запретная литература. Когда появились какие-то свободы, все накинулись на шестидесятников. Себя я никогда таким не ощущал и даже придумал формулу: я шестидесятник лишь п., что мне за 60; мои первые дети родились в шестидесятые, и Ленинград находится на 60-й параллели – это моё

шестидесятничество. Наше поколение раздражает тем, что совершенно не умеет понимать возраст. Люди не видят себя такими, какие они есть... Неадаптированность к тому, что время прошло, и время пришло, похожа на какую-то задержку в росте» [Там же].

«Хаосу» как одному из базовых понятий синергетики противопоставляется «красота», понимаемая не только как художественная упорядоченность, но и вера, духовность как упорядочивающее начало, отсутствие которых ведёт к разрушению человеческого в человеке и созданных им «институциях».

Ср.: «Должна признаться, что мысленное сопоставление прочитанного с тем, что представляют собой аналогичные институции у нас («собес», психдиспансер, психоневрологические интернаты), порождает не меньший ужас, чем недавние сообщения о медсестре, заклеивающей пластырем рты грудным младенцам, чтобы они не кричали (боюсь, это не её личное изобретение)... Главный вывод, который хочется сделать, прочитав «Энциклопедию психического здоровья», – это пожелать нашим медикам создать что-то аналогичное на отечественном материале, притом с ориентацией на общество в целом – ведь оно состоит из мужчин, женщин и детей, а не просто из здоровых и больных» [Фрумкина 2007].

Представление о толерантности и роли в её объективации интертекстуальных включений отвечает общим духовным исканиям современности – поиску новой синкреты, объединению разных видов знания. Мысли об этом мы находим уже у С.Н. Булгакова: «человек интегрированный, восстановленный в своей целомудренности, может через языковую оболочку принять внутреннее слово, т.е. победить многоязычность» [Там же: 54]. Это перекликается с идеей М.Эпштейна о двуязычии как пути к двукультурию, с современными идеями толерантности и глобализации как путях к интеграции. Ср.: «многие открытия европейской науки не могут быть объяснены иначе, как с позиций восточных воззрений об энергетической составляющей всего сущего на Земле и в Космосе... «ненаучные знания» всё чаще подтверждаются западным «научным опытом» [Александров 2002]. «Европейский, западный, научный и восточный, ненаучный» не столько противостоят друг другу, сколько объединены возможностью сочетания с когнитивными терминами опыт, знания, воззрения в единой синергетической парадигме знания. Интертекстуальность выступает как проявление единства культурного пространства, объединённого человеком как единой сущностью (человеческим родом) в синхронии и диахронии (об этом писал ещё О. Мандельштам). Она и отражает принцип толерантности: «это идея единой плоскости всей культуры, в которой снимаются все границы» [Бочаров. 2005: 205].

Иллюстрацией вхождения лексических элементов системы в иную среду (мыслительную, культурную и т.д.) выступают различные моменты постмодернистской практики, включая использование интертекстуальных вкраплений.

Эти вкрапления могут выступать средством скрытой отсылки к иному дискурсу, его базовым концептам и их концептуальным признакам; сигналом отстранения от общепринятых, инаковости утверждаемых ценностей выступают индивидуальные пропозиции, апофатические определения, закавыченные номинации, негативно-оценочная, интенсифицирующая и функционально-стилистически ограниченная лексика, как в следующем тексте:

«Мы с ней одинаково резко относились ко всякого рода красивым жестам, ко всякому блеску, к «широким замахам», честолюбивым планам, «масштабностям», «глобальностям», к понятиям «крупно», «видно», «с большой ноги». Ко всему этому самоутверждению, жизнеутверждению, к этим «урвать», «хапать», «выбиться», «заполучить», ко всему этому себялюбию, отвоёвыванию места под солнцем, к «упрочению» себя – мы даже рассуждали порой, как противно жить, когда знаешь, что в основе всех твоих действий и душевных движений лежит всегда эгоизм – стремление к карьере, к престижному месту, выгоде, стремление «заиметь» завидного супруга... нам нравилось из жизни возвращать себя на то, что есть не жизнь... Но главной отличительной её чертой была, разумеется, гордость [Михеев 2002]. Ключевыми концептами данного АСП выступают иерархически организованные «жизнь – не жизнь» с их последующим членением соответственно на текстовые субконцепты «жизнеутверждение, самоутверждение, себялюбие, эгоизм», с одной стороны, и «гордость» – с другой.

Полидискурсивность в силу когнитивного характера дискурса выступает способом иного осмысления, переконцептуализации сложившихся в обществе представлений. Это, например, отчётливо обнаруживают случаи несовпадения наивного знания у представителей разных субкультур – обыденной и рафинированной. Причём лексическая многозначность (а известно, что за словом во всей мощи его многозначности стоит единый концепт) в некоторых случаях порождает непредусмотренные ассоциации (это провокации, идущие от ментальной репрезентации и выдвигающие, выделяющие те или иные смыслы в зависимости от статуса значения в индивидуальном восприятии). Текст может не только демонстрировать лексические сигналы такой неоднозначности, но и намечать способы её преодоления. Ср. отмеченные в следующем текстовом фрагменте графические маркёры разнонаправленных смыслов, вкладываемых разными персонажами в одно и то же слово. Текстовый фрагмент отчётливо

обнаруживает особенности российской ментальности и то, что избыточная точность при употреблении многозначного слова функционально вредна: «Яйца» – это предел приличия в русском литературном языке. Дальше идти уже нельзя. Это граница. Но и расставаться жалко: уж больно сочное слово. Русский человек использует его с большой охотой и с большим вкусом. Особенно если нужно съехидничать, высказаться в ироничном, насмешливом ключе. (Здесь отмечены и функции данного стилистического средств в конкретных видах дискурсивных практик – *Н.С.*). Мне как-то однажды пришлось редактировать статью, где речь шла о кормах для певчих птиц. В числе прочих компонентов там упоминались и муравьиные яйца. Автором была женщина необыкновенной воспитанности. И вообще вся какая-то отутюженно-отглаженная (Здесь и далее отчётливо чувствуется авторский иронический подтекст – *Н.С.*). Всякая мысль о греховодных страстях мира сама собой отлетала привзгляде на неё. Из деликатности она везде слово «яйца» заключала в кавычки и очень конфузилась и краснела, когда речь заходила об этом предмете. Я же со своей стороны с горячностью доказывал, что кавычки эти, наоборот, могут возыметь обратное действие, сбить читателя с толку и направить его воображение в неуместную сторону. И что он может подумать, что речь идёт совсем о других яйцах. «Сами понимаете – каких» – злодейски прибавлял я, вводя бедную женщину в совершеннейшее малино-пунцовое смущение» [Бич 2005]. Так преодоление избыточной точности выступает в тексте способом насмешки над ханжеством «необыкновенно воспитанной женщины». Той же цели служат и многочисленные авторские определения к субстантивам и ремарки кажущегося сочувствия по поводу внешнего проявления эмоциональных состояний женщины, а также указания на мотивы реплик собственной прямой речи.

Перспективы актуальности постмодернизма в культуре связываются с формулировкой концепции «множества»: «Множество» – это новые социальные и культурные движения, организованные как многообразные, открытые, самоуправляемые сети. Ведь и постмодернизм, философия гиперреальности, определяется как создание коммуникативных и информационных сетей, делающих образ, изображение, знак, идею более наглядной, осязаемой и реальной, чем то, что в них обозначается или отображается... Постмодернизм выстраивает некое постисторическое пространство, мир послевремени, где все дискурсивные практики, стили и стратегии прошлого найдут свой отклик, свой подражательный жест и включатся в бесконечную игру знаковых перекодировок» [Бартов 2007]. С этим связана и глобальная интертекстуальность языка, его гиперреальность (словарь как гипертекст), и языковая игра как один из ведущих признаков постмодернистского текста.

Интертекстуальность задаётся уже на уровне языковой системы, в этой связи нельзя обойти вниманием такое замечание А. Битова: «А язык? Вот язык – весь – как цитату кто-нибудь рассматривает – из ученых? По сути дела, любое слово является какой-то огромной цитатой. Если начать рассматривать и как вещь в себе, и лингвистически, и его происхождение... Это огромное знание, и оно сохранено благодаря тому, что существовала литература. Она была искажена тиражами, последовательностью текстов, неправильными предисловиями – но предисловий к текстам можно ведь и не читать. [Битов А. Край языка. www.knigoboz.ru.]

Лингвоцентризм выступает здесь способом концептуализации филологических и других, внелингвистических, явлений (слово как «цитата», как «огромное знание»). В иной связи литературоцентризм и лингвоцентризм выступает у автора способом осмысления особенностей российской ментальности: «вот эта русская литературная амбициозность, она имеет какой-то национальный характер... Возникла потребность ещё раз понять, так что же это за существо такое – русский? Это всё-таки прилагательное, а не существительное. Опущено слово «человек». Значит, надо всё время выявлять его, человека... Ещё совершенно мне непонятно, как оказался неописанным этот безусловно русский ментальный тип Литератора... Я удовлетворён тем, что стали писать и стали писать спокойно, и почему-то появился этот вот явный исторический взгляд на Россию. Он – из уже более сложившегося ментального самоощущения (когда ты не «за и против»). Вот что означает – человек становится самим собой. Он не выбирает сторону. Он понимает, что он – такой, мы – такие, страна – такая. И там нет тона разоблачения. И нет тона апологетики, Это уже уровень. Уровень цивилизованный... И, кстати, вот эти границы распавшегося СССР – они с помощью русского языка в материале фильмов перемальваются. Допустим, фильм: сценарий эстонский, актриса латышская, говорят по-русски. И все – не требуют перевода. Это люди освободились»... [Битов 2005]. Этот уровень и предполагает толерантность вместо оппозиционности своего и чужого, ту «всемирную отзывчивость» души русского человека, о которой говорил Ф.М. Достоевский.

Ср.: «Диалектика чудовищно антагонизировала противоречия, присущие раннему социализму, она расколола социальную ткань на непримиримые оппозиции и вместо интеграции их в новую целостность послужила идеологическим оправданием сталинской деспотии» [Бартов 2007: 130].

А. Битов высказывает очень интересные соображения о о глобальной интертекстуальности языка, стабильности языковой системы, её охранительной функции: «Мандельштам был, конечно, очень просвещенной фигурой не в смысле образованщины, а в смысле света. И думаю, что это связано с тем, что

семнадцатый год поставил под угрозу существование русской речи, потому такая напряженность. Это единственное, что у нас выжило, и единственное, что справилось с режимом, – русский язык. Поэтому его внимание и оказалось обращенным прежде всего на ту систему, которая все искупит, все выручит – и выживет. А по сути дела, мне кажется, что русский язык имперский по своему характеру – не в смысле агрессии, а в смысле способности переварить бездну влияний и сделать все своим». [Битов 2005] Эта способность отмечается и другим автором, раскрывающим значащую роль имён и их смены для национального самоопределения: «Разве где-нибудь в Европе, откуда черпал и привозил образцы царь-реформатор, пришло кому-нибудь в голову назвать свою столицу на трёх иностранных языках? А здесь и латынь – «санкт», и греческий – «Пётр», и немецкий – «бург». Почесав заскорузлой пятернёй в затылке, не выученный ни латыни, ни греческому, едва разбирающий по-русски, россиянин оставил от трёхслойного комплимента пригодное к употреблению «Питер», и то не от фамильярности в обращении к святому апостолу, а по созвучию с именем царя-антихриста, и в платье, и в языке рядящегося под немца...» [Кураев 1996]. Глобальная интертекстуальность языка обнаруживает себя в многочисленных новых семантических и лексических дериватах, объективирующих новые социокультурные реалии и процессы в языке и речи, связанные с различными видами дискурсивных практик – предметно-практической, финансовой, психологической и т.д.: «И вообще она мало что знала. Догадывалась, подписывая доверенности, что муж химичит, но ведь все химичили. Что такое 90-е? Большая химия» [Поляков 2007]. Ср. ещё построение текстового ассоциативно-семантического поля с опорой на номинацию концепта-хронофакта, «втягивающего» в свою орбиту многочисленные видовые, разнящиеся в зависимости от временного среза и социокультурной ситуации его использования; в зависимости от последней меняется смысловое и оценочное наполнение стоящего за словом содержания: «При социализме дефицита до хрена: икра, автомобили, книги, квартиры, водка, обувь... При капитализме только один – деньги. Зато их отсутствие превращает в дефицит абсолютно всё. Поэтому социализм всё-таки гуманнее» [Там же]. А время информационного взрыва и связанных с ним перегрузок отмечено в остроумной и неожиданной когнитивной интерпретации пословицы с опорой на зооморфную метафорическую модель и родо-видовые связи слов в лексике в следующем высказывании В. Жириновского: «Думаете, страус – просто глупая птица? Нет, когда он засовывает голову в песок, он тем самым ограничивает поступление в свой мозг отрицательной аудио- и видеоинформации».

Нельзя не согласиться с В.В. Колесовым, отметившим такое свойство российской ментальности, как способность к преодолению оппозиционных

различий, к снятию оппозиций через выход в более высокое по рангу в отношении к языковому – культурное пространство. Различие концептуальных слоёв и когнитивных признаков концептов «истина», «дом» и мн. др. отмечено в разных лингвокультурах в связи с их национальным своеобразием.

Это своеобразие отражается и в особенностях российской ментальности, как она понимается современными культурологами: «Отказаться от иллюзии причастности чему-то прекрасному и бессмертному для индивида означает впасть в тягчайшую бездомность, ибо главный дом человека – это его иллюзия» [Мелихов 2007]. Ср.: «Современный мир индивидуализирует грёзу. Делает её всё более и более зависимой не от господствующей в данной стране церкви и не от той традиции, в которой человек вырос, а от индивидуального выбора, Выбор же этот, в свою очередь, зависит помимо вышеназванных ещё и от множества других факторов – от интеллектуального и духовного поиска, от учителей, от образа жизни». [Травин 2007]. Как видим, особая роль в мировоззрении человека отводится принятой в культуре картине мира.

Ср. ещё: «(Бродский – *Н.С.*) «меня как раз заботит метафизический потенциал человека». Вот этой фразы русская ментальность не допускает. Она понимает «соборность», но не понимает (в силу отсутствия соответствующих исторических корней) «автономности», воспитанной в европейском человеке историей и утверждённой в его сознании опытом философской рефлексии. Вольно или спонтанно, но Бродский практически повторил требование Канта «иметь мужество пользоваться своим умом». Оно, это требование, исключает ситуацию, когда «есть духовный пастырь, совесть которого может заменить мою» (Кант – *Н.С.*) [Белый 2007]. Иной способ, обнаруживающий взаимопроницаемость элементов системы и среды и нередко ведущий в силу обратной связи к деформациям лексических норм (последнее отражается и в их расшатывании, чрезмерной либерализации), – развитие информационных технологий, массовое использование сетевых ресурсов, электронных средств.

Одна из древнейших концептуальных схем, восходящая к пространственной схеме тела человека, к его способности воспринимать пространство как трёхмерное и по его образу и подобию осмысливать духовные, абстрактные сущности, разделять своё и чужое – схема вместилища.

По словам А. Ченки, «Суть вместилища – это граница, отделяющая внутренность от внешней среды» [Ченки 2002: 346]. Эта модель меняет значимость составляющих внутреннего пространства в зависимости от типа отношений между ними.

По-разному складываются отношения между крайними членами концептуальных оппозиций в том или ином ментальном пространстве, будь то общекультурное или индивидуальное. Но самый тип заполнения этого

пространства, определяемый базовыми его концептами, при ближайшем рассмотрении оказывается качественно различным для разных ментальных пространств. С точки зрения синергетики получает свою интерпретацию гиперконцепт «бытия», концепт «смерти» в его противопоставлении «жизни»; соответствующими терминами организуется текстовое ассоциативно-семантическое поле, заданное заглавием и жанром статьи «От смерти к бессмертию» [Майзельс 2007]: «Смерть на самом деле представляет собой не полный и окончательный провал в не-бытие, а полновесное ино-бытие, не противоречащее, однако, ни здравому смыслу, ни законам природы... Нобелевский лауреат, основатель целого направления в термодинамике Илья Пригожин открыл, что в необратимых процессах появляется собственное, внутреннее время, связанное с изменением плотности энергии... «волны памяти», составляя содержание того, что можно назвать душой, питаюсь, в свою очередь, энергией окружающей среды, могут существовать бесконечно долго».

Рассматривая смерть как последнюю стадию сознания – изменённое сознание (к другим относятся бодрствование, быстрый сон со сновидениями, глубокий или медленный сон), автор подчёркивает невозможность передать его привычными словами, связь излагаемой им версии с концепцией Вернадского, Эйнштейна, Юнга: «приводимая версия смерти-бессмертия, истолковывая очеловеченный характер Космоса (Космос иной мир вне нас, посознание – иной мир внутри нас; эти миры едины, и человеческое сознание, входя в саму структуру мирового пространства...), заодно даёт надежду не только на вечную жизнь каждой человеческой личности, но и на то, что с помощью «ключа» (например, генетического кода или дешифровки сжатого во времени «волнового пакета» и т.п.) в не столь отдалённом будущем появится техническая возможность проникнуть в виртуальное пространство и разглядеть наконец этот самый «загробный мир». Изменённое состояние сознания «на самом деле оказывается высшим благодеянием... наступающее в последний миг отсутствие ощущений означает и полное отсутствие всяческих болей, человек испытывает в момент умирания необычайную «лёгкость бытия» (как гора с плеч свалилась!)... на уровне интуиции многие поэты и философы уже давно были близки к разгадке самой великой тайны бытия».

Как видим, в концептуальном поле бытия при данном подходе складываются отношения не столько оппозиционные, контрадикторные: бытие – небытие, смерть – бессмертие, жизнь – смерть, сколько контрарные со средним звеном «инобытие». Бессмертие выступает как синоним жизни, понимаемой как инобытие. Контрадикторный характер отношений в концептуальном поле «смерть – бессмертие» можно усмотреть только при грубо материалистическом понимании смысла первого члена этой оппозиционной

пары – при его отнесении только к телесной оболочке человека. Видимо, не случайно язык, великий предсказатель и провидец, по-своему фиксировал это изменённое состояние сознания, допуская словосочетания типа «нашли полуживым, полуживой от страха». В медицине это отлилось в другую формулу: «болезнь к жизни» или «болезнь к смерти».

Лексическая экспликация концепта «зло» в советском дискурсе связывается с идеологически обусловленной редукцией системы значений номинатора его базового концепта. Ведущая роль в возвращении его «метафизических» смыслов, востребованных современной языковой личностью, приписывается И. Бродскому:

«Его гонители и мучители-лернеры, толстиковы, савельевы, воеводины-все были существа пошлые. Их поведение было мотивировано примитивными желаниями и страхами, речь была корявой, штампованной, поскольку способность мыслить была омертвлена идеологической обработкой. В конечном счёте эти люди, так же, как и те, кто находился наверху государственной пирамиды, творили зло в силу интеллектуальной и моральной опустошённости. Банальность зла выявляет то, что в иудеохристианской этике издавна рассматривалось как несубстанциональность зла: зло заполняет пустоты, злу для осуществления нужны полые люди» [Лосев 2006].

Субконцепт «зло» выступает как ипостась концепта «хаос», осмысляемого как «пустота», то есть отсутствие информации, энтропия. Имена собственные в функции апеллятива становятся обозначениями эталонных носителей зла. Той же цели служат и родо-видовые номинации, и межчастеречные текстовые синонимы, и метафорические модели, и необычная сочетаемость.

«Независимо от степени и характера религиозности в стихах Бродского одно несомненно – именно он возвратил в русскую поэзию исчезнувший было из неё метафизический дискурс. Он сам иногда ставил себе в заслугу возвращение в стихи слова «душа». Действительно, «душа» – одно из самых высокочастотных слов в словаре Бродского – 204 употребления (то есть, если исключить служебные слова и местоимения, на 19 месте; ему предшествуют один, жизнь, глаз, время, здесь, день, окно, человек, рука, земля, знать, год, сказать, ночь, слово, лицо, видеть, свет, а за ним, замыкая первую двадцатку, следует любовь)... При этом он имел в виду, конечно, не слово как таковое- в русском языке «душа» сплошь и рядом фигурирует в неметафизических значениях, и в этих значениях оно свободно использовалось даже в официальной советской поэзии. В.Р. Марамзин писал, что современный человек произносит это слово «только в поэтическом смысле, а в смысл поэтический он приучен не верить». Но у Бродского «душа», как правило, выступает как «бессмертное духовное существо, одарённое разумом и волею» (Даль)». [Там

же]. «Душа» (вспомним слова о. Павла Флоренского «душа вещей») как упорядочивающее начало, элемент космоса, то есть носитель информации, вносящей порядок в хаос зла (здесь – носитель разума и воли), наполняется метафизическим смыслом и противостоит злу в этическом этноментальном пространстве.

В реализации концептуальной схемы «вместилища» для концептов «добро» и «зло», если принять вышеприведённую точку зрения, кажущуюся вполне обоснованной, складываются качественно иные отношения, чем для членов гендерной оппозиции «мужчина» и «женщина», исследованной В.А. Ефремовым [Ефремов 2010].

Базовость, архетипичность гендерных концептов, в истоках своих связанных с формированием мифологической КМ, отражённой в «наивном» сознании и языке, выполняет «охранительную» функцию, отмеченную Н.Д. Арутюновой для прототипов (а оппозиция мужчина – женщина – одна из древнейших не столько в смысле взаимоисключаемости её членов, сколько в смысле определения границ осваиваемого, концептуализируемого пространства: ср. верх-низ, правый – левый и др., связанные со схемой тела человека).

Вместе с тем, контрадикторный характер гендерной оппозиции привёл к тому, что крайние члены этой оппозиции ввиду отсутствия среднего звена (ср. контрарные парадигмы горячий-тёплый – холодный или векторные верх-середина-низ), особой устойчивости, значимости для неё этимологического признака, постоянно привлекавшего к себе внимание исследователей в рамках сравнительно-исторического языкознания, и ввиду заполнения соответствующими концептами всего концептуального поля стали осознаваться как эталонные элементы аксиологической шкалы и дали основу для оценочной концептуализации абстрактных сущностей (хотя антропоморфный способ концептуализации свойственен человеческому сознанию и вполне соответствует биологическим концепциям языка).

Для мифологического же сознания («всё во всём», «своё» – «чужое» и т.д.) оценочная абсолютизация познаваемого естественна, а тем более, если она опирается на такие «очевидные» различия по полу. Видимо, не случайно хрестоматийными примерами контрадикторных антонимов выступают женатый – холостой (даже при современных формах брака), а пары типа муж-жена, мужчина- женщина в современной лексикологии относятся к спорным в смысле реализации их членами антонимических отношений. Всё зависит от того, как понимать «самый существенный для их значения признак» (вспомним определение антонимов Д.Н. Шмелёвым). В этом смысле абсолютно прав В.А. Ефремов, когда говорит о сохранении традиционных гендерных

представлений и стереотипов у многих наших лексикографов (охранительная функция прототипов в действии!). А ведь именно словари призваны «нести культуру в массы», выполняя не только функцию сохранения культурной памяти слова как элемента наивной КМ, но и просветительскую функцию, поскольку ЯКМ содержит ещё и элементы научного знания. Что же тогда говорить о КМ усреднённой языковой личности, ориентирующейся на социокультурные нормы и ценности, закрепляемые в дефинициях и часто не состыкующихся с ними иллюстративных материалах словарей, паремиологиях, тропах и т.д.!

Таким образом, абсолютизация признака биологической противоположности, наиболее наглядного и в силу этого «выделенного» сознанием, оказалась фатальной для судьбы как мужской, технократической цивилизации, так и для судьбы женщин в патриархатном обществе.

Эта мысль перекликается и с синергетическими концепциями взаимодействия системы и среды, из которой открытая, сложная, неравновесная система (а именно таковыми являются языковая и концептуальная система человека) черпает вещество, энергию и информацию. Разумная деятельность рассматривается как «способность успешно адаптироваться к окружающей среде», она предполагает «не только владение естественным языком на основе абстрактной мысли, но всю сумму нейронных и физиологических функций, обеспечивающих слаженное функционирование человека как живой саморегулирующейся системы, которая находится во множественном взаимодействии с окружающим его миром» [Абиева 2009: 125]. Очевидно, это саморазвитие открытой системы и привело к пониманию пагубности для цивилизации (угрозы энтропии) распада общества и его языка, организуемых патриархатной, в основе своей насильственной, интолерантной картиной мира. Язык – сложная, нелинейная, самоорганизующаяся система, не терпящая насильственного вмешательства.

Признак её неравновесности приводит к двойственному лику её регулятивной функции: ориентация на охранительность, стабильность, реактивность, воспроизводимость рождает стереотип (ср. у А.В. Бондарко активная и реактивная функции системы по отношению к среде), а ориентация на активность, креативность, изменчивость, производимость – проявление высшей свободы (но не вседозволенности и анархии), предполагает апелляцию к идеалу.

Напомним, о каких содержательных формах концепта говорит в своих когнитивных исследованиях В.В. Колесов: образ, понятие, символ. По словам М. Захаровой, по сути своей знак и символ – это две стороны одной медали, так как любой знак есть символ, а любой символ, в свою очередь, есть знак.

Основной задачей практически любого текста является передача информации, пусть и нелингвистической (например, об ощущениях автора), и любая информация в какой-то момент становится символом чего-то большего, что было или будет с ней связано. Борьба этих двух элементов и лежит в основе эволюции языка [Захарова 2006]. Очевидно, связь образного и словесного символического кода, кодовые переходы во внутренней речи лишней раз подчёркивают неизбежность интерпретационного начала в нашей ментально-лингвальной деятельности, невозможность абсолютизации референтного начала избираемых средств разных уровней системы языка и других знаковых систем в культурном пространстве. Ср.: «Я (И. Берлин – *Н.С.*) думаю, мы думаем словами или думаем образами: без образов и без слов думать нельзя... Мы мыслим или словами-символами...; или – как это часто дети и женщины больше делают – образами... Символы. Тот мир, о котором мы думаем, даёт нам тот мир, который есть... Нет чего-то объективного» [Найман 2000]. В этом контексте когнитивное обоснование получает и концепция доречевого мышления, и образность как общая основа разных видов вербальной и невербальной деятельности (ср. определение её цели в педагогическом дискурсе как образа результата, а название одной из синтаксических конструкций – «именительный представления»).

Любому субъязыку в пределах этнического языка как знакового образования должны быть присущи как ведущие когнитивная и коммуникативная функции. Видимо, закономерно, что в воровских языках кодируются преимущественно реалии «профессиональной» деятельности, а в ремесленных – актуальные наименования предметов домашнего обихода [Приёмшева 2009]. Такое различие в объектах кодирования связано не столько с различием типа мышления, сколько с различием дискурсивных практик и стоящих за ними видов деятельности, обусловленных потребностями коллективной языковой личности определённых социальных групп.

Отсюда и первичность функции социального символизма, по-разному преломляемого в языке этих групп, социально-детерминированным выступает любой тип коммуникации с помощью языка, как и три разновидности символической функции: репрезентативная, интегрирующая и дифференцирующая.

Разговор об общей парадигме тайноречия у разных народов заставляет рассматривать его как особый вид дискурсивной практики, связанной с той или иной сферой жизнедеятельности людей, направленной на удовлетворение своих потребностей, на адаптацию к миру. Стремление к имитации ритуала, магии, демонстрация своего превосходства, потребности в групповой самоидентификации выступают в тайных языках как проявление древнейшей

концептуальной оппозиции «своё – чужое». Об этом свидетельствуют и различные способы пополнения словаря тайных языков: внешние и внутренние заимствования, оригинальные номинации типа трубёха – корова, скрипка – ворота, криптоморфные элементы типа слов-перевёртышей (калыба), приставочные образования (рагусь), семантическая деривация, свойственные общенародному языку метафорические модели (антропоморфная, зооморфная, бытовая и мн.др.), семантическое стяжение, произвольная этимологизация слов из других источников, различные способы «затемнения» внутренней формы слова [Там же].

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА АРХЕТИПИЧНОСТИ ГЕНДЕРНЫХ КОНЦЕПТОВ

Базовость, архетипичность гендерных концептов в истоках своих связана с формированием мифологической КМ, отражённой в «наивном» сознании и языке. Они выполняют «охранительную» функцию, отмеченную Н.Д. Арутюновой для прототипов (а оппозиция мужчина – женщина – одна из древнейших не столько в смысле взаимоисключаемости её членов, сколько в смысле определения границ осваиваемого, концептуализируемого пространства: ср. верх-низ, правый – левый и др., связанные со схемой тела человека).

Однако контрадикторный характер гендерной оппозиции привёл к тому, что крайние члены этой оппозиции ввиду отсутствия среднего звена (ср. контрарные парадигмы горячий – тёплый – холодный или векторные верх-середина-низ), особой устойчивости, значимости для неё этимологического признака и ввиду заполнения соответствующими концептами всего концептуального поля – стали осознаваться как эталонные элементы аксиологической шкалы и дали основу для оценочной концептуализации абстрактных сущностей.

Для мифологического же сознания («всё во всём», «своё» – «чужое» и т.д.) оценочная абсолютизация познаваемого естественна, а тем более, если она опирается на такие «очевидные» различия по полу. Видимо, не случайно хрестоматийными примерами контрадикторных антонимов выступают женатый – холостой (даже при современных формах брака), а пары типа муж-жена, мужчина – женщина в современной лексикологии относятся к спорным в смысле реализации их членами антонимических отношений. Всё зависит от того, как понимать «самый существенный для их значения признак» (вспомним определение антонимов Д.Н. Шмелёвым). В этом смысле абсолютно прав В.А. Ефремов, когда говорит о сохранении традиционных гендерных представлений и стереотипов у многих наших лексикографов (охранительная

функция прототипов в действии!). А ведь именно словари призваны «нести культуру в массы», выполняя не только функцию сохранения культурной памяти слова как элемента наивной картины мира, но и просветительскую функцию, поскольку ЯКМ содержит ещё и элементы научного знания. Что же тогда говорить о КМ усреднённой языковой личности, ориентирующейся на социокультурные нормы и ценности, закрепляемые в дефинициях и часто в не состыкующихся с ними иллюстративных материалах словарей, паремиологиях, тропах и т.д.

Таким образом, абсолютизация признака биологической противоположности, наиболее наглядного и в силу этого «выделенного» сознанием, оказалась фатальной для судьбы как мужской, технократической цивилизации, так и для судьбы женщин в патриархатном обществе.

Эта мысль перекликается и с синергетическими концепциями взаимодействия системы и среды, из которой открытая, сложная, неравновесная система (а именно таковыми являются языковая и концептуальная система человека) черпает вещество, энергию и информацию. Разумная деятельность рассматривается как «способность успешно адаптироваться к окружающей среде», она предполагает «не только владение естественным языком на основе абстрактной мысли, но всю сумму нейронных и физиологических функций, обеспечивающих слаженное функционирование человека как живой саморегулирующейся системы, которая находится во множественном взаимодействии с окружающим его миром» [Абиева 2009:125]. Очевидно, это саморазвитие открытой системы и привело к пониманию пагубности для цивилизации (угрозы энтропии) распада общества и его языка, организуемых патриархатной, в основе своей насильственной, интолерантной картиной мира. Язык – сложная, нелинейная, самоорганизующаяся система, не терпящая насильственного вмешательства.

Признак неравновесности приводит к двойственному лику её регулятивной функции: 1) ориентация на охранительность, стабильность, реактивность, воспроизводимость рождает стереотип (ср. у А.В. Бондарко активная и реактивная функции системы по отношению к среде); 2) ориентация на активность, креативность, изменчивость, производимость, проявление высшей свободы (но не вседозволенности и анархии) предполагает апелляцию к идеалу.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОГО НАЧАЛА В РАЗНЫХ ВИДАХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК

Напомним, о каких содержательных формах концепта говорит в своих когнитивных исследованиях В.В. Колесов: образ, понятие, символ. По словам

М. Захаровой, по сути своей знак и символ – это две стороны одной медали, так как любой знак есть символ, а любой символ, в свою очередь, есть знак. Основной задачей практически любого текста является передача информации, пусть и лингвистической (например, об ощущениях автора), и любая информация в какой-то момент становится символом чего-то большего, что было или будет с ней связано. Борьба этих двух элементов и лежит в основе эволюции языка [Захарова 2006]. Очевидно, связь образного и словесного символического кода, кодовые переходы во внутренней речи лишней раз подчёркивают неизбежность интерпретационного начала в нашей ментально-лингвальной деятельности, невозможность абсолютизации референтного начала избираемых средств разных уровней системы языка и других знаковых систем в культурном пространстве. Ср.: «Я (И. Берлин – *Н.С.*) думаю, мы думаем словами или думаем образами: без образов и без слов думать нельзя... Мы мыслим или словами-символами...; или – как это часто дети и женщины больше делают – образами... Символы. Тот мир, о котором мы думаем, даёт нам тот мир, который есть... Нет чего-то объективного» (Найман. Сэр).

В этом контексте когнитивное обоснование получают различные междисциплинарные явления: и концепция доречевого мышления, и образность как общая основа разных видов вербальной и невербальной деятельности (ср. определение её цели в педагогическом дискурсе как образа результата, а название одной из синтаксических конструкций – «именительный представления»).

По словам У. Эко, символы, прагматически открытые бесконечным значениям, могут быть открытыми для неопределённых, но отнюдь не бесконечных интерпретаций в тексте, обусловленном авторской концепцией [Эко 2004]. Любому субъязыку в пределах этнического языка как знакового образования должны быть присущи как ведущие когнитивная и коммуникативная функции. Различие в объектах кодирования связано не столько с различием типа мышления, сколько с различием дискурсивных практик и стоящих за ними видов деятельности, обусловленных потребностями коллективной языковой личности определённых социальных групп.

ВФ слова как элемент лексической семантики.

Когнитивную интерпретацию получает и факт относительности лексических аномалий. Об относительности лексических аномалий свидетельствуют многочисленные сближения слов по форме как способ и мотив установления их смысловой близости. Актуализация у слова его внутренней формы как зародыша концепта неоднократно отмечалась в поэтической речи.

Важность ВФ и пассивных слоёв концепта, отражённых в лексической семантике слова, всё больше осознаётся лингвокогнитологами, толкующими

многозначное слово как ассоциативное поле его корня и обусловленность его семантики обилием видов дискурсивных практик по освоению мира – и внешнего, и внутреннего.

6.5. ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПО ИТОГАМ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Основные направления изучения лексической структуры художественного текста.

Лексическая составляющая семантики возможных (альтернативных) миров как фрагмента человеческого знания о мире традиционно исследуется при обращении к художественному дискурсу. Когнитивные модели ментальных пространств Лакоффа и Фоконье: образно-схематические (вместилище, часть–целое, вверх–вниз, источник–путь–цель и др.), модели пропозициональные, метафорические, метонимические, символические – лежат также в основе описания и анализа семантического пространства текста – концептуального, денотативного, эмотивного – в учебниках для студентов-филологов «Лингвистический анализ художественного текста» и практикума «Филологический анализ текста» [соответственно: Бабенко, Васильев, Казарин 2000; Бабенко, Казарин 2004]. Разделяя семантическое пространство текста как ментальное образование на виртуальное и актуальное, Л.Г. Бабенко соотносит содержание текста с его денотативно-референциальной структурой, основой интерпретации, а смысл – с интерпретационным компонентом семантического пространства, с его концептуальной направленностью, при этом учитывается двойная интерпретация – автора и читателя.

Концепт «жизнь» в лирике А.С. Пушкина исследуется с привлечением когнитивно-пропозициональной структуры, выявляемой путём обобщения основных семантических позиций при глаголе жить, атрибутивных и предикативных характеристик свёрнутого предиката жизнь, привлечения генитивной метафоры, организующей концептуальную структуру текста, развёртываясь в нём («Телега жизни»). Среди других в интерпретации концепта отмечены природная (по источнику метафоры), пространственная, антропоморфная, предметная и др. метафорические модели, выводящие в сочетании с субъективно-модальными смыслами на всю концептосферу автора.

Анализ денотативного пространства текста (ситуаций, пропозиций, событий и т.д.) обнаруживает и здесь действие интерпретирующего механизма, например, в степени развёрнутости /детализации элементов ситуации, их отборе, в экспликации разных точек зрения на общую ситуацию, в направлениях изменения возможного мира, пространственно-временного

континуума (хронотопа), в смене участников событий и ситуаций и их представления в разных типах повествования.

Автором рассмотрены лексические экспликативы художественного пространства, выступающего в моделях психологического, географического, точечного, внутренне замкнутого, фантастического, космического, социального пространства, образующие текстовые парадигмы с пространственным значением. С этих же позиций анализируется субъективная природа текстового времени, выявляемого в цепи событий, обусловленная «точкой зрения автора-наблюдателя» [Бабенко, Васильев, Казарин 2000: 156], внутренней и внешней. Она проявляется «1) в текстовых ахрониях (ретроспекциях и проспекциях); 2) в сжатии (свёртывании) и растягивании (развёртывании) времени протекания событий; 3) в дискретности времени» [Там же: 160]. Эмотивное пространство текста, его общая эмотивная тональность описывается в терминах диктально-эмотивных смыслов, приписываемых автором персонажу, и модально-эмотивных, авторских смыслов, выявляемых как фразовые, фрагментарные, общетекстовые. Рассмотрена и текстовая экспликация оценочных свойств коннотативно-эмотивной лексики, например, её регулятивной функции с ориентацией на собеседника (все виды похвал и оскорблений).

Интерпретационно-характерологические эмотивные смыслы, в наибольшей степени тяготеющие к лексической экспликации, проиллюстрированы, например, примерами из произведений В. Шукшина и связаны с портретным описанием персонажа: «Старичок опять ушёл в себя, опять потух взор и отвисла губа... Вобрал голову в плечи и смотрел угасшими глазами в стол. Рот приоткрыт, нижняя губа отвисла» [Случай в ресторане]; с лексикой звучания (бормотать, завывать, молить, возмущаться, визжать), физиологических проявлений (вздохнуть, вздрогнуть, сморщиться), зрительного восприятия (засмотреться, оглядеть), движения (бухнуть, вихляться); с описанием глаз (блестеть, сверкать, засветиться, посверкивать и т.п.) [Бабенко, Васильев, Казарин 2000].

Лексикон художественного дискурса в построении семантики возможных миров рассмотрен в работах членов лексикологической проблемной группы, руководимой до недавнего времени проф. В.В. Степановой, например, [Актуальные 1997; Проблемы 1990]. Изучая ассоциативные связи и поля слов в художественном тексте, Н.С. Болотнова [Болотнова 1994, 1998, 1999, 2004] выходит также на уровневую стратификацию текста, зависимую от способов организации авторского художественного мира как одного из возможных миров. Так, информативно-смысловому уровню текста соответствует предметно-логический, отражающий художественно воплощённый фрагмент действительности (в тексте – денотат, подсистема денотатов, система

денотатов), и логико-философский каркас текста (представления, образы и понятия различного уровня абстракции и степени сложности); тематический, отражающий тематическую структуру произведений (в тексте – элемент микротемы, микротема, тема, тематический блок, дискурс); сюжетно-композиционный (в тексте – микроэлемент ситуации (события), фрагмент ситуации (события), ситуация (событие), «куст ситуаций» (эпизод), система эпизодов). Прагматическому уровню текста соответствует эмоциональный подуровень, образный, реализуемый в таких текстовых единицах, как микрообраз, система микрообразов, художественный образ, система художественных образов, и выводящий на образный строй всего произведения; идейный, реализующий общий концепт текста (с такими единицами текста, как микроидея, система микроидей, идея, система идей). Правда, в работах последнего времени справедливо подвергается критике противопоставление идейно-тематического и прагматического подуровней анализа текста. Вспомним крылатую фразу о том, что семантика прагматична, а прагматика семантична (см., например, предисловие Е.В. Падучевой к отечественному изданию трудов А. Вежбицкой). Такой взгляд отражает и общенаучное представление об антропоцентричности языка как человеческого установления, о единстве всех сторон разъятого на определённой ступени познания мира, поиск интегрального подхода к языку в целом и структуре лексического значения в частности. Кроме того, неясен статус образного компонента: ведь известно, что образ – первичная содержательная форма любого концепта, без неё он просто не может существовать в сознании человека. Следовательно, вряд ли можно противопоставлять образ, даже художественный, информативно-смысловому уровню текста. Н.С. Болотнова, вслед за А.Е. Супруном, намечает также процедуру смысловой интерпретации текста, предполагающую «выявление ассоциативно-смысловых полей ключевых слов и объединяющих их концептов, определение их связи между собой (пересечение, включение, контраст, наложение, дополнение) и установление ключевого концепта, отражающего авторский замысел» [Болотнова 1998: 246]. Такое направление анализа согласуется с представлениями когнитивной семантики о том, что за концептом могут стоять знания разной степени абстракции, то есть разные форматы знания от отдельного смысла до целой концептуальной структуры (об этом [Кубрякова 1996, а также Болдырев 2000]). Слово как источник знаний о человеке и его мире привлекает внимание исследователей художественного текста в связи с осознанием эстетических артефактов, каковыми являются повествователь и персонаж, как моделей реальных языковых личностей. Отсюда внимание к «персонажной теме» и способам её лексического представления в художественном произведении. Опыт исследования «образа человека» в

указанном аспекте предложен в учебном пособии к спецкурсу «Лексическая структура художественного текста» Л.Н. Чурилиной [Чурилина 2000].

На материале лексической составляющей персонажной речи и текстовых фрагментов, уточняющих и дополняющих представление о персонаже, выявляются модели его речевого поведения и психологические особенности, стоящие за ним.

Так, истерический тип личности в портрете Катерины Ивановны в «Братьях Карамазовых» описывается с опорой на текстовую парадигму слов с общей семой «задышаться»: припадок, спазмы, рыдать, душить и другие (судорожно, вне себя, безумная, в исступлении). Опираясь на положение Ю.Н. Караулова о том, что единственной материальной субстанцией существования героя в тексте является язык, слово, его анализ позволил Л.Н. Чурилиной определить Ивана Карамазова как личность интровертного типа, противостоящую по своим эмоционально-психическим характеристикам Дмитрию Карамазову. При широком спектре обозначения эмоций последнего характерным для лексической темы «Иван Карамазов» является слово любопытство, обозначающее самую интеллектуальную из эмоций. К соционическим аспектам художественных текстов Ф.М. Достоевского и их лексической структуры обращено исследование Е.М. Залогиной [Залогина 2004].

Лексикосемантические аспекты и текстообразующие функции глаголов чувств в художественном дискурсе рассмотрены О.И. Аладьиной [Аладьина 1988], относительных прилагательных – Н.А. Нефёдовой [Нефёдова 1988]; слов, передающих идею бытийности, – И.И. Свиридовой [Свиридова 1992], вопросы взаимодействия семантики глагольной лексики с её видовыми характеристиками – З.Н. Пономарёвой [Пономарёва 1988]. Ономастический код как способ шифрования знаний носителя диалекта рассмотрен в диссертации Е.И. Сьяновой [Сьянова 2007].

В художественном дискурсе прослеживается связь между интеллектуальными и морально-этическими свойствами личности, например, между низким интеллектом и высокой степенью напористости, упорства и упрямства, с одной стороны, и между глупостью и активностью, инициативностью, агрессивностью – с другой. Т.А. Трипольская подтверждает это и ссылкой на данные Русского ассоциативного словаря, и текстовыми фрагментами. Ср. примеры в докторской диссертации [Трипольская 1999]: «... моё упрямство, которым я славился с детства, тому виною. И пошло-поехало! Я был упрям, но Муська оказался ослом во всех отношениях (Н. Ахметов); ... но этим троим и помощнику коменданта он наверняка казался недоумком, если и не полным дураком, то, несомненно, дубоватым и упрямым деревенским

простофилей (В. Богомолов) [с. 201]. Степень глупости связывается со степенью надменности, высокомерия, неуважения к другим: «А он – дурак, очень хитрый, самоуверенный, но дурак» (В. Токарева), а также с эмотивными оценками лица, передаваемыми словами оболтус, разгильдяй, лоботряс, балбес, недоросль, неуч, недоучка, убогий, дремучий и др.: «– Вы должны помнить: я не родился учителем. Кем я был в вашем возрасте? Оболтусом, бездельником, дураком... Вроде вас (Н. Думбадзе)». Кроме того, к национально-специфическим особенностям ментальности отнесены такие эмоционально-оценочные смыслы концепта глупость, как «сочувствующее, жалостливое, снисходительно-насмешливое» отношение к этому феномену.

В аспекте лексико-фразеологической и композиционно-стилистической экспликации эстетические артефакты рассматриваются М.Р. Проскуряковым в монографии «Концептуальная структура текста» [Проскуряков 2000]. Так, в качестве концепта-интерпретатора в романе Достоевского «Идиот» названа одна из доминант познавательной модели XVIII–XIX столетий – машина. С опорой на эту доминанту осмысляются природа, общество, мышление, человек: «Природа мерещится при взгляде на эту картину в виде какого-то огромного, неумолимого и немощного зверя, гораздо вернее сказать, хотя и странно, – в виде какой-нибудь громадной машины новейшего устройства, которая бессмысленно захватила, раздробила и поглотила в себя, глухо и бесчувственно, великое и бесценное существо – такое существо, которое одно стоило всей природы». Через призму концепта-интерпретатора описываются в романе и механизмы возмездия (гильотина как вид машины), и мышление («голова ужасно живёт и работает, ... как машина в ходу»), и цивилизация как машина, поезд, выскакивающий из «рельсов истории». Здесь автором монографии справедливо усматривается глубокая связь научного и художественного дискурса, обращение к тому стилю мышления, который свойственен определённому этапу развития культуры.

В динамике развёртывание ментального пространства текста осуществляется с опорой на фреймы, пространственную организацию эпизода (эффект сужения пространства), посредством фразеологических доминант, ключевых или тематических слов. Так, концепт может развёртываться с опорой на различные виды гештальта: вместилища, закрытого пространства: («Какая-нибудь идея о своей собственной безопасности менее всего могла прийти теперь в его голову, занятую совсем другим»); физического действия для создания текстовых смыслов («поднять/опустить руку/руки») в обозначении ритуальных обрядов, благословения, угрозы, борьбы, убийства и др., например: «Не подыми ты руку тогда на меня... чем бы я перед тобой оказался?»; взламывания, преодоления границ пространства («открывать Америку»,

«выходить из колеи (из рельсов)», «разбить лёд молчания» и др.); огня («Глаза Рогожина засверкали и бешеная улыбка исказила его лицо. Правая рука его поднялась и что-то блеснуло в ней»). Концептуальная структура текста в случае её интра – и особенно интертекстуальности, по словам М.Р. Проскурякова, «служит проводником и автономным средством трансформации и накопления в языковой ментальности значимой для социума информации, а в прагматическом аспекте обеспечивает функции текста как обучающего устройства» [Проскуряков 2000:121]. На композиционном уровне художественного текста Достоевского катастрофическое пространство действительности (лексические экспликативы – улицы, улица, эшафот, гильотина, нож, голова) соотносится с разрушающимся ментальным пространством князя Мышкина. Метафорическая модель концептуального пространства художественного текста связывается с текстовыми проекциями организующих всю макроструктуру текста образных схем, сквозных символов. Их функции, сопрягающие возможные миры возвращение, воспоминание, воображение, показаны на примере текстовых проекций принципа «бабочка» и «часы» в рассказе В. Набокова «Возвращение Чорба». Ср. два фрагмента: «... она сопровождала его: быстро ступали её высокие сапожки, – и всё двигались, двигались руки, то срывая листок с куста, то мимоходом поглаживая скалистую стену,.. лёгкие, смеющиеся руки, которые не знали покоя... Ночной мотылёк звонко ударился о лампочку» и «Тень шнурка скользила поперёк зелёной кушетки, ломаясь по сгибу». Так осуществляется переход из одного мира в другой. В этой же работе обосновывается возможность и направления приложения синергетической модели к исследованию концептуальной структуры текста.

6.6. МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ И ЕЁ МИФОПОЭТИЧЕСКОЕ ПРЕЛОМЛЕНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Мифологическая и мифологизованная картина мира в её лексическом представлении была предметом изучения при обращении к теме дискурса власти и дискурса личности (Е.Ю. Богданова) [Богданова 2001], к жанру антиутопии в её лексическом представлении (И.В. Тараненко) [Тараненко 2001]. Работы выполнены на материале художественной прозы соответственно С. Довлатова и В. Войновича. Проблема преодоления мифологического сознания как порождения тоталитарного дискурса, навязанного обществу, стала одной из актуальных гуманитарных проблем; с её решением связан поиск механизмов языковой защиты, коммуникативного противостояния, особую роль в перестройке догматической модели мира играет личностное начало, реализуемое в лексической структуре публицистических, научных и

художественных текстов (см. исследования К.В. Томашевской [Томашевская 2000], Н.Н. Беликовой [Беликова1993], Е.А. Суховой [Суховой 1999] и др.).

Согласно положениям теории информации, количество информации, заключённой в одном сообщении, тесно связано с количеством возможностей, сообщением исключающихся. Одним из способов повышения информационной ёмкости содержания при использовании лексических средств оказывается исключение возможностей стереотипного представления стереотипных смыслов, их варьирование в необычных формах выражения. Преодоление догматического менталитета, ортодоксального сознания осуществляется на путях полемики с обезличенными, бюрократическими формулами и штампами дискурса власти. Наблюдение над способами ведения такой полемики в работах П. Серио, А. Вежбицкой, Н.А. Купиной, С.К. Михальской, Л. Найдич, Г.А. Золотовой и др. имеет не только лингвистическую, но и культурно-историческую ценность, обнаруживая скрытые языковые механизмы манипуляции сознанием, помогая понять языковые источники управления пониманием.

Пути языковой самообороны, направление свободы способов выражения в мировоззренчески заострённых текстах (сатирических, философско-публицистических) во многом предопределены устоявшимися в тоталитарном обществе социокультурными нормами, клише новояза, преодоление которых требует определённых речевых поступков. Безусловный интерес в указанном отношении представляют, например, тексты сатирической прозы Ф. Искандера и прежде всего его повесть «Созвездие Козлотура».

Лексические способы создания внутренней полемичности текста предельно разнообразны. Это и прямые речевые оценки фальшивого способа обозначения фальшивых ценностей, и стилизация лексической структуры бюрократически выхолащенных текстов, служащих выражением репрессивной идеологии, маскирующих неблагоприятные действия, фиктивные идеи, утверждающих приоритет слова над делом. Пародируется приём навешивания идеологических ярлыков, создаются образования по аналогии (типа «руководитель широкого профиля»), вскрывающие истоки формирования общества «развитого непрофессионализма», стремление любыми способами попасть в круг власть предержащих. Всепроникающий диктат административно-командной системы описывается с использованием лексических коннотаций высокого регистра в сниженном контексте, посвящённом семейной ссоре: «... Жена приходила к главному редактору, и Автандил Автандилович водворял его обратно... Автандил Автандилович вызвал Платона Самсоновича к себе в кабинет и начал, как обычно, водворять его». Картина абсурда рисуется за счёт создания прототипических эффектов в

использовании многозначных слов, с привлечением новообразований и их семантической трансформации (козлотур, турокоз, козлотуризация, Созвездие Козлотура, санаторий имени бывшего Козлотура, павильон «Водопой козлотура» и др.); в итоге развенчивается видимость дела, заменяемого кампанейщиной любого рода, направленной на определённые ритуалы, сохраняющие социальную систему.

Наблюдения над лексической структурой повести позволяют судить как о языковых способах проявления личностного начала в речевых поступках автора по преобразованию модели сознания адресата, так и о готовности элементов словаря к выполнению не только стандартных коммуникативных задач, но и к созданию иных, альтернативных миров, включая абсурдные и противостоящие им гуманистически ориентированные.

Не случайно многие слова, характерные для определённой эпохи и фиксирующие изменения, происходящие в той или иной сфере жизни общества, получили специальные названия «слова-свидетели» (В.Г. Гак, энциклопедия «Русский язык») или «слова-хронофакты», отмечающие прямое вторжение элементов социокультурной среды в собственно лингвистические построения.

Мифопоэтические модели раскрыты на материале лексической структуры поэтических и прозаических текстов серебряного века (В.Ю. Прокофьева [Прокофьева 1996, 2005], М.А. Бабурина [Бабурина 1997]), О.Е. Беспалова [Беспалова 2002], Е.А. Ковалёва [Ковалёва 2008] и др.); и художественных текстов другого времени, также реализующих эстетическую познавательную модель: Н.И. Беляева [Беляева 1990], А.В. Хохлов [Хохлов 1990], С.Г. Вирячева [Вирячева 1992], М.В. Маршина [Маршина 2004], Н.В. Березина [Березина 2007], А.Г. Костина [Костина 2011].

6.7. ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКАЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ И ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ТЕКСТА

Особый аспект исследования слова в контексте гуманитарного знания – лингвострановедческая теория слова, разработанная Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым [Верещагин, Костомаров 1980]. Поиск авторами новых путей развития лингвострановедения привёл их к уточнению с точки зрения современных представлений понятия лексического фона и созданию концепции логоэпистемы [Верещагин, Костомаров 2000], о чём речь шла выше. Термин «лексический фон» соотносится с понятием фоновых знаний и обращён к той части содержания семемы, которая остаётся за вычетом понятийных семантических долей. Онтологическая сущность лексического фона связывается с кумулятивной функцией языка, функцией накопления культурного знания, и план содержания языка (с отвлечением от реляционных

значений) «может быть приравнен к тому уровню познания окружающей действительности, который превалирует в данной культурно-языковой общности, т.е., иными словами, к общественному сознанию» [Там же: 93]. Этим утверждается, что «знания существуют в семантике слов, что они накапливаются с опорой на лексику, которая выступает как материальный субстрат получаемых человеком знаний, вбирая в себя извлекаемые из исходных текстов СДоли» [Там же: 98]

Таким образом, лексический фон признаётся «частью языка», но при этом проводится мысль о невербальности лексического понятия и семантических долей.

Одной из работ, опирающихся на лингвострановедческую теорию слова, стала кандидатская диссертация М.В. Сухих [Сухих 2000]. Основное её достоинство – в богатстве и тщательной обработке лексического материала, имеющего огромный познавательный потенциал для изучающих русский язык и как родной, и как иностранный, в раскрытии содержания понятия «лингвострановедчески ценная лексика». Понимание лингвострановедчески ценной лексики как хранилища национально-культурной семантики, а литературы как части культуры страны сделало оправданным обращение автора к мемуарному жанру – биографическим произведениям Ф.И. Шаляпина. Они отражают языковую личность реального человека, погружённого в реальную культуру, а не просто модель реальной языковой личности, какой, например, предстаёт персонаж художественного текста в перспективе вымышленной реальности.

Рассматривая соотношение таких близких в плане лингводидактики понятий, как лингвокультурология, лингвострановедение, страноведение, автор делает попытку выявить их «культуроносные» потенции, одновременно вскрыв специфику каждого из них.

«Культуроносные потенции языка» вполне укладываются в проблематику когнитивной лингвистики, обращённой к языковой картине мира, осмыслению национального менталитета, языковой личности, речеповеденческим стереотипам и т.д. Важно разработать критерии отбора лингвострановедчески ценной лексики, а также дать её классификацию и определение типов комментариев. В плане межкультурного сопоставления выделяется безэквивалентная лексика, фоновая лексика и так называемые «случайные лакуны». В кругу лингвострановедчески ценной лексики мемуаристики М.В. Сухих рассматриваются имена нарицательные и собственные. Обосновывается выбор лексических групп, имеющих лингвострановедческую ценность применительно к жанру мемуаров и такой черте русского самосознания, как интерес к прошлому. Отмечается обилие ономастической

лексики (антропонимы, псевдонимы, топонимы, названия артефактов культуры).

В плане лингвострановедения представляют интерес имена собственные, семантика которых в лексическом аспекте получает самое различное истолкование. Исследование лингвокультурной ценности онимов может строиться как с опорой на фактический материал, почерпнутый из самых разнообразных источников: толковых, этимологических, энциклопедических словарей, так и с привлечением специальной литературы, изданий, обращённых к указанной проблематике (Ю. Лотман, Б. Успенский, Ю.А. Федосюк, О.И. Фонякова, Н.И. Формановская, Б.О. Унбегаун и др.).

Мало изучены в современной лингвистике имена собственные, связанные с православной культурой (названия храмов и монастырей, названия религиозных праздников).

Как уже отмечалось, в лингвострановедческих исследованиях, мы сталкиваемся с неоднозначным истолкованием содержательной стороны слова.

Место национально-культурного компонента в структуре лексического значения, действительно, в науке определяется по-разному. С одной стороны, это связано с нечеткостью границ между денотатом и коннотатом, а с другой, – с разным пониманием состава и объёма лексических коннотаций. При узком понимании этого объёма национально-культурный компонент выводится в область экстралингвистических знаний. Трактовка роли лексического фона несёт на себе отпечаток того этапа разработки проблем семантики, когда языковое и внеязыковое, энциклопедическое знания резко разводились. С формированием когнитивной парадигмы, включающей в изучение языка разные ментальные сущности (знание, мнение, представление и др.) признаётся принципиальная нерасторжимость этих видов знаний, поскольку и лингвистические знания выступают как один из видов знаний о мире. При интегральном подходе к слову его лексическая семантика признаётся принципиально не регламентируемой, а учёт принципа антропоцентризма стирает во многом различия между семантикой и прагматикой (ср. работы Вежбицкой, Падучевой, Апресяна и др.). И если формирование лингвострановедческой и коммуникативной компетенции ставится в зависимость от усвоения национально-культурного компонента, то каковы же причины выводить его за пределы лингвистики? Неясно, например, как лексический фон, признаваемый в лингвострановедении экстралингвистической информацией, суммой признаков, непосредственно не входящих в значение слова, «входит в семему». Требуют соотнесения в когнитивном аспекте понятия логоэпистемы и концепта как элемента языковой картины мира (ср. работы Ю.С. Степанова, Л.О. Чернейко, В.В. Колесова и мн.

др.). Встаёт вопрос, насколько правомерно рассматривать как экстралингвистическую информацию лексический фон тех явлений, которые обуславливают собственно лингвистические последствия – метафорическое использование, лексическую сочетаемость слова. Очевидно, в связи с вероятностным характером лексического значения (см. подробнее: [Никитин 1997]) во многих случаях речь должна идти о переходной зоне от среды к языковой системе (ср. ближайшее и дальнейшее значение у А.А. Потебни) и с этим связываться роль лексического фона.

В лингвострановедении встречается термин «случайные лакуны», который нельзя признать удачным, ибо степень лексической разработки той или иной концептуальной области в конкретном языке едва ли можно считать случайной и навязывать этот принудительный взгляд другому языку. Например, для итальянцев русый цвет волос не актуален, и эта концептуальная область разработана лексически иначе, чем в славянских языках. Трудно видеть здесь случайность, как и применительно к слову карий, особенно если учесть негативно-фольклорные коннотации у носителей русского языка, связанные с этим словом. Тема национально-культурных традиций в объективации концепта интересно изложена в диссертации Е.В. Бердниковой: [Бердникова 2006].

Лингвистическим аспектам женской мемуаристики посвящена недавняя кандидатская диссертация Д.В. Минец [Минец 2012], ценность которой (и лингвострановедческая, в частности) заключается прежде всего в соединении гендерной и жанровой проблематики в их языковом (и прежде всего лексическом) воплощении. Такая двунаправленность исследования важна в обучении русскому языку как отечественных студентов, так и иностранных. Весомый вклад в разработку теории речевых жанров вносит исследование Н.И. Ли [Ли 2012]. Особенно актуальны в современной науке жанры не вымышленной литературы, к которым относится и жанр воспоминаний как одна из разновидностей мемуарной прозы. Исследование посвящено жанру литературного портрета в «Воспоминаниях» И.А. Бунина. Вместе с тем, И.А. Бунин здесь остаётся верен себе, ибо его тексты несут на себе отпечаток его личности, ценностных предпочтений автора и восполняют пробел в характеристике литературного портрета деятелей русской культуры, позволяя увидеть весь спектр мнений о них, единство культурного пространства. Показательно и то, что черты художественной манеры И.А. Бунина сохраняются и в пограничном с публицистикой жанре литературного портрета. Всё это, проявляясь в отборе языковых средств, их функциях в определённом речевом жанре как отражении тех или иных видов дискурсивных практик, расширяет представления читателя и о специфике жанра, и о закономерностях текстообразования, и о творческой манере писателя, и обо всей персонифере

русской культуры. Ценность работы связана также с выведением обнаруженных языковых закономерностей текста «Воспоминаний» на композиционный уровень. В указанном аспекте рассматривается специфика жанра литературного портрета.

Ориентация писателя на чёткий и однотипный композиционный канон служит объединяющим началом его художественной и публицистической прозы (общими в разножанровых текстах И.А. Бунина выступают ситуация встречи, знакомства, воспоминаний, последней встречи и мн. другие).

Этим, а также методическими соображениями обучения инофонов лексическим особенностям мемуарного жанра оправдывается применение Н.И. Ли ситуативного анализа в качестве одного из ведущих методов исследования языковых средств в создании литературного портрета. Установка на интеграцию знаний о творчестве И.А. Бунина соотносится с общей для лингвистики тенденцией к синтезу знаний, с интегральным подходом к языку и тексту. Физико-биологический аспект описания, характерный для И.А. Бунина, подтверждается наблюдениями когнитивных психологов над «личностными конструктами», сквозь которые истолковывается любое жизненное явление. Это касается не только портрета создаваемого литературного персонажа, но и творческого портрета самого писателя, направленности его сознания, установки, типа акцентуации личности. Общая установка писателя – это ориентация «на благородный идеал творческой личности». Кроме того, важно и положение когнитологов, по-новому аргументирующих ранее известные языковые факты, о том, что психологическая реальность моделируется по типу физической. С этих позиций тоже правомерно моделирование ситуаций и писателем, и исследователем по типу фреймов как когнитивных аналогов текста. Мысль о том, что понимание текста предполагает как результат знание описываемой ситуации – а это основа ситуативного анализа текста – высказывалась ещё Ван Дейком. В работе исследованы ситуации получения информации о герое, ситуации встречи, ситуации речевого взаимодействия, ситуации воспоминаний и оценочной рефлексии. Обращение к ситуации диссертант связывает и с определённым способом концептуализации действительности у И.А. Бунина, с его способностью воспринимать и воспроизводить в воспоминаниях реальность «всеми чувствами сразу». В психологии этот феномен связывается с явлением синестезии, важным для творческой личности писателя, поскольку он апеллирует не только к рационально-логической, но и к сенсорной стороне творческого восприятия и передачи знаний о мире. Следовательно, когнитивная специфика художественного творчества, термилируемая М.Н. Кожиной как первичность и обязательность функции художественно-образной конкретизации, в

современной парадигме связывается с поиском синкретизма, целостности структуры художественного текста, а не только приёмов его украшения с помощью тропов. Более того, тексты «Воспоминаний» И.А. Бунина демонстрируют нам ещё одну важную функцию мемуарного текста: быть способом упорядочивания реальности через духовное её осмысление.

Память писателя на детали соотносится со способами установления порядка, гармонии, отмечаемыми в лингвосинергетике, а помещение результатов запоминания в образную структуру текста, в его образное пространство связано с синергетическим свойством языковых единиц быть носителями информации и тем самым преодолевать энтропию, хаос. Отсюда вытекает и связь памяти с Единым Всебытием – ключевым гиперконцептом и в когнитивистике, и в синергетике; при этом небытие осмысляется как отсутствие информации, хаос.

Ведущая черта бунинского творчества – образно-художественная конкретизация с опорой на восприятие всеми органами чувств и сохранение в памяти следов такого восприятия. По существу с этим связанное участие языковых средств в создании художественного образа выступает когнитивной в своей основе операцией вычленения в стоящем за словом концепте тех или иных признаков (как общих, связанных с культурным концептом, так и индивидуально-авторских, связанных только с художественным концептом в рамках романтической, реалистической, импрессионистской и др. парадигм).

Художественный образ воплощается не только в литературном тексте, но и в иных художественных сферах, поиск междисциплинарных связей для создания синкретичного знания – знамение и нашего времени. Отсюда когнитивная значимость таких словосочетаний в текстах «Воспоминаний», как «рыбий блеск крыш, сухой блеск солнца» и др.

Таким образом, мемуарный жанр, композиционная структура текста и законы употребления языковых средств в нём вполне соответствуют новым общенаучным концепциям и подтверждают факт таких содержательных универсалий текста, отражающих законы бытия, как: человек, пространство, время, то есть раскрывают глобальный антропоцентризм прозы И.А. Бунина. Литературный портрет тоже рассматривается как элемент композиционного уровня текста. Он связан и по составу отобранных писателем языковых средств, например, прецедентных имён собственных, и по приёмам их использования в тексте также с сюжетно-композиционным уровнем. Так, создаваемые портреты, концептуализация образов портретируемого персонажа носит в большинстве случаев сюжетный, динамический характер; сюжетная же специфика мемуарного жанра рассматривается в её обусловленности культурной традицией и индивидуально-авторскими способами отступления от неё,

помещением последних в сильные текстовые позиции. Основные направления анализа – выявление состава и функций ключевых оценочных слов, приёмов детализации образа, особенностей повествовательной структуры. Единицами анализа служат также компоненты ситуации, содержащие в себе структурные признаки образов деятелей культуры (портрет, авторские оценки, речевой облик и др.). Отнюдь не случайно выбор лексических единиц в тексте И.А. Бунина связывается с семантическим полем «существование». Способом переконцептуализации описываемой реальности выступают в структуре литературного портрета и интертекстовые включения, и глаголы сюжетоведения, и ссылка на обилие модальных слов и конструкций долженствования в характеристике речи персонажей, по духу близких автору – Л. Толстого и особенно А.П. Чехова. Эти особенности речи, как справедливо замечает Н.И. Ли, также свидетельствуют о повышенной требовательности к себе, высоких внутренних стандартах и активной позиции человека в жизни и творчестве.

Значимы и такие маркёры ситуации воспоминания, как слова: например, кстати, однажды, и вот, помню, частица «ещё»; роль итеративных слов для введения ряда повторяющихся ситуаций (случалось, бывало, иногда, последнее и др.); преобладание оценочного модуса, приёмов риторической аргументации в портретах «нелюбимых» персонажей, приёмах, обнажающих «мотив притворства, приспособленчества, корысти». К средствам, диктуемым акцентуацией личности автора «Воспоминаний», относятся такие, как конструкция «кто с чем», конструкция с интерпретативно-оценочными глаголами типа: сюсюкать, козырять, уписывать, упиваться и др. Продолжают оставаться дискуссионными в науке положения о способах проведения филологического анализа текста вообще и его лексической структуры, в частности. Так, справедливые указания на противоречивость характера И.А. Бунина, как кажется, не должны приводить к противоречиям в оценке его творческого метода и функций избираемых языковых средств. Между тем такие противоречия обнаруживает трактовка жанра «Воспоминаний», всё-таки написанных в мемуарной манере в отличие от новелл, полностью ориентированных на нормы художественной речи. Нельзя признать полностью синонимичными номинации мемуарная проза и художественная проза, биографический и мемуарный жанр.

В мемуарном жанре часто акцентируется удивление И.А. Бунина перед тем или иным фактом. Хотя это и одна из самых интеллектуальных эмоций, но её вызывали факты, объяснённые психологами начала XX века и тем более современными поэтами: так, писатель говорил о чрезмерной сложности «скрытой души» Чехова отчасти потому, что не учитывал, что творчество – это

сублимация разных видов энергии, способ самоорганизации внутреннего мира субъекта (Л.С. Выготский, И. Бродский и др.)

Обилие в «Воспоминаниях» И.А. Бунина прямых оценок без их аргументации применительно к описанию «нелюбимых» писателем персонажей (В. Маяковского, С. Есенина, М. Горького, А. Толстого), различные способы заострения полемики, окарикатуривания образа, стилизации под сказовую и народную манеру речи отражают влияние публицистической струи в жанре литературного портрета, хотя в любом случае мы имеем дело со сходной концептуализацией реальности. Ведь с аналогичными приёмами, с различными способами и средствами художественной конкретизации мы сталкиваемся и при описании «любимых» персонажей (ср. повторяющийся глагол «выныривает» в описании появления Л. Толстого, сочетание «сплошь тёмные глаза» в портретной характеристике С.А. Толстой, снисходительное отношение к элементам просторечия в описании Ф.И. Шаляпина).

При этом в лексическом анализе текста СП смешивается с ЛСГ, в одну ЛСГ попадают слова разных частей речи и даже устойчивые сочетания (образ, служба, частный пансионат, вышел в отставку и др.). Стёртой оказывается граница между СП и ТАСП с ключевым словом «Притворство».

В структуре языкового представления категории персональности в «Воспоминаниях» И.А. Бунина не совсем точно, как кажется, приравнивается автор к повествователю в 1 лице. Автор – реальное лицо – гораздо шире и богаче по своим языковым возможностям, чем сконструированная в тексте языковая личность. Было бы целесообразно говорить об образе автора, тем более, что одна из недавних докторских диссертаций (Т. Каминской) была посвящена смежному понятию «образа адресата» в публицистическом тексте.

В лингвострановедческих и иных исследованиях остаётся не до конца прояснённым вопрос: как же соотносится текстовый приём и средства его реализации, и как оба они соотносятся с ситуативной разбивкой текста.

Подытоживая содержание раздела, следует заметить, что семантическая основа «лексикона» разных типов дискурса связана со своими познавательными моделями (мифологической, обыденной (наивная философия, по Апресяну), механистической, синергетической, эстетической, лингвокультурологической; социолингвистической, лингвострановедческой), со своими стилями мышления и актуальными смыслами.

Изучение лексических средств и способов воздействия на знания и с помощью знаний сопрягается с решением таких проблем, как: «рецидивы» специального и обыденного знания в их воздействии на ментальность адресата, лексическое обеспечение речевой коммуникации, виды лакун, способы их элиминирования, связь когнитивных и коммуникативных характеристик слова в

процессе порождения текста, когнитивные аналоги текста, ассоциативные связи и поля ключевых слов в лексической структуре текста, линейные связи слов и ментальные репрезентации, универсальное и идиоэтническое в слове, роль слова в доступе к ментальным структурам (прототипу, гештальту, пропозиции, концепту), слово и семантический метаязык, язык о языке и многие другие.

ЛИТЕРАТУРА

Основная:

1. Актуальные проблемы функциональной лексикологии. – Сб. статей в честь профессора В.В. Степановой. – СПб, 1997.
2. Аладьина О.И. Функциональные свойства ЛСГ глаголов чувства в их текстовой перспективе (на материале художественной и научной речи). Автореф. дис... канд. филол. наук. – Л., 1988.
3. Арутюнова Н.Д. Дискурс// Лингвистический энциклопедический словарь. М, 1990.
4. Арутюнова Н.Д. Предложения и его смысл. – М., 1976.
5. Бабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. – Екатеринбург, 2000.
6. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Филологический анализ текста. М. – Екатеринбург, 2004.
7. Бабурина М.А. Концепт «Муза» и его ассоциативное поле в поэзии «серебряного века». Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 1997.
8. Бацевич Ф.С., Космеда Т.А. Очерки по функциональной лексикологии. – Львов, 1997.
9. Беликова Н.Н. Некодифицированная лексика в функциональном аспекте. Автореф. дис... канд. филол. наук. – СПб, 1993.
10. Беляева Н.И. Содержательные универсалии художественного текста в их лексическом представлении. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1990.
11. Беляевская Е.Г. Модель лексической семантики в когнитивной научной парадигме // Международная конференция по когнитивной лингвистике. – Тамбов, 2006.
12. Бердникова Е.В. Лексическая лакуарность в аспекте межкультурной коммуникации. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 2007.
13. Березина Н.В. Хронотоп ранней прозы М. Булгакова: лексический аспект. Автореф. дис... канд. филол. наук. – СПб, 2007.
14. Беспалова О.Е. Концептосфера поэзии Н.Гумилёва в её лексическом представлении. Автореф. дис... канд. филол. наук. – СПб, 2002.

15. Богданова Е.Ю. Лексическая экспликация дискурса власти и дискурса личности в прозе С. Довлатова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 2001.
16. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. – Тамбов, 2000.
17. Болотнова Н.С. Лексическая структура текста в ассоциативном аспекте. – Томск, 1994.
18. Болотнова Н.С. Об изучении ассоциативно-смысловых полей слов в художественном тексте // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века. Сб. статей в честь профессора С.Г. Ильенко. – СПб, 1998.
19. Болотнова Н.С. Основы теории текста: Пособие для учителей и студентов-филологов. – Томск, 1999.
20. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. – М., 2007.
21. Булгаков С.Н. Философия имени. – СПб. – 2008.
22. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1996.
23. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Дом бытия языка. – М., 2000.
24. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М., 1980.
25. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // В.В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977.
26. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1986.
27. Вирячева С.Г. Межчастеречные лексические парадигмы в художественном тексте. Автореф. дис... канд. филол. наук. – Л., 1991.
28. Воркачѳев С.Г. Лингвокультурная концептология // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2007. Т.66. №2.
29. Воркачѳев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М., 2004.
30. Воробѳѳев В.О. Лингвокультурология. Теория и методы. – М., 1997.
31. Галиева М.Р. Когнитивный принцип бинарности в религиозной картине мира // Вопросы когнитивной лингвистики, 2014, №2.
32. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989.
33. Ефремов В.А. Динамика ЯКМ: вербализация концептуального пространства «`мужчина` – `женщина`». Дисс... доктора филол. наук, СПб., 2010.
34. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы её представления. – М., 2006.
35. Залогина Е.М. Языковая личность: лингвистический и психологический аспекты. Автореф. дис... канд. филол. наук. – СПб, 2004.
36. Захарова Мария. Языковая игра как факт современного этапа развития русского литературного языка // Знамя, 2006, № 5.
37. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – М., 1972.

38. Ковалёва Е.А. Элементы железнодорожного дискурса в поэзии серебряного века: лексический аспект. Автореф. дис... канд. филол. наук. – СПб, 2008.
39. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. – СПб, 2006.
40. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М., 1990.
41. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации. Проспект словаря. – Екатеринбург, 2010.
42. Костина А.Г. Фольклорные элементы в лексической структуре текстов В. Распутина. Автореф. дис... канд. филол. наук. – СПб, 2011.
43. Кравченко А.В. Гипотеза Сепира – Уорфа в контексте биологии познания// Вопросы когнитивной лингвистики, 2007, № 1.
44. Кравченко А.В. Язык и восприятие. Иркутск, 2004.
45. Краткий словарь лингвистических терминов. – М., 1995.
46. Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996.
47. Кубрякова Е.С. Язык и знание. – М., 2004.
48. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.
49. Лексико-синтаксический словарь современного русского языка. – СПб, 2007.
50. Ли Н.И. Речевые приёмы создания образов деятелей русской культуры в «Воспоминаниях» И.А. Бунина. Автореф. дис... канд. филол. наук. – СПб, 2012.
51. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
52. Логический анализ языка. Язык о языке. – М., 2000.
53. Лотман Ю.М. Чему учатся люди. СПб, 2010.
54. Маршина М.В. Лексическая экспликация концептуальной системы Ф.И. Тютчева. Автореф. дис... канд. филол. наук. – СПб, 2004.
55. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. – Минск, 2005.
56. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. 4-е изд. М., 2006.
57. Нефёдова Н.А. Textoобразующие потенции относительных прилагательных (на материале романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина»). Автореф. дис... канд. филол. наук. – Л., 1988.
58. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. – СПб, 1997.
59. Падучева Е.В. Семантические исследования. – М., 1996.
60. Постовалова В.И. Лингвокультурология в свете антропоцентрической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999.
61. Павиленис Р.И. Проблема смысла. Современный логико – философский анализ языка. – М., 1983.
62. Поцепня Д.М. Образ мира в слове писателя. – СПб, 1997.
63. Проблемы исследования слова в художественном тексте. – Л., 1990.

64. Прокофьева В.Ю. Поэтический локус: лексический аспект (на материале поэзии серебряного века). Автореф. дис. ...доктора филол. наук. – СПб, 2005.
65. Прокофьева В.Ю. Элементы мифологической картины мира в лексической структуре текстов Вяч. Иванова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 1996.
66. Проскуряков М.Р. Концептуальная структура текста. – СПб, 2000.
67. Ревзина О.Г. Лингвистика XXI века: на путях к целостной теории языка // Критика и семиотика. Новосибирск, 2004. Вып. 7.
68. Руделёв В.Г. Слово в словаре // Слово II. – Тамбов, 1997.
69. Русский язык. Энциклопедия. – М., 1997.
70. Свиридова И.И. Лексическое представление бытийности в художественном тексте. Автореф. дис... канд. филол. наук. – СПб, 1992.
71. Силантьев И.В. Текст в системе дискурсивных взаимодействий // Критика и семиотика. Новосибирск, 2004. Вып. 7.
72. Смирницкий А.И. Значение слова // Вопросы языкознания. 1955. №2.
73. Степанова В.В. Синонимические связи в аспекте типологии лексических значений. // Лексико-семантические связи слов в современном русском языке. – Л., 1983.
74. Степанова В.В. Слово в тексте. – СПб, 2006.
75. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 1997.
76. Степанов Ю.С. Язык и метод: к современной философии языка. – М., 1998.
77. Сулименко Н.Е. Об одном из аспектов семантического анализа лексики // Язык. Функции. Жизнь. Сб. статей в честь профессора А.В. Бондарко. – СПб, 2000.
78. Сулименко Н.Е. Современный русский язык: к изучению семантики имён прилагательных. – СПб, 2008.
79. Сулименко Н.Е. Современный русский язык. Слово в курсе лексикологии. Изд. 2, М., 2008.
80. Сулименко Н.Е. Текст и аспекты его лексического анализа. – М., 2009.
81. Сулименко Н.Е., Хохлов А.В. Проблемы лексического «учения о слове». – СПб, 2013.
82. Сухих М.В. Лингвострановедчески ценная лексика в мемуарной литературе (на фоне итальянского языка). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 2000.
83. Суховой Е.А. Лексические средства адресации в газетных текстах переписки с читателем. Автореф. дис... канд. филол. наук. – СПб, 1999.
84. Сьянова Е.И. Ономастический код в ментальном пространстве диалектоносителя. Автореф. дис... канд. филол. наук. – СПб, 2007.

- 85.Талми Л. Отношение грамматики к познанию. // Вестник МГУ. Филология, 1999. № 1, 4, 6.
- 86.Тараненко И.В. Лексические сигналы социокультурного пространства в жанре антиутопии. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 2001.
- 87.Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. – СПб, 1999.
- 88.Томашевская К.В. Экономический дискурс современника в его лексическом представлении. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – СПб, 2000.
- 89.Трипольская Т.А. Эмотивно-оценочная лексика в антропоцентрическом аспекте. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – СПб, 1999.
- 90.Трипольская Т.А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. – Новосибирск, 1999-а.
- 91.Фразеология в контексте культуры. – М., 1999.
- 92.Фрумкина Р.М. Культурологическая семантика в ракурсе эпистемологии // Известия РАН: СЛЯ. 1999. Т. 58. № 1.
- 93.Хохлов А.В. Семное варьирование глагола в художественном тексте (на материале прозы В.М. Шукшина). Автореф. дис... канд. филол. наук. – Л., 1990.
- 94.Ченки А.Семантика в когнитивной лингвистике//Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. – М., 2002.
- 95.Чернейко Л.О. Гештальтная структура абстрактного имени // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1995. № 4.
- 96.Чурилина Л.Н. Лексическая структура художественного текста. – Магнитогорск, 2000.
- 97.Чурилина Л.Н. Лексическая структура художественного текста: принципы антропоцентрического исследования. – СПб, 2002.
- 98.Шарандин А.Л. Методология лексической грамматики // Взаимодействие лексики и грамматики в русском языке. Сборник материалов Всероссийской научной конференции – Тамбов, 2009.
- 99.Юрченко В.С. Предложение и слово (проблемы их соотношения). // Филологические науки. 1996. №2.
100. Язык и наука конца XX века. – М., 1995.
101. Язык как средство трансляции культуры. – М., 2000.
102. Jonson M. The body in the mind: The bodily basis of reason and imagination/Chicago: University of Chicago Press.1987.

Дополнительная:

1. Абиева Н.А. Эволюционная лингвистика в контексте эволюционной теории // ВКЛ, 2009, № 2.
2. Александров Николай. Истина грядёт с Востока? // Смена, 2002, август.
3. Анализ художественного текста. Уч. пособие для иностранцев. – СПб, 1997.
4. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М., 1976.
5. Атаян Э.Р. Категориально-методологический анализ соотношения языка и внеязыковой действительности. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Ереван, 1982.
6. Белошицкая Н.Н. Удостоверительно-вопросительные конструкции в аспекте лексико-синтаксической координации (на материале русского и английского языка). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 2012 (в печати).
7. Белый А. Плохая физика Иосифа Бродского // Звезда, 2007, №11.
8. Бехтерева Н.П. Не люблю, когда человеческий мозг сравнивают с компьютером // Смена, 2000, № 11.
9. Битов А. О пустом столе. Из цикла устных эссе // Октябрь, 2005, №3.
10. Болдырев Н.Н. Категориальный уровень представления знаний в языке: модусная категория отрицания. // Когнитивные исследования языка. Выпуск VII. Типы категорий в языке. М. – Тамбов, 2010.
11. Веллер М. Белый ослик // Октябрь, 2001, №4.
12. Гак В.Г. Типология аналитических форм глагола в славянских языках (иррадиация и конкатенация) // Вопросы языкознания. 1997. № 2.
13. Значение языка и языкознания. – М., 1991.
14. Ефремов В.А. Динамика ЯКМ: вербализация концептуального пространства «`мужчина` – `женщина`». Дисс... доктора филол. наук, СПб, 2010.
15. Захарова Мария. Языковая игра как факт современного этапа развития русского литературного языка // Знамя, 2006, № 5.
16. Зорин Леонид. Восходитель // Знамя 2006, №7.
17. Кураев М. Путешествие из Ленинграда в Санкт – Петербург // Новый мир, 1996. №10.
18. Лосев Лев. Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. // Звезда, 2006, № 8.
19. Караулов Ю.Н. Семантическая иерархия в словаре и её отражение в синтаксисе // Восточные славяне. Языки. История. Культура. – М.,1985.
20. Кармин А.С. Основы культурологии. Морфология культуры. – СПб, 1997.
21. Категоризация мира: пространство и время. – М., 1997.
22. Колесов В.В. Жизнь происходит от слова. – СПб, 1999.
23. Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб, 2002.

24. Кубрякова Е.С. В генезисе языка, или размышления об абстрактных именах // Вопросы когнитивной лингвистики, 2006, № 3.
25. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М., 1997.
26. Кураев М. Путешествие из Ленинграда в Санкт – Петербург // Новый мир, 1996. № 10.
27. Лэнекер Р. Концептуальная семантика и символическая грамматика // Вопросы когнитивной лингвистики, 2006, № 3.
28. Лосев Лев. Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. // Звезда, 2006, №8.
29. Майзельс Я. От смерти к бессмертию // Нева, 2007, № 2.
30. Мелихов Александр. Дмитрий Травин как зеркало российской модернизации // Звезда, 2007, № 7.
31. Мелихов А. Национальная терпимость: этический минимум или недостижимая мечта? // Нева, 2007, № 6.
32. Мелихов А. Наука немислима без поэзии // Звезда, 2007, №5, с.179–189.
33. Минец Д.В. Гендерная концептосфера женского мемуарно-автобиографического дискурса. Автореф. дис... канд. филол. наук. – Вологда, 2012.
34. Михайлов Геннадий. «Непечатное слово»: существует ли оно сегодня в России? // Юность. 1999. № 5.
35. Мышкина В.В. Внутренняя жизнь текста. – Пермь, 1999.
36. Найман. А. Сэр // Октябрь, 2000, №11.
37. Очередные задачи русской академической лексикографии. – СПб, 1995.
38. Песина С.А., Латушкина О.Л. Лексический инвариант как содержательное ядро полисеманта // Вопросы когнитивной лингвистики, 2014, №1.
39. Поляков Ю. Грибной царь. – М., 2007.
40. Пономарёва З.Н. Лексическое значение глагольного слова и его видовые характеристики. Автореф. дис... канд. филол. наук. – Л., 1988.
41. Пьецух В. Деревенские дневники // Октябрь, 2001, №2.
42. Пьецух В. Жизнь замечательных людей. – М., 2008.
43. Приёмшева М.Н. Тайные и условные языки в России XIX в.: историко-лингвистический аспект. СПб, 2009.
44. Русский ассоциативный словарь. Книга 3. – М.,1996.
45. Серова И.Г. Концептуальный анализ в лингвокультурологии: методы и возможности // Вопросы когнитивной лингвистики, 2007, № 1.
46. Текст: узоры ковра. – СПб. – Ставрополь, 1999.
47. Телия В.Н. Русская фразеология. – М., 1996.
48. Томашевская К.В. Лексическая составляющая экономического дискурса современника. – СПб, 2000.

49. Топоров В.Н. Пространство и текст. Из работ московского семиотического круга – М., 1997.
50. Травин Дм. Ответ Мелихову // Звезда, 2007, № 7.
51. Тульчинский Г.Л. Тело свободы. // М. Эпштейн. Философия тела. Г. Тульчинский. Тело свободы. – СПб, 2006.
52. Уланов А. Всё, что будет // Знамя, 2005, №9.
53. Фаликман М.В. и Печенкина Е.В. О стратегической регуляции решения задач // Первая российская конференция по когнитивной науке. Казань, 2004.
54. Хургин А. Ньюанс // Октябрь, 2003, № 2.
55. Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М., 1991.
56. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. – М., 2002.
57. Шарандин А.Л. К вопросу о грамматической концепции толкового словаря // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века. Сб. статей в честь проф. С.Г. Ильенко. – СПб, 1998.
58. Шмелёв Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М., 2006.
59. Щербинина О. Об Иосифе Бродском // Нева, 2007, №5.
60. Щербинина Ольга. Цветаева. Живой звук // Нева, 2007, № 10.
61. Эко У. Отсутствующая структура. – СПб, 2004.
62. Эпштейн М. Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. — Новое литературное обозрение, 2004.
63. Эпштейн М. Слово и молчание в русской культуре // Звезда, 2005, №10.
64. Эпштейн М. Философия тела. Г. Тульчинский. Тело свободы. – СПб, 2006.
65. Яржембовский Станислав. Засохшая смоковница // Звезда, 2007, № 10.

7. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТЕКСТОВОГО СЛОВА

А) Неоднотипность лексических значений как основа создания текстовых смыслов слов.

В курсе лексикологии студенты познакомились с таким лексикосистемным явлением, как группировка слов по типам свойственных им лексических значений. Однако более глубокое понятие о семантических потенциях слова студент может получить только при наблюдении над функционирующим словом, над его динамикой. Наши представления о возможностях внетекстового слова и слова, включенного в перспективу текста, еще далеки от совершенства. Эти возможности не до конца выяснены по отношению к объединениям слов и на самой абстрактной, наиболее существенной категориально-лексической основе – по типам лексических значений. Между тем разнотипные лексические значения имеют неодинаковую коммуникативную предназначенность, обнаруживающуюся в разнообразии текстовых позиций и текстовых функций содержащих их слов. Так, свободно-номинативные значения глаголов перемещения в пространстве коммуникативно предназначены для обозначения конкретных физических действий, тогда как связанные и синтаксически обусловленные значения этих глаголов ориентированы на мир идеальных сущностей. Это различие в перспективе текста связывается и с различием типов коммуникативных ситуаций, в которых используются данные глаголы, и со всей совокупностью факторов текстообразования, обуславливающих отбор тех или иных средств языка, например, композиционно-смысловых. Эти последние и будут предметом преимущественного внимания студентов. Глаголы данного типа значения активны в литературных жанрах сходной ориентации (очерковый жанр путевых заметок или рассказы, корреспонденции, содержащие элементы этого жанра). Понятийная прозрачность, общедоступность значений данного типа расширяет возможности их текстового использования также в связи со свободой адресата, к которому обращены тексты.

Абстрактность значений анализируемых глаголов, сопровождающаяся их лексической связанностью, проявляется в текстах, направленных не столько на изложение событий, сколько на концепцию этих событий, их квалификацию. Несвободные, лексически связанные значения глаголов широко используются как средство передачи психологических, нравственных, эстетических признаков, состояний, оценок, что связано с их ориентацией на мир познающего субъекта. По этой же причине они становятся средствами текстовой параметризации субъекта, участвуют в разных формах субъективации повествования.

Свободно-номинативные значения глаголов перемещения, наряду с другими, используются по преимуществу в текстовых фрагментах с повествовательной установкой, в изображении динамических ситуаций, сменяющих друг друга действий. Ср., например, фрагменты из повести Н. Евдокимова «Происшествие из жизни Владимира Васильевича Махонина» с отбором в основном глаголов свободно-номинативного значения. Особая интенсивность действий, передаваемых этими словами, и связанная с ними экспрессия обуславливают широкое вхождение глаголов и в авторскую речь, и в речь персонажей.

«Теперь дома у нас стоял аквариум, в нем плавали рыбки, и среди них она, золотая. Я прижимался носом к стеклу, она подплывала и что-то шептала, шептала, раскрывая свой круглый рот. Я мог сидеть так часами, глядеть, как она плавно, изящно скользит в воде, то опустится на самое дно, то поднимется, захватит глоток воздуха и снова уйдет в глубину. Любоваться рыбками приходил соседский кот Джентельмен, который так же, как и я, мог часами сидеть и смотреть на них. Иногда он вставал на задние лапы и смотрел сверху, и тянулся мордой к ним, и тыкался в воду носом, перевесившись через край аквариума. Рыбы боялись его, и я прогонял кота вон. ...Ей было там очень плохо, скверно было моей золотой рыбке, я это знал, она металась по узкому пространству аквариума, тыкалась рыльцем в стекло, подолгу глядела на меня выпуклыми глазами, молила об избавлении».

Коммуникативная предназначенность глаголов перемещения обуславливает как разнообразие их употребления, так и усилительный повтор в пределах одного текстового фрагмента деривационно сближенных слов, синтагматическое согласование с отбором различных сем у глагольных распространителей.

«Синцов так и не узнал, скольким из них удалось спастись тогда: они разбежались по лесу в разные стороны и уже не встретились друг с другом. Он шел, шел почти без остановок, лишь иногда на несколько минут присаживаясь, чтоб отдышаться, шел весь остаток этого короткого октябрьского дня, пока окончательно не стемнело, и шел всю ночь. Он шел через лес, перебирался через два противотанковых рва и через брошенные окопы. В одном из них он наткнулся на трупы, и это спасло его: иначе он замерз бы. Он снял с одного мертвого гимнастерку и почти новую телогрейку, только по краю немного замазанную кровью, а около другого подобрал свалившуюся ушанку и, сцепив зубы, надвинул ее себе на голову, поверх бинтов. Он хотел взять валявшуюся тут же винтовку, но она оказалась без затвора, и он, сколько ни шарил кругом, так и не нашел его. Потом он пересек две дороги, одна была пустая, а по другой ровно через минуту после него проехала колонна немецких мотоциклистов.

Он чувствовал запах пожарищ, видел зарева и слышал стрельбу то слева, то справа. А одно время она, казалось, была со всех сторон. Ему тогда почудилось, что он переходит фронт, и это действительно так и было.

Но когда на рассвете он, обессиленный, свалился на землю в чаще леса, то снова услышал грохот разрывов не справа и не слева от себя, и не сзади, а далеко впереди.

От усталости он плохо соображал, и ему не пришло в голову, что эти далекие разрывы могли быть немецкой бомбежкой у нас в тылу. Наоборот, он подумал, что ему раньше только показалось, что он перешел фронт, а на самом деле линия фронта по-прежнему впереди.

Решив спастись во что бы то ни стало и не желая рисковать, он выпил болотной воды и заполз в кустарник. Лучше дождаться сумерек и попробовать перейти фронт ночью: у него было больше надежд на ночь, чем на день. Решив так, он на несколько часов заснул как мертвый и проснулся, когда в воздухе уже начинало чуть-чуть сереть.

Он встал и снова пошел и шел еще километров пять по все никак не кончавшемуся лесу. Один раз ему послышались голоса и даже раздался заставивший его вздрогнуть близкий выстрел. Если бы он пошел на эти голоса и на этот выстрел, он попал бы прямо в распоряжение стоявшего здесь медсанбата. Но он все еще считал, что не перешел фронт и что эти голоса и этот выстрел немецкие и ему надо идти дальше. Наконец, когда почти совсем стемнело, он вышел из леса на перекопанное противотанковым рвом поле. Он перебрался через этот ров и дошел до каких-то выселок — трех домиков с тянувшимися сзади них плетнями.

Он поднялся на взгорок и подошел к крайнему домику. Кругом было тихо. Домик показался ему нежилым, но когда он подошел еще ближе, из-за угла дома навстречу ему вышел немолодой боец с ведром в руке.

Именно это и было как чудо! Именно то, что боец шел так запросто с ведром в руке к колодцу, не оставляло сомнений: вышел к своим». (К. Симонов. Живые и мертвые).

Коммуникативная предназначенность свободно-номинативных значений глаголов ЛСГ перемещения в пространстве обуславливает их скопление в таких участках текста, которые вводят в новую ситуацию, обозначают переход к новой микротеме, к новому сюжетному повороту. Эта текстовая позиция глагола очевидна при выраженном композиционном членении текста.

Сравните:

«В баню заходить не стали. Баню без веника разве оценишь? И в дровяник не заглядывали — тут техника недалеко шагнула... Прошли прямо к въездным воротам. Михаил уж сколько раз сегодня проходил мимо этих ворот, а вот

подошел к ним сейчас, и опять душа на небе. Чудо — ворота. Широкие, на два створа — на любой машине въезжай, столбы на века — из лиственницы, и цвет красный, как Первомай, как Октябрьская революция. И вот все, кто ни едет, кто ни идет — чужие, свои, пекашинцы, — все плят глаза. Останавливаются.

3

Девчонки первыми очухались — с криком, с визгом кинулись в гору, за ними, охая и крикая, посеменили старушонки, Антон Таборский показал свою прыть. А им что делать? Домой далеко — через весь луг бежать надо... — давай на старое пепелище! Воды в тучке хватило ровно настолько, чтобы отбить гребь да испарить их, потому что едва они поднялись в гору, как дождь перестал и опять брызнуло солнце...

Глава третья

1

О приезде (отглагольный дериват. — *Н.С.*) братьев Лиза узнала еще вечер от Анки. Та прибежала к тетке — никакие запреты ей родительские не указ — как только пришла телеграмма. А сегодня Анка еще два раза прибежала и все, все рассказывала... и не выдержала — перемахнула за изгородь... Отрезвление наступило, когда перешагнули за порог избы.

Глава четвертая

1

На могилы ходят с утра... Но Петру... вздумалось идти сегодня, и Лиза не стала противиться,... а то, что они придут на кладбище не рано, кто упрекнет их? Степан Яндреевич? Мать? Вася? Лиза надела праздничное платье, туфли на полувысоком каблуке, а когда вышли на улицу, под руки подхватила Петра и Григория и не боковиной, не закрайкой — середкой потопала.

Глава пятая

1

От ставровской лиственницы рукой подать до Пинеги: под бугор спустился, перемахнул узкую луговину в белых ромашках — и вот прибрежный ивняк, пестрый галечник, раскаленный на солнце. А Петр выбежал на луговинку, глянул на широкий голубой разлив пекашинского луга слева и вдруг порысил туда, к родному пещищу, — захотелось к Пинеге сбежать той самой тропинкой, по которой бегал в детстве.

Глава шестая

1

Мост за Нижнюю Синельгу наконец-то сделали. Капитально... никакой паводок не своротит. Но куда девалась Марьюшка? Где знаменитые марьюшские луга? Бывало, из ельника выйдешь — море травяное без конца без края и ветер волнами ходит по тому морю. А сейчас Петр водил глазами в одну

сторону, в другую и ничего не видел, кроме кустарника... И там, в сияющей голубизне, на головокружительных высотах, совсем как прежде ходил коршун.

Свободно-номинативное значение глагола ходил «выдвигает» разные свои семы в зависимости от субъекта действия (ветер, коршун).

Сам факт расчленения значений, по-разному представляемый словарями (см. Н.В. Солоник), отражает коммуникативные потенции слов свободно-номинативного значения, разнообразие отражаемых ими коммуникативных ситуаций. В соответствии с текстовыми потребностями одни семы погашаются, другие актуализируются. С помощью актуализации, выдвижения некоторых сем происходит своеобразная мотивация использования слова в тексте:

«Парасковья-пятница побрела к сенному валу, одной рукой держась за Ульяну. Переставлять потихоньку свои старые ноги вслед за граблями – это она еще кое-как могла, а ходить по земле просто, ни на что и ни на кого не опираясь, уже не могла».

Ср. истолкование глагола побрести в БАС: «Пойти медленно, с трудом передвигаясь, поплестись». Таким образом, дифференциальные семы глагола побрела подчеркнуты текстовыми глагольными синонимами (переставлять), обстоятельственными распространителями (держась, по-тихоньку, вслед за граблями) и контрастом глаголу ходить с его обстоятельственными распространителями (просто, ни на что и ни на кого не опираясь), актуализирующими потенциальные семы данного глагола (без опоры).

Гораздо реже, как мы видели, в начальной позиции текстового фрагмента выступают и глагольные фразеологизмы, и глаголы связанного значения (при условии прозрачности связей со свободно-номинативным значением и их в силу этого взаимопроницаемости) и глаголы смежных ЛСГ, для которых значение движения, перемещения оказывается сопутствующим.

Часть вторая

Глава первая

«Слухи о новой засухе на юге поползли еще в конце июня: все горит на корню... скотину гонят на север. Ад на Пинеге начался дней 10 спустя после Петрова дня, с сухих гроз, когда вдруг по всему району загуляли лесные пожары... А те, кто был помоложе, пограмотнее, те опять толковали... про то, что человек вторгся в запретные вселенские преде-лы».

Глава восьмая

1

Нервная, сеногнойная пошла погода. С утра жгло, калило, коршуны... вычерчивали свои орбиты в небе... Нет, из-за леса выкатилась тучка, одна, другая, дунул, крутанул ветришко, и вот уже залопотали, завсхлипывали березы (Ф. Абрамов. Дом).

Аналогичны взаимосвязи между композиционным членением текста и типами лексических значений избираемых глаголов у С. Наровчатова («Абсолют»):

«Схожий с львиным рывканьем хохот провожал тощую фигуру доминиканского патера Жозефа де Пальма. Опрометью мчался патер по скользкому мрамору Таврического дворца, то попадая на бархатные дорожки, то сбиваясь с них, пока не вылетел к парадной лестнице. Кубарем скатился с нее и, едва не забыв шубу на руках дежурного гай-дука, выскочил на улицу. Оглянувшись на высокие окна дворца, он вдруг тонко и растерянно всхлипнул».

Ср. также использование глаголов в конце подглавок, служащих сигналами завершения одной микротемы и перехода к другой:

«— Сейчас поеду в Медицинскую коллегию, это будто по их части... И оберполицмейстер, поднявшись с кресел, шумно прошел к двери». «— Немедленно поеду к его светлости князю Щербатову, моему дядюшке...»

По преимуществу повествовательная установка свободно-номинативных значений глаголов перемещения может приглушаться и даже сниматься при введении элемента описания благодаря использованию синтаксических средств — параллельной межфразовой связи с опорой на параллелизм видо-временных форм глагола. В этом проявляется интегративное начало текстовых единиц по сравнению с внетекстовым, влияние факторов текстообразования.

Ср.: «Выбегая из бора, речка делает в травах у лозняка прощальный изгиб. И вот уже, приподнявшись в лодке, я вижу воды другой реки. Сейчас Усманка с ними сольется. Рядом с лодкой плывут кленовые листья, плывет оброненное птицей перо... И вот уже нет Усманки — лодка плывет по тихой реке с названием Воронеж». «Три часа не спеша мы плыли по вечерней реке... на берегу, как залетные пули, прошивали кроны дубов и тяжело падали в темноту желуди. Иногда желудь срывался в воду, и тогда казалось: не с дерева, а с самого неба падало что-то в реку». «Сначала мы увидели речку... По заводям плавали гуси. Расходились^круги от рыб. И шел от речки волнующий запах здоровой воды, запах прибрежных трав и донных растений». «По воде расходились круги от рыб... чуть пожелтевший лес спускался к самой воде. От реки в чащу уходили поросшие ежевикой тропинки» (В. Песков. «Речка моего детства»).

Обратим внимание на два последних глагола: они обнаруживают один из способов включения глаголов ЛСГ в описание — использование их в тех лексически связанных значениях, по которым они сближаются с глаголами смежной «статичной» ЛСГ — положения в пространстве, что особенно заметно в их текстовом соседстве с глаголами первой, «динамичной» группы в их свободно-номинативных значениях. Ср. в этом плане и использование глаголов

подступала, подходила с устранением в них значения перемещения: «Его шатало, его покачивало, когда он вышел в открытые, без дверей сенцы. Семейка молоденьких рябинок подступала к старенькому, до седловины выбитому ногами порожку, на который он сел. В прогалинах зеленого кружева листвы сверкала далекая, серебром вспыхивающая Пинега, лошадиное хрумканье доносилось снизу... Вдруг какая-то тень пала сверху на Петра... Григорий... вышел на угор». (Ф. Абрамов. «Дом»). Пашня подходила местами к самой воде... Ни одной мочажины, ни единого ключика не текло в речку». (В. Песков. «Речка моего детства»).

Взаимодействие слов в тексте делает наглядными некоторые особенности системной организации лексики, обнаруживая, в частности, связь разных ЛСГ в лексической системе языка через «смысловое согласование» в тексте разных по типу лексического значения глаголов. Несвободные значения как средства непрямого номинации выступают способом текстового сближения, интеграции глаголов разных ЛСГ. Ср. в этом плане межфразовую связь свободно-номинативного значения глаголов звучания и связанных значений глаголов перемещения:

«Запевал Игнат Поздеев... потом вступали остальные... голоса сами собой приходили в согласие, в лад. Калина Иванович тоже подпевал... Но подпевал, пока дело не доходило до его любимого «Конька» (Ф. Абрамов. «Дом»).

Ср. еще использование несвободных значений глаголов перемещения вместо свободно-номинативных значений глаголов звучания:

«И тотчас взметнулись в ответ голоса — в одном углу, в другом, в третьем... Вся вечерняя Марьюша пришла в движение... — Ничего музыка? Что это? — Единоличники. Все разбрелись по норам» (Там же).

Диффузными выступают не только значения многозначного слова, но и значения всей ЛСГ при условии ориентации ее членов на разные типы лексических значений, поскольку по исходным значениям группы четко дифференцируются. Борьба за экспрессивность выражения, за «чужую» форму рождается ввиду содержательной значимости этой формы, в своей первичной функции служащей для выражения иного значения. «Несоответствие» замысла и средств его осуществления, не прямой, ассоциативный способ выражения и рождает экспрессию, возможность текстовых приращений смысла. Разная функциональная ориентация свободных и связанных значений не исключает их диффузности у глаголов одной ЛСГ в тексте:

«Часом-двумя позже они лежали в своей избе. В темном углу у дверей металась малиновая папироска, слова летели оттуда раскаленными ядрами — Михаил всю жизнь прожитую выворачивал наизнанку». «— Да, через все прошла. Через леса и степи, через пустыни и болота. От жары погибала, песком

засыпало, на Колыме замерзала...» (Там же). «Вторжение хорошенькой девицы, опекуном коей он являлся... необходимость не только вывозить, но и устраивать для нее балы удручали старого князя прямо-таки до бешенства. И вдруг счастливым метеором мелькнул в его сознании и яви поручик Чадов» (С. Наровчатов. «Абсолют»).

Если диффузность смазывает, то текстуальная нейтрализация подчеркивает разную функциональную предназначенность свободных и связанных значений. Нейтрализация, например, используется при намерении сместить в сознании героя кажущееся и реальное, нарочито их столкнуть:

«У меня закружилась голова, мне душно стало, тесно, пространство, в котором я находился, сдвинулось, сжало меня со всех сторон. Я задыхался... Но я ли шел или кто-то нес меня задыхающегося, не знаю, не помню. Я был беспомощен, я рвался куда-то из душной, мягкой темноты и не мог вырваться... И все же я вырвался наконец, пространство, сжимавшее меня, раздвинулось и, освобожденный, я закричал пронзительным голосом, вдохнув полные легкие живительного воздуха» (Н. Евдокимов. «Происшествие из жизни Владимира Васильевича Махонина»).

Ср. со случаем диффузности у того же автора: «Тот, кто начертал на бортах грузовиков «не уверен – не обгоняй» или на оконных рамах в трамвае «не высовывайся», был не только неплохим юмористом, но и большим мудрецом под стать древнеиндийским философам, утверждавшим, что всякий глупец может стать героем в определенный момент. Этот грузо-трамвайный мудрец, очевидно, и не подозревал, что начертал советы, неукоснительно исполняя которые можно достигнуть многого и, наконец, как это ни парадоксально, далеко высунуться, никогда не высовываясь... Когда-то и я высовывался... Устал...» (Там же).

Исследование текстовых функций глаголов подчеркивает базовый характер противопоставления свободно-номинативных и связанных значений в лексической системе языка, которое соотносится с определенными закономерностями композиционно-смыслового членения текста, создания его цельности и связности.

В пределах текста значительно возрастает и разнообразится способность слова к лексико-грамматической координации. (По мнению Г.А. Золотовой, «взаимодействие лексики и грамматики в синтаксисе текста получает сконцентрированное выражение в определенном текстовом звене-ремe, на уровне ее семантико-грамматического, категориального значения»). Композиционно-смысловая доминанта текста создается наряду с другими факторами его актуальным членением. Известна попытка Г.А. Золотовой связать семантический тип текстового фрагмента с присущей ему рематической

доминантой, имеющей лексические средства своего выражения. С опорой на ее классификацию следует отметить также возможность внутритекстового синкретизма отдельных семантических типов текстовых фрагментов, этим, естественно, не снимается реальность их появления «в чистом виде» в других текстах или других участках одного и того же текста.

Рассмотрим два текстовых фрагмента из повести А.И. Куприна «Олеся». В первом из них при обозначенном абзацном членении смена рематической доминанты устанавливается прежде всего с опорой на лексические показатели.

«Я пошел по направлению Ириновского шляха и уже через минуты две услышал, что собака опять гонит где-то недалеко от меня. Охваченный охотничьим волнением, я побежал, держа ружье наперевес, сквозь густой кустарник, ломая ветви и не обращая внимания на их жестокие удары. Я бежал так довольно долго и уже стал задыхаться, как вдруг лай собаки прекратился. Я пошел тише. Мне казалось, что если я буду идти прямо, то непременно встречу с Ярмолкой на Ириновском шляху. Но вскоре я убедился, что во время моего бега, огибая кусты и пни и совсем не думая о дороге, я заблудился. Тогда я начал кричать Ярмолке. Он не откликнулся.

Между тем машинально я шел все дальше. Лес редел понемногу, почва опускалась и становилась кочковатой. След, отгиснутый на снегу моей ногой, быстро темнел и наливался водой. Несколько раз я уже проваливался по колена. Мне приходилось перепрыгивать с кочки на кочку; в покрывавшем их густом буром мху ноги тонули, точно в мягком ковре.

Кустарник скоро совсем кончился. Передо мной было большое круглое болото, занесенное снегом, из-под белой пелены которого торчали редкие кочки. На противоположном конце болота, между деревьями, выглядывали стены какой-то хаты. «Вероятно, здесь живет ириновский лесник, – подумал я. – Надо зайти и расспросить у него дорогу».

Но дойти до хаты было не так-то легко. Каждую минуту я увязал в трясине. Сапоги мои набрали воды и при каждом шаге громко хлюпали; становилось невмочь тянуть их за собою.

Наконец, я перебрался через это болото, взобрался на маленький пригорок и теперь мог хорошо рассмотреть хату. Это даже была не хата, а именно сказочная избушка на курьих ножках. Она не касалась полом земли, а была построена на сваях, вероятно, ввиду половодья, затопляющего весной весь Ириновский лес. Но одна сторона ее от времени осела, и это придавало избушке хромой и печальный вид. В окнах не доставало нескольких стекол; их заменяли какие-то грязные веточки, выпиравшиеся горбом наружу.

Я нажал на клямку и отворил дверь. В хате было очень темно, и у меня, после того как я долго глядел на снег, ходили перед глазами фиолетовые круги; поэтому я долго не мог разобрать, есть ли кто-нибудь в хате».

Композиционно-смысловая доминанта фрагмента связана с его повествовательной направленностью, ей же подчинено и актуальное членение. Первый, второй, четвертый и начало пятого абзаца основными средствами повторной номинации, обеспечивающими цельность и связность текстового фрагмента, имеют глаголы ЛСГ перемещения в пространстве (они выделены), соответствующие таким семантическим типам текстовых фрагментов, как «динамика действия», соответственно этими же глаголами передается акциональная рематическая доминанта.

Как и в других случаях введения новой микротемы повествовательного характера, глаголы перемещения особенно «сгущены» в начальном абзаце. С их помощью при участии распространителей глагольного действия, указывающих на направление, место, время, характер протекания действия, обрисовывается пространственно-временной континуум изображаемого события.

Реализации отмеченной коммуникативной стратегии на лексическом уровне для названной ЛСГ глаголов, служит определенная семантическая разновидность – тип свободно-номинативного значения.

Смена семантического типа текстового фрагмента в третьем абзаце сопровождается меной рематической доминанты: описанию места соответствует предметная рематическая доминанта, выраженная существительными (болото, снег, кочки, стены, хаты). Иной вид актуального членения в начальном и конечном высказывании абзаца сигнализирует об их связующей роли с предшествующим и последующим изложением, он определяет границы данного абзаца. Таким образом, нарастание семантической плотности, тематической однородности лексики к середине абзаца, как и актуальное членение срединных высказываний, оказываются коммуникативно оправданными, подчиненными целеустановке субъекта речи.

Поскольку семантический тип текстового фрагмента имеет тематическую основу, а единство темы – «тематическая сетка» (И.В. Арнольд) – определяется в первую очередь парадигматическими сближениями слов (и системными, и текстовыми при наличии у последних хотя бы одной общей семы), постольку связь рематической доминанты с теми или иными лексическими особенностями текстового фрагмента не является неожиданной.

Лексические парадигмы, таким образом, – это не только инструментарий языковой статики, но и порождение и средство осуществления (во взаимодействии с факторами актуального членения) языковой динамики.

Состав глаголов перемещения, столь активных в начальном абзаце, заметно редет к концу текстового фрагмента, меняются и их функции. Так, в пятом абзаце они входят лишь в начальное высказывание, связывая данный абзац с предыдущим текстом, глагол же «рассмотреть» подготавливает переход к такому семантическому типу текстового фрагмента, как характеристика предмета с присущей ему качественной рематической доминантой.

Лексической объективацией этой доминанты выступают не только языковые характеризующие средства: фразеологизм (избушка на курьих ножках), разного рода определения, в том числе оценочные (сказочная, хромой, печальный, какие-то грязные), глаголы, содержащие в своей семантике оттенок «ущербности» (осела, недоставало), частицы (даже, именно), – но и те, которые становятся характеристиками в перспективе текста.

Так, средствами положительной характеристики становятся отрицаемые слова в фигурах речевого контраста (не хата, а именно..., не касалась полом земли, а была построена на сваях). База для потенциальной оценочности — опора на фоновые знания, на представление о том, что свойственно нормальному человеческому жилью. Этой же цели служит введение сниженной лексики (ветошки, выпиравшиеся горбом...). Ранее отмечалась возможность синкретизма семантических типов в пределах текстового фрагмента. Отчетливо выраженное субъективно-оценочное восприятие действительности повествователем позволяет усматривать здесь наложение «импрессивной» рематической доминанты. Она становится ведущей в последнем абзаце и выражается словом категории состояния в сочетании с наречием меры и степени (очень темно), экспрессивным устойчивым словосочетанием, передающим состояние говорящего (ходили перед глазами фиолетовые круги), модальным глаголом в сочетании с глаголом восприятия и наречием, передающим интенсивность, длительность состояния лица (долго не мог разобрать).

Еще более четко синкретизм качественной и импрессивной рематической доминанты выступает при разнообразии средств лексического ее выражения в следующем фрагменте того же текста: «вся ночь слилась в какую-то волшебную, чарующую сказку. Взошел месяц, и его сияние причудливо пестро и таинственно расцветило лес, легло среди мрака неровными, иссиня-бледными пятнами на корявые стволы, на изогнутые сучья, как плюшевый ковер, мох. Тонкие стволы берез белели резко и отчетливо, а на их редкую листву, казалось, были наброшены серебристые, прозрачные, газовые покровы.

Местами свет вовсе не проникал под густой занавес сосновых ветвей. Там стоял полный, непроницаемый мрак и только в самой середине его скользнувший неведомо откуда луч вдруг ярко озарял длинный ряд деревьев и

бросал на землю узкую правильную дорожку, — такую светлую, нарядную и прелестную, точно аллея, убранная эльфами для торжественного шествия Оберона и Титании. И мы шли, обнявшись, среди этой улыбающейся живой легенды, без единого слова, подавленные своим счастьем и жутким безмолвием леса».

Ведущие выразители рематической доминанты — качественные прилагательные, включенные в ряды однородных членов, с целью не только воспроизведения чарующей красоты ночи, но и передачи обусловленности ее восприятия поэтическим состоянием души влюбленных. Этой же цели служат текстуально обусловленный отбор качественных наречий, неопределенного местоимения, глаголов цветовой семантики (расцветило, белели, озарял). Таким образом, и в данном случае определенный тип текстового фрагмента создается взаимодействием лексических и синтаксических факторов, обусловленных принадлежностью опорных слов текста к той или иной части речи со свойственными ей законами синтаксического функционирования, синтаксическими потенциями и проявляемых в возможностях актуального членения высказывания.

Наблюдения над функционированием слова в тексте вскрывают семантические его особенности в аспекте их коммуникативного предназначения, отраженного в системных связях, но не очевидного вне текста.

Лексическая связанность и синтаксическая обусловленность значения как способы интерпретации идеальных сущностей подтверждаются фактами индивидуальной лексической связанности в тексте. Лексически связанные и синтаксически обусловленные значения в связи с их субъектной ориентацией часто представлены в текстовых фрагментах рассуждающего типа. Разная функциональная ориентация свободно-номинативных и лексически связанных значений, сложившаяся в системе языка, обнаруживается в тексте через взаимодействие глаголов разных ЛСГ при условии разнотипности их лексических значений в пределах текстового фрагмента. Ни один из текстообразующих факторов сам по себе не является единственно определяющим в отборе глаголов того или иного типа лексического значения. Эти факторы находятся в отношениях сложного взаимодействия с выдвиганием того или иного из них на первый план в соответствии с микро- или макроперспективой текста.

Прагматическая установка подчиняет себе арсенал типов лексических значений глаголов с дифференциацией их по частным функциональным заданиям в пределах общего. Это особенно ощутимо при использовании одного и того же глагола или глаголов одной ЛСГ в разных по типу лексических значениях в пределах общего фрагмента текста. Экспрессивно-стилистическое

значение предстает специализированным способом выражения модальности и прагматической установки текста.

Б) Возможности создания и систематизации текстовых связей слов.

Необходимость изучения и систематизации текстовых связей слов диктуется логикой развития лингвистической науки в целом и отдельных ее подразделений.

Н.Ю. Шведова вслед за Ф. Конечным объясняет эту ситуацию следующим: «прогресс лингвистической науки состоит в том, что она, начав со слова и постепенно углубляя и расширяя свой предмет, дошла до таких сложных объектов, как предложение и текст; следующим шагом к углублению и усложнению объекта явится переход от лингвистики текста... к лингвистике слова» [Шведова 1982: 142].

Таким образом, глубина разработки лингвистики слова ставится в прямую зависимость от степени изученности вопросов общей и частной лингвистической теории текста, а также актуальной сейчас проблемы дискурсивной семантики. Один из таких вопросов — вопрос о возможностях и основах систематизации текстовых связей слов.

Систематизация может проводиться с опорой на систему понятий и категорий собственно лексического уровня, на межуровневые связи лексики и грамматики и, наконец, с учетом композиционно-речевого фактора, в котором находит выражение интенция автора. Само собой разумеется, что возможны и иные исходные моменты в систематизации текстовых связей. Текстовые связи слов изучаются с опорой на их системные объединения по самым абстрактным и существенным признакам (статическим и динамическим) – объединения по типам лексических значений, по категориальным и субкатегориальным признакам – группировки по ЛГК и разрядам.

В основе текстовых связей слов могут лежать лексические группировки (включающие, пересекающиеся, комплементарные и др.) по содержательным и формальным признакам, по социально-территориальным, хронологическим и иным признакам.

Исходными для текстовых объединений могут оказаться связи разных значений многозначного слова, отдельные его словозначения и даже отдельные расчленения этих словозначений. Однако не все виды текстовых связей функционирующего слова поддаются объяснению с опорой на жестко понимаемую системность.

В работах лексикологов получили распространение вероятностные концепции значения, имеющие разную модификацию и аргументацию. В наиболее четком виде они представлены у М.В. Никитина и И.А. Стернина. По словам М.В. Никитина, «один из итогов семасологических исследований

последнего времени сводится к тому, что представление о значении отдельного словарного знака (виртуальном значении) как о чем-то четко и определенно заданном, имеющем жесткие границы, значительно схематизирует реальное положение вещей. Это касается как полисемии, так и отдельного словозначения». Эта особенность значения прогнозирует все виды возможных связей слова: «все виды непосредственных семантических отношений, в которые может вступать или которые может развивать данное слово, содержатся в свернутом виде в структуре его значения». Внимание И.А. Стернина, помимо указанных, привлекают методологические аспекты проблемы, связь вероятностных характеристик лексического значения с отражением в нем не застывшего, а развивающегося понятия, результата познания меняющейся действительности. А.А. Уфимцева связывает неабсолютный, нежесткий характер лексического значения с законом двойного означивания языкового знака, с тем, что слово как носитель лексического значения выступает в разных ипостасях – слово – лексема, ЛСВ, словоупотребление. Из этого факта следует, что последнее всегда приурочено к определенной денотативной ситуации, приспособлено к определенному высказыванию, заданному коммуникативно-прагматической установкой. Поэтому словоупотребление по-разному проецируется в лексическое значение слова. В.Г. Гак говорит о той сфере словоупотребления, которую можно именовать узусом (речевой нормой) в отличие от индивидуальных употреблений, не поддающихся речевому нормированию. С вероятностным характером лексического значения связывается в динамике несовпадение стилистического значения, ориентированного на узус (Т.Г. Винокур) и эстетического значения (Л.И. Донецких), сориентированного на индивидуальность выражения в художественной речи. Это свойство лексического значения объясняет случаи его семантической расчлененности уже на уровне слова в словаре (Н.В. Солоник), текстуальной обусловленности как типологического свойства лексического значения, речевой многозначности и нормы словоупотребления (Ф.А. Литвин).

Разнообразие текстовых связей слов и вместе с тем возможность их объединения в определенные типы уже на лексической основе обнаруживаются в сравнительно небольших текстовых фрагментах. Следует выделить эти типы в пределах двух текстовых фрагментов романа С. Залыгина «После бури»:

1) Наличие лексической номинации / отказ от нее в двух смежных высказываниях: «Этакое вот суждение, по-видимому, входило в мироощущение аульского обывателя. Конечно, он такого слова, как «мироощущение», не знал, но потому опять-таки не знал, что не нуждался в нем. Вполне очевидные и повседневные понятия, будучи таковыми, не требовали для него словесного

обозначения». Отказ от номинации, естественной для повествователя, владеющего нормами книжной речи, мотивирован состоянием бытового сознания аульских жителей, защищается их право на незнание слова, сигнал его инородности для персонажей – кавычки.

2) Акцент на нарушении частотности употребления членов антонимической пары при создании текстовой неопределенности, аморфности, немаркированности одного из них. «Очень редко употреблялось им даже такое слово, как «жизнь», разве только по необходимости что-то противопоставить другому слову – «смерть» – Поляков-то Андрюха-то, жив ли?

– Помер... (межчастеречные связи по противоположности значений. – *Н.С.*).

– Ну, вот, я как знал, царствие ему небесное...

Или же несколько по-другому:

– Значит, ты живой?

– Живой и есть!

– Ну и слава богу! Живи тогда на здоровье! (ассоциативно-деривационные связи с одним из членов антонимической пары).

Таким образом, при кажущемся сохранении системных связей слов происходит текстовая десемантизация одних (жизнь и сближенных с ним по корню) и актуализация других (смерть, помер).

3) Текстовая интерпретация лексической многозначности с нарушением иерархического статуса значений полисеманта в языке, переактуализацией сем выдвигаемого значения, «Сегодня – здесь, завтра – там... Свобода! Да так оно и было: свобода аульскому жителю представлялась, наверное и прежде всего, в смысле необъятного, навсегда и для всякого человека свободного пространства, и только потом уже в других разных смыслах – в религиозных, общественных, социальных, прочих. Нет, он из понятия «свобода» практических благ и начертаний общественного устройства извлечь не умел, не старался, старание это было ему чуждо, а может быть, и постыдно – от веры истинной не требуют же благ земных – ему это понятие было, скорее всего, духовным, божественным, художественным... Прекрасная такая картина высшей естественности и природности, что на ней изображено – не столь важно, если это столь естественно. Так что аульский житель, если даже не удалось ему побродить по свету далеко на запад, етде дальше – на восток... все равно он видывал свободу в лицо... Ту сторону даже сквозь зарешеченные острожные окна и то было видать».

Из 12 значений, отмеченных у слова свобода БАС, в текстовой иерархии первое место занимает периферийное, 11 значение, вообще не отмечаемое МАС: «II. Разг. Раздолье, простор, воля». Сема «простор» поддерживается

соседством со словами пространственной семантики: здесь, там, необъятное пространство. Та Сторона. Это словозначение обрастает новыми семами, его структура в тексте усложняется: «высшая естественность и природность». Все другие значения слова свобода – они интерпретируются как религиозные, общественные, социальные, прочие – оказываются в перспективе текста вторичными, причем используются аульскими жителями, как можно себе представить, в весьма трансформированном виде. Об этом свидетельствует исключение из семного состава этих значений актуальных или потенциальных для них сем «общественный», «практический», «земной». В противоположность им контекстом наводятся семы «духовный, божественный, художественный», то есть рисуется совершенно определенный, в чем-то языческий, уровень мировосприятия.

Разные значения многозначного слова могут рассредоточиваться в пределах текстового фрагмента, выступать дискретно (в отличие от предыдущего случая, где не очерчивается сама граница семантического объема многозначного слова в его текстовой интерпретации).

Ср.: «Усмешка усмешкой, но вся история демидовского завода и нынешний, двадцатых годов двадцатого века, его облик, новое, советское его предназначение едва ли не каждого аульского жителя обязывали относиться к памятникам строительства и архитектуры с подобающим уважением, возлагать на них свои надежды относительно будущего. Откуда же еще могли исходить подобные надежды, как не из этих старинных зданий, ныне увенчанных красными флагами». В данном текстовом фрагменте слово история сориентировано на реализацию своего производно-номинативного значения: «2. Совокупность фактов и событий, относящихся к прошлой жизни; прошлое, сохранившееся в памяти людей». В следующих двух абзацах оно диффузно связывается с другим значением слова история, привносящим иронический оттенок в повествование: «8. Происшествие, событие, случай. Разг. Соседство со словом молва ведет к актуализации и еще одного значения слова история в абзацной фразе – «7. Рассказ, повествование»: «Демидов Акинфий, построив завод, беа преувеличения можно сказать – на костях рабочего люда, в скором времени захотел сбыть его с рук, у него были соображения, что нужно сделать, и, не долго думая, он завод этот, вместе с приписанными к нему крестьянами, проиграл в карты императрице Елизавете.

Такая молва, такая история». Таким образом, относительно дискретным оказывается лишь первый случай употребления слова история, этому способствуют такие средства речевого контраста, как «нынешний облик», «новое, советское его предназначение».

4) Актуализация коннотативных сем хронологической отмеченности и книжности в текстовых связях слов как способ интимизации авторского повествования: «Ну, после той карточной игры и возник Горный округ Кабинета Их Величества Романовых, а город Аул оказался как бы горнорудной столицей Западной Сибири и многие столичные замашки приобрел незамедлительно... они (господа инженеры), кроме всего прочего, обучены были в институте корпуса горных инженеров музыке, пению (по способностям), рисованию и танцам и вот устраивали в аульских своих особняках салоны и вечера с культурными программами...

А в Горном округе какой происходил технический прогресс?

...Другой мастер в тех же горах высек на диво миру огромнейших размеров тысячепудовую вазу из яшмы и, подстилая под оную деревянные помосты, за три с небольшим года укатил ее в Париж; получив же на Парижской всемирной выставке золотую медаль, тем же способом доставил непревзойденное это произведение искусства обратно в Россию, в Санкт-Петербург, в царский дворец, именуемый Зимним.

Собственный музей учредил город». Обращает на себя внимание контраст коннотативных сем в глаголах укатить-доставить при нейтрализации в тексте их денотативных, родо-видовых отношений. Следовательно, анализируемые фрагменты обнаруживают и еще один тип текстовых связей слов:

5) Текстовое изменение типа лексической парадигмы на базе перестройки семного состава ее членов.

Выход в пределы высказывания, текстового фрагмента, дискурса предполагает возможность систематизации текстовых связей слов с учетом влияния синтаксических отношений на эти связи ввиду их совместного приспособления к общей денотативной ситуации, к выполнению общей коммуникативной программы. Важным условием текстуальной адаптации лексического значения слова, создания текстовых парадигм выступает расположение входящих в них слов в контактных синтаксических позициях смежных предложений-высказываний, частей одного сложного или осложненного предложения, в пределах словосочетаний.

Так, сема «нежность», «ласка» не входит в структуру семемы слова любовь и его производных. Однако эти семы, будучи потенциальными, имеют сильно вероятностный для этого слова характер, что проявляется во включении слова любовь в толкование лексических значений слов нежность и ласка (МАС). Ср. актуализацию указанных сем у слов любовь, любить с ограничением семного наполнения текстовых словозначений по отношению к соответствующим языковым в миниатюре М. Пришвина «Животные», название которой объясняет

именно данный путь модификации семного потенциала в указанных выше первых двух синтаксических позициях:

«Все бранятся зверем, хуже нет, когда скажут: «вот настоящий зверь». А между тем у зверей этих хранится бездонный запас нежности. Сколько заложено в природе любви – можно видеть, когда дети зверей разлучаются с родной матерью и на место родной становится чужая. Маленького слепого лисенка вынули из норы, дали воспитывать молочной кошке, и она вслепую любила его, и он ласкался к ней, как к родной матери». Таким образом, закон семного согласования охватывает не только явления синтагматики, включая и текстовую, но и явления парадигматики и эпидигматики – вслепую (ср. слепой лисенок).

Ср. в том же фрагменте переключку сем прямого и переносного значений в слове зверь, употребленном в сходных синтагматических позициях, взаимоисключающих семы прилагательных родной-чужой в приведенном фрагменте и далее: «Окотилась кошка, котят забросила, другая вскоре окотилась, в том же лукошке ей оставили одного. Тогда обе кошки стали кормить одного котенка: родная уйдет, лезет в лукошко чужая, как будто в молоке ее заключается повелительная сила, которая все чужое роднит». В рамках последнего словосочетания на уровень производного глагола переводится словосочетание «делать родным», имплицитное сему переносного значения прилагательного «дорогой, близкий».

Степень близости животного к человеку подчеркивается меньшей степенью модификации значения слов, определяющих повадки, желания животного: «Напротив, собака видит в нас высшее существо и старается заслужить нашу любовь и уважение». «Интеллектуальное превосходство собаки, ее «очеловеченность» ведут к поддержанию в слове любовь сем «чувство», «глубокой», «привязанности» с помощью помещения его в однородный ряд со словом уважение и соседства с определением «нашу», сема «к чему» погашается, «к кому» – нейтрализуется.

Для взаимной адаптации лексико-синтаксических средств к текстовому заданию важны не только контактные синтаксические позиции, но и структурно-семантические отношения в словосочетании. Это особенно очевидно в текстовом фрагменте, содержащем разные словосочетания с одним словом и сходные словосочетания с разными словами: «Мечта Жульки. Жулька сначала идет по следу, а когда потеряет, ведет по мечте. И все поле переходит в мечте. Метель в поле страшная, наст, однако в лесу от собаки не проваливается. Сквозь метель Жулька увидела летящую птичку и со всех ног во все тяжкие бросилась за ней по насту. Она догнала, схватила, но это не птичка, а старый сухой дубовый лист. Но ничего! Вот другой летит, и собака уже не бежит за

ним. Так и мы тоже за мечтой своей, как за птичкой, а потом научаемся мечтой своей управлять и свою птичку не смешивать с каким-нибудь сухим листиком». В первом словосочетании «мечта Жульки» сема «желание» системного значения модифицируется как «потребность», «инстинкт». Семы «образа действия», «ориентира», органичные для существительного в сочетании идти по следу, иррадируют в словосочетание сходной структуры ведет по мечте. Любопытно в этом смысле семное согласование по слабо вероятностной для глагола переходить семе «состояние», трансформирующей следующее системно-языковое значение слова мечта: «2. Процесс создания в воображении к.-л. образов, представляемых как существующие». Во всех этих случаях отчетливо влияние семантики и структуры словосочетания на семное наполнение зависимого члена в тексте.

Однородный ряд как синтаксическая категория создает свои возможности текстовых связей слов, не одинаковых для разных частей речи. Приведем несколько высказываний из описания грозы у П. Проскурина («Судьба»): «...зной становился нестерпимым, жгучим... по земле, по скошенным лугам, по полям колосающейся мягкой озими непрерывно идет ветерок... луга пустеют, все бросаются к шалашам, под кусты, под стога и копны... Гроза проходит так же быстро, как и возникает; на земле остаются солнечные лужи, и люди отдыхают, ждут, пока просохнет земля и сено». Между прилагательными первого ряда устанавливаются пояснительные отношения с оттенком причинно-следственных, во втором однородном ряду существительные объединены не только семой «часть земного покрытия», но и наведенной текстовой ситуацией семой «место действия» (идет ветерок). В третьем ряду наводится сема «место укрытия», в четвертом ряду глаголы (если признавать их однородными сказуемыми) противопоставлены по семам «начало» – «конец» действия, сема «скорости», факультативная для глагола проходить, наводится отождествительной конструкцией. В пятом ряду связь глаголов носит причинно-следственный характер, хотя названные семы не входят в структуру лексических значений данных глаголов, однако и не противоречат им. Наконец, в последнем ряду наводятся семы «грязный», «мокрый», «препятствующий работе». Таким образом, сено в тексте – это не только «скошенная и высушенная трава, идущая на корм скоту», но и объект труда, требующий восстановления своих качеств. Сема функциональной пригодности погашена и в текстовом значении слова земля. Взаимозависимость лексических связей слов в тексте и их синтаксического назначения представляется еще более очевидной, если иметь в виду под синтаксисом не только синтаксическую структуру, но и синтаксическую семантику, абстрагируемую от лексической. Очень часто она дает себя почувствовать в таком текстовом явлении, как перевод

синтаксических структур производящего на уровень производного слова, явлении своеобразного эллипсиса, результате свертывания исходной синтаксической структуры. Известно, что текстовая интеграция рождается на базе взаимодействия единиц и категорий разного языкового уровня, но удельный вес, статус каждого из них в каждом конкретном тексте неодинаков. Та роль в текстовой повторной номинации, которая принадлежит лексическим средствам, очевидна и лежит на поверхности. Тем большее внимание привлекают случаи конкуренции в установлении внутритекстовых отношений со стороны морфологических средств в случае их предельной выразительности. С такой выразительностью форм глагольного времени мы встречаемся в эпизоде повести В. Тендрякова «Весенние перевертыши», где Дюшка «увидел» время, обнаружил следы его движения: «Время! Оно крадется... Беззвучно течет по улице время, меняет все вокруг... Течет время, рождаются и умирают деревья, рождаются и умирают люди. Из глубокой древности, из близких далей к этой вот минуте – течет, подхватывает Дюшку, несет его дальше, куда-то в щемящую бесконечность... Течет время...» Это заключительная часть эпизода, фиксирующая момент открытия истины, перехода от частных наблюдений к обобщению, активная роль в изображении этого момента принадлежит смене актуального настоящего настоящим абстрактным у избранных глаголов. Уровню «эмпирического» наблюдения Дюшки, кануна прозрения соответствует отбор широкого круга видовременных значений глаголов, передающих идею изменения в окружающей среде (скрытое семантическое согласование со словом время в его философском значении по семе «движение»). В первом абзаце эпизода: «что-то живет на пустой улице... Что-то есть, что-то заполняющее все, – невидимое, неслышимое, крадущееся по поселку мимо Дюшки. И оно всегда, всегда было и никто никогда не замечал его». Во втором абзаце подключается форма будущего совершенного со значением обязательного и ожидаемого действия: «Дюшка стоял, затаив дыхание, боясь спугнуть свое хрупкое неведение. Вот-вот – и откроется». В третьем абзаце прошедшее имперфектное сменяется прошедшим перфективным и затем настоящим актуального действия: «Вчера этой дымки не было – ночью распустились почки. Что-то тут, рядом, а не дается». Далее идея течения времени передается нагнетанием форм прошедшего совершенного с начинательным или результативным значением: «грачи... взлетели, заколотился звук работающего мотора, грачи... растаяли в небе, прокатил лесовоз... скрылся за домами. И он (звук мотора) исчез... Улица та же, но и не та – изменилась». Наконец, диалектика прошедшего и будущего, постигнутая Дюшкой, раскрывается в чередовании форм прошедшего совершенного и будущего ближайшего: «Хлопнула где-то дверь, кто-то из людей вышел из своего дома.

Скоро появится много прохожих. И улица снова изменится. Скоро, пройдет немного времени...

И Дюшка задохнулся – он понял! Он открыл! Сам того не желая, он назвал в мыслях то невидимое и неслышимое, крадущееся мимо: «Пройдет немного времени...»

Как видно из анализа, в эпизоде преобладают акциональные глаголы, семантика которых непосредственно согласуется с идеей «бега времени», их отбор тематически оправдан; но не менее значима и семантика грамматического времени. Данный текстовый фрагмент иллюстрирует совмещение разных способов языковой интерпретации общей идеи, обнаруживая возможность систематизации текстовых связей слов по принципу семантического поля.

Так, идея времени, помимо указанных способов обнаружения, находит языковую экспликацию в активном включении временных наречий и их эквивалентов (всегда, никогда, вот-вот, вчера, ночью, долго, сейчас, скоро, давным-давно, к этой минуте, дальше, в бесконечность»).

Неосвязаемость времени, трудность квалификации этого явления объясняет наличие разноуровневых средств с семантикой таинственности, неопределенности: что-то (с неоднократным повтором), невидимое, неслышимое, крадущееся, хрупкое неведение, тайна, не подвластная никому, не дается, следы (времени), его шевеление, беззвучно, безликие дали, великое. Ср. также противительные конструкции: «что-то тут, рядом, а не дается» (Улица та же, но и не та – изменилась). Способом поддержания внутритекстовых связей слов на композиционно-речевой основе выступает абзацное членение текста. Так, реализации отмеченных выше типов текстовых связей слов у С. Залыгина сопутствовало вынесение наиболее значимых их употреблений в композиционно отмеченные позиции – абзацную фразу, начало или конец абзаца. Столь же активна роль абзацного членения в установлении текстовых связей ключевого слова повести В. Тендрякова «Затмение». Семантическое наполнение темы раскрывается полностью с учетом роли данного слова как заглавного и композиционно значимого в позиции финала повести. Его использованием открывается начало и конец заключительной части повести: «Дома на кухонном столе лежал оторванный листок календаря – 29 ноября, пятница. Сегодня полное затмение луны...» (начало). «29 ноября, пятница. На земле дождь, а в небесах очередное событие..., над скоплением гиад, около звезды Альдебаран. Недостигаемо далека, как эта звезда, для меня Майя. А ее-то близость и делала мне близким весь мир, все человечество. Что же, жить удаленным от всех?..

Полное для меня затмение» (конец). Смысл заглавного слова не прояснен, нарочито неопределенен. Он предельно ясен и однозначен в типовом контексте

первого высказывания финала и начинает обрастать негативными коннотациями в ходе его развития: «Буду помнить этот проклятый день... Сейчас без пяти минут пять. Затмение уже началось. Дождь за темным окном, обложной дождь над городом. Где-то там, над дождем, в кажущемся соседстве с далекой звездой Альдебаран затемняется наш величественный спутник. Где-то взрываются светила, гибнут и рождаются миры... С затмения Луны у нас началось, затмением закончилось (об отношениях с любимой девушкой, с которой произошел разрыв. – *Н.С.*). А оказывается, эти затмения происходят куда чаще, чем я думал.

Да пусть всегда нисходит на меня твой свет! («высвечивается» второй план значения слова затмение за счет актуализации семы «отсутствие света» – *Н.С.*). Да будешь ты вечна...

Вечность оказалась смехотворно короткой – от одного затмения до другого» (возвращение к прямому плану).

Такой параллелизм значений продиктован параллельно идущим переживанием двух событий – земного, драматического, беспросветного, и космического, ассоциируемого в сознании героя с историей его драмы. Наконец, в заключительном высказывании слово реализует не только языковой семный арсенал переносного значения: «О временном помрачении сознания, потере способности правильно мыслить», но и наведенные семы «потерянность, одиночество, беспросветность».

Выделение композиционно-речевого аспекта как основания для систематизации текстовых связей слов не означает, как видно из анализа, его изоляции от других аспектов. Именно его взаимодействием с собственно языковыми аспектами (на уровне лексики и в ее межуровневых связях), обеспечивается интегративное начало текста.

Рассмотрим комплексное, совместное действие указанных оснований в систематизации текстовых связей слов в стихотворении К. Симонова «Словно смотришь в бинокль перевернутый...»

Говоря о композиционно-речевых формах систематизации текстовых связей, следует отметить организующую роль данной строки – она задает ключ к согласованию смыслов слов по семам: «величина, размер, пространство» (с последней ассоциативно связывается временная сема). По абстрактной семе «признак выше нормы» с ними связываются метафорические отношения слов в тексте, с отталкиванием от этих сем выстраиваются текстовые парадигмы, устанавливается речевая неоднозначность многих слов и выстраиваемого с их помощью образного содержания. Ср. сквозное присутствие этих сем, заданных зачином:

Все, что сзади осталось, уменьшено.

На вокзале, метелью подернутом,

Где-то плачет далекая женщина.

Снежный ком, обращенный в горошину, – (речевой контраст по семам большой–маленький – *Н.С.*)

Ее горе отсюда невидимо

Что-то очень большое и страшное,

На штыках принесенное временем,

Не дает нам увидеть вчерашнего – (здесь и далее: метафорические, узуальные и окказиональные наслоения на

пространственно – временные значения – *Н.С.*)

Нашим гневным сегодняшним зрением

Мы, пройдя через кровь и страдания,

Снова к прошлому взглядом приблизимся

Но на этом далеком свидании

До былой слепоты не унизимся

Слишком много друзей не докличется

Повидавшее смерть поколение,

И обратно не все увеличится

В нашем горем испытанном зрении – (речевая многозначность – *Н.С.*)

Тема «испытания временем», возможной в будущем переоценки ценностей обусловила значимость в организации текста не только лексических средств с временным значением, но и грамматических, в первую очередь форм глагольного времени, представленных в широком диапазоне и закономерном переходе от прошедшего к будущему. Раздумье о судьбе поколения, необходимость соотнесения прошлого, настоящего и будущего приводят к активному использованию причастий и причастных оборотов, деепричастий, позволяющих подразделять информацию на основную и дополнительную, фиксировать актуальные для настоящего результаты (ср. широкое использование с этой целью лаконичных, информационно насыщенных кратких форм страдательных причастий). Таким образом, средства создания пространственно-временного континуума, представляющие соответствующее семантическое поле, предельно разнообразны.

Наконец, ситуация, задаваемая зачином, организует межчастеречные связи слов по семе «способность к зрительному восприятию», взаимодействующей с другой – «способность к восприятию и оценке вообще». Ср.: смотришь (в бинокль перевернутый), (ее горе отсюда невидимо, жестокое (зрение) не дает нам (увидеть) вчерашнего), (нашим гневным сегодняшним) зрением, (снова к

прошлому (взглядом) приблизимся, но на этом далеком свидании (до былой (слепоты) не унизимся), повидавшее смерть поколение (в нашем горем испытанном) зрении. Таким образом, аксиологические, интеллектуально-оценочные (умозрительные) представления моделируются по типу зрительных, основанных на чувственном восприятии.

В) Интенции говорящего в речевых построениях.

Одно из перспективных направлений в современной лингвистике – изучение способов речевой реализации языка с учетом фактора говорящего, с акцентом на обусловленность, подготовленность воплощения авторских интенций, «линий речевого поведения» говорящих, которые, как указывал на это Л.В. Щерба, заложены в виде возможностей в языковом материале. Линии речевого поведения в указанной обусловленности четко проступают тогда, когда коммуникативные, прагматические характеристики элементов языковой системы становятся предметом внимания, обсуждения говорящего, т.е. предметом речевых оценок как своеобразной метаязыковой системы, вскрывающей динамические потенции языка. Динамика языковой системы в речевых оценках обнаруживает обе свои ипостаси: 1) функционирование, деятельность, 2) развитие – «возникновение, становление, эволюционирование, разрушение, преобразование».

Далеко не все ясно в общем положении о том, что в тексте проявляются потенциальные возможности языковых средств, если сами эти потенции – результат текстового употребления. Создается замкнутый круг, исключающий возможность развития языковой системы, составляющих ее элементов. Вместе с тем в языковых средствах есть момент предрасположения к выполнению тех или иных коммуникативных заданий, закрепленный традиционными их реализациями. Но языковые потенции предполагают и момент развития, апробации в новых ситуативно-речевых условиях с опорой на стабильные формально-содержательные признаки языковых единиц. Последствия их приспособления к новым коммуникативным условиям, нестандартным текстовым ситуациям неоднозначны для их системного статуса: в случае социализации новации переходят в разряд типовых, регулярных системных реализаций, в противном случае становятся единичными свидетельствами «недопорождения» системы, тех путей, направлений, общих ракурсов возможного ее развития, которые остались «невостребованными» данным языковым коллективом. Эти последствия обнаруживает текстовый аспект анализа речевых оценок.

Поскольку оценочность связана с квалификативной деятельностью человека, изучение речевых оценок выводит на одну из содержательных универсалий текста – лицо. Она обнаруживает себя в двух ведущих сферах

текстовой коммуникации: читатель–писатель и в коммуникации действующих лиц.

Речевые оценки способны выражать самые разнообразные интенции говорящего и почти всегда дают возможность посмотреть на языковое явление как бы под другим углом зрения, вскрыть его объемность, неоднозначность, коммуникативную многоплановость. Каким же целям служат речевые оценки в их текстовом применении?

1) Оценка пригодности языкового средства для выполнения ситуативного задания, его коммуникативной гибкости и приспособляемости. Оценки могут быть и положительными, и отрицательными. Ср.:

«— Между прочим, в русском языке для местоимения «я» даже специальные ловушки имеются. Вот, скажи, например, как будет от глагола «побеждать» будущее время первого лица единственного числа? — Нет. — Почему? Видимо, для того, чтобы во множественном числе этот глагол употребляли. Глядишь, оно и ближе к истине будет». (К. Симонов. Последнее лето). Оценке подвергаются не только формы словоизменения, сопрягаемые с текстовыми смыслами, но и звуковая сторона, значение, стилистические коннотации и т. д.: «Однажды Анна Ахматова обратила внимание на белого королевского пуделя, с которым я гулял.

— Как его зовут? — спросила она. — Ланн, — чуть робея, ответил я. — Ланн? Смотрите, какое удивительное имя. Ты знаешь, кого так звали? — Нет. — Одного из самых бесстрашных и знаменитых маршалов Наполеона. Он погиб на поле боя... Маршал Ланн.

...У Наполеона, — сказала Анна Андреевна, — было довольно много маршалов. В детстве я их всех знала, а сейчас в памяти осталось не так уж много: Бертье, Мюрат, Даву, Дарю, Ланн и еще несколько. Постепенно память сужает круг имен, — добавила она уже как бы и не мне. — Остаются самые близкие и самые звонкие. Вот Ланн — это действительно звонкое имя» (В. Амлинский. Оправдан будет каждый час). В поле речевой оценки попадает не только звуковой облик слова, но и тот культурно-исторический фон, который за ним стоит. Речевая оценка выявляет лингвистический вкус, способ поэтического видения слова во всем многообразии его ассоциативных связей. Фиксация внимания говорящего на экзотичности звучания может отображать один из этапов становления его речевого опыта: «В детстве меня удивило его казавшееся испанским имя как бы из сказки: Бонифатий... отец Бонифатий... Позднее я узнал, что это имя из русских святцев, просто не очень распространенное» (Там же).

Значимость этой оценки повышается тем, что она составляет отдельный абзац, предваряющий описание незаурядной личности — философа академика

Б.М. Кедрова, тем самым речевая оценка выступает своеобразной экспозицией в раскрытии микротемы. Ср. еще оценку звуковой стороны слова: «Парадные такты «Тангейзера», в одном названии которого было больше истинной музыки, чем во всей этой опере, некогда родившейся все в том же легендарном замке на вершине горы Варбург, где Лютер воевал с чертом...» (В. Катаев. Кубик).

Признание получают коннотации новизны, сопряженной со смысловой емкостью и выразительностью языковых средств, позволяющих точнее интерпретировать уже известные факты: «Странные отношения были у нас с этим Ботвалинским. Он смотрел на меня свысока, как на младшего, как на более слабого. Маленький ростом, он был не по годам плечист, голова круглая, крепкая, как ядро, мощная короткая шея «амбала». Конечно, слово это возникло позднее и вошло сейчас в обиход, но сегодня я вижу Ботика именно маленьким «амбалом». Речевая оценка требует дальнейшей мотивации, раскрытия, выполняя текстообразующую роль: «Он занимал особое положение в классе и в обществе: был самый сильный. Сила, как мы знаем, много значит, а в школе особенно, а в те годы, когда еще не знали новомодного каратэ, делающего хилека не только неприступным, но даже и опасным, в те годы голая сила да еще характер выдвигали человека в первый ряд, определяя его во многих отношениях хозяином положения» (В. Амлинский. Оправдан будет...). В этом фрагменте фиксируется семный состав значения закавыченного слова (ср. «голая сила») с включением отрицательных коннотаций. Не менее часто коммуникативные потенции языкового средства получают негативную оценку по самым разным мотивам. Так, говорящий отвергает принятые в языке мотивации слова для передачи собственного его осмысления, связанного со своеобразием взгляда на стоящие за словом реалии: «Неудачник – вовсе не от неудач: удачливый, счастливый человек может быть тоже неудачным. Неудачник – это особая мера, тип, мироощущение.

Моя неудача – не есть неудача, потому что я ощущаю большое, к которому должен пробиться в опыте долгой жизни. Это – мое испытание» (М. Пришвин. Незабудки). Момент психологической уязвимости подчеркнут текстовым сближением слов одного словообразовательного гнезда, не являющихся синонимами в системном измерении (неудачник – неудачный), установлением нестандартных семантических отношений между исходными паронимами (удачливый–неудачный) и разными по корню словами (неудача– испытание), последние сближаются общим смыслом: «то, что требует мобилизации душевных сил». Отсутствие позитивной программы, установки на преодоление неблагоприятно сложившихся обстоятельств, по мысли автора, и формируют тип неудачника. Речевая оценка вынесена в начало рассуждения, это основа развертывания и синтаксических отношений обусловленности и квалификации,

координирующих с лексическим отбором и межчастеречными отношениями слов в тексте.

Одно из проявлений негативных речевых оценок – языковая критика, критика нехватки ресурсов или указания на их неопределенность, недостаточность в описании конкретной ситуации, комментарии, поправки к существующему способу выражения, попытки «приладить» общее языковое значение к данному коммуникативному заданию или «подправить» форму. Ср.: «Двор у бабы Насти проходной. Но теперь надо писать: двор у бабы Насти был проходным. То есть проходным он остался, но по нему никто не проходит. Все боятся нового петуха бабы Насти. Говорят: этот петух хуже собаки». (В. Крупин. Петушина история). Указание на неадекватность значения слова ситуации создает интригующее начало юмористического рассказа. Иная установка – в научно-популярном тексте: «И конечно, каждая из них (хранительниц старины. – *Н.С.*) вносила в традиционный образ что-то свое, умножая тем самым многообразие (а точнее – «многобезобразия») нечистиков и немьтиков» (В.М. Мокиенко. Образы русской речи. – Об обозначениях нечистой силы). Там же предпринята попытка восполнить недостающее обозначение лица по одному из грамматических родов: «А в это время поэтессы, борясь против ангельской «бесполости», столь же решительно используют мифологические понятия, не боясь даже превратиться в оборотня (или в оборотню?)». Другая речевая оценка включает в себе жалобу на невозможность образования формы множественного числа: «Охраняем стоянку нашего знаменитого аэроплана-гиганта «Ильи Муромца». Впрочем, их не один, а два, но не знаю, как будет родительный падеж, множественное число: «Ильей Муровцев»? (В. Катаев. Юношеский роман). Конечно, ссылки на трудности выражения, обращение за «помощью» к читателю имеют целью установление контакта и привлечение его внимания к языковым особенностям.

Особенно активной речевой оценке подвергаются языковые средства, содержащие коннотативный компонент в значении, вплоть до отказа пользоваться этими средствами, не отвечающими авторским интенциям»: А где ваш королевский пудель? – Его нет. Он умер. О собаках не говорилось «умер». Это было слишком высоко для собак, для них было другое слово – «издох», но мне не хотелось произносить его в связи с моим покойным Ланном». (В. Амлинский. Оправдан будет каждый час). Или такое коннотативно-окрашенное средство при негативном к нему отношении используется в силу точности денотативного его компонента, а также за неимением лучшего: «И отец для меня не только мой отец, но часть поколения – говоря нелюбимым мной с детства языком учебников, его представитель». (Там же). Обычно коннотации обезличенности способа выражения, казенности, неуместной книжности

вызывают иронию и даже сарказм: «Выходя из музея, он выбросил уже теперь ненужный ему кубик с истраченными лампочками, и долго еще в цветнике возле фонтана валялась эта плексигласовая штучка с маленькой мертвой машинкой внутри, но с еще вполне целым зеркальным рефлектором, в фокусе которого, как в мертвом зрачке, может быть, навсегда остался нетленный отпечаток золотого венца вокруг прекрасного, хотя и невидимого, лица мертвой фракийской принцессы с зеркальными глазами, ждущей часа своего воскрешения, или, как теперь принято говорить научно, «эффекта присутствия». Воскрешение – это переход «эффекта отсутствия» в «эффект присутствия» (В. Катаев. Кубик). Экспрессия подчеркнута смакованием стилистически и хронологически отмеченного выражения, его вынесением в позицию конца текстового фрагмента, в абзацную фразу и многократным повторением в других участках текста. Ср. в иных текстах: «И никогда, никогда его более не встретил, потому что всюду тучею клубился военный люд, а в туче поди-ка отыщи, по-современному говоря, человекоединицу». (В. Астафьев. Макаронина). Или: «На суде они (подростки – *Н.С.*) уверяли, что «не хотели ничего такого». Что против него у них ничего не было, просто разозлились – зачем портит компанию, не хочет нормально «побалдеть» вместе со всеми? Вот и все. Ну побили немного, а потом даже дали воды. И больше ничего, никто не собирался его убивать. Ну, а то, что он получил инвалидность, это как-то само собой вышло. Слабенький он, видно... Ведь и били же не по-настоящему. Но, верно, чего-то недоглядели». И далее фрагмент завершается негативной оценкой разноплановых коннотативных средств, социально и функционально-стилистически ограниченных: «Интересно, что в их бедной, невыразительной речи, приправленной жаргоном, то и дело всплывали взрослые, казенноотписочные слова: «недоглядели», «не учли», что он «был такой слабак», но приняли меры, чтобы он «копыта не откинул» (В. Амлинский. Оправдан будет...). Речевая оценка развернута в отдельное, итоговое высказывание, это уже комментарий говорящего по поводу чужой манеры изъясняться, связанной с определенным возрастным и социально-психологическим статусом личности, манеры, имеющей, однако, объективную языковую базу и культивируемой в определенных коммуникативных ситуациях. В другом месте этой повести: «Ботик к тому же дружил с приклатненными огольцами, хвалился, что знает и настоящих «блатарей», недавно вернувшихся из мест не столь отдаленных. У них он и набрался разных словечек и изумлял иногда класс обращениями: «Ну что притихли, ложкомойники, мелкота фрайерская?» Уже здесь речевая оценка сочетается с задачами стилизации под речь персонажа, еще более отчетливо это сочетание в другом фрагменте того же текста: «На диктантах он всегда списывал у меня. Он не любил, видно, ни от

кого зависеть, поэтому списывать ему было противно, тем более втихаря, осторожничая, чтобы учительница не засекала. Он списывал, как говорили, внаглую, бесцеремонно, не таясь, повернувшись ко мне откровенно всем туловищем». Слова со сниженной коннотацией непринужденности, грубоватости (втихаря, засекала) в отличие от отстраненного «внаглую» введены в авторскую речь.

2) Многие из приведенных примеров наряду с общей оценкой коммуникативных качеств языковых средств служили и такой цели текстообразования, как выражение содержательно-концептуальной и содержательно-фактуальной текстовой информации. Категория информативности в текстах с речевыми оценками напрямую связана с текстовой категорией модальности. Рассмотрим в этом плане (как дань времени) роль иронической речевой оценки библейского способа выражения: «А церковь еще продолжала меня волновать всеми соблазнами пасхальной заутрени, бумажными цветами, кострами свечей, перевитых тончайшими сусальными парчовыми и глазетовыми ризами священнослужителей, резкими восклицаниями хора, восторгом воскресения того, кто «смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав...» И далее с абзаца идет ироническое снижение выс-пренной фразы с помощью «перевода» устарелого слова на общепонятный способ выражения: «Не знаю, даровал ли он живот, то есть жизнь, мертвому Стародубцу и тем солдатам, которые тогда ночью лежали на снегу в лужах крови...» (В. Катаев. Юношеский роман). Еще более откровенна роль речевой оценки в формировании названных тексто-вых категорий в следующем фрагменте: «Весной нас особенно тянуло из душных стен класса на улицу, на улку, на «брод»... Нет, не самый главный «брод», он был далеко, а на свой. Нашим «бродом» считалась Кировская.

Откуда взялось это дурацкое словечко «брод»? Причем тут Бродвей? Почему и до сих пор улицы главных городов называют ребята этим экзотическим названием? Бродвей, сверкающий рекламами, поражающий контрастами, удивляющий роскошью, убивающий нищетой, далекий и неизвестный, знакомый лишь по нескольким фильмам и по газетным статьям (все те же контрасты и прочее...)

Низкопоклонство? Нет, не думаю. Какое уж там низкопоклонство перед Городом Желтого Дьявола!

Еще со стихов Маяковского и очерка Горького было у нас к нему пренебрежение, смешанное с любопытством. Скорее всего – ирония по контрасту. В самых Малых Васюках был свой «брод», главная улица, разительно не похожая, прямо-таки противоположная настоящему «броду». Вот от контраста и возникло и привилось это странное название.

Итак, стайкой ходили мы по нашему «броду», по улице Кирова» (В. Амлинский. Оправдан будет...). Речевая оценка формирует релятивное, прерывающее фактуальную информацию отступление рассуждающего типа, она вклинивается в повествование, передает осмысление говорящим узуса, языкового вкуса эпохи, лингвострановедческих коннотаций, стоящих за словом. В речевых оценках отмечаются и осмысляются социально-групповые и культурно-территориальные различия в речевой манере говорящих: «Я понимал, что Подкладкин совсем не умеет выражать ясно и понятно свои мысли, и это меня мучило, раздражало. А самое главное, что слово «говорить» он произносил с ударением на втором «о», то есть «гово`рить», что воспринималось мною чуть ли не как издевательская насмешка» (В. Катаев. Юношеский роман). Такая острота восприятия естественна для гимназиста, будущего писателя. Ср. еще: «Скошенные загородные луга, пожелтевшие ивняки, побагровелые черемухи да кустарники, уютно опушившие старицу «Бейки, во дни гуляний, или, как их тут именовали, «питников» (надо понимать – пикников), загаживали, ближайшие деревья сжигали в кострах» (В. Астафьев. Печальный детектив). «Однако немцы создали для гор специальные формирования, которые задолго до нападения на Россию тренировались в австрийских Альпах. Не в силах обойтись без мещанского пышноцветия, одну из таких дивизий фашисты нарекли именем нежного цветка с высокогорного луга – «Эдельвейс» (Д. Холендро. Вся его жизнь). «Его ждал катер, обшитый серой броней, чтобы уплыть отсюда, или, как говорят моряки, уйти» (Д. Холендро. Там же).

«– Навострите, старшина, уши! Шибче!

А почему это вы, – спросил его старшина, – называете командиров, как по дворовой кличке? Здесь армия. Товарищ лейтенант! Товарищ старшина!

Э, для скорости, – тревожно отозвался Олифиренко» (Д. Холендро. Там же). Фиксируются и возрастные особенности осмысления речи: замена в детской речи согласования слов по смыслу (особенно абстрактных) сближениями по звучанию: «Еще моряк пел песню: «Любимый город в синей дымке тает, знакомый дом, зеленый сад и нежный взгляд...» Я слушал и почему-то понимал так: «Любимый город, синий дым Китая». (В. Крупин. Синий дым Китая). Вспомним осмысление ребенком строки «воспрянет род людской» в книге К.И. Чуковского «От двух до пяти» как «воз пряников в рот людской» в общем по тем же мотивам.

Скрытые речевые оценки обслуживают и полемические ситуации, нарочито сближая по смыслу и те слова, которые сближены в языковом сознании» говорящих на данном синхронном срезе лишь по форме. Попадая в пределы соседствующих высказываний, они приобретают больший

коммуникативный вес и текстообразующие потенции. Ср. создание положительных, противоречащих узусу оценочных коннотаций на этой основе у слова «обыватель»: «Я обыватель! Я бытую и понимаю свое бытие как культуру личных отношений к людям и вещам.

Непреренно к вещам, потому что человек, считающий грехом сорить на полу и топтать ногами частицы солнечной энергии, заключенной в крошках хлеба, несомненно, и к людям относится лучше, чем сорящий на пол, небрежный» (М. Пришвин. Незабудки). Речевой оценке может подвергаться и способ художественного выражения, на базе чего складывается оригинальная филологическая концепция: «Красный, белый, квадратный ужас – боже мой, кто это написал. Какой-нибудь декадент? Постимпрессионист? А определение душевного состояния геометричностью пропорций, жестами, красками: синие с желтыми полосками обои, узкий размер всего номера! Уж не абстракционизм ли это?

Я, конечно, не специалист, но с моей любительской точки зрения, Толстой, отрицавший всяческий модерн, в своих произведениях даже опередил в чем-то и Бодлера, и Верлена, и французскую живопись конца XIX и начала XX века, и дошедшего до кубизма Пикассо (квадратная комната, соотношение свечи и подсвечников, квадратный ужас)». (В. Катаев. Обоюдный старичок). Удивление, восхищение самобытностью неповторимого соединения слов в «Записках сумасшедшего» подчеркнута и препозицией этих словосочетаний (с повтором одного из них в конце абзаца), и междометием, и структурой риторического вопроса.

Информация, стоящая за речевой оценкой, не всегда поддается однозначной интерпретации, еще меньшей определенностью обладает речевая оценка по поводу другой речевой оценки, то есть речевая оценка «второго порядка». Ср., на пример: «О вживании слова набекрень в русский язык говорит и его переносное употребление у Тургенева: «Он иногда сам не знал, что такое говорил, и весь был, как говорится, набекрень, но все-таки слыл за весьма приятного собеседника» (Петушков). Это вводное «как говорится» – свидетельство определенной устойчивости и известности в речи прошлого века оборота быть набекрень – «быть не таким, как все, иметь странности, причуды, быть чудаковатым» (В.М. Мокиенко. Образы русской речи). Заметим, что эта же вводная конструкция – точнее, сам факт её введения, свидетельствует и об ограниченности его применения, в противном случае никакие комментарии не понадобились бы.

3) Речевые оценки как основа создания текстовых импликаций. Условия проявления текстовой импликации (в отличие от подтекста) ограничиваются изображенной в тексте ситуацией.

При таком подходе (концепция И.В. Арнольд) импликация – это не только дополнительный подразумеваемый смысл, вытекающий из взаимодействия соседствующих единиц текста, но не выражаемый ими вербально, эксплицитно, но и прием построения текста.

Внимание к способу выражения может диктоваться специальным употреблением слова, на базе которого возникают дополнительные текстовые осмысления общеупотребительного значения и его места в семантической структуре слова: «– У нее вульгарный пиелонефрит, – сказал Илья Давыдович. – Либо врожденный порок почки.

Внимание Вероники зацепилось за слово «вульгарный». Она думала, что вульгарными могут быть только люди, а не болезни. Как человек, работающий со словом, она отметила, что «вульгарный» – в прямом значении этого слова: примитивный, обычный. И значит, вульгарный человек – это человек обычный, ничем не примечательный». По данным современных толковых словарей, первичным, прямым выступает оценочное значение этого слова, а специальные употребления соотносятся с семантической зоной вторичного значения: вульгарный – «1. Пошлый, грубый. О человеке.

2. Упрощенный до крайности, до искажения смысла. Вульгарный материализм. Вульгарная (политическая) экономия. Лингв. Вульгарная латынь». Очевидно стремление углубить осмысление слова путем экспликации взаимосвязи его значений.

Привлекает внимание противопоставление номинаций одного и того же явления как проявление смены во времени общедоступных его оценок, смены жизненных ситуаций. Само это соотнесение ретро и современности создает возможность разной их имплицитивной квалификации адресатом: «Всю свою жизнь с молодости отец возился с такими, как он. Теперь их называют трудными. А тогда они назывались беспризорными». При явном противопоставлении (тогда – теперь) осязаемо и сближение текстовых смыслов, выражаемых прилагательными и по собственно языковым ассоциациям (беспризорный – безнадзорный, потому и трудный), и по причинам известной разобщенности детей и родителей в условиях урбанизации, сложностей современной писателю жизни. Ср. имплицитное сравнение в пользу современности: «Я уже говорил о гонениях на генетику, социологию, кибернетику, ощущалось давление и на педагогику, психологию, ощущалось, как слабые толчки в почве. Некоторые науки были запрещены в зародыше. А землетрясение разразилось именно в биологии.

Впрочем, когда оно разразилось, само слово «генетика» воспринималось как сомнительное». (В. Амлинский. *Оправдан будет...*). Здесь мы сталкиваемся с оценкой роли слова в передаче определенного социально-психологического

опыта, дискредитацией слова как обозначения чуждых, якобы лженаучных понятий. Отрицательные коннотации отражают заблуждения людей в поисках научной истины. Достаточно отметить тот положительный коннотационный ореол, который сейчас имеет это слово, обозначая один из передовых рубежей биологической науки. С другой стороны, речевые оценки, вводящие в ту систему культуры, в лоне которой возникло понятие и обозначающее его слово, связанное с личностными ожиданиями и намерениями исследователя, могут служить базой для передачи не предусмотренных в исходном обозначении авторских интенций. Это связано с диалогической природой понимания, которая предполагает постоянное наложение на сигналы, приходящие к нему (человеку как социальному существу – *Н.С.*) извне, какого-то собственного содержания, связанного с имеющимися у человека знаниями. Так, один из биологов прошлого отстаивал идею целенаправленного движения природы к созданию человека. Эта информация, с использованием речевой оценки, послужила основой создания текстовых импликаций в следующем фрагменте: «Все виды животных Рабине считал неудачными попытками сотворить человека. Не только обезьяны казались ему неудавшимися людьми, но и другие животные, даже собаки...

А пока мы ходим по зоопарку и смотрим на «неудавшихся людей», по определению Рабине. «Неудавшиеся люди» прыгают, скачут, тянут лапы, похожие на руки, сардонически хохочут, отворачиваются, бесстыдно выставляют красные блестящие зады. Ботик смеется. Он впервые в жизни в зоопарке. А я всякий раз с некоторой жутью отмечаю в их движениях, жестах, взглядах что-то пугающе похожее, словно они уловили самое жалкое, суетливое, животное-цепкое в нас и нам же это показывают. Своего рода комната смеха. Только зеркала раздвинуты не в пространстве, а во времени, в тысячелетиях. Тогда в зоопарке было меньше зверей, чем сейчас, но встречались замечательные, их сегодня редко где увидишь. Например, самые разумные из всех «неудавшихся человеков»: гориллы и шимпанзе» (Там же). Сигналы присутствия речевой оценки и импликации здесь разнообразны: вынесение высказывания с речевой оценкой в абзац, его начальную позицию, заковыченные слова, их многократный повтор, модифицированная цитация (в последнем высказывании).

С апелляцией к тем или иным качествам слова мы сталкиваемся и при необходимости скрыть за ним неприглядную сущность обозначаемых словом явлений. Так, при гротесковой манере изображения скрытая оценка тех или иных слабостей людей отчетливо просвечивает сквозь оценку языкового факта, несмотря на мнимые усилия автора замаскировать эту связь, возложив всю «вину» на слово: «Впрочем, дамы были вовсе не интересанки: виною всему

слово «миллионщик» – не сам миллионщик, а именно одно слово; ибо в одном звуке этого слова мимо всякого денежного мешка заключается что-то такое, которое действует на людей подлецов, и на людей ни се, ни то и на людей хороших, – словом, на всех действует» (Н.В. Гоголь. Мертвые души).

Текстовые импликации возникают на базе ассоциативной связи отрицательных коннотаций слова в определенном локально и социально ограниченном употреблении с комплексом его значений и оценок в общелитературном просторечии. Таково, например, употребление слов левый, левак, налево в следующей текстовой ситуации: «Левый жених.

Знакомый, избороздивший всю Арктику мореман, говорил мне, что левых от правых он отличит сразу.

– По какому признаку?

– По разговорам. Кто налево ходит, у нас их «леваками» зовут, выпьют рюмку, и пошло про барахло, да куда выгодней ходить, да какой язык, кроме английского, лучше учить. Ну, может, еще про баб поговорят. А мои трудяги, как выпьют, и все про работу и про работу. Еще выпьют, и опять про работу. А те все про тряпки. Зато, конечно, женам всего навезут» (В. Крупин. Левый жених). Ср. с широко распространенным «левый товар», а также с толкованиями родственных слов в словаре «Новые слова и значения». ЛЕВАК – О том, кто выполняет какую-либо работу или продает что-либо на сторону, «налево», с целью получения незаконного заработка (в просторечии). Введение в сферу сочетаемости прилагательного слова жених вызывает сатирический эффект, не поддающиеся однозначному определению ситуативные смыслы. Таким образом, пути создания текстовых импликаций на базе речевых оценок весьма разнообразны.

4) Речевая оценка как элемент языковой игры или мотив отказа от участия в ней. Речевая оценка и языковая игра сближаются вниманием к самой форме языкового выражения, свободой владения языковыми нормами, которая по выражению Л.В. Щербы, и дает возможность почувствовать всю прелесть мотивированных отступлений от нее; ярким проявлением личностного начала:

«– Паустовскому очень понравилось слово «шума». Так называют у нас, в Болгарии, осеннюю листву на деревьях. Константин Георгиевич даже несколько раз повторял вслух: «Шума; болгарская шума, шума» (В. Солоухин. Славянская тетрадь). Внимание писателя привлекла образная коннотация слова, основанная на звуковых впечатлениях, неожиданность мотивировки значения. Иногда контекст одновременно содержит указания и на речевую оценку, и на присутствие языковой игры: «– Что вы предлагаете? – задавал начальник отлитый в бронзе вопрос.

– Народ для нас или мы для народа? – Кредич уже стоял перед всеми. – Никто из нас жизни не знает, а в жизни, я иносказательно, часто где стол был яств, там гроб стоит. Безбрежность должна быть с рамками. Если наши интересы так узки, то нельзя их навязывать широте восприятия.

И еще многое в таком духе, балансируя на грани демагогии, взыскательности и игры, говорил Кредич». (В. Крупин. Эфирное время). В речи персонажа – ориентация на классическую фразу как образцовый способ выражения, в авторской речи – раскрытие целей языковой игры. Речевые оценки, будучи отправным моментом языковой игры, выступают и как средство речевой характеристики персонажа. В «Юношеском романе» В. Катаева на этом построен диалог молодого офицера, бравирующего своим превосходством, и нижнего чина, вынужденного доступными ему средствами отстаивать свое человеческое достоинство: «За домом, за огородом, в чистом поле стоял в картинной позе молоденький прапорщик, взводный офицер моей новой батареи Матюшенко, по виду ужасный тонняга, держа в одной руке стек, а в другой веревочную корду...

– Перед вами стоит животное под названием лошадь, – сказал он, показывая стеклом на лошадь. – Повторите.

– Лошадь, ваше благородие, – сказал я бодро.

– Хорошо. Наука о лошади называется гиппологией.

Повторите. Я повторил.

– Прекрасно. Вы делаете успехи. Теперь займемся наукой о лошади, то есть гиппологией. Итак. Э... лошадь, которую вы видите перед собой, разделяется на три части: перед, туловище и зад, называемый в обществе порядочных людей круп, – сказал профессорским голосом прапорщик Матюшенко и для большей наглядности обвел стеклом все три части лошади. – Повторите.

– Перед, туловище и зад, имеющий также название круп (выступает момент речевого соперничества, снимается высокий ореол названия и связанные с этим претензии на исключительность его употребления – *Н.С.*).

Прекрасно! – сказал прапорщик. – Перед лошади состоит из головы, туловище из туловища, а зад, который, как вы уже знаете, в приличном обществе принято называть круп, оканчивается так называемым хвостом...

Повторите.

– Голова, туловище и круп, оканчивающийся так называемым хвостом, – отчеканил я.

Прапорщик строго нахмурился, но не сумел сдержать мальчишеской улыбки и принял предложенную мною игру».

Сравним со случаем отказа от предложенной языковой игры:

«Сергей долго любовался на сапожки, потом пощелкал ногтем по стеклу прилавка и спросил весело:

- Это сколько же такие пипеточки стоят?
- Какие пипеточки? – не поняла продавщица.
- Да вот... Сапожки-то.
- Пипеточки какие-то... Шестьдесят пять рублей»

(В. Шукшин. Сапожки).

Не склонная к шуткам продавщица не уловила связи слов по форме и экспрессии (пинетки – пипетки и сапожки).

5) Сюжетообразующая функция речевых оценок. Она возникает на базе многообразных ассоциаций, вызываемых словом и дающих свободу сюжетного наполнения отдельных фрагментов текста. Именно так построены эссе, связанные со звуковой оболочкой слова «Брамбахер» у В. Катаева (Кубик). Сначала воспроизводится легенда, рассказывающая, как с этим звуком разлетелась вдребезги чернильница, брошенная в Варбурге Лютером в черта, затем дается описание пребывания в этом замке Л. Толстого: «Вот к каким открытиям привело слово «брамбахер», преследовавшее нас – и их – во все время, пока мы носились по рокадам Восточной Германии, по полям бывших и будущих войн». Далее идет размышление о связи слова с вещью: «Вокруг какой вещи свободно блуждало это мучительно привязавшееся к нам слово, как бы нарочно созданное для того, чтобы вселиться в грохот сраженья, а потом тревожно метаться в подавляющей мертвой тишине внезапно заключенного перемирия...

Не знаю, вокруг какого брошенного тела блуждало слово – Психея «брамбахер»... «Брамбахер преследует меня повсюду, как та оса, которая однажды решила меня во что бы то ни стало погубить». И далее идет эпизод о схватке с осой: «Звук раздавленной осы. Не более чем крошечный «брамбахер», ничем не лучше звука разбитой об стену чернильницы. Не более чем филологический эксперимент. Осип считал, что Лютер был плохой филолог, потому что вместо аргумента запустил чернильницей...» В следующих эссе слово – Психея обнаруживает себя в других извивах сюжета: «Все, кому не лень, посылают в мою душу, в мой мозг свои сигналы, свои категорические приказы, как бы управляя мною на расстоянии: все эти пульсары, туманности, астероиды, белые и красные карлики, солнечный ветер, магнитные поля, северные сияния, вся беззвучно гремящая вокруг меня бесконечная и безначальная Материя, весь этот космический «брамбахер»... Отлично ложилось оно на музыку, ненадолго поселилось в слове «Вагнер», сразу же одухотворив его... «Психея брамбахера», покинув милое тело Вагнера, уже металась...»

Предшествующий анализ речевых оценок показал, что элементы сюжетообразования были свойственны и другим речевым оценкам (ср. текстовые фрагменты, включающие наименования: Ланн, брод, генетика, неудавшиеся люди и др.). Вообще следует отметить склонность речевых оценок к совмещению двух и более своих функций и тем самым к расширению текстообразующих свойств. Интенции говорящего в речевых оценках имеют разную степень своей выраженности. Способами прямого выражения речевой оценки выступают любование языковым средством или отвержение его по разным мотивам, поправки к существующим нормам, перевод необычного средства на общедоступный способ выражения.

Способами непрямого выражения речевой оценки являются прямое и косвенное цитирование (сочувственное или полемически заостренное), закавыченность слова или выражения, указания на его неорганичность в лексиконе говорящего, на хронологическую или функционально-стилистическую отмеченность, наведение контекстных сем, двойная актуализация значений. Ср. реализацию этих способов в других примерах (дополнительно к приведенным выше): «В барском доме помещаются наши авиаторы, которых с легкой руки футуристов уже называют новым словом (неологизмом!) – летчики». (В. Катаев. Юношеский роман). Экспрессия достигается сопоставлением анахронизма с современным словом, указанием на источник появления последнего, использованием в скобках современного лингвистического термина для квалификации теперь уже не соответствующего ему языкового факта. Восклицательный знак передает удивление автора перед давностью описываемых событий, он заменяет целую авторскую ремарку типа: «подумать только».

Или: «На перекрестках военных дорог, в маленьком городке, в каком-то очередном учетно-распределительном, точнее сказать, военной бюрократией созданном подразделении, в туче народа, сортируемого по частям, готовящимся к отправке на фронт, кормили военных людей обедом, завтраком ли – не поймешь» (В. Астафьев. Макаронина). Отрицательно-оценочное местоимение какой-то относится не только к обозначению самого учреждения, но и к способу его названия, отсюда поправка «точнее сказать»; «Он приехал в Москву в числе большой группы журналистов радио, кино и телевидения из Ташкента после землетрясения. Какое-то время «трясуны», так они себя называли, держались вместе» (В. Крупин. Эфирное время). Здесь и закавыченность слова, и вводная конструкция как показатели ситуативного обозначения и языковой игры. «Интересно, что если в кровь нормального человека, пребывающего в нормальном настроении ввести адреналин, у него может появиться состояние тоски, печали. Недаром существует даже специальное выражение

«адреналиновая тоска» (Известия). Сейчас можно даже говорить об «адреналиновой тоске, страхе», поскольку эти отрицательные эмоции всегда связаны с повышением в крови содержания адреналина, воздействующего на мозг. (Советская Россия)». Эти примеры из словаря «Новые слова и значения» содержат и апелляцию к способу обозначения как фиксатору нового знания (ср. усилительную частицу даже), и закавыченность выражения – свидетельство его новизны, и указание на временные границы его возникновения (сейчас).

Таким образом, мы рассмотрели разные виды коммуникативной нагрузки, выполняемой речевыми оценками в передаче интенций говорящего, в организации текстовых фрагментов. Состав этих функций, видимо, не исчерпывается описанными и станет более обозримым с привлечением нового языкового материала.

Особый и недостаточно изученный аспект оценочного отношения к языковым средствам – своеобразный «лингвоцентризм», текстовая направленность отбора языковых средств, ракурсы их рассмотрения в отдельно взятом произведении автора и в его творчестве в целом. Большое разнообразие таких средств, подвергшихся оценке, и их функций обнаруживает, например, произведение В. Белова «Все впереди». Злободневный его характер, проблемность изображаемых ситуаций постоянно дают себя почувствовать в речевых оценках, выступающих и в авторской речи, и в речи персонажей, и в несобственно прямой речи. В большинстве случаев оценки – негативные: «Иванов провел очередную летучку-планерку-оперативку-пятиминутку (термины снашивались, как медные пятаки) и распорядился, чтобы профессора перевели в пятую». В прямой речи того же персонажа – нарколога Иванова: «Каждый прячется за спины других, никто не хочет ответственности. «Я за это не отвечаю!». «Это я не курирую!» Словечко-то какво! Ку-ри-рую». Наукообразие и далее служит предметом насмешки персонажа: «Да, Медведев прав: нравственный, может быть даже и социальный, дискомфорт (надо же придумать словечко) был в явной зависимости от этих неуправляемых городских пространств! Наверное, чем больше людей на единицу пространства, чем теснее они живут в физическом смысле, тем сильнее отчужденность».

Апелляция к слову как выразителю определенных общественных явлений, социально-психологических сдвигов свойственна главным героям повести: «Медведев терпеть не мог сокращенных названий. Он говорил, что аббревиатура не напрасно рифмуется с халтурой, что ей всегда сопутствует лень, бездарность, бестолковщина и обман, что сокращенные названия повсюду лишь прикрывают жалкую посредственность. По его мнению, полнокровными словами выражаются полнокровные и явления, а выхолощенный язык превосходно отражает дурные свойства самой жизни. Этому рассуждению

предшествует история названия нового аппарата – «Аксютка»: «Руководитель в разгар рабочего времени смаковал Мусоргского, а это означало появление какой-то пусть не гениальной, но всегда новой идеи, годящейся в приданое для «Аксютки».

Начальные буквы длинного, тоскливо-бюрократического названия довольно сносно напоминали старинное женское имя. Грузь не замедлил с преобразованием, и вот родилась «Аксютка», которую уже много месяцев воспитывала в своем духе вся группа» (здесь, несомненно, присутствует и элемент занимательности, языковой игры). Изображение судеб идей, ценностей через судьбы их обозначений представлено и в следующем фрагменте: «Белая лошадь стояла в глазах. Белая лошадь расплывается в сером тумане! Он, жаждущий справедливости Иванов, слышал ее ночной топот и ржанье. Она ржала, когда останавливалась, эта Белая лошадь. «Ржала, ржать». Слово утратило свою первоначальную чистоту, оно стало выражением цинизма. Неужели дурная судьба преследует даже слова?»

Однако герои В. Белова склонны не только к оценкам негативного плана, но и к языковому творчеству. Оно проявляется и в удачных с точки зрения их создателя метафорических сочетаниях: «Кому-то позарез нужна нравственная анестезия (Иванов считал себя изобретателем этого термина)», и в своеобразном видении языкового факта, и в случаях языковой игры. Ср., например, наблюдения над свободой номинации разговорной речи: «Та весна пахла не только акацией. Запах все еще холодной воды долетел от Москвы-реки вместе с теплыми вздохами ветра, когда они с Любой, качаясь в люльке, медленно, во много приемов, поднимались над парком, пока колесо обозрения не загрузили полностью. Кабинка, люлька, вагончик, зыбка, гандола, качалка – всяк называл по-своему это сооружение...» Или культурно-речевую оценку орфографических нарушений в характеристике сразу трех персонажей: «– ...А этот... ваш Бриш. Он и сейчас на тебя поглядывает, глазки масляные. Они что, и в институте вместе?

– С Мишей? Нет, только в школе... – Люба задумалась. – И то с восьмого, кажется. Миша еще фамилию свою писал на женский лад.

– Как это?

– Ну, с мягким знаком! – Любе стало смешно и от забытой школьной детали, и от того, что Наталья ничего не понимает в орфографии».

В поле оценки попадают хронологически и социально отмеченные средства, создавая стилистическое разнообразие и эмоциональный фон повествования: «Благоухающий, как говорилось в старое время, пышный букет сирени и роскошный настенный календарь, изданный фирмой «Элорг», совсем бы допекли посетителя, если б не запахи вездесущей хлорки, проникающие в

кабинет из больничного коридора» (ср. коми-чешское соседство высоких слов положительной оценки благоухающий, роскошный и сниженного допекли, вездесущий). Или: «Пруд был, а шашлычной не было. Лебеди плавали в одиночестве.

– Мы не перепутали пруды? Иной раз моря перепутаешь, и то не так обидно, – грустно сказал Зуев.

– Ты что, всерьез?

– Что?

– Насчет морей.

– Бывает! Как говорят чалдоны. Все бывает. Там же темно, ничего не видеть! – весело болтал Зуев» (последняя реплика автора объясняет мотивы языковой игры и использования диалектной формы как ее средства).

Средствами языковой игры выступают также цитация крылатых выражений, произвольная этимологизация. Ср. соответственно: «Еще в первой половине дня нарколог покинул свое, как он про себя выражался, богоугодное заведение» и «С тех пор Грузь никогда не курил. Однажды одна из сотрудниц всерьез обиделась на него: «Вам не стыдно, Евгений Мартынович? Вы второй раз обозвали нас курицами». – «Это не имеет к сельскому хозяйству никакого отношения, – ответил он. – Курица – значит курящая женщина».

Итак, каковы бы ни были разновидности речевых оценок, способы их введения для выражения авторских интенций, то есть направленности на разрешение определенного коммуникативного задания, их основа и производимый эффект являются семантическими. Даже формальные свойства слов, их форм и сочетаний слов, отражаемые в речевых оценках, не безразличны для содержания.

ЛИТЕРАТУРА

ОСНОВНАЯ:

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования). – Л., 1981.
2. Арнольд И.В. Лексико-семантическое поле в языке и тематическая сетка текста // Текст как объект комплексного анализа в вузе. – Л., 1984.
3. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977.
4. Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. – М., 1980.
5. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981.

6. Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. – М., 1982.
7. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. – М., 1980.
8. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. – М., 1984.
9. Литвин Ф.А. Многозначность слова в языке и речи. – М., 1984.
- 10.Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. – М., 1983.
- 11.Одинцов В.В. Стилистика текста. – М., 1980.
- 12.Стернин И.А. Лексическое значение слова в коммуникативном аспекте. – Воронеж, 1985.
- 13.Стилистика русского языка. Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста. – М., 1987.
- 14.Узуальное и окказиональное в тексте художественного произведения. – Л., 1986.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ:

1. Арнольд И.В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания. 1982. № 4.
2. Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. – М., 1982.
3. Аспекты и приемы анализа текста художественного произведения. – Л., 1983.
4. Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. – М., 1980.
5. Гак В.Г. К эволюции способов речевой номинации // Вопросы языкознания. – 1985. № 4.
6. Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии. – М., 1985.
7. Девкин В.Д. Диалог. Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской. – М., 1981.
8. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 1982.
9. Каган М.С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). – М., 1974.
- 10.Король Т.В. О спонтанных речевых оценках. – Уч.зап. Латвийского университета. – Рига, 1971, т. 149.
- 11.Никитин М.В. Лексическое значение слова. – М.,1983.
- 12.Никитин М.В. Семантическая общность и семантическая деривация в лексике: новый взгляд на их типологию // Семантические категории языка и методы их изучения (Тезисы докладов), ч. 1. Уфа, 1985.
- 13.Солоник Н.В. Структура значения глагольных слов и их семантические связи. – Автореф. канд. дисс. – Л., 1983.

- 14.Сулименко Н.Е. Типы лексических значений признаков слов в современном русском языке. – Автореф дис. ... докт. филол. наук. – Л., 1983.
- 15.Уфимцева А.А. Семиологический принцип исследования лексики // Семантические категории...
- 16.Шварцкопф Б.С. Проблема индивидуальных и общественно-групповых оценок речи // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.
- 17.Шведова Н.Ю. Типы контекстов, конституирующих многоаспектное описание слова // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. XI виноградские чтения. – М., 1982.
- 18.Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. – М., 1957.

8. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ ТЕКСТА В ОНТОГЕНЕЗЕ

Идея гуманитарной сущности научного знания овладела сознанием специалистов разных областей науки; внимание к роли человеческого фактора характерно и для ведущих лингвистических исследований. Между тем, антропологические аспекты изучения языка, и особенно лексики, не получили достаточного освещения в учебной литературе.

Далее систематизируются взгляды и подходы, позволяющие проникнуть в способы организации лексической системы в ее ориентации на потребности речемыслительной деятельности и коммуникации ребёнка, а также на конкретном текстовом материале рассматриваются способы проявления личностного начала в семантике слова.

Соответственно раздел знакомит с возможными направлениями антропоцентрического анализа лексики, с лексическими проявлениями речемыслительной и коммуникативной деятельности в онтогенезе.

Таким образом, у читателей появится возможность проследить за динамическими процессами в лексике в различных условиях, соответствующих возможностям и потребностям человеческого мышления и коммуникации на ранних этапах языкового существования. Другие аспекты антропоцентрического изучения лексики изложены в [Сулименко 1994].

Логика развития науки такова, что время от времени в ней происходит смена научных парадигм. В настоящее время в лингвистике все большее распространение получает подход, согласно которому успешное моделирование языка возможно только в более широком контексте моделирования сознания.

С этим подходом связано пристальное внимание лингвистов к проблемам речемыслительной деятельности (С.Д. Кацнельсон, Е.С. Кубрякова, В.А. Звегинцев, В.Н. Сидоров, Г.В. Колшанский и др.), к проблемам языковой личности (Ю.Н. Караулов).

Дискутируется вопрос о соотношении мышления и знания, об отражении картины мира, фоновых, ситуативных знаний, информационного тезауруса в содержании лингвистических единиц и текстовых построений. Поскольку язык перестал рассматриваться только как конструкт, статичная схема, каким он представал в рамках структурального подхода, внимание к его динамике повлекло за собой необходимость учета в научных построениях реального субъекта речемыслительной деятельности – человека с его жизненным опытом, системой ценностей, коммуникативными потребностями, суммой знаний.

Наблюдения психологов и психолингвистов вносят дополнительную аргументацию в положение о включенности когнитивного компонента в

содержательную структуру языковой единицы. Так, А.А. Залевская, отмечая включенность слова в индивидуальном сознании в когнитивный контекст сложившейся у человека концептуальной системы и эмоциональный контекст, напоминает, что значение содержится не в слове, а в сознании идентифицирующего его индивида. В основе данного утверждения лежит представление о единстве психической сферы человека и положение о том, что мышление и знание вообще неотделимы друг от друга, что ум – это хорошо организованная система знаний.

Актуальна идея о переплетении лингвистических и энциклопедических знаний в общих схемах памяти, о вращении, новой информации в старую с опорой на импликации. И если считать аксиоматичным положение о связи языка и мышления, то естественно признание участия в формировании значения слова структуры знаний, информационного тезауруса человека как базы его речемыслительной деятельности. Непосредственной зоной соприкосновения этих двух типов знания и перехода знаний о мире в языковые выступают пресуппозиции. Не менее значимо для лингвистов положение о подобии вербальной и визуальной семантики на глубинном уровне, об образе как генетически первичной, "ядерной" структуре значения. В систему аргументации включено и положение современной логики о диалектике взаимоперехода понятия и суждения, благодаря которой понятие выступает как результат целостной совокупности суждений (потенциальная предикация как итог реальной предикации). Из динамики живой человеческой мысли выведен принцип сочетания осознаваемой и неосознаваемой психической деятельности, голографическая гипотеза хранения и свертывания информации. Ср.: "То, на чем фокусируется внимание, попадает в "окно сознания", оно объективируется посредством слова, в то время как составляющие фон связи учитываются на подсознательном уровне и могут в случае необходимости быть объективированными через перенесение фокуса или изменение "угла зрения" [Залевская 1986: 164].

Значимость экстралингвистических факторов в становлении языковых значений и их употреблений, понимание связи процессов человеческой памяти и тех, которые определяют производство и понимание языковых сообщений, отразились в методике привлечения планов, сценариев, фреймов для лингвистических целей. Это структуры знаний, которые представляют собой пакеты информации (хранимые в памяти или создаваемые в ней по мере надобности из содержащихся в памяти компонентов), которые обеспечивают удовлетворительную когнитивную обработку стандартных ситуаций.

Близость ролей фрейма, сценария и гнезда дескриптора "Русского семантического словаря" (РСС) ясна из предисловия к Словарю,

предоставляющего право пользующемуся им на понятийном входе (от дескриптора к слову) осуществить выбор и реализовать дальнейшие возможности системы, например, породить из словарной статьи связный и достаточно изотопный текст для характеристики соответствующего понятия.

Особый интерес представляет изучение возможности и степени предсказуемости появления новых связей и смыслов на базе предусмотренных словарем "контекстов ожидания", а также границ прогнозирования текстовой информации и мотивов, определяющих эти границы.

Лексическое обеспечение потребностей коммуникантов, естественно, отражается в лексической структуре высказывания и текста.

Принято различать функциональные потенции высказывания и его ингредиентов и их текстообразующую роль. Однако с коммуникативной точки зрения альтернативы в этих подходах нет, поскольку текстовая реализация выступает одновременно коммуникативным вкладом единицы в построение целого – коммуникативного блока, текстового фрагмента, макроструктуры текста.

Однако и в отмеченных, достаточно широких, ориентациях роль различных типов высказывания и его лексической структуры не выглядит однородной. Так, высказывания сентенционного характера, заглавия могут иметь более широкий радиус действия, быть теснее связаны с передачей содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информации, тогда как иные тяготеют к плану передачи содержательно-фактуальной информации и ограничены соответственно рамками определенной микротемы, текстового эпизода.

Естественно, что отмеченные тенденции не имеют абсолютного характера и могут варьировать в зависимости от функционально-стилевой направленности текста. Наблюдения над лексической структурой высказываний в текстах разной жанровой и стилевой приуроченности позволяют видеть широкий спектр текстообразующих функций высказываний. В художественном тексте это может быть использование ключевого слова и его распространителей, ассоциатов в коммуникативно значимых позициях, закреплённость за определенным кругом текстовых ситуаций (таковы, как было показано, высказывания со словом "затмение" в одноименной повести В. Тендрякова).

Коммуникативный вклад высказывания и его составляющих связан с типами повествования, отражающими авторское распределение информации на основную и дополнительную, определенную ее оранжировку (семантическое поле "жизнь-смерть" и его варьирование в тексте А. Платонова "Котлован", в высказываниях персонажей и авторском повествовании); коммуникативную

заданность высказываний с лексемами, обозначающими интеллектуальную деятельность, в "Собачьем сердце" М. Булгакова).

Коммуникативную перспективу может иметь ориентация на речевые образцы (прием сатирического изображения у В. Ерофеева ("Москва-Петушки")), включение образцовых высказываний как коммуникативного эталона в рассказах В. Крупина).

Чрезвычайной широтой отличается коммуникативная перспектива высказываний в газетно-публицистических текстах с частым выходом в область дискурсивных, межтекстовых и – шире – внетекстовых связей. Необходимость объяснения сущности происходящих социально-экономических перемен побуждает изыскивать такие способы "перевода" нового на привычный язык, которые активизируют мыслительные усилия адресата в постижении когнитивной сущности метафорического строя высказываний.

Обобщая, следует отметить неослабевающий интерес лингвистов к высказываниям, лексическая структура которых отличается свежестью и уникальностью ассоциативного строя. Одна из причин такого интереса в том, что ассоциирование элементов разных областей знания, создавая уникальность видения мира, вместе с тем помогает читателю ощутить то единство мира, которое только и может быть постигнуто через множество его интерпретаций и связанных с ними языковых воплощений.

Изучение текстовой деятельности, употребления языка приобретает особую значимость в свете представлений о речевой деятельности как разновидности человеческой коммуникации. Вместе с тем, анализ когнитивно – коммуникативной структуры текста открывает возможности для обогащения знаний о законах организации лексики языка как функциональной системы. Последнее связано со специализацией многих лексических средств (включая нейтральные) по различным сферам применения, соотношенным со сферами деятельности участников коммуникации, формами общественного сознания, типами мышления, предметно-тематическими областями знания. Исследование лексических группировок и их элементов в текстах различной типологической отнесенности помогает вскрыть когнитивно-коммуникативную предназначенность семантической системы словаря.

Один из подходов к изучению лексической системности в аспекте коммуникации – от идеографических подразделений, от общих концептов к их преломлению в текстах разных функциональных стилей и жанров. На этом пути возможности разработки коммуникативных основ расслоения словаря возрастают по мере углубления представлений об экстралингвистических основах стилеобразующих характеристик текста, привлечения междисциплинарных знаний.

В постижении гуманитарной сущности языкознания идеографические исследования и описания лексики на пути от концепта, понятия к слову сомкнулись с психолингвистическими, обращенными к разным уровням структуры сознания говорящего. "Четыре кита современной лингвистики" (Ю.Н. Караулов), синтезируя достижения разных исторических срезов и направлений лингвистической науки, предусматривают когнитивные и коммуникативные права участников речевой коммуникации, языковой личности. Объявлены приоритетными лингвистические теории, оцениваемые по критерию психологической реальности, соответствия законам речемыслительной деятельности.

Изучение природы языка в контексте природы человеческого сознания и общения, наблюдение над лексическим обеспечением речевой коммуникации, обобщение речевого опыта, представленного в текстах разной жанровой и стилевой отнесенности, проясняет представление о глубинных основах когнитивного и коммуникативно-прагматического устройства лексической системы языка, его детерминированности способами концептуализации, осмысления мира говорящими и системой коммуникации.

Положение о субъективной стороне познавательного процесса как обязательном компоненте субъектно-предикатной структуры предложения (А.Т. Кривоносов и др.) имеет далеко идущие последствия для лексической семантики. Если признавать понятие свернутым суждением, его превращенной формой, объективированной в лексическом значении слова, то и последнему нельзя отказывать в присутствии субъективного начала. Применительно к системе языка вся совокупность лексических значений предстает как отражение субъективной стороны познавательного процесса в форме усредненных знаний: представлений, оценок коллективного субъекта – носителя языка, его усредненного информационного тезауруса. С таким пониманием согласуется рассмотрение грамматики и словаря как того же консенсуса, согласия между людьми, но на более общем, обезличенном уровне (Д. Бикертон).

Это человеческое начало, присущее в общем виде и системе языка, связывает его статику с динамикой коммуникативной деятельности, с переходом от текста к дискурсу и дискурсивной семантике, от общего консенсуса к частным, индивидуальным, связанным с межличностным общением и рассчитанным на определенную модель адресата.

Очень удачная метафора для выражения возможностей слова в человеческом общении найдена писательницей Зоей Журавлевой: "Слову как таковому исконно присущ дебройлевский дуализм: частица – волна. Как частица слово являет себя в самом распространенном и до оскомины обычном

значении... Волновое поле вероятностных смыслов любого слова неисчерпаемо и безбрежно, слово – это пространство. А попробуй-ка овладеть пространством!

Чтобы овладеть даже одним-единственным словом, любимым, – требуется весь твой жизненный опыт, весь культурно-эмоциональный багаж, только тогда ты сможешь свободно купаться в волнах его смыслов, плавать в этой бездонности кролем, брассом, по-лягушачьи и лежать на спине, считая звезды, только так можно выразить мысль максимально эквивалентно мысли, остановить словом миг, накинуть лассо на чувство и бережно вытянуть это чувство из глубины себя, чтоб другие его ощутили..." (Роман с героем – конгруэнтно роман с собой) "Волновое поле вероятностных смыслов" показано с помощью сопряжения знаний из области квантовой механики, собственно лингвистики и практического опыта, ставших основанием речевой многоплановости слов "волна", "плавать", "купаться", "глубина", "бездонность" и др., ассоциативно сцепленных с ключевым словом текстовой парадигмы.

Коммуникативную готовность лексической системы обеспечивает ее полевое, ядерно-периферийное строение, охватывающее все ее составляющие: предельно общие объединения слов по категориально-грамматическим и субкатегориальным семам, по семантическим полям и частным группам в их пределах, по типам лексических значений как способу систематизации слов на комплексной основе; оно прослеживается в разбиении словарного массива по признакам хронологической, социально-территориальной, функционально-стилистической отмеченности – неотмеченности; полевое строение характеризует структуру полисеманта и отдельного лексического значения. Во всех своих ипостасях оно оказывается ориентированным на потребности познания и речевой коммуникации, обслуживающей человеческую деятельность первого порядка (практическую, познавательную, эстетическую, ценностно-ориентационную, регулирующую и т.д.).

Составляя основу линейного развертывания текста, ядерно-периферийное строение элементов и блоков системы словаря очерчивает границы того глобального образа, который может быть воспринят адресатом с опорой на его знание о мире и систему внутритекстовых связей. Возможности речевого варьирования во многом предопределены переходными и периферийными зонами на уровне слова в словаре.

Изучение коммуникативных аспектов лексического значения в его ядерно-периферийном расчленении связывается с двумя исходными постулатами: 1) представлением о реализации в тексте определенной концептуальной системы носителя языка, 2) признанием гибкого, подвижного характера лексического значения с заложенными в нем тенденциями преобразования. При динамическом подходе к фактам языка объективная реальность (включая

лингвистическую) предстает как совокупность не просто наличных фактов, но и тающихся в них возможностей.

Элементом концептуальной системы носителя языка выступает фрейм, он допускает свободу заполнения переменных терминалов в каждом конкретном случае, варианты речевых поступков языковой личности, альтернативы в реализации коммуникативных стратегий участников коммуникации.

Граница между ядром и периферией лексического значения вследствие связи с концептуальной системой субъекта подвижна, периферия лексического значения при его помещении в определенный контекст культуры может приобрести статус ядра, и подобные метаморфозы особенно очевидны в жанрах, ориентированных на средства массовой информации, отражающих процессы социальной ломки в обществе, практику реальной коммуникации. С актуализацией слабовероятностных сем связываются разножанровые образования, фиксируемые в словарных материалах "Новое в русской лексике", многие линии развития образной семантики в поэтической речи.

Особенно велика роль вероятностных сем (включая слабовероятностные, относимые к периферии лексического значения) в процессах интерпретации, понимания текста, предполагающего построение определенной модели ситуации, "образа" в широком смысле, вживание элементов новой информации в концептуальную систему адресата, преобразование его тезауруса, системы знаний, мнений, установок, ценностных ориентаций. Диалогичность процесса общения связана с множественностью, альтернативностью смыслов, стоящих за словом при его употреблении и восприятии, что становится одной из причин коммуникативных неудач в восприятии речевых сообщений.

Ассоциативное поле слова как отражение его коммуникативного потенциала, готовности участвовать в общении, в реализации разных способов мышления, связанных с разными стилевыми системами, допускает переход от конвенциональных, ближайших, сильновероятностных ассоциаций к дальнейшим, слабовероятностным, не попавшим в сферу усредненного знания (включая и лингвистическое), свойственным ограниченным группам коммуникантов или отдельным из них.

Такие дополнительные смыслы при определенной заданности могут устанавливаться даже в кругу слов местоименных, лишь примыкающих к основному объекту лексикологии – системе однозначных слов. В этом случае обыгрывается известная неопределенность их смысла, привязанность к конкретной ситуации для его раскрытия: "... должен сказать совершенно определенно, «что я ничего никогда не выдумываю. Я рассказываю о том, что сам видел своими глазами. Или слышал своими ушами. Или мне рассказывал кто-то, кому я очень доверяю. Или доверяю не очень. Или очень не доверяю. Во

всяком случае, то, что я пишу, всегда на чем-то основано. Иногда даже основано совсем ни на чём. Но каждый, кто хотя бы поверхностно знаком с теорией относительности, знает, что ничто есть разновидность нечто, а нечто это тоже что-то, из чего можно извлечь кое-что. Я думаю этого объяснения достаточно, чтобы вы отнеслись к моему рассказу с полным доверием" (В. Войнович. Москва 2042). Способом привлечения внимания читателя служит также языковая игра, основанная на экспликации отношений метонимии при использовании чужого для читателя слова: "Мы пили пиво из литровых кружек, которые здесь называются масс. Я, правда, не знаю, это сама кружка называется масс или порция пива, которая помещается в кружке. Впрочем, это неважно. Важно то, что мы сидели в пивной, пили пиво и говорили о чем попало" (Там же).

Появление ассоциативных признаков у слова в тексте (в отличие от системно-языковых) – это результат помещения его в иную систему – систему коммуникации. Вне этой системы, вне речи ассоциативные признаки находятся в подсознании. Актуализация ассоциативных признаков, имея коммуникативную природу, – сообщение нового, а не данного, выводит их из подсознания на уровень сознания, чтобы они могли быть эксплицированы языковыми средствами, только при этом условии они могут быть восприняты адресатом. Слово в коммуникации уже не просто номинативный (или указательный) знак, а знак, призванный выразить элементы ситуации, осмысленной говорящим, а следовательно, в какой-то мере выразитель суждения. Если вслед за Л.С. Выготским сравнивать мысль с нависшим облаком, проливающимся дождем слов, нужно признать, что каждая дождинка (слово) проливает "каплю, сгусток" мысли. Способами ее лексической объективации могут быть и сверхсловные номинации, и собственно лексемы. Приемы их текстового представления в выражении слабовероятностных ассоциаций предельно разнообразны. Во фрагменте повести В. Войновича "Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина" это указание на важность темы, стоящей за номинацией, ее социокультурные коннотации, текстовая семантизация нетривиального смысла по типу научной дефиниции, развернутое сравнение: "Поэту, который возьмется всесторонне воспеть нашу действительность, никак нельзя пройти мимо темы персональное дело. Персональное дело – это такое дело, когда большой коллектив людей собирается в кучу, чтоб в порядке внутривидовой борьбы удушить одного из себе подобных сдуру, по злобе или же просто так... Персональное дело – это как каменная лавина: если уж она на вас валится, вы можете объяснять ей все, что хотите, она пришибет". Объяснение для непосвящённых строится с использованием природной по своему источнику метафоры (каменная лавина) и

с опорой на конкретный образ рисуется неизбежная стихийность производимых лавиной катастроф, по аналогии с которыми осмысляются социальные явления. Не попадают в сферу общего консенсуса и те ассоциативные связи, которые служат целям сатирической гиперболизации в повести В. Ерофеева "Москва-Петушки". Описываются глаза любимой женщины: "белого цвета, переходящего в белесый", "невинные бельмы", "эта мутная, эта сучья белизна зрачков". О ней же: "бесстыжая царица с глазами, как облака" и т.д. И "дифирамб" "глазам народа" строится на столкновении высокого, патетического способа описания и сниженных лексических средств: "Зато у моего народа – какие глаза! Они постоянно навывкате, но никакого напряжения в них. Полное отсутствие всякого смысла – но зато какая мощь! (Какая духовная мощь!) Эти глаза не продадут. Не продадут и ничего не купят. В дни сомнений, во дни тягостных раздумий, в годину любых испытаний и бедствий – эти глаза не сморгнут. Им всё божья роса».

Средствами сатирического заострения здесь выступают интертекстуальные связи, нарочитая ориентация на литературные образцовые способы выражения, и на газетные штампы, и на речевую многозначность глаголов (продадут, купят, сморгнут), и на эмотивно и стилистически сниженный фразеологизм с его сознательной трансформацией.

Последовательное проведение антропоцентрического принципа в истолковании лексических явлений обнаруживает то единство системно-структурной, когнитивно-культурологической и коммуникативно-прагматической организации словаря, которое не является очевидным при других подходах. Словарь ориентирован не только на выполнение "стандартных" коммуникативных заданий, но и на поиск нестандартных ситуаций использования своих элементов, призванных обозначать не только целые классы однородных явлений с точки зрения коллективного субъекта, но и отдельных представителей этих классов с включением индивидуальных о них представлений, индивидуальных ассоциаций. Предрасположенность к объективации процесса и результатов познавательной деятельности субъекта, его меняющихся знаний о мире (действительном и. возможном) составляет смысл, способ существования и развития лексической системы языка, переводящей на уровень "консенсуса" наборы социально значимых, актуальных смыслов.

Познавательные операции во многом объясняют также существо и функции контекста как среды реального функционирования слова. Сравнение как одна из основных познавательных операций, как шаг в процессе понимания путем попарного сопоставления, определяющий правила вывода, участвует в формировании синтагматических отношений. Последние выступают как

результат сравнения по выбранным или заданным основаниям. В случае заданных оснований контекст выполняет воспроизводящую функцию, в случае же выбранных оснований функция контекста меняется, становится производящей, требуя большей творческой активности при употреблении и восприятии слова.

Изучение способов осмысления, концептуализации действительности и их представления в языке связано с теорией прототипов, прототипических моделей и ситуаций. В этих ориентациях, учитывающих субъективную сторону познавательного процесса, новое объяснение получают хорошо известные лексические явления: полисемия, иерархическая организация смысловой структуры слова, разнотипность его лексических значений. Основное значение предстает способом объективации прототипической ситуации, а прототипический эффект метонимических и метафорических значений возникает как следствие отклонения от прототипической ситуации, связанной со словом.

При восприятии понятийная система, обуславливающая понимание, осмысление текста, авторского замысла, "собирается" из текстовых смыслов и стоящих за ними языковых значений, и в этом отчетливо обнаруживается когнитивная предначертанность лексической семантики.

Она обуславливает использование различных лексических механизмов в процессах управления пониманием, изменения картины мира адресата: контекстного ограничения лексического значения, семного варьирования и его лексической актуализации, функций метафоры как средства внедрения своего способа концептуализации разных типов реальности, как способа порождения нового знания; риторики в демагогических целях, лексических средств прагматической аргументации, не всегда отвечающей требованию истинности.

Интегральные концепции языка и слова как основной его единицы, связанные с представлением о единстве психической сферы человека, разных сторон его субъективности, предполагают учёт не только междисциплинарных связей слова, единства разных видов информации, в нём отражаемое (кстати, поэтому единственной возможностью «перевода» продуктов других знаковых систем на универсальный код выступает естественный язык), но и внимание к процессам категоризации и концептуализации на межуровневой основе в самой системе языка, к многообразию аспектов лексического и – шире – языкового анализа.

Лингвистика стала частью науки о человеке, различные языковые аспекты его деятельности отразились в формировании многих ответвлений науки о языке. При этом различные дискурсивные практики словоупотребления служат общей цели жизнестроительства. По словам Д. Бикертонна, исследователи

биосемиотического направления показали, что информационные процессы составляют основу жизнедеятельности всего живого на Земле, что «предмет эволюционной лингвистики – когнитивно-коммуникативная деятельность человека» [Абиева 2009: 129]. Это тот фильтр, который объясняет возможности и направления употребления слова в разных видах дискурсивных практик, в разных стилях и жанрах речи. Они лишь в самом общем виде указаны в лексикографическом представлении слова. Видимо, с этой фильтрующей, регламентирующей функцией связана мысль психолингвистов, исследователей детской речи и лингвистов о том, что онтологически, на ранних стадиях говорения язык автоматически усваивается из окружения с помощью текстовых фрагментов (ср., например, концепцию языкового существования Б. Гаспарова).

Л. Витгенштейн в своём «Логико – философском трактате» [Витгенштейн 2009] говорит о языковых играх применительно к разным значениям многозначного слова в системе языка. Следовательно, сам термин «языковая игра» правомерно употреблять отнюдь не только по отношению к индивидуальной и групповой ЯЛ, но и в применении к типу этнической ЯЛ, представленной в своём образцовом, хотя и обезличенном виде прежде всего в грамматиках и словарях.

Признаковая природа имён прилагательных раскрывается во всей своей полноте лишь при рассмотрении их как слов со стороны лексической семантики. Эти слова не допускают жёсткого разграничения в объективации таких видов ментальных структур, как знание, мнение, оценка. Отмеченные особенности их содержательной стороны наиболее отчётливо выступают в языковых играх уже на уровне высшей лингвистической абстракции, усреднённого языкового тезауруса – на уровне слова в словаре (особенно если иметь в виду новообразования, представленные в неологических изданиях).

Ср. хотя бы некоторые новые значения имени прилагательного, отмечаемые словарём – справочником «Новые слова и значения» (по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века. Т.1: звёздный* – 1.Относящийся к звезде (знаменитости); принадлежащий, свойственный ей, 2. Состоящий из генералов (носящих крупные звёзды на погонах); являющийся Героем Советского Союза (носящим Золотую звезду Героя на груди), 6.Знаменательный, выдающийся в каком-либо отношении (перен.). Новации отчётливо выступают в словосочетаниях типа: региональные льготники, точечная застройка, точечный удар, гражданское общество и др. В них отчётлива связь с определёнными видами деятельности человека, определяющей предпочтительность значений в тех или иных сферах употребления, видах дискурса, особенно связанных с неофициальными сферами общения, располагающими к языковой игре. «Человек играющий» –

один из ведущих терминов синергетики вообще и лингвосинергетики – в частности.

В терминах синергетики прототип выступает своеобразным аттрактором, сдерживающим распад стоящего за словом и группировками слов концепта. Особенно отчётливо эта стабилизирующая функция эталона выступает в попытках создания художественного концепта как производного от культурного. Ср., например, название сборника произведений Ю. Полякова «Треугольная жизнь», название, требующее привлечения, активизации знаний читателя об устойчивом сочетании «любовный треугольник» и догадки о теме и возможной концепции автора. В толковании лексического значения представлен набор концептуальных признаков производящего, актуальных для производного. Так, неологический словарь-тридцатилетник толкует прилагательное челночный как связанный с повторяющимся, регулярным передвижением, перемещением кого-, чего-либо туда и обратно. Из того набора признаков, которые передают свойства челнока, выделенными сознанием, профилирующими для возникновения нового значения этого слова оказываются те из них, которые связаны с деятельностью человека. Ср. толкование в однолетнике «Новое в русской лексике-92»: связанный с деятельностью челноков. Ч.бизнес. Допустимо поэтому представить себе сочетание «челночный метод анализа», связанное с различными сферами деятельности людей, перемещением их фокуса внимания на различные аспекты, приёмы, способы этой деятельности, чем и характеризуются ментальные действия. Однолетник «Новое в русской лексике-93» приводит значение челночный – состоящий из челноков... но и мужчин в «челночном» сословии всё больше. (Нед. 25, с. 4). Здесь ещё один концептуальный признак определяемого, соотнесённый с новым значением слова челнок. Ср. дальнейшее развитие концепта, выступающее в возникновении очередного слова, сближенного по корню: дочелночный. Существовавший до появления челноков (мелких торговцев, ввозящих товар из-за рубежа) (в разг. речи).

Дискурсивный анализ текстов, в том числе и представленных в иллюстративном материале статьи толковых словарей, позволяет «распаковать» комплекс слоёв опыта, связанного с тем или иным словом и стоящим за ним концептом, показать их связь с различными дискурсивными практиками. Стало ясно (и это важно в исследованиях детской речи), что семантика лексических единиц может быть достаточно достоверно интерпретирована только при условии учёта процессов, происходящих на ментальном уровне, влияния различных когнитивных операций при её формировании. Среди ментальных репрезентаций наибольший радиус действия имеет пропозиция. Антиномия текста и кода также говорит о пропозиции как ведущей ментальной

репрезентации, получающей явную или скрытую языковую объективацию (в предложении-высказывании, в словосочетании, в слове). Не случайно в лингвистике утвердилась мысль, что синтаксическая объективация смысла предшествует лексической, а глубинная семантика проявляется в содержании единиц разных уровней. Концепт и ассоциируется с явлениями глубинной семантики. П.А. Флоренский уподоблял слово «свившемуся в комок предложению, а предложение – свободно распустившемуся слову» [Флоренский 1989: 127]. Изосемичность разных единиц языка (предложение выступает как сфера инобытия слова) проявляется в лексикографическом преломлении содержания слова в левой и правой частях словарной статьи, за которыми стоит общее концептуальное начало. Понятие «концепт» оказалось востребованным прежде всего ввиду поисков целостности ментального пространства языковой личности.

Аксиомы лингвосинергетики перекликаются с прозрениями русских философов начала 20 века. Так, С.Н. Булгаков замечал: «В нас говорит мир, вся вселенная, а не мы, звучит её голос. Слово космично в своём естестве, ибо принадлежит не сознанию только, где оно вспыхивает, но и бытию, и человек есть мировая арена, микрокосм, ибо в нём, и через него звучит мир, потому слово антропокосмично или, скажем точнее, антропологично (мирочеловек говорит слово)» [Булгаков 2008: 35]. Ср. ещё: «Слова как предикаты, как идеи, суть лучи умного мира, пробивающиеся через облачную атмосферу» [Там же: 111, 115].

В практике обучения языку и литературе в школе метафоре приписывается исключительно тропеическая функция, однако в исследованиях когнитивистов справедливо утверждается, что первичной для метафоры выступает её когнитивная функция (ср. характеристику подсознания в предыдущем тексте), без которой невозможно мышление человека, а тем более ребёнка с его образной доминантой мышления.

Приведём некоторые построения детской речи. Узуальные лексические парадигмы, например, наименования пищи для животных, создают базу для сказочного образа, содержащего фрагмент концептуальной картины мира ребенка: Я придумала рассказ. Встретился комбикорм с вискасом. Что ты, комбикорм, плачешь? – Как же мне не плакать? Всех цыплят сделали кошками, и я никому не нужен. Воображение как элемент когнитивной структуры и опирается на опыт ребенка, и служит средством расширения этого опыта. Эта особенность воображения фиксируются в детских высказываниях типа: 1) Смотрите, какая у нее антенна (о задней лапе кошки, которую она подняла при умывании. В другом случае о той же ситуации – «это не лапа, а леденец на палочке»); 2) (о перламутровом блюде с радужными разводами) Оно похоже

на пролитый бензин. Не менее важны для лексической интерпретации когнитивных и семантических процессов и другие особенности воображения, отмечаемые П.С. Выготским: "Эмоция обладает... способностью подбирать впечатления, мысли и образы, соответствующие этому чувству ... впечатления и образы, имеющие общий эмоциональный знак, т.е. производящие на нас сходное эмоциональное воздействие, имеют тенденцию объединяться между собой, несмотря на то, что никакой связи ни по сходству, ни по смежности между этими образами не существует налицо» [Выготский 1991: 14]. Очевидно, связь образного и словесного символического кода, кодовые переходы во внутренней речи лишней раз подчёркивают неизбежность интерпретационного момента в нашей ментально-лингвальной деятельности, невозможность абсолютизации референтного начала избираемых средств разных уровней системы языка и других знаковых систем в культурном пространстве.

В этом контексте когнитивное обоснование получает и концепция доречевого мышления, и образность как общая основа разных видов вербальной и невербальной деятельности (ср. определение её цели в педагогическом дискурсе как образа результата, а название одной из синтаксических конструкций – «именительный представления»).

Рассмотрим для сравнения пример построения «взрослой» речи: «материя – первична, дух – вторичен. Эту глупость так крепко вбили в наши головы, что всё иное казалось полным абсурдом. Нас вообще воспитывали в системе «или – или», хотя в мире уже веками существовало иное мирозерцание: «и – и». Теперь-то я начинаю понимать, что мир многокомпонентен, инвариантен, бесконечно-конечен, виртуально-реален, сжимающийся – расширяющийся, раздроблен и в то же время един, стабилен и переменчив в каждое мгновение своего вечного бытия... Случайность или какой-то закономерный тягучий процесс выдиранья себя из тины (о пути в цивилизацию – *Н.С.*)? Или лишь для того, чтобы выбравшись из грязи, снова и снова правили эти финансовые чёрные дыры – все эти олигархи. Мысль моя перебросилась на чёрные дыры вообще – космоса... эти дыры разрушают уже существующие миры... С этими чёрными дырами бороться невозможно... но наши-то земные чёрные дыры...? А чёрные дыры идей – расизма, национализма, религиозного фанатизма- как быть с этим?» [Николаев 2002]. Помимо специальных и общенаучных слов в тексте активно представлены когнитивные метафоры, оценочная лексика и слова-интенсификаторы, призванные убедить адресата в правоте автора текста. Основной способ донесения информации – использование сложных слов, часто с взаимодействующим значением их частей. Отношения «и-и» иллюстрируются и попарным соединением слов с противоположным значением. В текстовое ассоциативно-семантическое поле

ключевого слова мир входят номинации синергетических понятий (случайность), оно организуется многократным повтором устойчивого сочетания в его «космическом» и модифицированных значениях. Сигнал метафорического использования, модификации – необычная сочетаемость, эксплицирующая нетривиальные концептуальные признаки. Связь когнитивистики и лингвокультурологии, когнитивного и лингвокультурологического анализа слова объясняется тем, что в сознании осуществляется взаимодействие языка и культуры.

Следует говорить и о правомерности совмещения концептуального и компонентного анализа. О необходимости совмещения этих видов анализа с опорой на словарные дефиниции писали З.Д. Попова и И.А. Стернин, А.В. Рудакова [Рудакова 2004], А.П. Бабушкин [Бабушкин 1996: 31], В.А. Маслова [Маслова 2006: 44] и др. Ср. мнение В.Г. Гака: «Потенциальные семы могут быть реализованы в переносных значениях или оставаться как содержательная возможность, создавая смысловую глубину и смысловую перспективу слова» [Гак 1977: 15]. Смысл концептуального анализа в его отличии от компонентного усматривается в том, что второй ориентирован прежде всего на пассивную лексикологию, на путь от слова к идее.

Такие законы, как закон асимметричного дуализма языкового знака, связанный с системно-структурной парадигмой, подтверждаются и методикой концептуального и дискурсивного анализа, а также синергетическими представлениями о неустойчивости равновесия сложных, открытых, самоорганизующихся систем (известно, что синергетика – это дальнейшее развитие учения о системности сложных объектов). Концептуальный анализ помогает определить «статус мировоззренческих понятий в обыденном сознании» [Арутюнова 1998: 325]; «описывает и формализует интуитивные знания» [Чернейко 1995: 75]; он направлен «не на разъяснение внутренней структуры слова, а на получение информации об окружающей действительности» [Макеева 2009: 62]. Автор считает, что узувальные смысловые компоненты концепта в одном языке могут проявляться окказионально в текстовом материале не только этого языка, но и других языков.

Совмещение разных видов анализа при подходе к слову не означает их отождествления. Так, концепт в силу его ориентированности на ментальную структуру языковой личности, её тезаурусный уровень, предполагает обращение к разным типам языковой личности, включая индивидуальную, тогда как лексикосистемный анализ, в силу ориентации на принцип нормативности в языке и методику компонентного анализа с опорой на словарные дефиниции, связан прежде всего с усреднённой, «обезличенной»

языковой личностью и социальными стандартами, принятыми в данной культуре, в самом общем виде определяющими условия и нормы словоупотребления как отправной момент в лингвокреативной деятельности. Эти выводы подчёркивают значимость различия в лексическом анализе семантических, ассоциативных и текстовых ассоциативно-семантических полей и групп. Текстовая парадигма слов, объединённых общностью семы, текстовое ассоциативно-семантическое поле может высвечивать разные признаки художественного концепта, стоящего за словом. Сигналом подтекста как одного из видов информации может выступать нарочито неопределённая семантика используемого многозначного слова как следствие диффузности его значений, графически выделенные автором слова ввиду их объективирующей роли по отношению к одному концепту:

«Старуха была помешана, но безвредна. Взрослые говорили, что такой она вышла, но откуда и куда она вышла, мы не знали, понимая дело так, что такую уж она получилась» [Климонтович 2006]. Глагольные распространители сигнализируют о такой пропозиции, которая отнюдь не исключена для одного из смыслов, учитывая культурно-исторический контекст эпохи. Мнение же детей – персонажей повести, детское сознание ввиду дефицита знаний о нём, отражает иное значение слова. Ср. в МАС-2: выйти – «1. // перен. Покинуть что-л., прекратить своё пребывание где-либо. 6. Случиться, произойти». Используя приводимый В.В. Колесовым образ концепта как «сжатой в точку пружины смысла, зарядившего слово энергией развития», следовало бы отметить его синергетическую привлекательность, заключённую в идее концепта как саморазвивающейся системы, показанную на примере внутренней формы слов обаятельная, очаровательная, обворожительная (женщина). Внутренняя форма может быть утрачена в номинациях концепта, но сохраняется, как показано в [Макеева 2009], у членов номинативного поля этого концепта, подчёркивая устойчивость и значимость для языкового сознания дублируемых концептуальных признаков.

Лексические проявления речемыслительной и коммуникативной деятельности в онтогенезе

Особенности лексикона ребенка на начальном этапе формирования его речевой способности

«Детский идиолект» как предмет лингвистического изучения представляет интерес по ряду соображений: наблюдения над становлением речи ребенка проясняют не только особенности усвоения ребенком языковой системы, но и те собственно лингвистические барьеры, которые ему приходится преодолевать на пути овладения языковым механизмом. Тем самым создается возможность дополнительной характеристики устройства языковой системы, ее статических

и динамических свойств с опорой на функциональное ее своеобразие в рамках определенного социума и в речи индивидуума.

Давая общелингвистическое обоснование обращения к данным детской речи, Е.С. Кубрякова отмечает необходимость деятельностно-речевого подхода к ним: "... исследование коммуникативных намерений ребенка должно сыграть свою определенную роль при рассмотрении и решении всех поставленных здесь проблем: проблемы языковых функций, соотношения языка и мышления, проблемы ведущих процессов и механизмов в становлении речевой деятельности – номинации и синтаксиса и их взаимодействия при порождении речи" [Детская 1987: 14]. После активного "слогового периода" до года и на его пике у ребенка появляются первые слова. В речи Таи Б. примерно в одно время (от I года до I года 2-х месяцев) появились три слова: "баба", "буба" и "пуба". В основе их сближений не только фонетическое сходство, но и ассоциативные семантические связи: первым оказалось слово "баба" (видимо, потому, что в семье много бабушек), "буба" – имя одной из них (Люба), "пуба" – пуговица (крупная и яркая) на ее халате. Детская парадигма выстраивается и на основе родо-видовых связей, и на основе ассоциаций по пространственной смежности. Несколько позднее значение слова "баба" генерализуется, слово становится обозначением любого лица женского пола (включая восемнадцатилетнюю тетю). Оно же повторяется ребенком в припеве известной песни "Али-баба".

Этим, видимо, удовлетворяются коммуникативные потребности ребенка, потому что со словом "мама" он не спешит (хотя ухаживает за ним в основном мама).

Речевая коммуникация ребенка – превращенная форма речевой коммуникации взрослого, владеющего нормами языка, его системой, обусловленная как уровнем интеллектуального, психического развития ребенка, так и обязательностью его совместной деятельности со взрослым. Идиолект ребенка на каждом этапе его речемыслительной деятельности представляет собой не набор языковых фактов, случайный конгломерат средств выражения, а определенную индивидуальную речевую систему, в большей или меньшей мере приближенную к речевой системе взрослого человека. Ср.: "Ребенок, воспринимает звуковую сторону языка в отличие от взрослых образно, ищет связи между обозначаемым предметом и образом передающего этот предмет слова. Слово поначалу неотделимо для ребенка от предмета, "не отчуждено" от него, а есть часть предмета... Получается, что в глубине, в основе овладения звуковой стороной языка лежит принцип осмысления знака: ребенок усваивает лишь те различия звуков, которые влияют на значение слов, стремится наделить комплексы звуков значением и т.д." [Негневицкая, Шахнарович 1981: 24].

О том, что развитие звукового строя речи ребенка сопряжено с развитием его представлений о содержательной стороне слова, свидетельствует, например, и следующий факт. В полтора года у Таи появилось слово "мама", произносимое с усиленным проносом, свидетельствующим о новизне его в активном словаре ребенка (так иностранцы стараются на стадии освоения чужого языка быть сверхправильными в произношении его слов). Вслед за этим обнаружился процесс перераспределения смыслов, ранее закрепленных у ребенка за другими словами. Так, уточнился смысл слова "папа", поскольку оно перестало называть маму. Правда, Александр Невский на портрете (по признакам внешнего сходства, особенно наличия бороды) иногда еще продолжал именоваться папой. Зато "мама" стало обращением и к родной тете, которая ранее именовалась "бабой", соответственно уточнился для ребенка и ограничился (с включением семы возраста) смысл слова "баба". О том, что процесс постижения лексической стороны языка длительный, полный неверных решений с использованием метода проб и ошибок, в описанном случае свидетельствует тот факт, что одна "сверхгенерализация" сменилась другой.

Сложности языковой системы подстерегают ребенка при освоении всех ее уровней, включая лексический. При его освоении на ранних этапах речевого развития отмечается невычлененность слова из общей коммуникативной ситуации, синкретизм его смыслов, базирующийся на широком спектре ассоциативных связей, обилие сверхгенерализаций, обусловленность развития звукового строя речи формированием представлений о содержательной стороне слова.

Особая роль в постижении содержательной стороны слова отводится образному компоненту речемыслительной деятельности, он непосредственно отражает ситуацию с опорой на органы чувств человека как первичные анализаторы информации, поступающей из внешнего мира (образы зрительные, слуховые, осязательные, обонятельные, вкусовые). С образным компонентом связан субъективный, творческий момент усвоения языка, далекий от простого копирования речи взрослых: "наглядное представление как форма психического отражения является субъективным, а это значит, что оно является не пассивным, а активным, что в его определение входит человеческая жизнь, практика, что оно является движением постоянного переливания, "субъективного – в объективное" [Указ, выше соч.: 43]). Но сами представления проходят разные стадии абстрагирования от конкретной ситуации и ее частей, и лишь на достаточно высокой ступени обобщения представление становится базой для формирования понятия как обобщенного отражения наиболее значимых признаков предметов того или иного класса.

Характерно, что анализ процессов понимания в современной философии привел ученых к выводу о роли метафоры (которая всегда основана на образных представлениях) как стадии переработки новой информации, когда еще нет достаточно точного знания для формирования понятия, но уже есть представление о том, чем должно быть новое понятие и намечены его контуры.

Таким образом, генетическая первичность образа в формировании содержательной структуры слова и его первичность в формировании нового знания смыкаются ввиду опоры на общий психологический субстрат – систему анализаторов и явление синестезии, объясняющее возможность создания переносов наименования на основе ассоциативных связей, отражающих взаимодействие предметов, свойств, действий в объективной действительности, воспринимаемых человеком.

Стремление внести мотивацию ощущается и в сближениях слов по созвучию (комбифон – комбинезон с капюшоном, сябиги – сапог и беги), и в сложных видах ассоциативно – деривационных связей: Не надо кричать. Попроси спокойно (смотрит на телеэкран: "Спокойка", она же «бааай»). Сюда же можно отнести сверхгенерализации, связанные с исправлением слов, осмысленных как умеренно-ласкательные: Бабуха (подушка), сиха (шишка).
Случаи контаминации слов: Я поеду домой на тахти (тахта и такси).

Внесение мотивации наблюдается и в таком высказывании: "Мама дала мне одевашки". Отглагольное слово построено по продуктивной словообразовательной модели с учётом концептуального признака «предназначенности», «функции».

Диалогичность процесса понимания и общения, опора в связи с этим на полноценную, развернутую систему речевой коммуникации взрослых, устная, ситуативно закреплённая форма контактов дают возможность ребенку на первых порах обходиться минимумом лингвистических средств, широко прибегая к паралингвистическим: кивок головой в знак согласия или отрицания.

Взаимодействие системно-структурных и когнитивно-прагматических факторов в развитии детского лексикона

Хотя детская речь – специфическая область коммуникативной деятельности, она позволяет делать выводы не только об особенностях речемыслительной деятельности данного социума, но и об общих законах языка и мышления, механизмах понимания, ступенях становления языковой личности, ее картины мира, об этапах освоения системы языка. Все это обретает особый смысл в связи с включением человеческого измерения в лингвистические исследования, в связи с особым вниманием к когнитивным аспектам языка.

Базовым для анализа лингвистических явлений когнитивной ориентации выступает тезис о взаимосвязи лингвистических и внелингвистических знаний в схемах памяти человека, общенаучный тезис о включенности среды в системно-структурное описание объекта (включая лингвистический).

Лингвистически значимая когнитивная информация в речи ребенка может иметь явную и скрытую форму своего выражения. Первая представлена в метаязыке, в речевых оценках, вторая выводится из направленного диалога с учетом конкретной ситуации высказывания. Покажем это на примерах речи Таи Б.:

Я сейчас дождик прогоню... кш, кш.

А кого еще так прогоняют?

Собаку, кота, птичек.

Ответ обнаруживает незнание языковых конвенций, связанных со звукоподражанием. Об этом свидетельствует и другой случай, когда девочка с полным безразличием отнеслась к способу подзывания собаки другим ребенком: "ке-кс".

Нехватка жизненного опыта рождает на первый взгляд алогичные высказывания, утрирующие опасность в связи с акцентом взрослых на определенных, значимых для ребенка видах болезни: "Вот у меня будут прыщики, я стану старенькая и умру". Парадоксальным, порожденным несформированной системой ценностей выглядит и объяснение причин драки с подружкой: "Ты же сама говорила, что в комбинезоне нельзя с горки кататься, а она каталась".

Ограниченность и конкретность внеязыкового и языкового опыта ребенка рождает неразличение имен разных классов (собственных и нарицательных, вымышленных и реальных со смешением внутриклассовых подразделений), что проявляется и в речевых оценках типа: "Зачем дядю Петей зовут?" Для девочки петя – это только петух, живущий на даче, и персонаж детского фольклора. Ср.: "А в Сибири Бабы Яги водятся?" И форма множественного числа, и семантическое согласование с глаголом водятся свидетельствуют об идентификации сказочного персонажа с определенной породой лесных зверей (вопрос поставлен после прослушивания пластинки "Аленький цветочек", где Баба Яга "действует" в лесах и болотах вместе с Кикиморой и Лешим).

Известно, что информация, знания организуются вокруг некоторого концепта по типу сетей отношений с узлами-терминалами.

Детская речь делает наглядным процесс построения фрейма путем нащупывания его элементов методом проб и ошибок, перехода от переменных, случайных узлов (а часто и ошибочно вводимых в данный фрейм) к постоянным, обязательным для адекватной интерпретации смысла,

воспроизведения реальной ситуации. Фреймовый характер знаний, файл как единица лингвистического и информационного тезауруса личности с опорным словом – номинантом и ассоциатами к нему отчетливо обнаруживаются в лексических поисках ребенка, удавливающего подчас лишь какое-то общее основание образа, но не способного к нормативному заполнению файла. Зацепляются файлы, не имеющие в развитом языковом сознании точек соприкосновения или слишком отдаленные друг от друга. Так, ядерным в семантическом поле пища оказалось слово "аппетит", абстрактное, не проясненное в своей внутренней форме и требующее в детском сознании сближения хотя бы с созвучным словом "обед" и его "аксессуарами": "Будешь варить аппетит?" Или: "Ты устала, несла такой большой аппетит?" (кочан капусты). Общая ситуативная приуроченность слов "кушать" и "кусаться", сближенных и по звучанию, рождает причудливые, но стойкие фразы типа: "Крокодил кушается? А бегемот?" многочисленны случаи замены номинаций в пределах общего родового обозначения: (о подросших цыплятах) "Куры у вас уже большие". (Протягивает веточку) "Вот я нашла кустик".

Внимание к слову выявляют исправления речи взрослых. Бабушка: "Садись, я тебе налью каши". Почувствовав, что по поводу данной реалии глагол употреблен неточно, девочка исправляет в силу своих возможностей: "Кашу не наливают, а бросают". Не уловлены семы, дифференцирующие глаголы общей ЛСГ перемещения класть и бросать. Последний означает "взмахом заставлять лететь, падать что-либо, находящееся в руке (в руках)" (МАС). Родовая сема, объединяющая глаголы той же ЛСГ, дополненная общностью приставочной семы, породила и смешение глаголов впустить и всунуть: "А потом открыли окно и всунули кота". Ср. также "вольный" пересказ стихотворной строки "Вот так, вот так пляшет зайка гопак" как "зайка танцует гопак". Тонкие различия синонимичных слов АСС толкует следующим образом: "плясать – исполнять преимущественно народный танец, какую-либо пляску; слово часто употребляется для того, чтобы подчеркнуть живой, несдерживаемый, шумный и т.п. характер танца (танцев)". Такие дифференцировки еще недоступны трехлетнему ребенку.

По периферийным семам зацепляются файлы "размерных" прилагательных: "У бабы Риммы толстый (вместо широкий) диван". Не обнаруживают полного выпадения из фрейма сближения материала и изделия из него: "Вон там мама на бумажке (на портрете)", более конкретных и абстрактных значений полисеманта: (бабушка) "Лежи, я пойду посмотрю время". (Тая) "Ну, посмотрела? В какое время мы живем?"; расширенные безотносительно к предметному ряду обозначения: "Шкурку с двери содрали" (свежий слой краски). По словарным данным слово "шкурка" используется в

разговорной речи лишь по отношению к референтам, имеющим оболочку, кожицу, кожуру (плоды, растения и т.п.).

Однако многие лексические сближения и замены связаны с ассоциированием элементов разных фреймов, часто достаточно намека на какое-то общее основание образа, чтобы сложилась детская номинация, обычно носящая неустойчивый, ситуативный, характер: "У мальчика глаз прищемлен" (в смысле прищурен – осмысление по общему ассоциативному признаку размера – суженности). Несформированность системы координационных понятий ведет к свободной замене их, несмотря на опору на стихотворный текст, счетными обозначениями: "Раз шажок, два шажок, третий (вместо левый), правый сапжок. Я учу Алешку топать понемножку". На вопрос "Чем один цветок (на рисунке) отличается от другого?" Тая отвечает: "У этого крылышки больше". В отождествлении лепестков с крылышками произведена нейтрализация семы целевого назначения второго слова, оно переведено из фрейма, связанного с фауной, во фрейм, представляющий в модели сознания ребенка флору. Не исключено, что основой индивидуальной метафоризации послужило переносное значение слова, известное из сочетания "сарафан с крылышками".

Межфреймовые ассоциации лежат в основе отождествления слов по сходству звучания с учетом "книжных" знаний (великан – это таракан?), слов "букетик" и "пакетик", "кулек": "Вот тебе букетик, а в нем огурчик" (не исключены ассоциации и по сходству внешней формы предметов или акцент на особенностях упаковки цветов), Так или иначе, приоритет фоновых знаний, когнитивных моментов при овладении языком в этих случаях очевиден. При попытках приложения известного к новому коммуникативные неудачи подстерегают ребенка на каждом шагу. Так, фразеологизм в замечании взрослого "Не трогай кота, пусть он гуляет сам по себе" обрел непредвиденный контекст применения в речи ребенка: "Закрой к Ксюше дверь. Пусть она разговаривает сама по себе". Расширение синтагматики, зоны смыслового согласования не всегда рождает новые смыслы, а может дать специальное словоупотребление, неизвестное ребенку, но возбуждающее определенные фреймы взрослого, рассогласованность информационных тезаурусов углубляет представления взрослого о границах детских представлений о мире. Так, по замыслу ребенка, словосочетание "солнечный ветер" должно было обрисовать погоду: солнечный день с сильным ветром. Между тем оно приурочено к космической, астрологической лексике. Коммуникативные неудачи заставляют более внимательно относиться к законам сочетания словесных значений, уточнять лексические связи, особенно специализированные: "Что ты мне

ленивое дала?" – "Ленивые вареники". Здесь просматривается интерес именно к особому способу обозначения блюда.

Активное, преобразующее начало познавательного процесса связано с приспособлением содержания познаваемого к конкретной ситуации. Это проявляется в готовности ребенка и поддержать шутку взрослого, и самому выстроить игровую ситуацию. Бабушка дает стручок гороха со словами: "Кто-кто в теремочке живет?" Ответ: "Я, лягушка-квакушка! Ой, лягушка выпрыгнула, а я ее снова втокнула" (о горошине, выпавшей изо рта). Шутка обнаруживает живые ассоциативные связи слов "горошинка" – "лягушка" по цветовому признаку, по потенциальной семе "способность к перемещению в пространстве".

Иногда внимание ребенка привлекает экзотичность чужого слова, и оно включается в языковую игру: "Наш кот больше не Кеша, а Беби папа" (название импортного продукта для детского питания). Потребность в обыгрывании познаваемого, в лингвокреативной деятельности, в шутке обнаруживается в реакции на одновременное появление в гостях обеих бабушек: "Две бабушки-козы пришли к своему козленочку" (о себе). Взрослые становятся субъектами сказочных, образных сюжетов, включающих тропы: "Баба прискакала, как зайчик, прыг-скок, и траву ест" (салат, сорванный с грядки), "Мама ниже папы, я ниже мамы. Как ступеньки".

Особый интерес представляет проблема комического в детской речи. Восприятие детьми комического и попытки воспроизводить и конструировать приемы комического в языковой игре связаны с развитием нормативно-ценностных ориентаций ребенка в опыте общения со взрослыми и в собственной предметной деятельности. По данным ученых, первоначально его смех носит физиологический характер, выражая радость бытия, затем раздражительный, формальный, поверхностный, не связанный с проникновением в суть предмета, вызвавшего смех взрослых. Но постепенно ребенок начинает, по словам М. Минского, угадывать, выделять те ситуации, которые следует оценивать посредством "взрослого" смеха. И в конце концов у ребенка вырисовывается смутный образ того общего, что наличествует в различных, осмеянных взрослыми вещах. Это общее, вызывающее человеческую интеллектуальную форму смеха, усматривается в присутствии в вещи известной "меры" зла, которая и пробуждает в нас способность к смеховой оценке. Парадоксальный, утверждающий характер смеха видится в радости, осмеивающей зло. И эта черта смеха вполне отвечает возрастным особенностям ребенка, осознающего свое "Я", ориентирующегося на успех и самоутверждение. В то же время потребность в комическом свидетельствует об

активно идущем процессе интеллектуального развития ребенка, ибо смех и стыд более других эмоций связаны с интеллектом.

Однако комическое, языковая игра могут стать и самоцелью, без осознания их неуместности применительно к данной ситуации: (Тая проходит мимо детдома) "А зачем им нужна воспитательница? – Они же сами не могут поесть, одеться, погулять. – Они будут одеваться ложкой, а есть руками?.. Вот что я придумала". Речевая самооценка вскрывает интенцию самоутверждения, послужившую пусковым механизмом в создании шутки.

В ряде случаев грань серьезного и комического оказывается трудно определенной. Не всегда можно четко отграничить установку на комическое от нехватки средств номинации и их вынужденного восполнения. Смешное для взрослого может оказаться проблематичным для ребенка. Ср.: "Ксюша пригорюнилась. Как бы ее отгорюнить?" (образование по типу: дверь прикрылась – как бы ее открыть). Реакцией на реплику взрослого: "Ешь и закрой рот" (замолчи) послужил вопрос: "А как же она будет кашу в рот брать?" Чаще всего причина недоразумений – в недостатке знаний лексико-фразеологических, (знания целостного значения фразеологизма), как в данном примере, или лексического значения слов, как в следующем: (бабушка) "Спи. Еще рано, даже троллейбусы не гудят, не вышли из парка". (Тая утром) "Уже светло. Ой, уже и Кеша вышел из парка" (кот вылез из-под шкафа). Уловлена только предельно общая сема слова "парк" – местоположение, укрытие.

Ребенком не осознается комизм собственных, высказываний, содержащих неопределенные местоимения, возникающий или в связи с их неуместной потенциальной оценкой, или из-за непроясненности смысла, предполагаемого ситуацией вопросно-ответного диалога. Ср.: 1) "Я буду кем, когда вырасту, мамой? – Да. – Но ведь и папа какой-нибудь должен быть". 2) "Ты что так плохо спала? Какой-нибудь сон приснился? – Да, какой-нибудь сон приснился».

Иногда же обобщенная семантика местоимения "прилагается" к неожиданной реалии: "Смотри, уже дождь прошел. Само солнце вышло". Очевидно, в восприятии ребенка светило имеет ореол сверхзначимости.

Не воспринимаются ребенком разного рода коннотации в неуместных шутках взрослых, не учитывающих разный ролевой статус участников диалога: "Меня зовут баба Ира. А это баба Сымулька". (Тая): "Здравствуйте, баба Сымулька". Проблематична "смехогенная" установка ребенка в диалоге: "Киничек (кот), мой дорогой сыночек! – А кто у кота на самом деле мама? – Баба Люба".

Изоморфность многих результатов детской речи и языковой игры взрослых базируется не только на имитации детской картины мира, но и на общности импульсов, идущих от системы языка и провоцирующих смешение в чем-то

подобных языковых явлений. Об этом свидетельствуют многочисленные случаи "унификации" форм словоизменения, устранения вариантности, избыточности, архаичности. Это обнаруживается как в системе глаголов, так и в системе имен:

1) Искай меня, ищай лото, заколь мне волосы, сгонь комара. Я загонила кота в подвал (преодоление исключений в спряжении глаголов). Ты будешь гребить граблями? – Не гребить, а грести. – Ну, греди (форма возникла, видимо, в результате смещения квазиомонимичных форм "гредти" и "грести"). Дадишь мне мыло? Я сама им даду крупы. Ты дадишь мне куклу? Он не дадит ручку (очень последовательно преодолевается архаическое спряжение). А хороших детей не стегнут крапивой? (омонимия однократности и классовых форм глаголов "стегнуть" и "стегать"). Сюда можно плють? (унификация разных основ глагола). Дружок сломался (игрушечная собака), не ходит теперь, а только носится на руках под грудку (комизм ввиду неожиданного столкновения при восприятии лексического и созданного ребенком залогового значения глагола "носится"). Летай жука. Ты меня зачем проснула? (тенденцией к обретению каузативности характеризуются глаголы и в языковой игре взрослых, и шире – в разговорной речи).

2) Зачем у нашего пёса так много друг? (ср. тёс – тёса, грузин – много грузин).

То, что могло бы отвечать правилам языковой игры взрослых, становится плодом серьезных усилий ребенка по овладению правилами, законами языка. "Я новую занавеску повесила", (Тая): "Свесь ее обратно". Однокорневая, хотя и окказиональная антонимия оказалась предпочтительнее разнокорневой ввиду формальной мотивированности лексических связей с опорой на стандартные, продуктивные словообразовательные отношения (ср. погрузить – сгрузить). Пожалуй, образная основа номинаций (и это было видно в предыдущем изложении) наиболее непосредственно отражает детскую картину мира. Выяснено, что и в речи взрослых эффект метафоры зависит не столько от языковых ассоциаций, сколько от совмещения понятийных слепков с разных предметных областей. В детской речи признак функциональной предназначенности дает основу для многих, номинаций, и это описано К.М. Чуковским. Ср. сходный мотив в образовании слов лазенька (лестница). Заслуживают внимания и муки творчества ребенка в освоении словообразовательной системы языка. Женщина-продавец именовалась сначала "продавца", а затем "продавка". Первая часть слова "Мойдодыр" на определенном этапе осмыслялась как притяжательное местоимение (загудели водопроводные трубы. (Тая): "Не бойся, это бабушкин додыр рассердился"). Ср. явление произвольной этимологизации в речи другого ребенка: "Не надо деда огорчать" (имелось в виду "ставить ему горчичники").

Известно, что в тенденции детская речь повторяет этапы развития языковой системы в филогенезе. Это ощущается, например, в постепенном различении ребенком значений одушевленности/неодушевленности. "Дядя ведет автобуса. Я повесила кофту на конь (игрушечный)". Здесь наблюдается смешение грамматического значения одушевленности и реальных представлений о живом и неживом. Показательно наличие подобных реликтов в псковской фразеологии ("воссести на конь"- отправиться в военный поход). Ср. еще упорное склонение по типу одушевленных существительного дверь, осмысленного как слово мужского рода: "Открой дверь".

Возрастной эгоцентризм, потребность в самоутверждении служат ключом к разгадке многих высказываний ребенка, нарушающих языковые конвенции. Так, многие слова, обозначающие положительную, но общую, исходящую не от ребенка оценку, снимаются негативистской репликой: (бабушка) "Моя ты кисонька!" (Тая): "Посмотри-ка сзади, разве у меня есть хвост?" Своеобразным протестом против принудительных, стандартных оценок служат высказывания типа: "Продади в магазин эту красивую шляпу!", "Не хочу есть эту вкусную кашу", "Я не буду этот вкусный торт есть".

Потребность в идентификации личности, известное отождествление ее целостности с именем собственным рождает отрицание любых других попыток номинации: (бабушка) "Не топай. Ты же не мужчина, а женщина". (Крик): "Ой, она меня женщиной назвала. – А кто ж ты? – Тася". Или: "Какой же ты хороший турист, пешеход! – Я не турист никакой, не пешеход, а Тася". Близко к этому: "Позвала бы человека в гости. – Она не человек, а Саша (о подруге)".

"Охрана прав личности" кончается там, где не осознается производное от нежелательного варианта имя: "Я не Тая, а Тася – Таёк".

Предложенные наблюдения позволяют глубже и многоаспектнее представить себе процесс формирования языковой личности на определенном временном срезе, в период первого возрастного криза.

Дальнейшее формирование когнитивных структур в их связи с предметной и практической деятельностью ребенка путем "вращивания", интериоризации действий также подтверждает тот факт, что семантические структуры в языке могут, по мнению Е.С. Кубряковой, иметь и другое происхождение, то есть рождаться в силу потребностей самой языковой системы.

Надо заметить, что оба названных фактора речевого развития ребенка сложно взаимодействуют, не всегда поддаваясь разделению в конкретном анализе. Так, лакуны в семантических представлениях могут быть связаны с недостаточной осознанностью типовых ситуаций применения слова, его речевых границ, свойственных ему коннотаций. Тая пересказывает "Сказку о мертвой царевне": "Пес съел яблоко и так сильно умер, что называется сдох".

Налицо элементы метаязыковой информации, но речевая оценка фиксирует лишь один аспект экспрессивности, свойственной стилистически сниженному синониму сдох (интенсивность), но не отражает другого – функциональной сниженности, негативной эмотивности. Как явствует из примера, и когнитивные представления ребенка о жизни и смерти еще не сформировались: предполагается градуальность в процессах взаимоисключающих, отсюда смысловое рассогласование "сильно умер". Эта тема, очевидно, в силу возрастных особенностей постоянно привлекает к себе внимание ребенка, лишь постепенно осознающего печальную истину о необратимости процесса. Ср.: "Зачем он так умер, что только тапочки остались?" После щадящих психику ребенка бесед со взрослыми он сообщает: "Когда старики и старушки умирают, они улетают на небо, но их там так много, как в очереди за колбасой". Нетрудно видеть причудливое смешение примет (от библейских до сугубо прагматических) эпохи безвременья, формирующих картину мира и языковую личность ребенка. Таким образом, любой сюжет "осваивается" в определенном социокультурном контексте и в словах, ему присущих.

Способ мышления, данные опыта формируют и тропеический строй речи, обуславливают "смену приоритетов" в детской игре: на игровой площадке девочка залезла в зарешеченную ракету: "Вот я сижу, как курочка в клетке". Сравнение по-своему отражает аромат эпохи конверсии и развития фермерских и садово-огородных хозяйств. Ср. также диалог со взрослыми, идущими с обеих сторон от девочки: "Таинька, давай я тебя тоже за руку возьму. – Нет, а то я буду, как косточка, в середине". Правда, реакция ребёнка может быть и свидетельством клаустрофобии, но это не подтвердилось его последующим поведением.

Не безразличны и вопросы межгосударственных, национальных отношений, их языковое преломление позволяет проследить за становлением ценностных ориентаций, прагматического уровня языковой личности: "Мама, я русская? – Да. – Хочу быть английской" (в данном случае номинация осуществляется по аналогии с системным субстантиватом, в другом – с помощью новообразования "англиец"). При просмотре английского мультфильма "Город башмаков" спрашивает: "А башмаки тоже английские?" (интонация выдает явно позитивную оценку, связываемую с семантикой прилагательного). 2011].

Взаимовлияние внелингвистической и собственно лингвистической информации в процессах речемыслительной деятельности ребенка в приведенных примерах очевидно.

"Подробности" системы могут касаться разных ее сторон и по-разному осмысляться по мере ее освоения. Так, по данным Е.С. Кубряковой, стадии

употребления производных слов как инструмента, орудия коммуникации должна предшествовать стадия анализа их словообразовательной структуры и усвоения словообразовательных моделей в целом. Детские новообразования свидетельствуют об активно идущем процессе этого усвоения с разной степенью приближения к искомому образцу: "Мама, ты задумалась? Я тебя сейчас раздумаю" (окказиональное залоговое противопоставление, ибо раздумать в норме выступает антонимом к подумать, хотя ребёнок и опирается на типовую словообразовательную структуру: книга закрылась, я её раскрою); "Пусть звезда еще позвездит" (о елочной электрической звезде); "А эта дудочка дудует?" (ср.: кукушка кукует, пила пилит); "Смотри, как я подпрыгиваю и подбегиваю" (образование по аналогии поддержано попеременностью действий, о чем свидетельствует и употребление глаголов в однородном ряду); "Надень коту нашейник" (приставочная сема на- для ребенка более прозрачна, чем о-); "Свари грибочный суп" (от грибок); "Приходил в гости дядя Дэвид, он англицец" (ср. испанец); "Давай кота покрасивеем" (нарядим, чтобы стал красивее, и сравнительная степень прилагательного не расценивается как препятствие к новообразованию); "Я буду продаватель, а ты покупатель".

Активно идущий процесс вычленения и обобщения отдельных признаков, элементов ситуации находит свое выражение в создании номинаций, специализированных на этом обобщении, в стремлении лексически объективировать ту или иную познанную особенность ситуации, передать открытое для себя, личностные смыслы в типовых словообразовательных моделях: (подметает пол) "Я у тебя хороший ребенок, помогательный". Или: "Милый Теша (кот), ты такой шевелистый (не сидит на руках, двигается. – *Н.С.*), все за ухом чешешь". Привлекает внимание образование прилагательных от глаголов с выделением в качестве ведущего функционального признака, наиболее прозрачного в структуре деятельностной ситуации, с опорой на которую формируются и проявления речевой деятельности. Лексическая объективация смысла становится следующим после синтаксической объективации во внутренней речи этапом, сохраняя предикативный характер внутренней речи. В последнем примере и другой лингвокреативный признак – образование формы единственного числа существительного под влиянием множественного (за ушом-уши). Ср. еще: "Эта щепка занозная?" (характеристика предмета по производимому им, актуальному для ребенка, действию).

В приведенных случаях коммуникативные стратегии ребенка выводятся из результата словотворческого процесса, хотя в ряде высказываний мотивы создания слова обнаруживаются в речевых самооценках, представляющих один из видов метаязыковой деятельности – более высокого этапа осознания

способов организации языковой системы: (взрослый) "Пойдем из кухни. – Надо говорить тухля, потому что здесь свет тушится".

Ребенок не только отстаивает свои коммуникативные права, но и пытается осознать не до конца понятное, раскрыть те "подробности" в языковой, особенно лексической, системе, которые еще не вошли в его речевой опыт, но о существовании которых он подозревает. Диалогичность общения позволяет ему восполнить недостающие сведения, но уже сама потребность в них свидетельствует о достаточно высоком уровне когнитивно-речевой деятельности. Тая Б.: "А это что? – Беседка. – А там беседуют? А что такое беседуют? – А как ты думаешь, что делают здесь дети, прячась от дождя? – Разговаривают». Ребенок сам вышел на ассоциативно-деривационные и парадигматические связи слов в лексике. Ср. диалог: "Надо есть так, чтобы за ушами трещало. – А кто произносит этот треск?" Здесь и неосознанность фразеологического значения, и неточность звукообозначения (осознаны межчастеречные связи слов по звуковой семе, но не различается характер звука, его источник и производитель). Иногда ребенок никак не хочет или не может переключиться с предметно-образного кода на абстрактно-языковой: "Баба Люба говорит, что мы застряли в Эрмитаже. – Надолго задержались? – Нет, там/была загородка, и мы в ней застряли".

(Подарили детскую мясорубку): "Бабушка, посмотри, какая у меня носорожка". Здесь отчетливы провокации со стороны системы: при внешнем сходстве структуры сложных слов новообразование отражает ассоциации по сходству формы и цвета. Образное, глобальное, нерасчлененное видение предмета и ситуации дает себя почувствовать в самых неожиданных случаях. Едет свадебная машина с цветными флажками: "Смотри, что у машины выросло".

Наделение предмета свойствами живого, растущего соседствует с конкретизацией пространственно-временных отношений, сближаемых с субъектными: "У меня много друзей: Гриша, Катя, Рома. – И вы все вместе играете? – Нет, я играю с ними по кусочкам в разных садиках". Иногда коммуникативная неудача связана с недостатком знаний о ситуации в целом: (взрослый): "Ксюша не гуляет, не дышит свежим воздухом, поэтому ест плохо. – А у тебя в голове есть воздух?" Во многих случаях вина за неудачу лежит на взрослом, не учитывающем конкретной картины мира ребенка. Ср., например, вопрос: "Таинька, ты свой индекс знаешь? – Это который на дереве?" (рождена абсолютно не предсказуемая, видимо, метонимически обусловленная (почтовый ящик и скворечник) ассоциация, исчерпавшая возможность диалога на заданную тему). Или замечание, бьющее мимо цели: "Не прыгай на диване, дырку протопчешь, спинке будет больно лежать. – А я на живот лягу".

Недостаточно расчлененными могут выступать отдельные компоненты ситуации, например, субъект и орудие действия, что рождает комический эффект при внешней правильности высказывания, как, например, в диалоге: "Кто у вас готовит? – Мама. – А убирает? – Мама. А стирает? – Машина". Ср. со случаем окказиональной метонимии, свидетельствующей о расширении границ ситуации, отражаемой в словосочетании: (лежит на диване) "Смотри, у меня тапочки стоят по первой позиции" (занимается хореографией).

Наиболее полно элементы образного кода обнаруживают себя в игровой деятельности ребенка, через нее взрослые могут в полной мере ощутить степень сформированности концептов, адекватности отражения внешнего мира. Ситуация игры в котеночка: 1) "Я замерз. – А что у тебя замерзло, хвостик или лапки? – Лапки, а хвостик у меня злые оторвали. – Кто злые? – Такие черные, без лица". По этому общему, противоестественному основанию образа, сама неопределенность которого выглядит жутковатой (отсюда и окказиональная субстантивация, не сразу понятая взрослым), можно видеть, каким страшным рисуется ребенку зло.

2) "Хватит играть в котеночка. Ты же девочка. Пойдешь в школу, что ребята скажут? – А я пойду в кошачью школу".

Психолингвисты справедливо отмечали, что структура значения слова на разных возрастных этапах развития ребенка различна и отражает процесс его социализации и поэтапное проникновение в "суть вещей". Эта поэтапность и объясняет амплитуду колебаний в номинации определенных сторон, элементов, признаков ситуации, от почти безупречных обозначений до неожиданно далеких. Как уже отмечалось, проникновение ребенка в суть вещей обнаруживают речевые акты запроса информации. Ср. еще: "А ложка эта стеклянная? – Посмотри, разве она прозрачная? – А прозрачный цвет какой?" Коммуникативная стратегия взрослого себя не оправдала, его встречный вопрос бьет мимо цели, поскольку у ребенка недостает сведений о различии материалов и не расчленены в достаточной мере свето-цветовые представления.

В одних случаях поиск нужной номинации (пусть не всегда успешный) идет в пределах соответствующей концептуальной зоны, в других – на стыке зон реального и нереального, как в следующем: (после посещения Русского музея) "Что тебе больше всего понравилось? – Портрет Иисуса Христа. – Так не говорят. – А как? Иса Христа?" Примечательно, что внимание ребенка сфокусировалось на форме, именительного падежа, а несоответствие слов икона-портрет в связи с нехваткой жизненного опыта, культурных и художественных знаний осталось незамеченным.

Известно, что текстовая связанность на 75% обеспечивается за счёт лексикосистемной основы, то есть лексикон в языке устроен так, что он

постоянно готов к коммуникации, а законы последней отражены в структуре лексикона.⁷ В этом смысле детская речь обнажает закономерности выбора слов (и недостаток наличных ресурсов), предполагающего активизацию определенных зон функциональной активности мозга, фреймов, и вытягивание словом стоящей за ним ассоциативной цепи. "Сбои" в этом процессе имеют когнитивные причины и коммуникативные последствия. Ср. диалог о подстаканнике: "Дай подчашник. – А почему ты так сказала? – Я забыла, как называется". Поиск нужного слова идет все-таки в рамках определенного фрейма, определенной концептуальной области и той части речи, которая по своему назначению призвана обслуживать эту область. Отсутствие прямого попадания в нужную концептуальную зону, яесформированность фрейма обнаруживает себя в линейном развертывании речи, отсутствии смыслового согласования слов, свидетельствующем также о недостаточном расчленении элементов внеязыковой ситуации. Ср.: "Здесь (на знакомом лугу – *Н.С.*) обычно коровы и козы водятся" ("водятся" было бы нормативно в ситуации разговора о диких, а не о домашних животных). "Это жених с невестой едут. – И у них будут заводиться дети?" (в норме "заводиться" уместно в разговоре о насекомых, здесь глагол используется в роли гиперонима "появляться"). "Ты разведал такой большой пожар?" (употребление имени объекта в сочетании с глаголом "развела" свидетельствует о сближении существительного со словами одного тематического ряда – огонь, костер, – но различными по лексическим значениям, ибо ранг общей семы в них различен, слова различаются также отношением к семам "целенаправленности" и "стихийности". Личностным гиперонимом стало слово шкурка (твердый поверхностный слой чего угодно): "А зачем здесь шкурка от яичек?"

Отмечается известная ортодоксальность, сверхточность словоупотребления, догматическое упорство в отстаивании познанного, фиксирующие определенный этап в познании, отсутствие нюансов, свободы маневрирования, системная и функциональная эквивалентность жестко разведены: "Петух на ворота взобрался. – Не взобрался, а взлетел" (разведены функциональные эквиваленты, сложившиеся на базе родо-видовых связей в системе языка). Нехватка ресурсов обнаруживает себя и в неумелой замене родового (доставать) не подходящим к ситуации видовым: "Собака лед разбивает и водичку вытаскивает".

Таким образом, необходимость лексической объективации личностных смыслов, связанной с переводом смыслов для себя в смыслы для других, понуждает ребенка, желающего быть понятым, использовать доступный ему арсенал слов в расширительной функции. У.Лабов отмечает в речевом развитии ребенка стадию, на которой особая ограниченность словаря заставляет ребенка,

желающего общения, невольно "расширять значения" слов, которыми он оперирует, создавать "приращения" значений к первоначальным, пришедшим к ребенку вместе с формой. Как видно, эта закономерность выходит за рамки раннего онтогенеза при сохранении породившей ее причины. К четырем годам стирается острота переживаний того открытия, что вещь имеет название, исчезает связанная с этим идентификация себя только с одним из вариантов своего имени: "У меня много имен: Тая, Таисья, Таинька, а Тася – это выходное". Дифференцировалось имя для себя и близких и имя для других, очевиден поиск приуроченности имени к определенной коммуникативной ситуации, хотя квалификация одного из вариантов не вполне соответствует языковым конвенциям, необычна лексическая комбинаторика, присутствует сочетаемость по аналогии (выходное платье); явление "сдвинутой референции" свидетельствует о незаконченности процесса отграничения ядерных семантических признаков слова от периферийных (выходное – не только нарядное, но и вообще предпочтительное для девочки, предназначенное для выхода на люди).

"Расширение значения" в индивидуальном употреблении слова естественно связывается с недостаточным представлением ребенка о возможностях семного речевого варьирования системного значения. Иногда актуальные для ребенка смыслы заслоняют все другие не только на уровне многозначного слова, но и на уровне отдельного его значения. Можно, видимо, говорить о той стадии освоения структуры лексического значения, которая не включает представлений о его семном варьировании. Так, при чтении фразы из сказки "Маша и медведь" "Будешь печку топить, будешь кашу варить, меня кашей кормить" – девочка смотрит на рисунок и говорит: "А ведь он сам кашу ложкой ест" (более абстрактные семы в значении глагола "кормить" не воспринимаются). В глаголе разговаривать ребенок "игнорирует" сему совместности действия: (гуляла с дедом) "О чем вы с дедушкой разговаривали? – Он сказал: "Тася, не упади".

"Подробности" грамматической системы в ее освоении ребенком углубляют представления о связи речемыслительных процессов с теми, которые исследуются "шифрующей грамматикой" (А.Г. Руделев, А.Л. Шарандин), словарной, или лексической, грамматикой (А.А. Колесников). Внимание к грамматическим формам у ребенка связано прежде всего с семантическим компонентом, обеспечивающим речевую деятельность, с шифровкой ими лексической семантики и стоящей за ней внеязыковой действительности. Когнитивно ориентированы вопросы типа: "А кошечка – это она? А кот – кто или что?" Отсюда и форма речевого акта – запрос информации. "Половые" проблемы эксплицируются и лексически: "Может быть, я не девочка, а мальчик,

надо у тренера в бассейне спросить". В другом случае используется иная коммуникативная стратегия – уточняются сложившиеся языковые представления: (беседа с бабушкой, развешивающей белье) "Тебе не достать до веревки, ты маленькая, а она большая? – Да, она высокая. – Ты хочешь сказать, она высоко висит?" Лингвистическая рефлексия (ты хочешь сказать) отражает неудовлетворенность частеречным выбором, неточным описанием ситуации.

Смутное осознание реального множества вещей, скрытого за формой единственного числа существительного с собирательным значением и ситуативное желание включиться в это множество выступает в реплике следующего диалога: (бабушка) "Не пойдем на горку, там много народу. – А можно, я тоже буду народ?" Если в первой реплике речематически значимо слово много, то в ответной – народ. Недостаточно информативными представляются ребенку и двувидовые глаголы, и для обозначения результата действия он создает парный глагол совершенного вида: "А курочка может сродить цыпленка? А тетя сродит ребенка?" В других случаях видовая дефектность компенсируется окказиональной имперфективацией: "Мне мама все время присняется" (глагольный распространитель проясняет мотивы создания окказионализма).

Таким образом, лингвокреативная деятельность отражает становление всех уровней структуры языковой личности (тезаурусного, прагматического, ассоциативно-вербального), но порождается прежде всего потребностями в коммуникации, в сотрудничестве, в гармонизации общения. С развитием мышления ребенок осознает инструментальную функцию слова, выгодно отличающегося от других средств коммуникации, его способность именовать любые предметы в мире и любые элементы ситуаций. Осознание преимуществ вербального общения становится дополнительным стимулом развития языковой личности.

Когнитивные процессы связываются с расширением представлений о коммуникативных возможностях слова, используемого участниками общения, иногда с "узурпацией" прав одного из них, что имеет вариативное объяснение: причиной может быть недостаточное усвоение различий в социально-ролевом статусе участников речевого акта, или вторгающийся в семейное воспитание демократический процесс расширения коммуникативных прав ребенка в педагогике сотрудничества, или потребность в самоутверждении личности, не исключена и комбинация всех этих факторов. Рассмотрим их действие в конкретных речевых актах. Ребенок учит считать бабушку: "Если ты, баба Римма, будешь плохо считать, я тебя накажу. – Разве взрослых можно наказывать? – Но ведь мама меня наказывает, когда я плохо считаю. А я ведь тоже могу рассердиться".

Коммуникативные интенции находят свое выражение в модально-прагматических компонентах избираемых слов, в смене функционального регистра, как в следующих случаях: (бабушка) "Одевайся, давай завтракать. – А что ты мне предложишь?" (Мороженое растаяло) "Пей из кружки. – Ты можешь подумать, что это молоко, а мне бы не хотелось тебя обманывать". Здесь мы имеем дело с маскировкой истинных намерений с помощью высокого стиля. Ср. его использование в целях самоутверждения: (бабушка) "Давай я помогу заточить карандаш. – Нет, я сама, это сложная работа". Менторский, резонерский тон особенно комичен в сочетании с дефицитом внеязыковых и языковых знаний: (тетя): "Кеша, что ты, как пьяный, идешь? – Кота все равно нельзя обижать, неважно, пьяный он или непьяный". Или:

"Трудиться надо до вспотения, когда вспотеешь – можно перестать". Несбалансированность коммуникативно-речевых ролей, исполнение чужой речевой партии просматривается и в следующих жалобах: (в бассейне) "Дети отнимают у меня круги. Я им говорю: "Дети, не отнимайте у меня круги". Видимо, заимствуется манера обращения тренера, нивелированы различия в ролевом статусе взрослого и ребенка. Аналогично в ответ на вопрос посторонней женщины (игра в котеночка): "Как твои дела, котеночек? – Какие у меня могут быть дела? Вот сижу, играю".

Как видим, становление языковой личности ребенка обнаруживает комплексное действие когнитивно-прагматических и системно-языковых факторов, взаимовлияние знаний о мире (включая предметно-практические, игровые, социально-нормативные) и знаний о языке как двух взаимосвязанных видов человеческого знания.

Думается, что избранное направление анализа вносит свой вклад и в развитие семантической теории, ибо "семантическая теория конструктивна только в той мере, в какой она ведет к раскрытию принципов образования и функционирования концептуальных систем" (Колшанский 1990:61).

Лексические свидетельства расширения знаний о мире.

Изменения, происходящие в современном мире, его макро – и микросоциуме, не могут не отразиться в освоении лексики ребенком, ибо слово предстает как инобытие мышления, и эта диалектика бытия и инобытия протекает в определенном социокультурном пространстве. Сознание ребенка – это не только результат, но и средство осознания окружающего мира. Включение знаний в интеллектуальную, рациональную сферу сознания привлекает внимание к лексическим проявлениям концептуальной картины мира, опыта ребенка. Самосознание личности с точки зрения общественных норм и ценностей выступает основой саморазвития, формирования индивидуальных потребностей. Особенно информативны в указанном смысле

приоритетные метафоры в лингвокреативной деятельности городского ребенка: "Мама смешно загоняла курочек спать: "Спать, спать в сарай!" И осталась на улице одна курочка – мама Марина". Особенности согласования смыслов в синтагматике также часто отражают круг занятий и знаний ребенка, установок и ценностных ориентаций, почерпнутых от окружающих или служащих результатом самостоятельного осмысления явления: "Бабушка, ты такая трудовая, сейчас опять будешь мясорубить?" (с явным одобрением). "Один диван у вас бездельник: на нем никто не спит" (по человеческой мерке оценивается негативно невыполнение предметом своего функционального назначения). Очень активно в этих и иных, указанных ранее, ориентациях представлена "сельскохозяйственная" тема, связанная с одним из самых актуальных вопросов выживания общества, семьи, человека: "Куры – птицы солнечные: ложатся и встают с солнышком... Я слепила петуха, только у него подбородушек (образование под влиянием фольклорной фразы "шелкова бородушка"), гребень и клюв отпали (четкое выделение частей по отношению к целому)... Скорлупка от цып-ленка отвалилась" (о вылупившемся из яйца цыпленке).

"Лексические сбои" дают освоение новых видов предметной деятельности, неоправданное наслоение элементов прежнего опыта в осмыслении новой ситуации. Об этом, например, свидетельствует недоуменный вопрос: "А какая резинка нужна при стирке?», последовавший за замечанием: "Убери стирательную резинку в коробочку". Отождествление паронимичных образований "стирательный" и "стиральный" от глаголов-омонимов здесь выступает вторичным. Ср. еще: "Достану номерок и куплю в раздевалке шубу" (не расчленены элементы ситуации купли и получения-приобретения и возвращения собственности).

Особенности субъективной категоризации лексически обнаруживаются в случаях соответствия-/несоответствия обозначения "прототипу", возникновении "прототишческого эффекта". Различие психологических приоритетов ребенка и взрослого выступает, в частности, в ситуациях переложения "взрослых" текстов. На вопрос "Что ты смотрела в театре?" девочка отвечает: "Гуляние Нильса с дикими голубями" (Путешествие Нильса с дикими гусями). "Гуляние", очевидно, осмыслено как прогулка, и в этом своем качестве номинация представляет более приоритетный для ребенка способ занятия, чем путешествие. И голубь является более ярким представителем класса диких птиц, чем гусь, – менее знакомая птица.

При кажущейся приземленности лексического строя речи ребенка, отчасти определяемой уровнем знаний и способом мышления, отчасти реалиями современной жизни, останавливает на себе внимание и освоение пятилетним

ребенком лексики "иных миров". Он проявляет интерес к "престижным" способам выражения, пытается использовать книжную лексику, создавать семантически емкие номинации. Так, к маме девочка очень часто обращается "мами", к коту – "кэт", спрашивает: "Что такое ав-тосценарий? (очевидно, сознавая экзотичность звучания слова), "Почему твой принтер не стирает?" (о пишущей машинке). Готовясь к музыкальным занятиям, раскладывает карточки и объясняет: "Это пауза". Смеется и добавляет: "Рекламная пауза, музыкальная пауза". Влияние "гиперинтеллектуализации" современного сознания ощущается и в следующих заменах: "Я буду дирижером (в смысле дежурной), чтоб котята не уползли от мамы". Здесь сказывается и влияние звуковой общности слов на их смысловое соотнесение. Ср. еще: "Где мои хореографические трусы?" (предназначенные для занятий хореографией). "Книжные" знания ощущаются и в способах реагирования с привлечением литературных цитат или в претензиях на "взрослые" формы общения. На замечание "Вон игрушки на полу валяются" ребенок отвечает цитатой из "Мальша и Карлсона": "Это пустяки, дело житейское". На "проверочный" вопрос взрослого "А когда же у мамы день рождения?" отвечает: "Твой мозг вышел погулять? Ведь завтра!" (с явным чувством собственного превосходства). Копирует взрослые формы обращения: "Отец, пока", но при этом не терпит никакой фамильярности и заигрывания по своему адресу, сразу распознает особый стилевой регистр речи, защищает свой ролевой статус. (Бабушка) "Смотри, как она вовсю лопаает!" Девочка "поправляет": "Я ем". На шутивное обращение: "Таисья Александровна, проходите, пожалуйста" – отвечает: "Не говори мне вы".

Как уже отмечалось, доступ к проникновению в концептуальную систему ребенка, в способы его ориентации в современном мире открывают наблюдения над формированием семантических фреймов (по их лексическим экспликаторам). Так, по мере развития ребенка фрейм "изображение человека" претерпел значительные модификации от обозначения "мама на бумажке" и "портрет Иисуса Христа" до появления в нем видового концепта "негатив". Стадии его освоения выясняются из описательных выражений: "открытка, которую при свете смотрят", "фотография, которая наоборот". Нетрудно заметить, что в истолковании значения участвуют ситуативные знания, отражающие манипуляции ребенка с предметом по мере его освоения, делаая наблюдаемым процесс интериоризации знаний. Этот фрейм фиксирован в "Русском семантическом словаре" в статье дескриптора "портрет", в которую включены и слова "фотография", "портрет", но нет других, входящих, в личностный тезаурус ребенка, хотя и предусмотренных семантическими множителями", -картин, -подоб-, -изобра, лиц, чел-, опирающимися на толкование дескриптора в толковых словарях. Размежевание межфреймовых

связей, скольжение по узлам фрейма обнаруживает отход ребенка от неспециализированного первичного обозначения "бумажка" и привлечение книжного специального слова как предельно точного обозначения необычного "предмета".

Особый интерес в когнитивном плане представляет лексическое проявление освоения культурных концептов, базовых понятий культуры общества. К их числу относятся такие, как рождение, смерть, родственные связи, любовь. Частично они уже были предметом нашего внимания в предшествующем изложении. Ср. еще диалог у тела погибшей под машиной собаки: "А почему она здесь лежит? Ее надо выбросить на помойку. – Нет, ее надо похоронить. (Подумав) – Бабушка, когда ты умрешь, я тебя на помойку не выброшу, а закопаю в землю. (После продолжительного молчания) – Я никогда не видела мертвых, но я знаю, какие они. Как мои куклы, они ведь тоже не шевелятся. Если бы собаку, не задавила машина, а она просто умерла, я бы могла с ней играть, как с игрушкой". Ребенок не в состоянии осознать трагическую реальность ухода из этого мира навсегда и выстраивает доступными ему средствами систему психологической защиты.

О рождении: "А что у меня здесь? – Грудная клетка, а в ней сердце, легкие. – А ребенок отсюда появляется? Ведь он грудной". Вот какие причудливые смыслы провоцирует семантика производного слова, оставляющая свободу семантического допуска. О родственных отношениях: "Бабушка, а ты кто папе? -Теща. – А он тебе? – Зять. – А я думала, дядь". Образование явилось как следствие созвучия, так и неразличения статуса родственника (дядя, зять). Или: "А у кошки наша фамилия? -Да. – А должна быть кота-мужа. – Кошки не женятся. – А как же она котят родила?" Как видно, познавательный процесс идет с помощью наложения антропоцентрической концептуальной сетки на объекты и события.

О любви: "Мамочка, любовь моя! Мариночка-любимочка". "Я как увижу Глашу (кошку), сразу залюблю ее. Эй, Глаша, любимица (то есть любительница) оллета!"

Исследование интеллекта в сфере более широкой целостности, какой выступает человеческая субъективность, известный скепсис в отношении чисто рациональных, тем более технократических форм познания возвращает исследователя к истокам, нерациональным, эмпирическим, интуитивным проявлениям духовного начала, творческого потенциала языковой личности, и прежде всего личности ребенка. Осознается личностная ущербность гиперинтеллектуальной левополушарной личности, возрождается интерес к образности, воображению в процессах речемыслительной деятельности. В этой обусловленности особую значимость для лингвиста приобрели

психологические и психолингвистические теории отечественной (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Р. Лурия) и зарубежной школ, в частности, идеи когнитивной психологии. Для последней одним из центральных является вопрос о соотношении вербальных и образных компонентов в процессах запоминания и мышления.

В процессах лингвокреативной деятельности проявляются такие свойства психологии ребенка, как комбинирующая деятельность воображения при создании новой ситуации из уже известных элементов, использование элементов прошлого опыта. Очень важна роль воображения в процессах развития эмоциональных связей, "внутреннего языка" чувства (Л.С. Выготский).

Влияние эмоционального фактора на комбинирующую фантазию имеет отчетливое выражение в способах связи лексических значений многозначного слова, не имеющих, казалось бы, никаких черт общности, кроме сходства производимого впечатления, эмоционального воздействия. Показательна роль творческого воображения в создании ситуативных номинаций: (о бегемоте) "Это морщ какой-то" (похож на моржа и весь в морщинах). (О кошках) "Глаша глядуша (всюду смотрит), а Кеша слепуша (ничего не видит)" - ситуативно-речевые антонимы. "Что, поджидалочка, опять поджидаешь, чтоб царапнуть?" (О себе) "К вам соскучка приехала".

Вместе с тем, идиоматика, требующая соотнесения разноплановых ситуаций, лежащего в основе обобщенноцелостного значения, и определенных культурологических знаний, еще недоступна во многих случаях для детского восприятия. Читаем "Сказку о попе и работнике его Балде": "Со второго щелчка лишился поп языка. – А что, у него язык выскочил изо рта? А кто такая Балда? А как будет женщина Балда?" (влияние прототипического оформления на осознание родовых различий).

После фразы взрослого "Котеночек так ударился об стул, что у него искры из глаз посыпались" – ребенок шарит по полу: "Что у него такое посыпалось?"

Таким образом, в анализе онтогенеза речемыслительной деятельности раскрывается антропоцентрическая основа организации лексики, ее готовность к выполнению самых разнообразных когнитивно-прагматических задач, получают апробацию и новое осмысление известные и становящиеся положения лексикологической теории.

ЛИТЕРАТУРА

ОСНОВНАЯ:

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1998.
2. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике слова. – Воронеж, 1996.
3. Булгаков С. Н. Философия имени. СПб, – 2008.
4. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.
5. Виттгенштейн Л. Логико – философский трактат. М., 2009
6. Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте. – М., 1991.
7. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. – М., 1977.
8. Детская речь как предмет лингвистического наблюдения. – Л., 1987.
9. Залевская А.А. Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности // Исследование речевого мышления в психолингвистике. М., 1986.
10. Залевская А.А. Семантика слова и контекст в психолингвистическом аспекте // Значение и его варьирование в тексте. Волгоград, 1987.
11. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
12. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.
13. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – М., 2006.
14. Негневицкая Е.И., Шахнарович А.М. Язык и дети. – М., 1981.
15. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика. – Воронеж, 2004.
16. Флоренский П.А. «Термины» // Вопросы языкознания, 1989, №1. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. – М., 1991.
17. Чернейко О.Л. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. – М., 1997.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ:

1. Абиева Н.А. Эволюционная лингвистика в контексте эволюционной теории // ВКЛ, 2009, №2.
2. Климонтович Николай. Последние наиздания // Октябрь, 2006, №3.
3. Кубрякова Е.С. Рецензия на книгу А.М. Шахнаровича и Н.М. Юрьевой "Психолингвистический анализ грамматики и семантики". М., 1990 // ФН НДВШ. 1991. N 3.
4. Леонтьев А.А., Уфимцева И.В. Биологический и социальный фактор в речевом развитии // Этнопсихолингвистика. М., 1980.

5. Макеева Н.С. «Концепт «богатство» в русском языковом сознании (на фоне испанского языка). Дисс... кандидата филол. наук. – СПб, 2009.
6. Минский В.М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного// Новое в зарубежной лингвистике. Вып.23. М., 1989.
7. Николаев Генн. Вещие сны тихого психа // Звезда, 2002, №5.
8. Петров В.В. Язык и логическая теория: в поисках новой парадигмы // Вопр. языкозн. 1988. N 2.
9. Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. М., 1958.
10. Шахнарович А.М., Лендел Ж. "Естественное" и "социальное" в языковой способности человека // Исследование речевого мышления в психолингвистике. М., 1985.
11. Сулименко Н.Е. Антропоцентрические аспекты изучения лексики. Учебное пособие. – СПб, 1994.

9. МЕТОДИКА АНАЛИЗА ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ В СВЕТЕ ИННОВАЦИОННЫХ КОНЦЕПЦИЙ

Базовые «культурные темы» и методика их лексического анализа.

Раздел отражает результаты проведения занятий по лексическому анализу текста со студентами и магистрантами – филологами, а также участия в конференциях по гуманизации образования в техническом вузе.

Нуждается в осмыслении и описании и конкретная методика изучения слова в контексте гуманитарного знания, границы и способы применения когнитивной, культурологической, синергетической и другой аргументации в семантическом анализе слова, лексической структуры текста. Проблемы взаимодействия общего и специального знания в их проекции на слово и лексическую структуру текста представляют особый интерес в постижении семантической основы гуманитарного знания и становятся очевидными при обращении к тексту, написанному, казалось бы, на специальную тему, но ориентированному на широкого адресата. Раздел, таким образом, продолжает и в новых ориентациях развивает ту проблематику, которая рассматривалась нами в учебном пособии [Сулименко 1994] и последующих работах. Обращённость к гуманитарному знанию как знанию о человеке и для человека, воплощённому в слове и словесной структуре текстов, сближает когнитивную семантику и лингвокультурологию, что уже подчёркивалось, и свойственные им методы исследования, выводящие на проблемы понимания. Это прежде всего метод концептуального анализа, обращённый как к исследованию отдельных концептов, так и концептосферы языка в целом. Рассматривая концепт как универсалию человеческого сознания, Д.С. Лихачёв отмечает: «Многokrатное обращение к нему способствует формированию ассоциативного поля, границы которого в сознании субъекта определяются «культурной памятью», причастностью к духовной традиции [Лихачёв 1993: 10]. В другом лингвокультурологическом исследовании, ставящем цель обозначить приоритетные позиции лингвокультурологического анализа, Н.Г. Брагиной [Брагина 1999] – также отмечается возможность воплощения базовых метафор «верх – хорошо, низ – плохо», свет – хорошо, тьма – плохо» и стереотипов типа первая любовь, материнская забота в разных языках. Из этого делается методологически важный вывод о возможности изучения культурного компонента на материале разных языков, о частичной переводимости культурных коннотаций и невозможности ставить знак равенства между культурным и национальным в языке. Д.Ч. Малишевская [Малишевская 1999] показывает, как лингвокультурологический анализ базовых концептов культуры, выступающих в оппозиции мужчина/женщина «позволяет реконструировать и

описать коллективные представления об идеале и антиидеале мужчины и женщины, закреплённые в самосознании народа – носителя языка и культуры». Полученные ею выводы могут быть дополнены итогами концептуального анализа гендерных отношений, как они воплощаются в лексической структуре текстов народных афоризмов, изданных еженедельником «Аргументы и факты». Концептуализация этой оппозиции во многом определяется тем, чей угол зрения выражен в высказывании. Условно можно выделить две рубрики в группировке текстов для анализа сдвоенного концепта: 1. Мужчина/женщина глазами мужчины; 2. Мужчина/женщина глазами женщины. Здесь так же, как и во фразеологии, обнаруживает себя «культурная природа гендерных поведенческих различий» [Малишевская 1999:181], навязываемые обществом двойные стандарты в поведенческих стереотипах, асимметрия членов оппозиции с главенствующим «мужским» компонентом. Идея о женском несовершенстве в шуточной форме (хотя в каждой шутке есть только доля шутки) прослеживается прежде всего в первой рубрике нашей классификации. Женщина в мужской интерпретации предстаёт как агрессор, собственница: «Женщина, если захочет, забирает у мужчины всё. Даже фамилию» (В. Новиков. Моск. обл.). С опорой на омонимию отглагольного имени в его свободном и терминологическом употреблении формируется представление о женщине не столько как о хозяйке, сколько как об экспроприаторе: «Естественный отбор – это изъятие денег у мужа после получки» (А. Рас, Москва). Она непредсказуема во всём, на неё нельзя положиться: «От женщины никогда не знаешь, что ожидать – девочку или мальчика» (Г. Дрибушевский, Самара). Она болтлива: «Женщины, безусловно, умеют хранить тайны, но сообщают» (В. Демиденко, Мурман. обл.). Роковая роль женщины в судьбе мужчины передаётся с помощью орудийной метафоры: «Девушка – это пуля со смещённым центром тяжести: попадает в глаз, проходит через сердце, бьёт по карману и выходит боком» (С. Тисленко. Н. Новгород). В ассоциативное поле концепта попадают, совмещаясь, не только прямые значения глаголов перемещения (связываемые со словом пуля, как и обозначения частей тела и деталей одежды, ею пробиваемых), но и метафорические значения слов и оборотов, рисуя драматические для «пострадавшего» последствия события. Женщина даже в юном возрасте предстаёт как кладёшь не только собственных пороков, но и заимствованных у мужчины: «Если вечером женщина отказывается от рюмки и сигареты, значит, утром её родителей вызывали в школу» (А. Ботвинников, Москва). Мужчины предостерегают от сближения с женщинами как существами хитрыми, корыстными, коварными: «Если женщина называет мужчину самым умным, значит, она понимает, что второго такого дурака ей не найти» (А. Перлюк, Кировоград), «Сердце девушки проще всего открыть ключом от «мерседеса»

(С. Лобанов, Москва). Они жалуются на трудность отыскать красивую женщину: «Хорошо индейцам! У них все девки красные!» (В. Семёнов, Красноярский край) (афоризм построен на совмещении цветового и этимологического значения прилагательного), хотя «Жена друга всегда симпатичнее, чем друг жены» (В. Евдокимов, Красноярский край). В жалобах женщины предстают как вынуждающие к преследованию, к поклонению: «С годами всё труднее бегать за женщинами, приходится волочиться» (А. Рас, Москва). Прототипический эффект возникает на базе ситуативно-антонимического использования глаголов одной лексико-семантической группы в несоотнесительных значениях. С женщинами невозможно оставаться долго: «Если от тебя ушла жена, запомни, как ты этого достиг» (В. Посоховский, Лен. обл.); «Иногда, чтобы сделать женщине приятное, приходится с ней расстаться» (А. Байгильдеев, Татарстан). В их достоинствах львиная доля мужских заслуг: «Если ваша жена – клад, вам причитается 25%» (А. Ботвинников, Москва).

Даже комплименты в «мужских» афоризмах двусмысленны и в лучшем случае покровительственно снисходительны со стороны «сильного» пола: «Наши женщины тратят на косметику гораздо больше, чем страна на вооружение. Это и понятно: они и победы одерживают чаще» (И. Евдокимов, Выборг). С одной стороны, это упрёк мужчинам (отсюда и военная метафора «победа» в квалификации женских успехов), а с другой – акцент на таком женском недостатке, как расточительность, непрактичность. Или: «Только женские руки могут так нежно... уложить асфальт» (В. Посоховский, Ленобласть). В подтексте фразы – намёк на использование женщин в самых простых и тяжёлых, не требующих квалификации видах производственной деятельности. Правда, упрёк в таком использовании может быть адресован и мужчинам (ср. указание Д. Малишевской на явно выраженную патриархатность и андроцентричность современной культуры). Намёк на женское несовершенство, несоответствие идеалу (разумеется, мужскому – *Н.С.*) содержится в подтексте афоризма: «Лучшая женщина – та, которая заставляет забыть об идеальной» (Г. Малкин, Москва). «Хорошая жена всегда согреет. Не жизнь, так суп» (А. Лебедев, Москва). Гораздо терпимее представители и создатели мужской цивилизации к своим слабостям (результат действия двойного стандарта в гендерных отношениях): «Хорошие мужики на дороге не валяются. Они валяются на диване» (А. Шалаев, Петрозаводск). Из сопоставления фразеологического значения, организуемого опорным глагольным компонентом и прямого значения глагола валяться вытекает предпочтение лени пьянству в оценке «хорошего мужика». В приведённом выше примере и волокитство рассматривалось не как мужской порок, а как естественное свойство мужчины, якобы провоцируемое женским поведением.

Ср. ещё: «Жены лгут мужьям ради их спокойствия, а мужья женам – ради собственного» (В. Матийков, Мукачево).

Таким образом, ассоциативное поле концепта женщина в мужском сознании формирует представление о ней как о существе малопривлекательном не только в физическом, но и психологическом и социальном плане, тогда как «слабости» у мужчин не снижают их высокой самооценки.

Эти характеристики претерпевают некоторые изменения в женском восприятии, что и обнаруживается в ассоциативных полях концепта текстов второй группы, хотя и в них «мужчина предстаёт как творец культуры, а женщина обречена воспринимать действительность через призму мужского восприятия мира» [Фразеология 1999: 10]. Правда, в этом восприятии немалую роль играет и ориентация современниц на общечеловеческие ценности и права человека. Так, утверждается как норма экономическая и социальная независимость женщины: «С деньгами мужчина чувствует себя мужчиной, а женщина – Человеком. (Коломиец, Рост. обл.)», то есть для ощущения своего человеческого статуса женщина должна иметь какие-то условия, тогда как в народной культуре «родовой» статус мужчины безусловен. В женском сознании мужчина предстаёт как существо слабое, неработоспособное, недостаточно ответственное, тогда как женщина – как самоотверженная труженица: «Мужчина работает сколько может, а женщина – сколько надо (Е. Гафарова, Челяб. обл.)». Женщины менее снисходительны к недостаткам сестёр по полу, чем мужчины к своим: «К одним женщинам нужен подход с лаской, к другим – лучше с соболем или норкой (А. Борина, Волгоград)». Лексические экспликативы концепта – омонимы ласка 1 и ласка 2 и гипонимы к одному из них как обозначения дорогостоящего меха. Ассоциации «корысть, жадность» в описании гендерных отношений возникают и благодаря лексическим экспликативам «рука», «карман» в афоризме: «Добившись руки любимой, вы постоянно будете ощущать её в своём кармане (Н. Житова, Пенз. обл.)». Ещё более отчётливое неприятие меркантильного отношения к любви и браку со стороны женщин выражено в афоризме: «Почём вы, девушки, богатых любите? (Е. Лукошкина, Саратов)». Оценочный эффект достигается разительным контрастом со смыслом прецедентного текста популярной песни.

Ассоциативные поля концептов (они могут быть названы или прямо не поименованы в тексте) выявляются как на макроуровне всего текста, так и на медиауровне текстовых фрагментов и их совокупностей, а также на микроуровне высказываний и отдельных их элементов. В рассмотренных выше случаях текст высказывания совпадал с объёмом и содержанием целостного текста афоризма. Преимущественное внимание к высказыванию отличает анализ концептов в направлении, руководимом Н.Д. Арутюновой и связанном с

логическим анализом языка [ср., например, Логический 1991, 1999 и последующие сборники]. А. Вежицкая указывала на такие возможности использования концептуального анализа, как изучение сочетаемостных свойств лексемы, в которых проявляется закреплённый в её значениях коллективный опыт носителей языка, их знания о мире. И.М. Кобозева использует эти возможности в интерпретации концептов значение и смысл [Кобозева 2000]: значение слова/слов, истолковывается, основное, старое, новое; смысл слова, широкий, узкий (указание на экстенционал слова), изначальный смысл (внутренняя форма слова, ассоциируемые со словом представления). Значение можно устанавливать и знать (устойчивость содержания), смысл – искать, улавливать, разгадывать, наполняться смыслом (изменчивость, нерегламентируемость смысла – «высокий смысл слова «меценат»).

Опора на сочетаемость вскрывает некоторые концептуальные характеристики «истины» в её отличии от «лжи»: истина признаётся обязательным компонентом слов извратить, исказить, фальсифицировать, находящимся в пресуппозитивной зоне их значений. «И-слова принципиально отличаются от Л-слов тем, что не могут иметь пресуппозитивного компонента со значением лжи в силу своей большей абстрактности» [Лукин 1993: 74]. Опора на иной вид системных связей слов в языке – парадигматические – позволила автору пролить свет на другие особенности концепта: отмечена невозможность существования И-антонимов к словам довраться, завраться, изолгаться, перевернуть, поскольку «истины» не может быть «слишком много», в отличие от лжи (ср. известное изречение о том, что есть просто ложь, наглая ложь и статистика). Недостаточная лексическая разработка концепта выступает в отсутствии необходимого члена парадигмы, обнаруживаемом в межъязыковом сопоставлении. Ср., например: «На русский язык глагол «erledigen» переводится слишком приблизительно: уладить, закончить – нет точного слова для умеющего содержать все свои дела в порядке. Русские этого свойства в людях не замечают и не ценят» (Ольга Новикова. Мужской роман). Ср. текстовую разработку концептов жизнь и любовь с опорой на металингвистическую деятельность, креативные возможности языка, все виды системных связей слова и типы его значений, фразеологические единицы, что обусловливается профессиональной принадлежностью героини-преподавателя русского языка как иностранного:

«Русский язык... Из всего огромного арсенала слов долгое время, практически год, жизнь моя определялась исключительно глаголами движения. Во-первых, я ПЛЫЛА (графическое выделение автором – *Н.С.*) по течению, во-вторых, НЕСЛА бремя сиротства, в-третьих, ВЕЗЛА, стараясь не выдавать своего горя, груз работ и забот, в-четвёртых, БЕЖАЛА от воспоминаний, в-

пятых, ШЛА потихоньку к выздоровлению, в-шестых, ВЕЛА смертельную схватку с собой, вытягивая себя за волосы из трясины жизненного поражения. И был ещё один глагол, глагол «любить», соответственно, рядом с ним существительное «любовь», два слова, которые занимали мой ум. Вообще-то жизнь свою я мысленно поделила на «доИСТЕРИЧЕСКИЕ» и «постИСТЕРИЧЕСКИЕ» времена и долго анализировала, почему же и как дошла до собственно «ИСТЕРИЧЕСКИХ» (Н. Никитайская. Будь ты проклят, любовь моя).

Лексическая разработка (в единицах разного формата – от слова до целостного текста) актуальных «культурных тем», гуманитарно значимых концептов требует обращения к научному, философскому, социокультурному контексту.

Особенно значима информация культурологического характера, научная, философская, религиозная в разработке культурных концептов в следующих фрагментах из статьи Г. Гачева «Слово и власть» [Гачев 1999], посвящённой книге Игоря Волгина об отношениях писателя и власти на Руси. Здесь с опорой на интертекстуальные связи даётся лексическая разработка концептов «власть» и «истина»:

«Обнаруживать «метафизические ауканья» – азарт первооткрывателя, и мы, читатели, вовлекаемся в эту игру-позорище-игралище Истории созерцать (театральная метафора с привлечением архаичных обозначений в осмыслении концепта «истина» на материале русской истории – *Н.С.*). ... Около двух недель над проектом ... трудилось назначенное Александром II Особое совещание (Кто бы мог вообразить, что в грядущем веке это невиннейшее обозначение будет внушать мистический ужас?)».

Слух души и ума автора полон формулами и нашей эпохи, и они хорошо работают в освоении русской действительности. Так о юном великом князе Константине Константиновиче:

«Он, как и большинство молодых людей его возраста, постоянно думает – да простится нам эта рискованная историческая инверсия – «делать жизнь с кого» («С товарища Дзержинского», – ответит Маяковский – Г.Г.). И автор имеет право на таковые стилистические анахронизмы, ибо он разыскивает константное в русском бытии, архетипическое, «обратные угадки судьбы» и его повествование – не по Истории, а по Истине: что есть уже оптика не учёного, а художника...»

Здесь лексическую экспликацию имеет и базовый концепт (слово Истина с заглавной буквы предполагает правомерность привлечения разных типов знания в их единстве), и его разнообразные признаки, допускающие включение в ассоциативное поле металингвистических, исторических, филологических и

др. ассоциаций, сближающих его с ассоциативными полями других концептов (История, власть и т.д.). Ср. ещё:

«Роскошь самопротиворечия позволяет себе божественный Логос – опять же для полноты Истины. Тогда, при надёжной крепкой власти, индивид может не дрожать–заниматься оградой своего тела жизни, но сосредоточиться внутри себя и упражнять нравственный закон христианства в отношениях человека с человеком, очищать–спасать душу и руководствоваться совестью. Зона же государства – право и закон, форма, практика, а не со-весть = со-ведение, со-знание, со-зерцание, теория. При парности, дополнительности таковой и жизнь богаче, а понимание мира и человека стереоскопичнее».

Как видим, ассоциативное поле концепта Истина, преломленного через призму христианского мировидения и его словаря, находится в отношениях дополнительности с ассоциативным полем концепта Власть. Не случайно номинация их атрибутов помещена в синтаксическую конструкцию сопоставления, а графические средства используются как апелляция к исконному смыслу слова совесть, обращённому не только к эмоциональной, но и к рациональной сфере человека, к общей его духовности.

Таким образом, содержание культурно значимых концептов для своего объяснения предполагает выход в лингвокультурологическую проблематику. Специалисты разных областей знания подчас вынуждены обращаться к слову, породившему «химеры» в общественном сознании и бытии, особенно такому, которое навязано и тем не менее имеет прямую действенную силу. В этих случаях отчётливо обнаруживается активная роль слова в процессах концептуализации мира, в формировании стереотипов массового сознания, в управлении пониманием (проблемы «лингвистики лжи»), в послыном восприятии концепта разными социальными группами носителей языка. Слова-мифологемы могут служить базой для создания нетривиальной концепции, например, философской, исторической, этнологической. Так, доктор исторических наук, профессор, директор Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишков, один из виднейших авторитетов в этнологии, социальной антропологии, в области межэтнических отношений и этнической политики, назвал свою статью «Нация – это метафора, укрепляющая предрассудки» [Тишков 2000].

В раскрытии содержания мифологического концепта, названного в заглавии, и утверждении иной реальности автор–нелингвист вынужден прибегнуть к процедуре металингвистического, лексико-семантического и когнитивного анализа, что отмечается уже в заглавии как тематической и концептуальной свёртке текста, квалифицирующем концепт нация в качестве метафоры, а не научного термина, за которым стоит объективная реальность и

однозначность смысла. Рассматривая слово «нация» как метафору, создающую фетиш и ведущую к национальным конфликтам, он призывает к «отказу от слова-призрака нация и его производных. Категория нация – государство бессмысленна в научном и неприменима в политико-правовом смысле. Называть государство «национальным» – всё равно что называть его «розовым» или «синим». Многие из конфликтов XX века произошли именно из-за несоответствия самоназванных наций и существующих государств».

Большая роль в развенчании мифологемы отводится учёным: можно начинать с языка науки, а ещё лучше, чтобы от слова «нация» одновременно отказались все его основные «потребители».

«Слово «нация» – это метафора в нашем научном и политическом обиходе, слово, наполненное смутным, но привлекательным для разного рода активистов содержанием, и из-за него мы упускаем нечто гораздо более существенное, поскольку оперируем ложным критерием. Вот почему я не устаю призывать забыть о нациях во имя народов, государств и культур...

Из-за того, что люди начинают делить себя (а потом и территорию) по принадлежности, да ещё и по крови, ничего не получается, кроме этой самой крови. Культура от этого не выигрывает».

Значительная роль в утверждении концепции отводится значимости родного языка этноса:

«... В человеке может быть много народов, и все они должны взаимодействовать. Если бурят или чуваш с детства говорит на русском языке, то это его родной язык... Существует гегемонистский, или доминирующий, национализм (от имени господствующей этнической группы или государства) – и периферийный, или защитный (от имени этнических меньшинств). Последний проявляется в разных формах: от культурного национализма до вооружённого сепаратизма... У нас же нет понятия нации по территории, по гражданской идентичности – скажем, российской или татарстанской. Существует понятие нации по этнической идентичности. И от этого возникает очень много недоразумений... Этнический национализм очень конфликтогенен. Построить на нём прочное государство в принципе невозможно... Понятие многокультурной, многоэтнической гражданской нации более эффективно. Его можно реализовать. А понятие этнической нации – это во многом социальная конструкция, созданная силами учёных-этнографов, политиков, бюрократических администраций. Многие советские нации вообще были сконструированы в результате чисто волевых, административных решений».

Автор утверждает принцип территориальности и гражданства:

«Обычно люди имеют самые разные представления о своей этнической общности. Среди русских, например, существует масса вариантов того, что

значит быть русским: для одних это язык и высокая культура, для других – православная религия и традиция соборности, для третьих – любовь к ландшафту и русской зиме, для четвёртых – загадочная коллективная душа и особая миссия, для пятых – держава и историческое величие; наконец, это может быть просто «русская физиономия» и фамилия, оканчивающаяся на «-ов». И так среди всех народов, если в какой-то исторический момент группа не обретает некий общий символ-демиург».

Он отмечает несоответствие нашей традиции – языковой, политической, академической – общемировому контексту: «во всём мире «нациями» мы называем государственные образования, то есть согражданства, а у себя – этнические, культурные общности. К лингвистической аргументации в освещении содержания концепта автор обращается и в заключении:

«Я считаю, что нам нужно отказаться от несостоятельной формулировки нации как высшей формы этнической общности. И то, и другое является метафорой, или очень плохой, неоперациональной академической дефиницией, или традицией политического языка, за которой стоит гораздо более сложная реальность».

Таким образом, лингвистический анализ слова – имени концепта – выступает здесь в разных своих ипостасях (лексико-семантической, когнитивной, культурологической) средством утверждения новой политической реальности.

Косвенным подтверждением того, что концепция специалиста и наивно-языковые представления современной молодёжи в чём-то существенном сходны, является включение слова нация в качестве реакции в ассоциативное поле стимула национализм наряду со словами, несущими негативные эмотивно-оценочные и идеологические коннотации, в РАС (книга 5): фашизм, шовинизм, расизм, вреден, капитализм, коммунизм, махровый, Гитлер, Баркашёв, Жириновский, глупость, дискриминация, еврей, жестокий, жуткий, идиотство, интернационализм, кровь, нацист, односторонность, опасен, садизм, негр, страшная черта человечества, тоталитаризм и др.

Лексическая структура другого текста обнаруживает иные элементы ассоциативного поля концепта нация, хотя он и не назван напрямую, имплицитно в содержании ассоциатов текстового поля. В статье В. Познера «Кое-что о национальной идее...» [Познер 1999] содержание концепта раскрывается в контексте русской ментальности, исходящей из древнейшей оппозиции в познании мира: своё – чужое:

«Дело в нашем менталитете, в менталитете несомненного большинства россиян, которые, с одной стороны, любят поговорить о превосходстве «русского» надо всем остальным, о том, какие недоделанные дураки эти

«америкашки», «немчура», «косоглазые» и прочие неславянско-неправославные чужаки, а с другой, очень даже легко перед этими «чужаками» встают в позу «чего изволите?» и абсолютно по-хамски относятся к своим, российским согражданам. Почему? Да потому, что веками жили как холуи, а холуй не уважает никого, прежде всего самого себя. Так вот, в качестве национальной идеи предлагаю: самоуважение. Научившись уважать себя, мы станем уважать других, независимо от их национальности, расы и религии. И они, глядишь, станут уважать нас. Представляете, какой кайф?»

Здесь, как видим, содержание слова национальный предполагает связь и с понятием нация, и с понятием национальность, то есть совмещает государственно-правовой и этнокультурный аспект проблемы национальной идеи (двойственная мотивированность лексического значения имени прилагательного как бы делает излишним одно из производящих, язык сам нивелирует те различия, которые связаны с мифологической или во всяком случае не доказавшей свою жизнеспособность и объяснительную силу идеей). Любопытно, что совмещение указанных смыслов в слове национальный проецируется и в ассоциативное поле этого слова, как оно дано в РАС (книга 5), отсюда почти полное отсутствие у членов поля негативных эмотивно-оценочных смыслов. Ср. в кругу наиболее частотных ассоциаций: герой 13, флаг 9, вопрос 8, гимн, конфликт, язык 7; банк 6, костюм, русский 4, танец 3, округ, праздник 2... альянс, герб, гордость, достижение, народный, обряд, обычай и др.

Если в тексте В. Познера проблема национальной идеи решается преимущественно в контексте этнической ментальности, морально-психологических культурных установок, то в политическом дискурсе, в жанре политического анализа и прогноза характер лексических связей в ассоциативном поле меняется.

Приведём фрагмент статьи в «Аргументах и фактах» (2001, № 6) под рубрикой «Особенности национальной реставрации», отсылающей к индивидуально-текстуальным связям с названиями популярных фильмов и известным историческим событиям мировой послереволюционной истории. Сама рубрика, включающая слово «национальный», уже насыщена культурологической информацией, связанной с различными областями культуры и типами реализующих ее дискурсов:

«Посмотрим, станет ли президент таким, каким его рисует воспаленное воображение “эмигрантов”. Его ориентиром, скорее всего, будут пожелания тех самых средних русских, которые его выбрали. Пожелания укладываются в простую формулу: рынок без базара, свобода без вседозволенности, порядок без

диктатуры. Может быть, в этой триаде и состоит наша сегодняшняя национальная идея? Константин Сергеев, Виталий Цепляев»

Здесь обозначены и носители этой идеи – «средние русские» (в противоположность «эмигрантам» и «новым русским», ориентиры которых определяли политику прошедших десятилетий), и экспликатеры идеи стабильности, порядка, определяющие формулу национальной идеи сегодня.

Таким образом, концептуальный и лингвокультурологический анализ семантической основы гуманитарного знания сближает опора на ассоциативные поля концепта, обнаруживающие себя и на уровне словарных дефиниций, и в ассоциативно-вербальной сети испытуемых, и в межтекстовых связях слов, входящих в ассоциативное поле концепта. Многообразие его проявлений объясняет принципиальную нелимитируемость ассоциативного поля концепта, тот аванс, который оставляет называющее его слово для дальнейших интерпретаций в новых возможных мирах. Изменчивая природа концепта связана как с многообразием меняющихся свойств объективного мира, так и с эволюцией человеческого знания о мире, сменой угла зрения на уже известные факты, помещением их в новые ментальные пространства. Будучи «языком мысли», они реализуют себя в пропозициях, фреймах, образных схемах, гештальтах, категориях базового уровня и других способах ментальной репрезентации объекта субъекту познания. Внимание к этим категориям, особенно к метафорическим моделям концептуализации, также сближает когнитивистику с лингвокультурологией и методы, которые ими используются в семантическом анализе. Ср. в этом плане высказывания составителей сборника «Фразеология в контексте культуры» [Фразеология 1999]: «Семиотический подход к рассмотрению феномена культуры создаёт предпосылки для анализа взаимодействия её «языка» с естественным языком на едином методологическом основании» (Там же: 19), причём знаковое содержание этого особого «языка» культуры отражено в панхронической совокупности её кодов, реализуемых в разных типах дискурса, в разных текстах. Или: «Лингвокультурологический анализ... нуждается в дополнении его лингвокогнитивным и другими видами анализов в русле антропологической лингвистики» (Там же: 32).

Рассмотрим возможность такого взаимодополнения на примере анализа текстов этюдов Е. Носова «Травный ветер», многие из которых направлены на утверждение гуманистического идеала, общечеловеческих ценностей, уникальности человеческой жизни, органической её связи с жизнью природы.

Смотри и радуйся.

В конце апреля, в ещё голом, сквозном лесу, на возвышенных прогретых местах сквозь жёсткую подстилку пробивается сон-трава. На нежных

опушённых стеблях, как бы ещё не окрепших от перворождения, поникше дремлют крупные сине-фиолетовые цветы. Об эту пору растеньице ещё без единого листочка: просто стебель и на нём – цветок. Сон-трава так и зимовала под снегом, под опавшими древесными листьями с уже готовым бутонем, с тем, чтобы, пока вокруг ещё нет ни одной травинки, первой пробиться к солнцу, поскорее развернуть бутон и понежиться, подремать в ласковых вешних лучах. Ничего подобного этой яркой, праздничной сини нет во всём пока ещё не прибранном, буро-жухлом лесу, и потому так радостно изумишься, когда ещё издали, за много шагов, увидишь это диво весны.

Рвать цветок нельзя. Он и сам по себе трепетно-нежный, неприкасаемый и даже под бодрящим апрельским солнцем не в силах приподнять дремотно опущенной головы. Если же его сорвать, то он тут же безвольно поникнет и уснёт навсегда... Оттого и назван так – сон-трава.

Но вот всё-таки рвут многочисленные посетители вешнего леса! Рвут и вскоре бросают. Бросают из-за этой нежной неприкасаемости растения, а стало быть, из-за его бесполезности и ненужности. Бывает, в воскресный день все лесные тропки, ведущие к электричке, усыпаны завядшими и растоптанными цветами.

А ведь с меркантильной меркой (полезное – бесполезное) мы относимся не только к природе. Это потребительство распространилось и на общение с человеком. Прежде всего прикидывают: что от этого можно иметь? Нужный человек или ненужный? Можно извлечь из него что-либо для карьеры, «для дома, для семьи»? Или хотя бы для гаража?.. Больше того, так стали выбирать себе жениха или невесту... Рвут и вскоре бросают. Рвут и бросают... А ведь ещё бабушка моя говаривала: смотри и радуйся...

Ключевые концепты, названные в тексте (человек и природа), связанные в единый гиперконцепт жизнь, не названный, но выводимый из ассоциативного поля концептов, раскрываются с опорой на гештальт сон-трава. Его ассоциативное поле, в свою очередь, включает в себя антропоморфные метафоры – поникше дремлют, понежиться, подремать, не в силах приподнять дремотно опущенной головы, безвольно поникнет и уснёт навсегда и др., эмотивно-оценочную лексику – растеньице, яркий, праздничный, радостно изумишься, диво, трепетно-нежный, неприкасаемый, выводящие на авторские интенции. Последние подчёркиваются и привлечением целевых конструкций в обозначении действий цветка как целенаправленных (маркёр с тем, чтобы), и прямым авторским запретом в абзацной фразе: Рвать цветок нельзя, и знаком недоговорённости, требующей встречной активности адресата – многоточием, и метаязыковой ремаркой Оттого и назван так – сон-трава.

В лексической структуре текста выражены два типа отношения к жизни: гуманное и потребительское, первое оказывается приоритетным для автора. Об этом свидетельствует вынесение в семантически значимую позицию заглавия и конца высказывания, афористически выражающего освящённое народной традицией (А ведь ещё бабушка моя говаривала) правило, эталон жизненного поведения в отношении к природе и человеку: смотри и радуйся. Оно находится в контекстной оппозиции другому символическому соединению слов рвут и бросают, неоднократно повторенному по мере развёртывания концептуального содержания текста с отталкиванием от прямых значений глаголов и обретением ими смысловой неоднозначности, прототипического эффекта. В пропозициональную структуру этих глаголов входит указание на субъект действия – многочисленные посетители вешнего леса, на неопределённое лицо в соответствующей глагольной форме, жених и невеста. Объект действия в тексте – цветок, время – вскоре, причина действия – из-за этой нежной неприкасаемости растения, из-за его бесполезности и ненужности. Помимо элементов пропозициональной структуры глаголов в ассоциативное поле концепта «потребительство» входят меркантильный, полезное – бесполезное, прикидывают, иметь, нужный или ненужный, извлечь, для карьеры, для дома, для семьи, для гаража. Они помещены в серию вопросительных предложений, представляющих по сути концепт как свой когнитивный аналог, фрейм, сценарий. Таким образом, ментальное пространство художественного текста, рисующего модели отношения к жизни, принимаемого или отвергаемого автором, может быть выявлено с привлечением концептуального, пропозиционального, фреймового, элементов лингвокультурного и контекстного анализа в их сочетании и взаимодополнении.

Ср., например, текстовую реализацию такого когнитивного аналога, как фрейм, организующего авторскую интерпретацию концепта «счастье» за счет попеременного заполнения узла, слота – в чем и сведения его содержания к искренности.

О счастье

Один мудрец на вопрос, что такое счастье, ответил, что счастье – это быть искренним. Так неожиданно на первый слух! Ведь принято считать, что счастье в труде, в нужности людям.

Но, поразмыслив, приходишь к согласию: и в труде нужно быть искренним, иначе труд станет обузой.

И людям ты нужен лишь тогда, когда искренен с ними.

Взаимодействие антропоморфного и природного кода, их единство и взаимопереводимость с одного «языка» на другой обнаруживает и лексическая

разработка зооконцепта, обозначенного в названии этюда «Зимние птицы». Возможность использования взаимодополняющих видов анализа в русле антропоцентрического анализа таких культурных артефактов, каким предстаёт художественный текст, выявляется и здесь, но с акцентом на семы целенаправленности в глагольных пропозициях (ср. выделенные в тексте слова), а также на зооморфный характер метафоры в подтексте (русская неказистая птица, пёстро расфранчённые заморские хозяева). Таким образом, ядерные и потенциальные семы концепта человек предстают в орнитологическом семантическом пространстве. Ср. построение соответствующего семантического поля с опорой на системно-языковые и текстовые гипо-гиперонимы:

Зимние птицы

Сажанный сосняк, сквозной и чистый, с одной лишь хвойной подстилкой, сменил густой, непроглядный урёмник... сюда, в эту ещё девственно-непричёсанную урёмину... слеталась на зимовку всякая крылатая живность.

Вертелись, бегали вверх-вниз по озябшим стволам сизые поползни, грустно просвистывая затихшую чащобу.

Семейками в пять-шесть душ перепархивали синицы в чёрных платочках, обследовали каждый случайно уцелевший на ветке листок, каждую подозрительную зазоринку, заглядывали в разверстые пасти ракитовых дупел, где среди смёрзшейся гнили мог затаиться на зимовку какой-нибудь онемевший, бескровный червячишко...

С ливневым шелестом сорвались с дороги, на которой невесть что клевали ничейные, нигде не прописанные урёмные воробьи, обсыпали куст чернотала. Вытирают об ветки носы с таким видом, будто только что пообедали из трёх блюд. Но по взъерошенным загривкам без труда можно понять, что клёв этот на лесной дороге был пустопорожним, так только, чтобы не сидеть без дела. А уж что они будут клевать, какую отыщут поживу, когда вьюга завалит землю и вымолотит из травинки последние семечка, как перебьются, одолеют зиму – одному Богу ведомо, да и то вряд ли...

И снегири уже объявились в урёме, прилетели из северных краёв. Одеты тепло, в толстые зобастые шубы, а поверх шуб повязали красные фартуки, чтобы не замарать одежды. Сидели по деревьям степенно, чинно, будто старинные лабазники, и с той же степенностью, не жадничая, не поспешая, а будто помня, что они здесь, хотя и тоже в России, но всё же залётные с севера гости – ярославские, костромские, вологодские – срывали с кленовых веток крылатые семечка, для них, для гостей, диковинные, заманчивые, так и этак неспешно поворачивали в толстых клювах, принаравливаясь к замысловатому яству, и наконец разобравшись, что к чему, найдя в семени отмычку, раздваивали его и пускали по ветру крылатые кожурки. И перед тем, как сорвать новое, склонив голову набок, с интересом наблюдали за кожурой, как та, запорхав

мотыльком, долго летела прочь, пока не ударялась случайно о встречную ветку и не сбивалась с полёта.

Все эти пернатые семейки соглашались и на стужу, и на несытое коротанье ради того только, чтобы не покидать родных мест, не лететь за синь-море, где, может быть, и тепло, да зато одиноко российской неказистой птахе среди чужой вечной зелени и пёстро расфранчённых заморских хозяев.

Единство мира человека и мира природы как проявление единства бытия универсума интерпретируется также с опорой на концепт базового уровня – собака, лексическая структура этюда строится на основе включения этого концепта в личную сферу адресанта и организуется позицией автора-наблюдателя, познающего единые законы жизни для разных живых существ. Ср.:

Час прогулки

В летний полдень, в час прогулки, в мою комнату вошла собака. Нездоровилось, я лежал на диване и услышал её по стуку когтей о паркет.

Собака долго смотрела на меня тёмными, с терновой просинью глазами, я же прикрыл веки и нарочно задышал глубже, ленясь вставать, чтобы идти с ней на улицу. Она, ещё сколько-то понаблюдав за моим лицом, наконец, поверила, что я сплю, и, сокрушённо вздохнув, отошла прочь. Скучаяще обойдя помещение и обнюхав моё пустое кресло у письменного стола, она остановилась посередине комнаты и уставилась в окно.

А там беспечно, с ликующим визгом носились стрижи и была такая безмятежная полуденная синь, такая воля! И пес изваянно стоял и стоял, глядел в безоблачный полдень, охваченный какой-то своей горестной думой, вроде: «А жизнь проходит».

Особое место в интертекстуальном культурном пространстве автора занимает метафора в её когнитивном истолковании, как одна из форм ментальных репрезентаций объекта культуры её субъекту. В этом понимании не имеет существенного значения, как считают лингвисты (Ю.Н. Караулов, Н.Г. Брагина), живая это метафора или мёртвая, ибо и та, и другая отражает кодовые переходы от одного пласта культуры к другому, различаясь степенью осознания её двуплановости и теми предметными областями, типами текстов, дискурсов, из которых метафоры черпают, как из источника, свои вторичные, духовные смыслы, раскрывая интерпретационный механизм слова и стоящей за ним модели сознания. Так, наряду с рассмотренными ранее интерпретациями темы человек, его жизнь автором используется и традиционная метафорическая модель «пути, полёта», и модель артефакта – «воздушный шар»:

На воздушном шаре

Человека в известной мере можно сравнить с воздушным шаром: к концу пути, когда слабеет полётная сила, приходится выбрасывать из перегруженной гондолы даже самое сокровенное, например, привычку выпить, покурить с другом. Жалко, но что поделаешь: хочется ещё хоть как-то протянуть, продлить полёт и не так круто грохнуться в небытие.

Предметом интерпретаций в этюдах Е. Носова служит и концепт культуры – «творчество». Авторская саморефлексия как способ осмысления природы писательского творчества и привлечения внимания адресата предстаёт в лексической структуре текстов этюдов прежде всего с опорой на неожиданные модели метафор в построении новых ментальных пространств, хотя в разной мере привлекаются и другие, рассмотренные ранее ментальные репрезентации. Рассмотрим с использованием разных видов анализа этот концепт:

Дорога к книге

Писать книгу – всё равно, что отправляться в дальнюю дорогу. Будут и непроходимо вязкие места, сокрытые туманом неясностей и сомнений. Придётся буксовать в непролазных фразах, блудить в сюжетной чащобе. Встанут на пути и крутые, неподатливые взгорья, на которые поначалу нерасчётливо, по-мальчишески захочется взбежать единым духом, но вскоре выбьешься из сил и остановишься с отчаянной мыслью всё бросить...

Но встречаются и такие отрадные места, похожие на степные просторы, когда шагать привольно и радостно и заранее видно, куда идти.

И всё же самые счастливые минуты те, когда из последних сил взойдёшь-таки на гору и поставишь последнюю точку, как знамя победы...

Традиционная культурная метафора пути, заданная в заглавии, подкрепляется пейзажными, ландшафтными метафорами, необычными сочетаниями, в которых абстрактные идеи, связанные с процессом творчества и его трудностью, преломляются в гештальтах разного рода: непролазные фразы, сюжетная чащоба, туман неясностей и сомнений. В тексте развёртывается фрейм путешествия, включающий в лексическую структуру многочисленные глаголы движения и их ассоциаты (слова с семой места, направления, личностного угла зрения говорящего: буксовать, встречаются, взойдёшь-таки и мн.др.). Из других тропеических фигур – сравнение в конце текста, уподобляющее завершение книги военной или спортивной удаче. В терминах иных культурных кодов, отсылающих к иным областям художественной или прикладной практики осмысливается автором процесс «писания» в противопоставлении «строчкогонству» в этюде «Вышивание крестом».

У другого автора способом создания «ментефакта» – лексической структуры текстового фрагмента с базовым концептом кошка (категория базового уровня в картине мира говорящих), – напротив, слово служит источником метафоры, позволяющей рассматривать объекты реального мира с точки зрения профессиональных интересов автора и связанных с ними неожиданных интерпретаций:

«Кошки – это слова, только пушистые и живые: как и слова, они бродят вокруг нас, но не дают себя приручить. Усадить кошку в корзинку перед отходом поезда не легче, чем вызволить из памяти нужное слово и усадить в нужное место на белом листе. Слова и кошки относятся к разряду неуловимых» (Эрик Орсенна. Два лета).

С опорой на прототипические значения, характеризующие повадки кошек, создаются синкретичные смыслы, оправдывающие исходную текстовую метафору и ту новую категоризацию фрагмента реальности, которая представлена в заключительном выводе. Ассоциативное поле «вербального» концепта пересеклось с ассоциативным полем зоонима по своим периферийным семам, актуализованным или наведённым в контексте. Пример любопытен и в плане аргументации возможностей совмещения когнитивного анализа с собственно семным в выявлении механизмов появления выводного знания.

Если же вернуться к анализу методов лексической экспликации концепта «творчество» у Евг. Носова, то уровень языковой и культурной компетенции автора обнаруживает себя в многообразии тех предметных областей, которые определяют тип когнитивной метафоры. Содержание этого типа метафоры (в отличие от номинативной и образной) Н.Д. Арутюнова связывает с результатами сдвига в сочетаемости предикатных слов (переноса значения) и созданием полисемии. Конечная стадия этого типа метафоры – генерализующая метафора, стимулирующая возникновение логической полисемии. Когнитивные аспекты метафоры рассмотрены также в «Словаре русских политических метафор» [Баранов и Караулов 1994] и в материалах к этому словарю [Баранов и Караулов 1992].

В миниатюре Евг. Носова «Главный лакмус» представлены такие метафорические модели, как химическая, искусствоведческая, бытовая, этическая, психоментальная. Организует процесс понимания текста пропозиция глагольной формы написана и её актанты (глубинные роли фрейма писать – о чём и как).

Главный лакмус

Когда надо конкретно ответить на вопрос: «Состоялся или не состоялся писатель?», – лично я прибегаю к следующему критерию, который, кстати, никогда не подводил. Для меня важно в первую очередь не то, о чём написана книга, а то, как она написана.

В самом деле, когда экзаменуют молодого певца, то прежде всего слушают его голос, его исполнительские возможности, а не репертуар. Репертуар – дело наживное...

Разумеется, идейное содержание творчества, его общественная полезность не могут быть сброшены с чаши весов. Это очевидно. И всё же – как написана книга – вот главный лакмус! Ибо «о чём» – исправить ещё возможно, а вот «как» – это уже пожизненно. Именно от этого качества и зависит – быть или не быть писателю.

«О чём», но без «как» – та щель, через которую всегда старается проскочить бойкая амбициозная конъюнктура, бескрылая серость.

Трудности писательской работы, этапы творческого процесса в авторской саморефлексии концептуализируются с помощью сквозной «военной» метафоры. Её организует название типа военной операции, с которым соотносятся названия последовательности действий (план–сценарий), предполагаемых этим типом и выражаемых глаголами активного действия, смысловой сдвиг в которых связан с сопряжением исходного и результативного фрейма. Сигналы смысловых смещений и построения нового ментального пространства в результате авторских усилий – необычное сочетание слов, являющееся истинным только в данном «возможном мире»: углублять сюжетные траншеи:

Начало главы

Никогда не писал многоглавных романов.

Мне кажется, что начинать новую главу – всё равно, что предпринять десантную операцию, свершить бросок на ту сторону неведомого... Сначала хотя бы только мыслью зацепиться за чистый лист бумаги, вчерне, наспех обозначить замысел. А ухватившись, начать окапываться, углублять сюжетные траншеи, налаживать связь с прежде написанным в ожидании главных слов и мыслей.

Свою языковую и лексикографическую компетенцию автор оценивает и в терминах вкусовой метафоры:

Сила привычки

Долгие годы не знал, не ведал чёрной икры. И вот один волжский знакомый прислал по случаю баночку. Но я её так и не открыл, а только повертел в руках, поглядел наклейку.

Так вот и со словарями у меня: долгие годы не заводил никаких словарей, не имел к ним вкуса. А когда однажды принесли Даля, то он, вроде той икры, и по сей день лежит без надобности. Не привык я роскошествовать даже в письме, обхожусь тем словарём, что сам нажил. И хотя понимаю, что теперь и не грех бы иной раз на досуге полистать Даля, так просто, для интереса, для удовольствия, как прочитывают стихи. Но не привык как-то...

Всё надо делать в своё время. И читать Даля, и... есть чёрную икру. Пока не окостенели привычки.

Разнообразие метафорических моделей служит также осмыслению природы поэтического творчества.

О поэзии

Настоящая поэзия мне всегда представлялась ... хорошо прожаренным ржаным сухарём. И пусть вас не пугает это сравнение. В отличие от сырой буханки хлеба из него выпарено всё лишнее, оставлено только сухое концентрированное вещество. Да, о сухарь иногда ломают зубы и дерут рот. Но какая же это поэзия, которую, как размазную, заглатывают, не жуя! Зато не забыть аромата, когда разжуёшь кусочек! И дымом, и домом, и полем, и Русью, и вольной волей повеет от каждой его крошки. И ты изумлён: из чего?..

Мудрая природа искусства избегает опасного перенаселения, которое ведёт к пресыщению и девальвации и самого искусства. Один из моих друзей заметил, что если бы всё небо было сплошь усыпано звёздами, то мы не увидели бы самих звёзд. Истинный талант редок и будет редкостью вовеки и потому он имеет значимость всенародной ценности.

Лес велик, бессчётно в нём деревьев, кустарников и всяких цветов и трав. Каждое из этих растений по-своему прекрасно и полезно. Но в том-то и дело, что их много, потому они своим сообществом и составляют лес. А вот женьшень в этом лесу может оказаться всего один корешок. Или вовсе не оказаться. Видимо, и здесь, в лесу, природа позаботилась о том, чтобы избежать пресыщения и не дать каждому лопуху мнить себя корнем жизни.

Аромат поэзии, её духовная, общекультурная значимость, основные «культурные темы», в ней выражаемые, национальные символы (дым, дом, поле, Русь, вольная воля) передаются с помощью вкусовой, обонятельной, то есть сенсорной метафоры.

С другой стороны, здесь использована и космическая модель, и растительная в обосновании редкости и уникальности истинного таланта, имеющего «значимость всенародной ценности». Разные метафорические модели, меняя угол зрения на объект, дают стереоскопическое, а не плоскостное его изображение, представляют концепт во всей его сложности и многообразии

свойств и проявлений, зависящих обратной связью от тех ситуаций употребления и типов дискурсов, в которых формировалось его содержание.

Таким образом, использование в анализе лексической разработки различных культурных концептов таких методов, как концептуальный, культурологический, семный, контекстный анализ в их единстве позволяет с очевидностью обнаружить семантическую (лексико-семантическую прежде всего) основу разных видов гуманитарного знания, ибо «язык в своём существе... – это среда, в которой сбывается историческое человеческое существо» [Бибихин 1993:17].

Гуманитарное знание, если осмыслять как его элемент, одну из составляющих и языковую способность человека, включает в себя и знание о законах коммуникации, диалогичности общения.

Определённый вклад в осмысление роли языка, слова как семантической основы гуманитарного знания вносит и использование аппарата лингвосинергетики. Так, идеи малого резонансного воздействия, разного энергетического уровня состояния психической активности, возможности привнесения потока информации и энергии в открытую систему, какой является человек, лежат и в основе педагогической программы ненасилия как базы гуманизации образования, отрицающей педагогику насилия. В соответствии с этой программой необходим и отказ от манипулирования сознанием с помощью языка.

Выбор языковых средств в диалогах с несимметричными ролевыми отношениями коммуникантов (типа учитель – ученик, воспитатель – воспитуемый) должен определяться отказом от монополии на язык, от средств прагматической аргументации в ущерб истинности высказывания, готовностью к коммуникативному сотрудничеству и компромиссам, речевой самокритикой и самоограничением, учётом параметров и возможностей адресата, его точки зрения и отражением этого учёта в текстопорождении, готовностью к общению в щадящем режиме с соблюдением прав личности. Ср. отражение в лексической структуре текста педагогики насилия с её базовыми отношениями мучитель – жертва:

«Учительница пахла свежеструганными досками, а это было для меня тогда – запахом гроба. Хоронили прадедушку, во дворе стояла крышка и остро пахла, как мучительница географии. Одним словом, мы обе, прикасаясь друг к другу, содержали в себе некую информацию о смерти другого. Но если её положение в мире по отношению к моему позволяло ей говорить, что «дитё недолговечно», то обречённое дитё сказать ей про запах гроба не могло. У дитя были строгие понятия, что можно говорить, а что нельзя» (Г. Щербакова. Митина любовь). Драматизма ситуации не снимает выбранный автором угол

зрения – с позиций выросшего ребёнка – и соответствующий ему пародийный способ повествования. Детские впечатления передаются через параномастические сближения, свойственные детской речи, – учительница – мучительница, через обонятельные ассоциации, связанные со сценой похорон. В ассоциативное поле слова смерть (как итог насилия, разрушения, катастрофы) включаются слова гроб, хоронили, недолговечно, обречённое. «Строгие понятия» оборачиваются монополией на слово одного и безгласностью другого, монолога вместо диалога, подавлением права слабого. Педагогика насилия – порождение тоталитарного режима, режима насилия. Вот как об этом пишет Ф. Искандер в текстовом фрагменте, лексическая структура которого обнаруживает удивительное созвучие с идеями синергетики: хаоса как творящей и разрушающей стихии, неравновесного состояния сложной системы:

«Знаменитое изречение Ницше: «Падающего толкни»... Марксизм – в сущности, нищезанятие, только без его поэзии. В роли сверхчеловека – диктатор. Его главный лозунг: «Буржуазное общество падает – толкни его». И толкали, как могли. В результате развалились сами. При этом без всякого внешнего толчка. Это лишний раз напоминает нам о том, что каждый человек в отдельности и каждое общество должны быть озабочены собственной устойчивостью. Сосредоточившись на мысли о чужой неустойчивости, мы поневоле забываем о собственной устойчивости» (Думающий о России и американец). Парадоксы хаоса преломляются в парадоксальности человеческого сознания, психики, её мироустроительной и разрушительной функциях и концептуализируются в тексте с опорой на строительную метафору:

«Но как они победили? Кроме насилия, есть один психологический эффект, который использовали большевики. Человек, разрушающий свой собственный дом, по меньшей мере, кажется безумцем. Человека, разрушающего все дома на улице, мы склонны воспринимать как проектировщика новой, более благоустроенной улицы. Человеческий мозг отказывается признавать тотальное безумие и ищет ему рациональное оправдание. Такой особенностью человеческого сознания всегда пользовались творцы всех великих переворотов» [Там же].

С разнообразными лексическими проявлениями малых резонансных воздействий ненасильственной педагогики мы встречаемся в жанре переписки газеты с читателем, например, в «Аргументах и фактах» (особенно в приложении АиФ – «Я молодой»). Подробно они рассмотрены в работах Е.А. Суховой [Суховой 1997, 1999]. Здесь ограничимся лишь одним примером «сбалансированного» диалога читатель – газета:

«– У меня редкая собака – блю-терьер. Уезжаю на ПМЖ в Германию, хочу взять её с собой, но слышала, что выпускают собак не всех пород. (Л.

Мирзоева) – В северо-западном управлении Балтийской таможни сказали, что за границу можно вывезти собаку любой породы. Надо только привить «друга человека» против бешенства. Все сведения о прививках должны заноситься в ветеринарный паспорт. Кроме того, выезжающим за рубеж собакам на государственных ветеринарных станциях выдают ветеринарные свидетельства. Собаки, вывозимые в Англию или Австралию, в течение месяца должны находиться на карантине, то есть под наблюдением врача. Число покинувших родину собак статистике неизвестно, но по всему видно, что животные активно эмигрируют» (АиФ-Петербург, 1997, № 18, апрель).

Ответ на письмо – запрос информации не только удовлетворяет интересы адресата, но и содержит сигналы понимания его позиции по отношению к «братьям меньшим». Об этом свидетельствует и метафорическое обозначение собаки – друг человека, и представление её как активно действующего сознательного существа – выезжающие, а не только вывозимые, животные эмигрируют. Занимательность, элемент языковой игры рассчитаны и на адресата второго порядка – массового читателя. Понимая, что не все специальные процедуры, связанные с вывозом животных, известны адресату, газета уточняет значение слова карантин через обособленное приложение к нему.

Таким образом, лингвистический анализ текста обнаруживает действие лингвосинергетики не только как объясняющего феномена, но и как способа лексического структурирования текста, находящего отражение в отборе языковых средств и приёмах их организации, в самом способе мышления и стиле авторов.

Среди метафор, «которыми мы живём» (в первую очередь это относится к лингвистам), значительное место занимают визуальные образы, навеянные синергетикой, типа: ментальные пространства (ландшафты), крест реальности с его составляющими вчера – сегодня – завтра по вертикали и внешнее – внутреннее по горизонтали; ситуации здесь и теперь как точка отсчёта самосознания, картины «сгущения» и «разрежения» культурных инноваций (в характеристике перехода явлений среды в языковые проявления) и т.д.

Метафора как свёрнутый миф оказывается в основе процессов концептуализации, упорядочения новой информации на пути от эмпирической ступени познания к рациональной.

Мифологическая основа первобытного мышления, его синкретизм, огромная роль интуитивного начала, лежащие в истоках языка, обуславливают и то его качество, которое может быть названо прогностической функцией в создании семантики возможных миров, текстовой картины мира; потенцированием в слове информации, осознанной, открытой носителями

языка значительно позже или обращённой к миру виртуальной реальности. Ср. у М. Чулаки:

«Точное это выражение – «коптить небо». И появилось оно тогда, когда и догадаться нельзя было о его подлинном глубоком смысле. Только теперь выяснилось, что каждый человек, населяющий Землю, коптит небо в самом прямом смысле этого слова: для человеческого существования нужна энергия, которая, прежде всего, добывается из угля и нефти, самолётного керосина и автомобильного бензина. Всё это горит – и коптит, коптит...» (Харон). Фразеологическому выражению коптить небо – «жить бесцельно, без пользы для других; не делать ничего полезного» (Фразеологический словарь русского языка под ред. А.И. Молоткова) не столько возвращается исходный смысл прототипа – свободного словосочетания, сколько приписывается современное экологическое осмысление, допускаемое как один из вариантов развития исходной семантики. Ср. другой фрагмент этой повести:

«Чем больше душа накопила качеств, тем стала тяжелее. У святых, я думаю, душа может потянуть и грамм на сто пятьдесят. Как у культуристов, которые мышцы накачивают. А у людей совсем бездушных – ноль. Поэтому они и называются бездушные. Как бывают безногие, кому ногу оторвало или ампутировали. – Да-да, подумайте, как точно названо! А ведь ещё не умели души взвешивать, когда слово придумали. Предки вообще всё знали лучше нас».

Интуитивные прозрения, отложившиеся в метафоре, обретают достоверность факта, подтверждённого наукой. Соединение двух типов знания – рационального и мистического – подчёркивается не только речевыми оценками говорящего, но и установлением гипонимических отношений между словами, образованными по общей модели: бездушные – безногие. Словообразовательная близость усиливается и дополняется близостью на лексико-семантическом уровне. Таким образом, смена парадигмы выступает сигналом реализации скрытых возможностей слова в создании семантики возможных, параллельных, альтернативных миров.

«Коллективное бессознательное», архаическое всегда живёт в человеческой душе, его не смогло потеснить понятийное мышление, не решившее человеческих проблем, о чём свидетельствует кризис технократической («левополушарной») цивилизации. Со стохастикой правополушарного мышления связана интуиция как выход на новый уровень самоорганизации системы, «прозрения», основанного на разбуженных интенциях. Ср. в художественном тексте:

«Мы ещё не завтра умрём. Странные он сказал слова. Глупые и точные. А может быть, точные, потому что глупые? Мы недооцениваем глупость. Её

непосредственность, её простодушие. Глупость такое может выдать, что уму не снилось. Пока ум сомневается, глупость произносит. Как часто она вещает с лёгкой подачи интуиции. Да здравствует глупость, которая возвращает надежду! Надежду, что ещё не завтра нам умирать.» (Г. Щербакова. Анатомия развода). «Странность», «глупость», «интуиция», связанные с эмоциональной сферой человека и пробуждающие неожиданные эмоции, противостоят «уму» как рационалистической и по-своему ограниченной форме сознания. В другом тексте того же автора (он указан выше) эта мысль получает шутливо-ироническую интерпретацию:

«Что-то во мне торкнулось, как будто ворохнулась живущая внутри птица. Но тут же всё усмирилось, я вполне могла объяснить торканье причудами того полушария, которое отвечает за дурь и фантазию».

Основой концептуализации души, интуиции выступает зооморфная метафора, а прорыв дорефлексивных форм сознания (причуды, дурь и фантазия) подавляется действием рациональных форм мышления (могла объяснить). Соединение тех и других служит выражением бытия, преодоления энтропии. Ср.: «Бытие – категория антиэнтропийная. Сама жизнь, как планетарнокосмический феномен, есть вызов не-гераклитовой реке – энтропии. Против течения: такова сущность житнетворения – биокосмического, исторического и человеческого. Истина бытия лежит в естественности, а не в метафизических (медитация – та же метафизика) событиях и артефактах... В долинах тоже светят горние светы» [Марков 1985: 287, 154].

Связь общего и специального знания в лексическом структурировании текста

Ещё А.А. Потебня писал о роли слова в познавательной деятельности человека, в процессах концептуализации мира, о слове как основе любого знания, включая и научное: «Путь науке уготовляется словом» [Потебня 1993: 115]. Способность слова создавать идею связывается с его способностью к дифференциации мысли: «как в слове впервые человек сознаёт свою мысль, так в нём же прежде всего он видит ту законность, которую потом переносит на мир» [Там же: 114]. Предпосылки такого перенесения таятся в том, что в слове аккумулируются самые различные, неоднородные суждения о мире: «как о единстве образа мы знаем только через представление и слово, так и ряд суждений о предмете связывается для нас тем же словом. Слово, может, следовательно, одинаково выражать и чувственный образ, и понятие» [Там же: 116]. С учётом дробной, дискурсивной природы мышления и способности языка не выражать готовую мысль, а создавать её, автор определяет и основную задачу истории языка – «показать на деле участие слова в образовании последовательного ряда систем, обнимающих отношения личности к природе»

[Там же: 120]. Сходные задачи решает и современная лингвистическая наука. Исследование тайн языка как «формы, определяющей собой образ мыслей» (по Гумбольдту) находит отражение, как мы видели, в психолингвистических, когнитивных, культурологических (лингвокультурологических) концепциях. Ср.: «Язык, в соответствии с рассматриваемой концепцией (культурологической – *Н.С.*) есть универсальная форма первичной концептуализации мира и рационализации человеческого опыта, выразитель и хранитель бессознательного, стихийного знания о мире, историческая память о социально значимых событиях человеческой жизни. Язык – зеркало культуры, отображающее лики прошедших культур, интуиции и категории миропредставлений» [Постовалова 1999: 30].

Первичная форма концептуализации мира (миф) не отделена непроходимой границей от вторичной, научной, поскольку и миф «произведен стремлением к объективному познанию мира» [Потебня 1993: 121]. Та задача, которую А.А. Потебня ставил применительно к истории языка, может быть поставлена и при анализе лексической структуры текста одного автора, когда он выступает в разных ипостасях: специалиста-филолога, носителя обыденного сознания, писателя и др., демонстрируя смену и взаимодействие различных стилей мышления современной языковой личности. При этом возникают два взаимосвязанных вопроса: какие возможные, альтернативные миры открываются в лексиконе дискурса при введении в него специальной (включая лингвистическую, филологическую, культурологическую и др.) информации и что открывается в самом языке, какие его особенности, собственно лингвистические характеристики при помещении этой информации в необычную среду её бытования (иначе говоря, какова роль специальной и лингвокультурологической информации в углублении собственно лингвистических представлений).

Анализ лексической структуры текста в междисциплинарном аспекте, актуальном отнюдь не только для филологов, предполагает знание и понимание процессов выражения в лексической структуре текста, на 75 % объективирующей его содержание, внеязыковых традиций и новшеств, внутренних тенденций развития языковой системы; особенностей и путей взаимодействия системы и среды, универсального и идиоэтнического в слове; способов лексической разработки общечеловеческих ценностей, этических норм традиционной и текущей культуры; лексических сигналов уходящей культуры.

Иначе говоря, студент должен себе представлять место слова в пространстве культуры, в структуре языковой личности, аспекты его анализа в различных модусах существования языка: в системе языка, в сознании

говорящих, в тексте; роль слова в передаче культурного знания, в формировании концептуальной и языковой картины мира, в формировании языковой способности носителей языка той или иной эпохи; нефилолог тоже должен осознавать связь слова с внешними и внутренними факторами развития языка и человеческого общества; представлять себе лексические ответы на вызовы современности и различные виды дискурсивных практик, обслуживающих разные виды человеческой деятельности, на нужды межкультурной коммуникации. В свою очередь, отражением культурных изменений в мире служат активные процессы, происходящие в лексике, в лексикосистемных свойствах слова.

Всё это не может не отражаться на основных направлениях лексического структурирования текста и осознании их места в общефилологическом анализе, поскольку филология и лингвистика в её составе становятся частью общей науки о человеке. При антропоцентрическом подходе к любому знанию в исследованиях необходимо применять концептуальный аппарат когнитивистики (то есть систему понятий о мыслительных механизмах человека), понимая значение когнитивной семантики в изучении языковой способности человека, его ментальных структур (основные из которых – образ, понятие, символ) и механизмов передачи, хранения, возникновения и изменения информации; привлекать в качестве иллюстраций положений своей дисциплины словарный и текстовый материал различных стилей и жанров, что особенно важно для нефилологов; проводить лексическую апробацию материалов и выводов специального исследования, применять алгоритм анализа лексической структуры текста на всех этапах подготовки творческой работы.

В итоге проведения лексического анализа текста студент должен научиться самостоятельно проводить лексический анализ текста, пользоваться словарями разного типа, извлекать из них нужную для исследовательских целей информацию, проводить фрагмент одного из занятий по теме дисциплины с привлечением лексического анализа текста, использовать информационно-аналитический аппарат, включая электронные данные, при подготовке спецвопроса и в других видах самостоятельной работы, составлять методические и учебные рекомендации по проблематике своей дисциплины с привлечением и анализом текстов; целью занятий служит развитие умений подбирать иллюстративный текстовый материал к положениям своей дисциплины; делать общефилософские и культурологические выводы из содержания, лексически объективированного в тексте, соотносить аспекты лексического анализа текста с концептуальным аппаратом других гуманитарных и естественнонаучных дисциплин. Он должен обрести способность оценивать и интегрировать полученные знания в освоение смежных проблем других

дисциплин и специализаций гуманитарного и естественнонаучного профиля. Тем самым осуществляется интегральный подход к языку, преодолевающий поуровневую ограниченность анализа лексических явлений, достигается интерпретация его результатов в общекультурном и философском контексте; формируется способность интегрировать полученные знания в освоение проблем смежных специализаций и в осмысление своего исследовательского материала с лексикологических позиций. Нужно помнить, что язык и прежде всего лексика становятся универсальным кодом для любых видов человеческой деятельности, включая нефилологическую. Таким образом, казалось бы, узко специальные навыки лексического анализа позволяют глубже понять нефилологическую проблематику. «Лингвистический энциклопедический словарь» [ЛЭС 1990: 618] отмечает ключевую роль языкознания «для всего гуманитарного знания в целом». Это естественно, если учитывать роль языка как знакового инварианта, на язык которого может быть переведено любое знание как достояние человека, результат его деятельности по освоению мира и ориентации в нём.

Известно, что в начале всего было Слово, понимаемое как «идея», «Логос». Это библейское знание дало основу для серии научных концепций, учитывающих данный архетип, включая концепции лингвистические. Последнее чётко проявилось в современных когнитивно-лингвокультурологических концепциях слова, в значимости таких понятий, как картина мира, концептуализация, категоризация, концепт, дискурс и его лексикон и др. Картина мира рассматривается исследователями различных субкультур как то, что определяет ориентацию человека в книверсуме, в мире культурных ценностей. Слово наглядно представляет различные модусы существования языка: в системе, в ассоциативно-вербальной сети носителей языка и в совокупности текстов; неопределима роль слова в развитии интеллекта языковой личности, в её гармоничном развитии. В эпоху жёсткого разделения на физиков и лириков первые часто формировались как узкие специалисты, многие были «зациклены» на технических проблемах и не считали нужным выходить в область гуманитарного знания. Хотя справедливости ради следует сказать, что часть технической интеллигенции была более начитанной и часто лучше владела словом, чем гуманитарии.

Известно, что основным препятствием в процессе межкультурного общения являются национально-специфические особенности контактирующих культур. Между тем, границы явления межъязыковой лакунарности остаются нечётко очерченными, в лингвострановедении не разграничиваются с достаточной определённой термины «лакуна», «слова – реалии» и «безэквивалентная лексика». Это связано отчасти с недостаточной

разработанностью многих явлений в лексикологии, хотя лексикосистемные свойства часто создают предпосылки лакуарности в сопоставляемых языках и написанных на них текстах.

Лакуарность также связана или с отсутствием концепта в одной из культур, или с нетождественностью в сравниваемых языках лексической разработки концепта. Последнее проявляется и на уровне лексического значения, сочетаемости слов, и на уровне содержания полисеманта, и на уровне лексико-семантических групп и семантических полей, а также на уровне словообразовательных гнезд слов в разных языках, поскольку способами лексической объективации концепта выступают все эти явления, а не только однословные номинции.

Е.В. Бердникова, сопоставляя содержание единиц русского и немецкого языков, установила, что все типы лексических лакун, то есть замыкающихся на слове того или иного языка, делятся на собственно лексические лакуны (абсолютные), частичные (переходные от собственно лексических к культурологическим) и собственно культурологические (в зависимости от первичной причины, вызвавшей тот или иной тип лакун). Согласно её концепции, переходная зона (частичные лакуны) представлена следующими основными видами различий, приводящих к частичной лакуарности:

- различиями в концептуальных признаках, объективированными в семной структуре лексического значения слова;
- различиями в концептуальных признаках, объективированными смысловой структурой полисеманта;
- различиями в концептуальных признаках, объективированными организацией лексико-семантических групп (ЛСГ) и лексико-семантических полей (ЛСП) [Бердникова 2006].

Применительно к языку и слову как основной его единице необходимо учитывать их вероятностный характер. Это в принципе делает невозможным для них подход с позиций двузначной логики в терминах «да – нет». С этим связана неправомерность использования аппарата ЕГЭ в оценке лингвистических знаний абитуриента. Дело в том, что слово обращено к человеческой субъективности в целом, а не только к сфере рационального в психике человека. К тому же язык с известной долей условности членит мир, например, 3 часа – это ночь или утро? 13 лет – это девочка или девушка? Аналогично: 17 лет – юноша или молодой человек?; язык – это дискретно-континуальная система.

Не менее важную роль в осмыслении слова играют процессы, связанные с подсознанием (эмоциями, интуицией, волевыми импульсами и т.д.). Особенно велика их роль в построении лексической структуры поэтического текста.

Таким образом, проблемными зонами в освещении взаимодействия слова и гуманитарного знания предстают:

1. Междисциплинарное взаимодействие в свете интегральных концепций языка в целом и слова как его части;
2. Соотношение терминов гуманизация и гуманитаризация;
3. Синкретизм слова и его роль в формировании гармонично развитой личности;
4. Проблемы межкультурной коммуникации и явление лексической лакунарности;
5. Правомерность использования ЕГЭ для проверки лингвистических знаний.

Слово рассматривается как место встречи духовных исканий прошлого и настоящего, раскрываются «рецидивы» культурного знания в семантике слова, новым выступает изучение слова в когнитивной парадигме; лингвокогнитивистика предстаёт как часть культурного знания и как комплексная наука о языковой способности; отмечается опорная роль слова в формировании языковой картины мира как целостного изображения языком всего того, что существует в универсуме, в разных видах жизнедеятельности человека; в объективации концептосферы (термин Д.С. Лихачёва, указывающий на необходимость комплексного изучения базовых концептов культуры и всего культурного пространства через язык) и персоносферы (термин Г. Хазагерова, отмечающий психологическую, мировоззренческую значимость имён собственных типа Татьяна Ларина, Анна Каренина и др.) культуры в её историческом движении и развитии. Слово выступает как ответ на вызовы современности с её процессами глобализации, расширения межкультурной коммуникации, открытости, демократизации, толерантности, влияния НТР и развития высоких технологий, смены научных парадигм; внимание к слову порождается необходимостью противостояния террористической угрозе, экологическому загрязнению и т.д.

В контексте междисциплинарных связей важно рассмотрение лексикона экологического дискурса, норм социально ориентированного поведения в их отражении лексической структурой текста и словарями: норм этических, гендерных и др.; полидискурсивности современных художественных текстов и её лексических сигналов; феминистского дискурса и современной художественной прозы в их лексическом аспекте.

Сущность проблематики анализа определяется понятиями: текстовая деятельность, дискурсивные практики, структура ассоциативных полей ключевых слов текста, разные виды текстовых субъектов по их лексическим приметам.

Студент ориентируется в когнитивных аналогах текста (сеть, фрейм, образ-схема, пропозиция, концепт, метафора, метонимия и др., выступающих в их когнитивной, обязательной для мышления человека функции, а не только как средства украшения речи) и способах их представлении в лексической структуре текста. Лексический анализ текста предполагает знание и понимание процессов объективации в слове внеязыковых традиций и новшеств, внутренних тенденций развития языковой системы; особенностей и путей взаимодействия системы и среды, универсального и национально-специфического в слове; способов лексической разработки общечеловеческих ценностей, этических норм традиционной и текущей культуры; лексических сигналов уходящей культуры.

Терминологический аппарат анализа, которым должен владеть студент, включает в себя и такие понятия, как: виды текстовой информации, ключевые слова и их ассоциативное поле, когнитивного-прагматический аспект анализа смысловой организации текста, коммуникативные стратегии, лингвокультурный аспект анализа смысловой организации текста, системно-функциональный аспект анализа смысловой организации текста, текстовые фрагменты, текстовые категории, текстообразующие факторы, фактор адресата; текст и культура; текст и слово; текст и картина мира; текст и стиль, дискурс, ситуация; текст и субъекты текстовой деятельности; текст в синергетической парадигме.

Независимо от профориентации, в общекультурном плане студент должен видеть в тексте лексическое представление стратегий манипулирования сознанием, особенностей мифопоэтического мышления; лексические аспекты межкультурного взаимопонимания (в частности, их обеспечение переводческой практикой); текстовые функции жаргонной лексики; обеспечение лексических потребностей адресата текста; этнические стереотипы гендерного поведения и способы их преодоления (по данным лексической структуры современных текстов); гендерную асимметрию в словаре и текстах мужской и женской прозы; проблемы толерантности и лексические способы коммуникативной самозащиты; информационные аспекты лексических новаций, ментальности современника и др.

Диагностика качества освоения подхода к анализу лексической структуры текста в междисциплинарном аспекте включает в себя опору на широкий круг источников по проблематике дисциплины: классические и современные исследования, междисциплинарные работы, учебно – методическую литературу; привлечение в анализе словарей разных типов, знаний по смежным дисциплинам; актуальных для современного языкового сознания текстов, демонстрирующих роль слова в социокультурном пространстве, в той или иной историко-культурной среде.

Особое внимание следует уделять лексическому структурированию как способу включения культурного знания в модель сознания адресата, расширения его ментального пространства, изменения точки зрения на уже известные факты. На этой основе раскрывается лексическая составляющая гуманитарного знания как важнейший его элемент.

ЛИТЕРАТУРА

ОСНОВНАЯ:

6. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста: основы теории, принципы и аспекты анализа: для студентов филол. специальностей вузов. – М.-Екатеринбург, 2004.
7. Бердникова Е.В. Лексическая лакунарность в аспекте межкультурной коммуникации. Дисс... кандидата филол. наук. – СПб, 2006.
8. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. – М., 2007, 3-е изд.
9. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. Учебное пособие. – М., 2000.
10. Кубрякова Е.С. Язык и знание. – М., 2004.
11. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
12. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН: СЛЯ. 1993. Т. 52. № 1.
13. Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб, 2000.
14. Постовалова В.И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999.
15. Потебня А.А. Мысль и язык. – Киев, 1993.
16. Степанова В.В. Слово в тексте: Из лекций по функциональной лексикологии. – СПб, 2006.
17. Сулименко Н.Е. Антропоцентрические аспекты изучения лексики. – СПб, 1994.
18. Сулименко Н.Е. Текст и аспекты его лексического анализа. – М., 2009.
19. Суховой Е.А. Лексические средства адресации в газетных текстах переписки с читателем. Автореф. дис... канд. филол. наук. – СПб, 1999. Фразеология в контексте культуры. – М., 1999.
20. Чурилина Л.Н. Лексическая структура художественного текста: принципы антропоцентрического исследования. – СПб, 2002.
21. Эко У. Открытое произведение. – СПб, 2004.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ:

1. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Материалы к словарю русской политической метафоры. – М., 1991.
2. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. – М., 1994.
3. Бибихин В. Язык философии. – М., 1993.
4. Брагина Н.Г. Фрагмент лингвокультурологического лексикона (базовые понятия) // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999.
5. Бродский И. Меньше единицы. Избранные эссе. – М., 1999.
6. Гачев Г. Слово и власть // Октябрь. 1999. № 8.
7. Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991.
8. Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М., 1999.
9. Лукин В.А. Концепт истина и слово истина в русском языке // Вопросы языкознания. 1993. № 4.
10. Малишевская Д.Ч. Базовые концепты культуры в свете гендерного подхода (на примере оппозиции «Мужчина/Женщина») // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999.
11. Марков В. Мир человека и человек в мире. Антропоморфный универсум. – Рига, 1995.
12. Николаева Т.М. Речевые, коммуникативные и ментальные стереотипы: социолингвистическая дистрибуция // Язык как средство трансляции культуры. – М., 2000.
13. Познер В. «Кое-что о национальной идее...» // Дружба народов. 1999. № 12.
14. Суховей Е.А. О способах концептуальной поддержки слов в газетных текстах переписки с читателем // Актуальные проблемы функциональной лексикологии. – СПб, 1997.
15. В.А. Тишков. Нация – это метафора, укрепляющая предрассудки // Дружба народов. 2000. № 7.
16. Язык и мир человека. – М., 1998.

10. ПОЛИСИТУАТИВНОСТЬ И ПОЛИДИСКУРСИВНОСТЬ ТЕКСТА ПО ИХ ЛЕКСИЧЕСКИМ ПРОЯВЛЕНИЯМ

При всей близости этих понятий как лингвистических терминов между ними нельзя ставить знак равенства, и лучше всего их различие, как это часто бывает в лингвистике, выявляется при анализе лексической структуры текста как произведения речетворческого процесса. Дело в том, что полидискурсивный текст может быть моноситуативен (ср., например, описание грозы в разностильных текстах), а полиситуативный текст – монодискурсивным (например, художественным). Стремление к целостному знанию в гуманитарной сфере побуждает учёных говорить о сближении разных типов дискурсов, например, собственно научного и создаваемого художниками слова.

Традиционно ситуацией «называются внеязыковые условия, раскрывающие значение слова», при этом различают «жизненную ситуацию, в которую входят общие жизненные условия, прямой показ и некоторые другие факторы, и текстовую ситуацию, которая подразделяется на текстовое описание жизненной ситуации и общую тему текста» [Арнольд, Банникова 1972: 4]. По словам В.Дорошевского, «в семантическом содержании каждого слова заключены элементы ситуаций, в которых мы употребляли это слово или встречались с его употреблением. Эти элементы, связанные с воспоминаниями ситуаций, определяют идиоматический характер слов каждого языка, а идиоматичность – это неразрывная связь со средой» [Дорошевский 1973: 102], то есть с системой более высокого ранга, преодолевающей разрыв разных видов информации – лингвистической и нелингвистической, иначе говоря, идиоматичность слова связана с различными дискурсивными практиками, эту среду обслуживающими. О.Г. Почепцов, говоря о наложении ситуаций на языковую категоризацию, использует понятие ситуационной сетки [Почепцов 1990: 112], а, по словам А.В. Кравченко, «в языке как системе изначально заложена способность приписывания говорящему различных ролей, то есть ролевые идентификаторы являются частью когнитивного содержания языкового значения» [Кравченко 2004: 27]. Следовательно, коммуникативные стратегии, определяющие речевое поведение субъекта в той или иной ситуации, предопределены этим когнитивным содержанием языкового (включая лексическое) значения. Е.Г.Беляевская говорит о коммуникативной значимости слова, имея в виду определённый круг ситуаций коммуникации, во имя которых создаётся слово, и о теснейшей связи номинации и коммуникации [Беляевская 2000: 14]. Типология ситуаций в конечном счёте обусловлена характером национальной культуры и позиционированием партнёров по коммуникации: их статусом и социально- психологической дистанцией. Эта связь объясняет

значимость когнитивно-дискурсивного подхода к истолкованию понятия ситуации в собственно лингвистических штудиях. Ситуация даёт ключ и к пониманию значения «как превращённой формы деятельности субъекта, познающего и преобразующего мир» [Петренко 1997: 18]. Во всех этих случаях интеграция разнообразных факторов (когнитивных, коммуникативных, культурологических, собственно семантических) в определении ситуации и связанного с ней дискурса открывает путь к изучению картины мира, как и жизненного пространства человека, в системе ситуаций. Отмеченные факторы смыкаются в интересе к приспособительным механизмам, обеспечивающим адаптивность мышления и адекватность, успешность поведения человека. Подобная заинтересованность и включает лингвистику в междисциплинарную область человековедения. "Биологические" концепции бытия, жизнестроительства, житнетворчества поставили в центр внимания исследователей дискурса как когнитивно – прагматического феномена и сделали важным для выделения и квалификации типов дискурса любой аспект суперкатегории бытийности, жизненного пространства человека. Ср.: «Признание «встроенности» когниции, «отелеснённости» разума должно вывести нас на разговор о необходимости изучения биологической обусловленности многих, во всяком случае, базовых, ментальных моделей» [Кобрина, Абиева 2005: 103].

Теория дискурса, как и теория вербального представления ситуации, отрицает упрощённое и редуцированное понимание языка как системы знаков, не отличающейся от других знаковых систем, и «помещает лингвистику в междисциплинарную науку – человековедение, – объектом которой является человек... в человеческую систему языка вработаны социальность и когнитивность» [Ревзина 2004: 12–13]. Если вслед за Н.Д. Арутюновой, понимать дискурс как «речь, погружённую в жизнь» [Арутюнова 1990: 136–137], любое из оснований, связанных с «жизненными» потребностями субъекта, его жизненным пространством, результатами его деятельности, может служить отправным моментом для классификации типов дискурсов.

Интегральные концепции языка и его единиц (Ю.С. Степанов, Ю.Д. Апресян, Е.С. Кубрякова, О.Г. Ревзина и др.) позволяют рассматривать дискурс и как системно-речевое, коммуникативное, и как лингвокультурологическое, когнитивное явление (Ван Дейк), как один из возможных миров со своим лексиконом и грамматикой, как "язык в языке" (Ю.С. Степанов), как "текст, погружённый в жизнь", во взаимодействии с экстралингвистическими факторами (Н.Д. Арутюнова), как результат процесса взаимодействия в определённом социокультурном пространстве (Н.Б. Вахтин, В. Головки).

Вслед за М. Фуко и его немецкими последователями, В.Е. Чернявская рассматривает дискурсивный анализ как средство и возможность социально – исторической и идеологической реконструкции "духа времени". Она считает возможным говорить об особой семантике дискурса – наряду с семантикой слова, семантикой предложения и семантикой текста: " В фокусе дискурсивной семантики оказывается не столько лексическое значение употреблённых в дискурсе единиц, их узкоконтекстуальное значение, сколько совокупность импликаций, интертекстуальных и интрадискурсивных отношений. Дискурсивная семантика анализирует и сопоставляет значения слов и / или предложений не только из одного текста, но отобранных для дискурсивного анализа из разных текстов, объединённых тематически" [Чернявская 2002: 134].

Понятие дискурса в литературе сопрягается с традиционным для стилистики понятием коннотации, контекста и сравнительно новым для языкознания понятием интертекстуальности. По Р. Барту, коннотация – это «метка, способная отсылать к предшествующим, последующим или вовсе ей внеположенным контекстам» [Барт 1975: 17]. С семиотической природой знака связывается участие ситуации «текста в тексте» в создании семантики возможных миров на композиционном уровне их организации: «Поскольку любой знак или текст как знак существуют через отсылки к своим референтам, в этом смысле возможные текстовые миры действительно создаются и обладают онтологическим статусом» [Бразговская 2005: 96] и, как известно, своим лексиконом, входя в определённые типы дискурсов. Как видим, понятие ситуации оказалось востребованным как в коммуникативных, функциональных, так и в собственно когнитивных штудиях. По Ван Дейку, модель ситуации выступает основной формой репрезентации знаний, схема ситуации включает «окружающую обстановку, обстоятельства, участников и их действия или различные свойства этих составляющих», мнения и оценки людей (см. Ван Дейк 1996: 82–87). Ситуативный подход к тексту и дискурсу диктуется самой сущностью процесса понимания, требующего интерпретации события и поведения его участников, учёта языковых и внеязыковых знаний, «вертикального» контекста. К категории языковых относится и знание сфер употребления языковых средств, типовых ситуаций, отражаемых тем или иным стилем и дискурсом. Эти языковые явления и их нормы выступают ориентиром для речевого поведения субъекта: «в структуре языковых значений содержится компонент, направляющий использование языка и его воздействие на процесс восприятия мира в конкретных ситуациях общения» [Кравченко 2004: 15].

Ситуация оказывается важной не только как элемент жизненного цикла человека, но и как та среда, хронотоп, в которых опредмечивается, объективируется его деятельность и которые поставляют энергию и

информацию, необходимую для человеческой активности. Ситуация понимается и как сложно организованный субъективный образ объективной действительности, как элемент картины мира: «Нельзя описать язык в терминах соответствия между Словом и Миром, если под Миром не понимать картину мира, порождаемую нашим опытом [Кравченко 2004: 15]. По словам В.Б. Касевича, ситуация предстаёт и как семантический фрейм, и как «внутриязыковой способ выделения одного из «кадров» внешней действительности» [Касевич 1988: 27].

«Термин «дискурс» на языке современной гуманитарной науки и означает устойчивую, социально и культурно определённую традицию человеческого общения. Духовная культура общества представляет собой ансамбль дискурсов, наделённых различными коммуникативными стратегиями» [Силантьев 2004: 98]. Автор постулирует возможность встречи, пересечения и взаимодействия разных дискурсов в пределах одного текста: «то, что не проходит через интертекстуальный обмен, не удерживается в дискурсе» [Ревзина 2004: 17, 18]. Дискурсивная тема находится в центре внимания субъектов мышления и говорения, определяет направление, фокус их речемыслительной деятельности. Ср.: «Фокус эмпатии гармонирует с коммуникативной позицией текущей темы дискурса» [Кибрик 2003: 317]. С фокусом внимания связываются и приоритетные стратегии в описании ситуации, способы интерпретации знания, выступающие в отделении фигуры от фона и эксплицируемые языковыми средствами. Дискурсивная тема важна не сама по себе, а как возможность быть выраженной теми или иными средствами в определённых дискурсивных практиках.

Многие элементы содержательной структуры слов прошли обработку разными видами дискурсивных практик и получили конвенциональное признание, что отражается системой стилистических и – шире – функциональных помет в нормативных толковых словарях.

Наращение культурных смыслов в дискурсе, обогащение конечного результата познания, его голографичность обусловлены, в частности, различием точек зрения субъектов на одни и те же события, в связи с использованием позиции вненаходимости наблюдателей, «своего единственного и неповторимого места вне других людей» [Бахтин 1994: 158]; в художественном тексте эта стереоскопичность видения создаётся различием хронотопов автора, повествователя, рассказчика, персонажей, их ментальных пространств.

Умело показывают это различие хронотопов Д. Гранин А. Адамович в своей «Блокадной книге»: «Нельзя судить Юру взрослым умом, да ещё по логике мирной жизни... Каждый приближался к этому (блокаде – *Н.С.*), проходил через это своим житейским маршрутом, у каждого был собственный

радиус ленинградской судьбы...». Или: «...Г.А. Князев как бы окидывает заново взглядом свой плацдарм. Его перу часто не хватает живописных подробностей, той живой плоти, которая украшает дневники людей художественно одарённых или хотя бы имеющих журналистскую сноровку... он не слышит в разговорах окружающих людей характерных выражений, словечек военного времени, на которое быстро и чутко отозвалась народная речь. Его, историка, интересовали прежде всего факты, детали, в которых отражались ход войны, умонастроение, поведение людей». Текст интересен с точки зрения отражения в нём возрастных характеристик персонажа, и его профессионального статуса, и внешних обстоятельств, и различных типов мышления текстовых субъектов, а также способа концептуализации, функционально-смыслового типа речи авторов текста. Последнее отражается и в построении метафорического поля текста (см. выделенные слова и их сочетаемость, объясняющие нестандартное видение ситуации).

Таким образом, полидискурсивность художественного текста, как и многообразие ситуаций, в нём отражаемых, связаны с глобальной интертекстуальностью языка, а также с уровнем языковой и коммуникативной компетенции автора.

Сказанное относится и к построению метафорического поля, организующего композиционно-лексический уровень структуры художественного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В., Банникова И.А. Лингвистический и стилистический контекст. // *Стиль и контекст.* – Л., 1972.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс // *Лингвистический энциклопедический словарь.* – М. – 1990.
3. Барт Р. Основы семиологии // *Структурализм: «за» и «против».* – М., 1975.
4. Бахтин М.М. Работы 20-х годов. – Киев, 1994.
5. Беляевская Е.Г. О характере когнитивных оснований языковых категорий // *Когнитивные аспекты языковой категоризации* – Рязань, 2000.
6. Бразговская Е.Е. Интерпретация текста-в-тексте: логико-семиотический аспект // *Критика и семиотика*, 2005, №8.
7. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Пер. с англ. / Сост. В.В. Петрова. – М., 1996.
8. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. – М., 1973.
9. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. – М., 1988.
10. Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. – СПб, 2003.

- 11.Кобрина Н.А., Абиева Н.А. Наш новый журнал и что мы ждём от него в перспективе // Вопросы когнитивной лингвистики – 2005 – № 1. – С.102–104.
- 12.Кравченко А.В. Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск, 2004.
- 13.Петренко В.Ф. Основы психосемантики. – М., 1997.
- 14.Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. – 1990. – №6.
- 15.Райтмар Р. Функциональные и культурно- сопоставительные аспекты прагматических клише // Вопросы языкознания – 1997 – № 1.
- 16.Ревзина О.Г. Лингвистика XXI века: на путях к целостной теории языка // Критика и семиотика. – Новосибирск, 2004. – Вып. 7.
- 17.Силантьев И.В. Текст в системе дискурсивных взаимодействий// Критика и семиотика. – Новосибирск. – 2004. – Вып. 7.
- 18.Чернявская В.Е. Дискурс и дискурсивный анализ: традиции, цели, направления. // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь, 2002.

11. ДИСКУРС ЛЖИ И СМЕЖНЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ: ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Раздел посвящен специфике когнитивно-коммуникативных стратегий, ориентированных на построение дискурса лжи; освещается место дискурса лжи в ряду смежных явлений, не посягающих, однако, на права адресата с целью ввести его в заблуждение; продемонстрированы различные лексические маркеры дискурса лжи и смежных дискурсов – мнение, впечатление, видимость, ошибка, иллюзия, фантазия, мираж, имитация, подделка, шутки, выдумка, девиации, мистификации, провокация, игра, умолчания, обман, ложь и др. Лексический анализ показывает, что речевое поведение лжеца связано с нарушением многих этических норм.

Ряд лингвистических явлений сближается с дискурсом лжи по объединяющему их когнитивному признаку – участие в создании семантики возможных миров [см. Сокровенные 2004].

Смежным по отношению к дискурсу лжи выступает модус фиктивности метафоры, даже когда она пронизывает весь текст и даже дискурс, поскольку это свойство метафоры выступает её органическим когнитивным признаком, связанным с созданием семантики «возможных», альтернативных миров. Но при создании метафорического поля текста отсутствует установка на обман, введение адресата в заблуждение; хотя сохраняется желание автора привлечь читателя на свою сторону, эмоционально заразить его, здесь не используются средства прагматической аргументации в ущерб истинности описываемого положения дел. В этом и подобных случаях используются иные коммуникативные стратегии, как, например, в следующем фрагменте:

«Есть такие запреты, что способны менять своё значение в зависимости от места своего запрета. Одно дело, если «Здесь не грузить!» написано на стене овощебазы, другое – если на груди феминистки, а третье – на лбу пофигиста. Здравый смысл подсказывает, что не все запреты надо понимать буквально. Таков запрет Маяковского, запрещающий маршировать правой ногой. Только – левой! («Левый марш»). Этот запрет следует правильно понимать в том переносном смысле, что любая метафора – хромает» (Виктор Коваль. Разговор о понятиях). Как видим, средствами метафоризации здесь выступает лексическая многозначность выделенных слов и словосочетаний. Избранная коммуникативная стратегия, призванная аргументировать сентенцию автора в пользу защиты здравого смысла, базируется на концептуальной общности разных значений номинации концепта в данной лингвокультуре и прежде всего в наивной картине мира её носителей.

Таким образом, следует разграничивать кажимость и честное заблуждение, мнение и знание как разные виды ментальных репрезентаций, хотя лексическая основа их объективации в тексте может быть двунаправленной, ориентированной и на персонажа, и на автора, а следовательно, и адресата: лексическая многозначность, метафорическое поле, сочетаемость, окказионализмы, языковая игра и т.д. Однако в тексте отчётливы лексические сигналы авторского отношения: интернет-терминология, глаголы с семантикой кажимости, метафорическая модель смерти, оценочная лексика и др. Ср.:

интернет

есть сеть

безразмерная

юзерам кажется

что они не в накладе

что это они её забрасывают

на самом деле

всё наоборот

интернет

есть смерть

времени

убитого

пустой

информации

ради

которая

может однако вызвать

государственный

переворот. (Людм. Петрушевская. Парадоски).

Другая стратегия, основанная на том же признаке концептуальной общности, может быть связана с использованием в предложении слов одной ЛСГ, хотя утверждение своей точки зрения, несмотря на кажущуюся её парадоксальность, отнюдь не предполагает введение читателя в заблуждение:

«Умный может научиться даже у дурака (любопытство стимулирует мышление). Чем умный отличается от мудрого? Умный виртуозно выпутывается из ситуаций, в которые мудрый не попадает» (М. Жванецкий. Дежурный по стране. Июнь 2010).

Лингвоцентризм ощущается и в такой авторской стратегии разоблачения лжи, как языковая игра сближенными по корню словами, которые обнаруживают концептуальное сходство, но не могут быть лексическими синонимами без целенаправленного их сближения в тексте: «Стихи сборника... служат и одним из самых выразительных примеров того, какие усилия прилагаются некоторыми авторами – и, заметим, критиками,- чтобы сделать «неподцензурный» и «нецензурный» синонимами.

Личина (выделение автора – *Н.С.*), способна прирастать к **лицу** (выделение автора – *Н.С.*), как «Маска» Джима Кэрри, а потом и деформировать **личность** (выделение автора – *Н.С.*), с трудно обратимыми последствиями» (Н. Работнов. Война, в которой все-перебежчики).

Удачной следует признать коммуникативную стратегию синергетического толка: в поэтическом тексте присутствует автор как «человек играющий» (со словом в том числе). Созданию комизма, разрушающего претенциозный порядок, служит и использование специальной лексики в её соседстве со сниженными стилистически словами и выражениями, текстовая синонимия специальной и разговорной лексики как основа языковой игры, семантические окказионализмы:

Нет, ты только погляди, как они куражатся!

Лучше нам их обойти, эту молодёжь.

Отинтерпретируют – мало не покажется!

Так деконструируют – костей не соберёшь! (Тимур Кибиров – Там же).

Стратегия преодоления лжи может быть связана с оспариванием сложившихся штампов в том или ином типе дискурсивных практик, например, в традиционной трактовке сюжета в филологии. Это не сознательная ложь, а известная косность мысли, принимающая как данность трюизмы художественного, литературоведческого, лингвистического дискурса, отражающие уже пройденный этап в разработке научных концептов. Тем не менее, поскольку новое знание нуждается в обосновании с опорой на сложившуюся традицию, автор прибегает к терминологическому аппарату данной науки: «У любого текста есть «тема» и «рема» – о чём говорится и что говорится. Отношение автора к сюжету и есть «рема» любого художественного текста... У Чехова жизнь решается не в её сюжете, а в попытке обдумать сюжет. И он тут же становится невозможным. И вместе с ним становится невозможной и жизнь – в её сюжетной складности. Вообще в её сюжетной развёртке.

«Говорю не то, что делаю» – это, собственно, и есть любой сюжет во всех измерениях – в измерении писатель-текст и читатель-текст, а также во

внутритекстовом измерении. Обдумывание этого делает сюжет невозможным» (Олег Зайончковский. Прогулка в парке).

Очевидно, с утверждением приоритета, актуальности не вымышленного, часто спекулятивного, дискурса, а того, что было в реальности, связано внимание как к текстам прошлого (включая и художественные), так и к таким жанрам, как дневниковые записи, рабочие тетради, эссе, мемуары и т.д (то есть к литературе *pop vichn*). Именно на этом стыке синхронии и диахронии, в привлечении текстов разных стилей и жанров, обращении к ДИСКУРСУ в целом ищутся пути преодоления дискурса лжи:

«Из левого тупика возвращаются усталые люди. Опустошённые...Пустоту преодолевает литература – неразрывное соседство всего написанного ранее, написанного сейчас, написанного после» (Денис Драгунский. Соседи).

С дискурсом лжи сближается фантазия, связанная с художественным вымыслом и тем, что И. Бродский называл метафизикой и без чего не может быть литературы как одного из способов освоения реальности. Он видел наивысшую ценность художественной литературы именно в метафизике, то есть в обдумывании ключевых и наиболее значимых для человека концептов культуры. Жизненная правда не тождественна художественной правде, предполагающей вымысел во имя утверждения жизненной правды: «В художественном мышлении писателя обман (искусная маскировка, приёмы мастерства) и фантазия (создание реальности, своего поэтического мира), взаимодействуя с такими понятиями, как воображение, условность, игра, выступают как эквиваленты концепта творчество» [Логический 2008: 302]. Абсурд и метафору как когнитивные и художественные явления связывает установление неочевидных связей, нестандартных семантических отношений (ср. правило 6 шагов Ю.Н. Караулова применительно к любым двум словам в системе языка). Абсурд тоже может стать источником смысла (синергетические концепции порядка из хаоса). Ср. мнение о неустойчивости сложных систем, подобных живым: «Между тем трансляция мельчайших микроскопических изменений, избежать которых нельзя, – из физического хаоса подсознания в символический космос сознания непрерывно эту устойчивость разрушает. Для восстановления баланса необходимо психологическое усилие, переход к иному уровню согласования, к «новому счастью». То есть человек принципиально не соответствует самому себе. В каждое последующее мгновение он уже не такой, каким был до этого. И потому счастье, к которому он стремится, рассеивается, как мираж. Счастья можно достичь, но его нельзя удержать. Это – фундаментальное противоречие человеческого бытия. Человек обречён вечно стремиться к тому, что ему недоступно» (Андрей Столяров. В царстве живых и мёртвых).

Создание возможных миров наблюдается в процессе интерпретации реальности в художественном тексте: «А что если б человеку, кроме основной жизни, давалась ещё одна – для работы над ошибками, – мудро подумал я. Тогда все свои просчёты и нелепицы можно обвести карандашом, подобрать однокоренные промахи и оставшееся до последнего звонка время наслаждаться переменчивым законным пейзажем. Но в том-то и штука, что, работая над одними ошибками, мы почти одновременно совершаем другие: исправляя былую глупость, мы делаем новую... И так длится до конца, до последнего звонка, когда нужно сдавать свою единственную тетрадь ...» (Ю. Поляков. Работа над ошибками).

Дискурс лжи может быть продиктован несимметричными ролями коммуникантов, различием их статусов и интересов. В этом случае дискурс лжи выступает средством самозащиты от посягательств взрослых (учителей, родителей), способом самоутверждения, как в той же повести Ю. Полякова: «Пока могучий Борин, напрягая последние силы, выпутывался из заключительной фразы, в клсе развернулись привычные события. Челышева нацарапала записку, дождалась, когда я отвернусь, и перебросила её Расходенкову. Послание, не долетев до адресата, упало в проходе. Гена конспиративно уронил учебник, поднял письмо, но, обнаружив, что его засекли, сунул бумажный квадратик в книгу... – А что я? – невинно удивился получатель и поглядел мне в глаза. Я медленно и неотвратимо подошёл к Расходенкову и раскрыл заложенный запиской учебник...». Далее отсутствуют соображения вынужденного сокрытия информации и действия ученика можно рассматривать как проявления хулиганства: «Боже милостивый! Длинноволосому и очкастому Чернышевскому было пририсовано коротконогое тело и электрогитара. Нужно сознаться: Николай Гаврилович оказался потрясающе похож на покойного Джона Леннона. Я несколько раз многообещающе перевёл взгляд с испорченной книги на Расходенкова и обратно...». В создании однотипного описания участвуют «разоблачающие обман наречия, некоторые из которых указывают на неотвратимость наказания». Ср. там же: «Они (ученики – *Н.С.*) прикидывались, будто не замечают меня, хотя прекрасно видели, как я разбираюсь с пятиклассниками, устроившими конный бой». В высказывании выделены лексические маркёры дискурса лжи, показывающие наигранность, неестественность поведения учащихся.

Асимметрия коммуниктивных ролей касается и такой жёсткой социальной структуры, как армия, где сокрытие информации выступает требованием неразглашения военной тайн, хотя и соседствует с дискурсом лжи: «Из армии я написал ей несколько писем, в которых, блюдя наставления командиров и

начальников, не раскрывал род войск и дислокации частей, а попросту сообщал, что мой новый профессиональный праздник 19 ноября».

От дискурса лжи следует отличать «вольные интерпретации» психологических состояний персонажей, служащие отражением наивной этики и далеко не всегда связанные с картиной мира и интенциями автора: «Заинтересовавшись, с кем это так улыбочиво беседует их неумолимая учительница, дети поутихли, а в глазах мамаш засветилось женское соучастие. Занудливый старичок ехидно заметил, что у всех дамочек, даже «пэдагогов», на уме лишь одно и то же». В конце концов своеобразной разновидностью дискурса лжи являются и узаконенные в субкультуре того или иного социума, институционализированные типы подмены имён собственных. Автор вскрывает эвфемистичность термина псевдоним, маскирующего неблагоприятные действия корреспондента: «В армии я нашёл своё призвание. Дело было так. Все годы учения в пединституте моё перо тянулось к бумаге. И вот стоило мне послать несколько информашек в дивизионную газету, как я превратился в любимого военкора. И ничего удивительного, ибо нередко все эти «ефрейторы Недыбайло», «рядовые Ковтунадзе», «сержанты Сидоровы», как говорят учёные, суть псевдонимы одного-единственного молодого лейтенантика-корреспондента «дивизионки». А тут живой военкор!»

Отражением наивной картины мира выступает и эвфемистичная замена номинаций желаемого и действительного. Первое связано у автора с употреблением номинации «легенда» не как обозначения литературного жанра, а как названия вымышленной интерпретации. Ср.: «Легенду, что холостяки питаются плохо и поэтому мучаются желудочными заболеваниями, придумали одинокие женщины, мечтающие выйти замуж». Сатирическим целям служит и эвфемизация обмана, его маскировка под производственную тайну: «...стоит дать себе послабление – и дома сразу скопится целый архив: сочинения, диктанты, изложения, письменные ответы... А потом, глядя на эту библиотеку Ашшурбанипала, можно вообще озвереть и начать ставить оценки в журнал, не проверяя, наобум, точнее, на глазок. Умецкая, я знаю, так иногда делает, но это страшная педагогическая тайна!».

Смежным с дискурсом лжи выступает и дипломатический дискурс. Интересно, что отмеченные элементы сходства различных дискурсивных практик и их представленности в лексической структуре текста обнаруживает педагогический дискурс, обращённый к формированию внутреннего мира человека и предполагающий знание психологических механизмов воздействия: «Потом Стась дипломатично спросил у меня, как успеваешь по литературе Борин, получил неопределённый ответ и увёл его выгружать новую мебель».

Одна из когнитивных стратегий автора – сатирическая насмешка над самообманом (вспомним у А.С. Пушкина: «Вам обмануть меня нетрудно, я сам обманываться рад»):

«Елена Павловна была элегически грустна, но при моём появлении - надежды юношей питают! – кажется, повеселела». Способом лексической объективации самообмана, основанного на категории кажимости, мнения как вероятностного знания, выступают текстовые межчастеречные антонимы (была грустна – повеселела), модальное слово (кажется), интертекстуальное включение.

Дискурсу лжи противостоит дискурс правды, истины и благородства. Как когнитивное образование последний имеет свою персонифицированную сферу, с её элементами мы встречаемся в цитируемой повести: «Потом я – как говорят в армии, «согласно программы» – рассказал ребятам о невезучем «рыцаре печального образа», а в заключение объяснил, что имя Дон-Кихота стало нарицательным и теперь так называют честных, благородных, добрых, но неудачливых людей. – Андрей Михайлович, а ваш Пустырёв тоже был Дон-Кихотом? – спросила Рита Короткова. – В известной степени, – удивлённо ответил я». Средствами «лексикона» дискурса здесь выступает не только имя собственное прототипа, но и метаязыковая информация о его радиусе действия, а также введение в текстовое ассоциативно-семантическое поле имени собственного погибшего участника войны, интертекстуальные включения и элементы диалога.

Стратегия «уклонения от ответа» может быть связана с боязнью, как бы чего не вышло, с маскировкой сути явления, заменой этой сути ритуальными внешними действиями

«Мы играли на переменках в маялку, запрещённую игру, шла... многолетняя борьба с любым прогрессом в орудиях письма!.. Когда же у богатеньких учеников стали появляться настоящие вечные ручки, они изымались у владельцев... Когда же вечная ручка стала нормой, началась борьба с шариковыми ручками...» (А. Битов. File на грани фола).

«Однако сами слова не могут врать и обманывать, так как у них нет дара речи», в языке «отложилось лукавство человека» [Арутюнова 1995: 5]. Ср. созвучное мнение писателя: «Плохих слов нет. Всё зависит от интонации и контекста. От частоты употребления и уместности злоупотребления. Так что не слова виноваты, а мы – перед словами. За неточное, за неправое употребление. Язык есть Богом данный детектор лжи. Всё, что мы захотим скрыть, всё, что будет связано с корыстью, с целью показаться не тем, что ты есть, сделает неприятным ни в чём не повинное слово.

3. так называемое... Самым употребимым знаком препинания Третьего рейха оказался вовсе не восклицательный знак, а кавычки. Недалеко ушли и мы

во времена нашего тоталитаризма. Всё так называемое было родом устных кавычек. Так называемым становилось всё, что не подходило под идеологические цензы. «Так называемая «свобода слова»...тут было мало одних кавычек.

4–14. приличный, -ая,- ое- как антитеза неприличному очень неприятное слово. По-видимому, русский язык по природе очень застенчив и целомудрен, потому и выделил всё, что надо, в подцензурную область мата. Матерные слова нельзя писать и произносить публично, но вы попробуйте выполнить в России хоть какую физическую работу без матерка. Матерок, как ветерок, безгрешен... Я, на вскидку, поставил здесь 4–14, всего десять слов, являющихся приличными, мне не под силу написать здесь ни одно. Могу написать член партии, без партии не могу. Русская литература оказалась в безвыходном положении. Она слишком честна.

30–50. Аббревиатура – оспа языка. Сокращения все неприятны- приоритет согласных.

Обращали ли вы внимание, что, если лишить слово «Россия» гласных и оставить одни согласные, ССР и получится... Этот лязг военизирован: ДОТ, ППШ, НИИ, ГАИ – ещё куда ни шло. Однако ВОВ никуда не годится, потому что война эта впрямь и великая, и отечественная. И «ВеКаПе, – как говаривал один мой друг, – и ма-а-ленькое «б». При мне это стало КПСС (Славу Метревели знаю, Славу Капээсс не знаю). «Что такое КП. В СС я уже був», – немедленное эхо анекдота того времени. Возможно, эта оскомина от Советской власти, но ГИБДД уже буксует по бездорожью. А ВВП! А тем более удвоение ВВП! Нормальные люди не поняли, что такое, а чиновники побоялись услышать, что это, прежде всего, инициалы президента. Или РПЦ...

«Захочет господь наказать, так отнимет разум». Разум – это язык, слово, слух. Однажды поражённый слух остался прежним. Например...

51–100. истинный. С каких пор это определение стало антитезой к неистинному, а не наоборот? Это я Вам в истинном смысле слова...

То же – естественный в противоположность неестественному, а не наоборот (Ахмадулину избрали в РАЕН – Российскую Академию естественных наук). «А что, разве науки бывают неестественными?» – сказала она.

101... русский квас – бессмысленное сочетание. Он и так русский. Не отсюда ли квасной патриотизм как синоним истинного?» (А. Битов. File на грани фола).

Описанные действия возможны только для определённого типа языковой личности, ибо совокупность разных типов ЯЛ и создаёт её усреднённую модель, отразившуюся в языке. Отсюда и разоблачительные анекдоты, и актуальность вторичных жанров типа дневников и мемуаров, и языковая игра в

целом как способ противостояния дискурсу власти (с опорой на лексическую многозначность, нарушение законов смыслового согласования, различные способы словообразования, закавыченную речь и т.д.). Ср ещё: «Как следует из его анализа, оба исконных начала – лоховатое и непобедимо-могучее – получили в народной ментальности новые репрезентации. Эта революция в сознании и есть парадигматический сдвиг. Я понятно говорю?»

Нормально, – сказал Стёпа. – А что за анекдот такой?

Ну как же, – ответила Мюс. – Шестисотый «Мерседес» врежется на перекрёстке в зад чёрной «Волге» с тонированными стёклами. Бандит выскакивает из «Мерседеса», начинает прикладом крушить стёкла в «Волге» и видит в ней полковника ФСБ. «Товарищ полковник, я всё стучу, стучу, а вы не открываете... Куда деньги заносить?» (В. Пелевин. Числа).

С этим связаны тенденции развития языка, описанные далее Н.Д. Арутюновой: язык «развивается одновременно в двух противоположных направлениях: одно из них определено стремлением к максимально полному и точному выражению истины, другое – желанием её утаить, отстранить от себя и прикрыть её лицо маской правдоподобия» [Логический 2008: 46]. Различные типы речевого поведения, связанные с урегулированием жизненных стандартов, ориентированы как на максимы общения Грайса и принцип коммуникативного сотрудничества, так и на нарушение коммуникативных норм. Последнее проявляется и в дезориентации, и в дезинформации, и в других видах обмана. К последним относятся донос, «стукачество», сквалыжничество, как в случае:

«Самая памятная история случилась два года назад: Расходенков возмущённо заявил, что его сын не знает и, видимо, никогда не узнает немецкого языка, но не из-за отсутствия способностей (и слух абсолютный, и память феноменальная!), а из-за профессиональной непригодности преподавателя Лотты Вильгельмовны, которая имела глупость сказать Валерию Анатольевичу, что в условиях школы без репетитора по-настоящему языка не выучишь! Расходенков поднял родительский мятеж, отправил письмо на высочайшее имя, где сообщил о капитулянтских настроениях у отдельных членов педагогического коллектива и добился изгнания Лотты Вильгельмовны из школы. На её место и пришла после института Елена Павловна. Тогда окрылённый Расходенков решил съездить к Лебедеву, который с нерастраченной принципиальностью влепил Гене по физике «двойку» за полугодие да ещё посоветовал в девятый класс документы не подавать. Комиссия, вызванная Валерием Анатольевичем, согласилась с мнением учителя и посоветовала Расходенкову не морочить голову людям, а следить за успеваемостью и знаниями собственного ребёнка. После этого удара Расходенков утомился или, как считает Котик, «затаился», но Гена неожиданно подналёг на физику и

всё-таки очутился в девятом классе (Поляков. Работа над ошибками). Сигналами подтекста, сокровенных смыслов здесь выступают и имя собственное уволенной учительницы, и сниженная, оценочная лексика, и обилие восклицательных знаков, и элементы жанра доноса, тоталитарного дискурса, и другие способы языковой игры автора и его главного героя.

Ю.Д. Апресян, рассматривая пространство языка от истины до лжи, обращается к разным видам знания, сопрягаемым со словом, то есть рассматривает истину и ложь с когнитивных позиций, с учётом тех мыслительных форм и процессов, которые свойственны человеку: знание, мнение, воображение, имитация, симуляция, заведомая ложь и т. д.

Лексические маркёры дискурса лжи – мнение, впечатление, видимость; ошибка, иллюзия, фантазия, мираж, имитация, подделка, выдумка, обман, ложь и др. Очень важно указание автора на то, что «одна и та же лексема может обозначать и факт, и впечатление, и мнимый мир», причём отмечается подвижность границ между фактами, впечатлениями и мнимым миром [Логический 2008: 40]. Иллюстрацией таких сдвигов, обратимости объективного и субъективного выступают лексемы выглядеть, слышаться и под. Сравнивая омографы видение и видение, Н.Д. Арутюнова констатирует факт «визуальной обманчивости» [Логический 2008: 95], отражённый в языке несмотря на семантическую развитость визуального лексикона в языке. Таким образом, язык отражает различные ментальные структуры, а не только знание (например, мнение).

Н.Г. Брагина пишет о прошлом кажимости, когда «реальность прошлого смешивается с фантазиями, сном, бредом. Это происходит в ситуациях, когда граница между тем, что было и что показалось, в силу разных причин оказалась нечёткой, или нечётко осознаётся, или вообще отсутствует» [Логический 2008: 633]. Ср., например: «Что-то теперь будет? Во мне застряло и как-то болезненно одно слово «помешался». Уже в те ранние годы я привык обращаться со словами как с игрушками, как с обручами и волчками. Я пускал их поворачиваться ко мне разными и даже разноцветными сторонами, закрываться и раскрываться, забавлять и пугать. «Помешался» было слово, ставшее вдруг пугающей загадкой.

25/VI. Если я в этот вечер на чём-либо «помешался», то исключительно на самом этом странном выражении. Моё внимание было приковано к нему, и я неустанно тряс и трепал, теребил и тормошил, будто ложечкой сахар в чае; я «мешаю» брату готовить уроки... Но как могу я сам «помешаться»... Я стал явно «смешивать», и это стало меня «смешить»... Я, вероятно, сильно заболел... Когда я стал поправляться, я понял, что уже ни на чём не «помешан», ни к чему не «примешан»... (А.Штейнберг «Грехопадение». Из дневника (1968 год)).

А.А. Зализняк рассматривает формирование и обособление «ложных» значений в диахронии на примере значений глагола мнить. Она считает, что компонент ложности повысил свой статус и превратился из имплицатуры (потенциальной семы) в «полноценный семантический компонент» [Логический 2008: 113]. С «ложным» употреблением значения мы встречаемся и в рекламном тексте о коте Борисе: «Он думает, что это у него от природы» (успехи в паркуре, а оказывается, что от удачно выбранного хозяином кошачьего корма).

По В. Далю, воображение – «способность мыслить образами, живописать умственные картины». БАС1 определяет воображение как «способность воображать, мысленное представление кого-, чего-либо; фантазия» и выделяет такие оттенки, как «способность к созданию новых образов, к творчеству на основе материала прошлых восприятий», а также «мысль, память, сознание». Н.Г. Брагина в интересующем нас контексте специально соотносит воспоминание и представление, память и воображение: «в воссоздании прошлого участвуют и память, и воображение, иногда дополняя, иногда замещая друг друга» [Логический 2008: 63]. Автор следует здесь за П.Флоренским, который отмечал: «Память есть символотворчество. Помещаемые в прошедшее, эти символы, в плоскости эмпирии, именуется воспоминаниями; относимые к настоящему, они называются воображением; располагаемые в будущем – считаются предвидением и предведением» [Флоренский 1990: 195].

Структура ментального пространства лжи, обмана представлена в статье А.Д. Кошелева и включает в себя концептуальные признаки «неискренность», «цель ввести адресата в заблуждение», «добиться чего-то для себя», «за счёт адресата, в ущерб ему» (эти концептуальные признаки, следуя за Ю.Д. Апресяном, можно перевести на схематический метаязык таким образом: «не обладая свойством Р, которое Х оценивает положительно, и желая, чтобы другие люди лучше о нём думали. Х ведёт себя неискренне, вводит адресата в заблуждение, добиваясь чего-то для себя за счёт адресата, в ущерб ему. Другие люди понимают это и оценивают это поведение отрицательно»).

Отсутствие этих признаков в ментальном пространстве персонажа позитивно оценивается А. Битовым как «офицерская честь», когда он говорит о своём товарище по писательскому цеху – Викторе Конецком:

«Вот офицерская честь, что превыше свободолюбия! Виквик не был свободным, а потому был способен на поступок, а не на риск... Никто тогда это так не истолковал, что он вернулся в морскую профессию, чтобы сохранить верность писательскому призванию. А это было то офицерское мужество, с которым он переплывал застой и все искушения официальной карьеры, которая

ему вполне предлагалась. Но он обошёлся без секретарства, орденов и премий ради того, чтобы писать лучше» (А. Битов. Там же). Выделенные слова выступают в тексте сигналами ложных жизненных ценностей, от которых был далёк В.Конецкий – носитель офицерской чести.

Мотивы феминистского дикурса встречаются в интерпретации концепта ложь в романе Л. Улицкой «Зелёный шатёр», где автор показывает ещё одну сторону названного концепта – отсутствие ряда концептуальных признаков в связи с утвердившимися в обществе исторически обусловленными представлениями: «И Петруша Гринёв, преодолевая жестокие искушения, сберегал честь и достоинство, которые становились основой жизни.

Но всё-таки была одна странность в этой правдивой литературе: вся она была написана мужчинами о мальчиках. Для мальчиков. Всё о чести, о мужестве, о достоинстве».

О.Ю. Богуславская считает основой истины единство веры, знания и жизни, то есть рассматривает реальность в единстве её онтологического и гносеологического плана [Логический 2008: 190].

В числе разнообразных типов отклонения от истины В.М. Труб рассматривает такие языковые явления, как шутки, ошибки, девиации, умолчания, мистификации, языковая игра и др. [Логический 2008: 431] Эти же явления отмечает современная лингвосинергетика.

Речевое поведение лжеца не свободно от нарушения разнообразных этических норм, предполагаемых евангелической этикой. М.А. Дмитровская говорит о таких нарушениях, как склонность к лживости, красноречию, расчётливости, постоянной неопределённости, двойственности, к осуждению других лиц, к злословию, к провокации и др. [Логический 2008: 266 и др.]. В приведённых выше текстах они были представлены неоднократно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Логический анализ языка. Дискурс лжи. – М., 2008.
2. Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. – М., 1995.
3. Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой. – М., 2004.
4. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. Т.1. – М., 1990.

12. СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ЛЕКСИЧЕСКОМУ СТРУКТУРИРОВАНИЮ ТЕКСТА

Обычно применительно к текстопостроению говорят о коммуникативных стратегиях (см., например, докторскую диссертацию Н.В. Максимовой [Максимова 2006]). Однако лексическое структурирование текста выступает итогом не только коммуникативной, но и когнитивной деятельности говорящего, его способа концептуализации фрагментов реальности, включая и психологическую реальность. В соответствии с двумя важнейшими функциями языка речь должна идти не только о коммуникативных [Иссерс 1999], но и о когнитивных стратегиях. Поскольку всякая коммуникация содержательна, когнитивные аспекты текстопорождения и роль лексики в процессах речемыслительной деятельности не могут не привлекать внимания лингвистов, учитывающих, что когнитивные аспекты языка связаны с когнитивными структурами человека, его тезаурусом, внутренней речью.

Актуализация значения, его осмысление в тексте, то есть наделение смыслом, выступает как адаптация к условиям и потребностям коммуникации, в числе которых – концептуализация явления в условиях речевого акта с его составляющими: я-здесь-сейчас. Уместно в связи со сказанным вспомнить слова М. Бахтина: "Всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов" [Бахтин 1975: 406] и «Оценивая результаты своего поведения, человек смотрит на себя «глазами общества» и «отчитывается ему» (Бахтин 1994: 15).

Вхождение слова в лексическую систему языка во многом обусловлено тем безбрежным морем смыслов, которые могут с ним связываться в различных условиях коммуникации при необходимости отразить разные способы концептуализации действительности. Все это расширение смыслового пространства оказывается возможным при опоре на знак, слово как орудие продления человеческой памяти: «Все то, что помнит и знает сейчас культурное человечество, весь опыт, который накоплен в книгах, памятниках, рукописях, – все это огромное расширение человеческой памяти, являющееся необходимым условием исторического и культурного развития человека, обязано именно внешнему, основанному на знаках, человеческому запоминанию" [Выготский и Лурия 1993: 95]. При этом Л.С. Выготский и А.Р. Лурия замечают, что у культурного человека память, если иметь в виду ее когнитивные функции, сведена к подчиненной функции "сохранения результатов, приобретенных логической разработкой понятий" [Там же: 82], и этим отличается от эйдетической, конкретнообразной, не отделенной от восприятия памяти

примитивного человека и ребенка, господствующей над ними, часто "заслоня субъективными построениями объективную картину мира" [Там же:87].

По словам М. Захаровой, «основной задачей практически любого текста является передача информации, пусть и лингвистической (например, об ощущениях автора), и любая информация в какой-то момент становится символом чего-то большего, что было или будет с ней связано. Борьба этих двух элементов и лежит в основе эволюции языка» [Захарова 2006: 168]. Другой способ вхождения среды в систему автор усматривает в развитии и распространении технологий, мобильной связи, sms, e-mail, чатов и т.п., стирающих грань между разговорной речью и письменным текстом, с чем связывается чисто информационная направленность речи и оскудение словаря. Информационное поле артефактов освещает природу не только их самих, но и операций, деятельности, в ходе которых они создавались и использовались, тем самым связывая дискурс как когнитивную и коммуникативную систему со средой, служащей источником его энергии и информации, средой как внешней для создателя дискурса, так и внутренней. Любопытно, что при интегральном подходе к языку термин дискурс получил двойное истолкование: когнитивное (Ю.С. Степанов, В.Е. Чернявская и др.) и коммуникативное (традиционное, связанное с французской школой). История развития этого понятия показывает, что приоритет в изучении дискурса принадлежит французской школе лингвистики [М. Фуко, П. Серио, Э. Бенвенист]. В России исследованиям дискурса предшествовало учение о функциональных стилях – функциональная стилистика. Изучение речеведческого аспекта языка в лингвистике сближает теорию дискурса с функциональной стилистикой, с прагматикой и теорией речевых актов, в частности. Дискурсивная семантика не может не учитывать такие явления мотивационного уровня языковой личности, как интенциональность, иллюзивность, перформативность и др.

Определяя дискурс, учёные выделяют в качестве ведущих разные его характеристики: В.И. Карасик отмечает ценностные признаки дискурса и его (дискурса) место в культуре; Г.Г. Слышкин объявляет дискурс объектом исследования культуры. Понятие дискурса как возможного мира в когнитивном плане соотносится с понятием концепта: и то, и другое допускает лексическую экспликацию концептуальных признаков, разнящихся от дискурса к дискурсу.

Между тем продолжает оставаться нерешённой проблема аксиологической составляющей концепта (как со стороны содержательного её наполнения, так и отношения к другим составляющим концепта). Видимо, когда В.В. Колесов называет символ синкретичной, «наиболее продвинутой» содержательной формой концепта, он имеет в виду совмещение в слове как знаке образной и понятийной характеристик, что и создаёт «продвинутость» лексической

объективации концепта с помощью языка. Следовательно, эту символическую, понимаемую как знаковая функцию слова нельзя подменять его ценностными характеристиками. Сказанное относится и к содержательным формам концепта, который стоит за словом и объективируется с его помощью. Наличие во внутреннем лексиконе инструкции по использованию слова, его оперативных возможностей – это тот фильтр, который объясняет возможности и направления употребления слова в разных видах дискурсивных практик, в разных стилях и жанрах речи. Они, как уже отмечалось, лишь в самом общем виде указаны в лексикографическом представлении слова.

Существуют попытки отграничить речевой акт как коммуникативное образование от дискурсивного акта с конкретизацией его когнитивных параметров. Дискурсивный акт объявляется ареной встречи когнитивного и синергетического. При этом глубинные процессы дискурса обуславливают значимость для дискурсивной семантики процесса самоорганизации (а это ведущее понятие синергетики). Он вполне соотносится с принципом кооперативного сотрудничества как ведущим в коммуникации, во многом имеющим когнитивную основу.

Когнитивные стратегии построения лексической (и не только) структуры текста имеют и синергетическое обоснование. В закрытые системы не попадает вещество, энергия и информация, они гибнут. Для человека обязательно преодоление энтропии с помощью активного, деятельного начала, и этому преодолению служат создаваемые им дискурсы. востребованность его в жизнедеятельности человека как инструкции для ориентации в мире и творчества в нём. В терминах синергетики ситуация я-здесь-сейчас выступает как со-бытие (бытие в динамике, в определённом хронотопе), соединяющее прошлое с будущим, и содержит аттракторы дальнейшего поведения системы, которое определяется не прошлым и не целями, стратегиями будущего, а настоящим, причём из веера аттракторов победивший становится закономерностью, хотя был выбран системой в итоге блуждания по полю возможностей. Точнее говоря, поведение системы в настоящем определяется как прошлым, так и будущим. Глобально когнитивный подход к лексическому структурированию текста связывает дискурсивные практики с разными типами знания: «Спецификация знаний в дискурсе позволяет говорить о разных типах знания: частное, духовно-религиозное, социальное, научное, культурологическое... Ещё один тип знания... помещает «я» в мир воображения – в художественный мир, имеющий собственно вербальный статус существования [Ревзина, 2005: 74]. Р.Райтмар указывает уже на коммуникативные типы ситуаций: приватная, социальная, профессиональная, официальная [Райтмар, 1997], ни одна из которых напрямую не связана с

определённым функциональным стилем, но выводит на типовые сферы общения, в которых осуществляется дискурсивная деятельность. Нужно, вместе с тем, признать, что многие элементы содержательной структуры слов прошли обработку разными видами дискурсивных практик и получили конвенциональное признание (например, номинации медицинского дискурса), что отражается системой стилистических и – шире – функциональных помет в нормативных толковых словарях. Таким образом, коммуникативные и когнитивные стратегии в лексическом структурировании текста смыкаются в интересе к приспособительным механизмам, обеспечивающим адаптивность мышления и адекватность, успешность поведения человека.

Лексические экспликативные когнитивные стратегии могут быть чётко выражены в тексте («ГКЧП как тетраграмматон» у В. Пелевина), или, наоборот, убраны за границы повествования («Жёлтая стрела», «Принц Госплана» – у него же). В текстах Пелевина удачно взаимодействуют элементы самых разных дискурсов, одно и то же слово может активизировать в сознании читателя самые разные, порой очень далёкие друг от друга ассоциативные пласты.

Автор анализирует советские аббревиатуры с точки зрения каббалы:

«Сначала скажу несколько слов о божественном. «В начале было слово», – гласит Библия.

Опираясь на эту фразу из Библии, каббала – основа западного оккультизма – учила, что слово есть основа всего сотворенного, а раз слова состоят из букв, то и каждая буква может рассматриваться как обладающая реальным могуществом активная сила, которая соответствует особому проявлению божества. Считалось, что, комбинируя буквы и соответствующие им числа, можно не только узнать будущее, но и повлиять на него».

Рассмотрим это подробнее на примере рассказа «Зигмунд в кафе».

Упоминание имени настраивает читателя на определённое восприятие, активизируя культурный контекст, связанный с именем Зигмунда Фрейда: «На его памяти в Вене ни разу не было такой холодной зимы. Каждый раз, когда открывалась дверь и в кафе влетало облако холодного воздуха, он слегка ежился. Долгое время новых посетителей не появлялось, и Зигмунд успел впасть в легкую старческую дрему, но вот дверь снова хлопнула, и он поднял голову». В этом текстовом фрагменте создаётся нарочитая непрояснённая смысловая связь, связанная с неопределённостью номинаций текстового субъекта и его концептуальных характеристик. Эта неопределённость и составляет существо коммуникативных стратегий: ввести читателя в заблуждение. Выделенные слова и словосочетания текста с многократным повтором междометия становятся лексическими экспликативными различия двух типов дискурса.

Последующие фрагменты текста – описание событий глазами Зигмунда – вызывает у читателя ассоциации фрейдистского характера, провоцируемые также анафорическим «ага», вылетающим из уст внимательного Зигмунда: «Подошел официант и поставил на стол блюдо с длинной жареной рыбой. Поглядев на рыбу, дама вдруг хлопнула себя ладонью по лбу и стала что-то говорить своему кавалеру. Тот поднял на нее глаза, послушал ее некоторое время и недоверчиво скривился, затем выпил еще один стакан вина и стал аккуратно заправлять сигарету в конический красный мундштук, который он держал между мизинцем и безымянным пальцем. – Ага! – сказал Зигмунд...»

Тут же заметим, что описание того, как хозяйка кафе поднимается по стремянке, которую поддерживает официант, не будет понятно читателю, не знакомому с работами Фрейда. Это и есть необходимый минимум культурных знаний.

Эффект комического в рассказе возникает, когда читатель узнаёт, что Зигмунд – это вовсе не знаменитый психоаналитик, а всего-навсего попугай, сидящий в клетке и повторяющий своё любимое слово. Но парадокс заключается в том, что, сравнивая Фрейда с попугаем и этим превращая его идеи в ничто, Пелевин пишет рассказ, который строится на идеях психоаналитика. Такое противоречие типично для Пелевина. И добивается он его как раз при помощи систем координат разных типов дискурса: научного (психоаналитического) и художественного (для сравнения вспомним о способе организации лексической структуры его рассказа «Ника»: благодаря изысканному личному имени собственному, вынесенному в позицию заглавия, читатель лишь по ходу повествования начинает понимать, что речь идёт не о женщине, а о кошке). «Заинтересованность» человека в отборе фрагментов реальности, значимых в концептуализации абстрактных сущностей, проявляется в построении источникового фрейма, в область когнитивного притяжения которого попадает целевой фрейм, рождая нетривиальные смыслы, что мы и наблюдали при построении текстов у В. Пелевина.

Итак, попадая в контекст, слово становится семантически ориентированным относительно одной или нескольких дискурсивных доминант.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975.
2. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. Киев. – 1994.
3. Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения. – М., 1993.
4. Захарова Мария. Языковая игра как факт современного этапа развития русского литературного языка // Знамя, 2006, №5.

5. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – Омск. – 1999.
6. Кубрякова Е.С. Язык и знание. М., 2004.
7. Максимова Н.В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия: дис. ... д-ра филол. наук / Максимова Н.В. – СПб, 2006.
8. Райтмар Р. Функциональные и культурно- сопоставительные аспекты прагматических клише // Вопросы языкознания, 1997, № 1.
9. Ревзина О.Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. – Новосибирск. – 2005. Вып .8.
10. Топоров В.Н. Пространство и текст. Из работ московского семиотического круга. – М., 1997.
11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – М., 1998 (Словарь Даля).
12. Мельчук И.А., Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. – Вена, 1984.
13. Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х гг. – СПб, 1997 (СНСЗ-80).
14. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века. Т.1. – СПб, 2009.
15. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1992 (СОШ).
16. Русский ассоциативный словарь. Кн. 1–6. – М., 1994–1998 (РАС).
17. Русский семантический словарь. Опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову – М., 1982 (РСС).
18. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. – М., т. 1, 1998; т. 2, 2002.
19. Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов) – СПб, 1995 (СНС).
20. Словарь русского языка: В 4-х т. – 2 изд. – М., 1981–1984. Т. 1–4 (МАС)
21. Словарь современного русского литературного языка. Тт. 1–17. М.; Л., 1948–1965 (БАС).
22. Толковый словарь русского языка конца XX в.: Языковые изменения / под ред. Г.Н. Складневской. – СПб, 1998.
23. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. Под ред. Г.Н. Складневской. – М., 2006.
24. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М., 1986.

Вывод

Мы ставили своей задачей показать, как разноаспектное изучение лексической семантики в системе языка, в разных типах дискурсивных практик способствует формированию основных познавательных моделей языковой личности (индивидуальной, групповой, этнической). Кроме того, были предложены образцы лексического анализа текстов разных стилей и жанров, адресованные, прежде всего, студентам-филологам, но не только им. Не случайно и наше обращение к текстам, связанным с манипуляцией сознанием адресата, внимание к стратегическому подходу к лексическому структурированию текста, к лексическим аспектам построения дискурса лжи и смежных явлений.